ИСТОРИЯ КНИГИ В СССР

1917–1921

ПЕТРОГРАДСКОГО
СОВДЕПА

КУЛЬТУРНО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
«НАЧАТКИ ЗНАНИЙ»
ПЕТРОГРАД

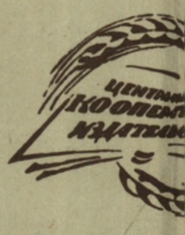

ЦЕНТРОПЕЧАТИ

ОТДЕЛ
ПЕЧАТИ И ИНФОРМАЦИИ

СОВДЕПА

К.С.С.Р.
Р.Ф.
ЗНА-НИЕ
СИЛА
ГОСИЗДАТ

ИЗД
ПРОЛЕТКУЛЬТА

БЫЛОЕ

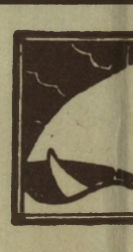
Р.и К.Д.

МАТЕРИНСТВА
ОТДЕЛ ОХРАНЫ
И МЛАДЕНЧЕСТВА
НАРКОМ
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

КОЛОС

ЗНАНИЕ
СИЛА
Р.С.Ф.С.Р.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСЕУКРАИНСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЗАДРУГА

ПЕТЕРБУРГЪ.
1917.

ИЗДАНИЕ
РЕДИЗДАТА
УКРАУРА
1921 : :

ПЕТРОГРАДСКОЕ
КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

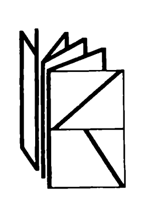

НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР
ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ЛЕНИНА БИБЛИОТЕКА СССР ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНАЯ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА» КНИЖНАЯ ПАЛАТА
ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО ЛЮБИТЕЛЕЙ КНИГИ

ИСТОРИЯ КНИГИ В СССР

Главный редактор академик М. П. КИМ
Редакционная коллегия:
Р. Г. АБДУЛЛИН, К. И. АБРАМОВ, Л. П. БОГДАНОВ,
О. Д. ГОЛУБЕВА, Л. В. ИВАНОВА, Т. И. КОНДАКОВА, В. И. КОТИКОВ,
И. А. КОТОМКИН, В. Ф. КРАВЧЕНКО, Е. С. ЛИХТЕНШТЕЙН,
И. В. МОРОЗОВА, Е. Л. НЕМИРОВСКИЙ (зам. гл. редактора),
Е. И. ОСЕТРОВ, И. В. ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ, А. Л. ПОСАДСКОВ,
Н. М. СИКОРСКИЙ, В. И. ХАРЛАМОВ (отв. секретарь), А. Я. ЧЕРНЯК

Москва «Книга» 1985

ИСТОРИЯ КНИГИ В СССР

1917/1921

Том 2

Под общей редакцией
доктора исторических наук
Е. Л. НЕМИРОВСКОГО
и кандидата исторических наук
В. И. ХАРЛАМОВА

Москва «Книга» 1985

Рецензент:
Е. А. ДИНЕРШТЕЙН, канд. филол. наук (ВКП)

И $\frac{4503000000-059}{002(01)-85}$ 1-85

Предисловие

В первом томе настоящей монографии исторически воссоздан фундамент советского книжного дела: рассказано об идейных и организационных принципах социалистического книжного дела, материально-техническом наследстве дореволюционной книжности; освещены мероприятия Советской власти по экспроприации технических средств книгоиздания, а также деятельность первых советских, партийных и государственных издательств. Во втором и третьем томах завершается картина становления советского книжного дела; в истории истоков советской книги появляются новые темы и аспекты.

Второй том посвящен деятельности частных и кооперативных издательств, издательской работе общественных, ведомственных и научных организаций; содержит анализ процесса возникновения и становления отдельных отраслей советского книжного дела (полиграфии, книготорговли, библиотечного дела, библиографии). Здесь же затронуты вопросы оформительского искусства первых советских книг, судьбы частного книгособирательства и библиофильства. Особые исторические условия рассматриваемого времени продиктовали необходимость выделить самостоятельную тему «Книга и книжное дело в Красной Армии», которая открывает второй том.

По сравнению с первоначальным замыслом [1] состав второго и третьего томов первой серии изменен. Это вызвано главным образом стремлением к более широкому и обстоятельному показу процесса становления национального книжного дела в советских республиках. Исследованию этой темы, а также книжного дела Сибири и Дальнего Востока и отводится в основном третий, заключительный том серии.

История национальной книги рассматривается во втором томе лишь в самом первом приближении: в главах, посвященных отдельным отраслям книжного дела, формулируются организационные принципы первоочередного строительства советской полиграфии, библиотечного дела и т. д. (в масштабах всей страны и союзных и автономных республик, в частности); показывается роль центра (Москвы, Петрограда) в становлении национальных отрас-

[1] См. настоящее издание, т. 1, с. 8.

лей книжного дела. Такой подход является органичным введением в третий том, в котором национальная тема займет центральное место.

В главах настоящего, как и предшествующего, тома приводятся краткие биографические сведения (с освещением, в основном, книжно-просветительной стороны деятельности описываемого лица) об издателях, библиотечных работниках, литераторах — деятелях, сыгравших большую роль в становлении советского книжного дела, возглавлявших ответственные участки книжного хозяйства страны той поры. Указатели имен и учреждений будут помещены в завершающем первую серию третьем томе настоящего издания.

Авторы второго тома:

Книга и книжное дело в Красной Армии — Л. А. Левеншус.

Издательская деятельность общественных организаций — В. А. Андреев-Станкевич, Г. А. Бахтурина, Л. А. Пинегина, О. Г. Шкабельникова, В. И. Харламов.

Издательская деятельность ВСНХ и наркоматов — А. Я. Черняк, Т. А. Подмазова.

Издательская деятельность научных организаций и высших учебных заведений — Р. Н. Клейменова, Е. С. Лихтенштейн, Э. И. Роднянский.

Частные и кооперативные издательства — С. В. Белов, С. С. Ишкова.

Становление советской полиграфии — Е. Л. Немировский.

Искусство книги — Е. Л. Немировский.

Становление советского книгораспространения — Т. А. Подмазова.

Библиотечное дело в первые годы Советской власти — К. И. Абрамов.

Становление советской библиографии — А. Н. Веревкина.

Частные собрания и библиофильство — О. Г. Ласунский.

Подбор иллюстраций — С. С. Ишкова, Е. В. Кваше.

В томе использованы материалы Г. А. Алтуховой, Т. А. Подмазовой, М. В. Раца, А. Г. Шицгала, Л. И. Юниверга.

В редакционной и научно-вспомогательной подготовке тома приняли участие Л. М. Ельницкая и Е. В. Кваше.

Книга и книжное дело в Красной Армии

Начало военного книгоиздания.— Военный отдел Издательства ВЦИК.— Издательская деятельность военных академий.— Литературно-издательский отдел ПУР.— Издательская деятельность фронтов и армий.— Книгораспространение в Красной Армии.— Красноармейские библиотеки и изучение читателя. — Реорганизация военного книгоиздания в мирных условиях.

С момента возникновения в 1918 г. и по сей день издательства военного ведомства решают только им присущие задачи, связанные с удовлетворением неотложных нужд Вооруженных Сил и непрерывно растущих запросов своих читателей. Этим обусловлены специфика развития издательского дела в армии, репертуар выпускаемой литературы, особенности ее распространения.

Вооруженные Силы страны формировались под руководством Коммунистической партии как армия нового типа, бойцы и командиры которой, по словам В. И. Ленина, понимали необходимость «оберегать завоевания революции... народную власть, Советы солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, весь новый, истинно демократический строй от всех врагов народа» [1]. В сложном деле создания политически просвещенной сознательной армии важнейшая роль отводилась военной печати. Ее развитие, как и становление всего военно-издательского дела, неразрывно связано с именем Владимира Ильича Ленина. Еще в период подготовки вооруженного восстания весной 1917 г. Владимир Ильич горячо поддержал идею издания большевистской газеты «Солдатская правда». По воспоминаниям председателя Военной организации Петроградского комитета партии Н. И. Подвойского, руководившего созданием этой газеты, В. И. Ленин в разговоре с ним подчеркнул, что хорошо поставленная солдатская газета как никакое другое средство пропаганды обладает особой действенной силой. Владимир Ильич советовал сделать газету не только для солдат, но и по-настоящему солдатской, т. е. привлекать солдат в качестве корреспондентов [2].

«Солдатская правда» издавалась с 15(28) апреля 1917 г. по март 1918 г. В первом номере В. И. Ленин выступил со статьей «Солдаты и земля», в которой разъяснял политику партии по крестьянскому вопросу. Всего в «Солдатской правде» было опубликовано более 60 статей, речей и воззваний В. И. Ленина [3], способствовавших подъему революционных настроений в армии и сы-

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 216.
[2] Подвойский Н. И. Год 1917. М., 1958, с. 40.
[3] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 31, с. 545, примеч. 110.

гравших важную роль в политической подготовке солдатских масс к борьбе за победу революции.

В. И. Ленин рассматривал выпуск военной печатной продукции как одну из главных форм военно-политической работы[4].

Сохранилось немало документов, свидетельствующих о том, что военные руководители и политработники не раз обращались к В. И. Ленину с просьбами и предложениями, касавшимися различных аспектов книжного дела в Красной Армии. Так, в декабре 1918 г. заведующий политотделом Реввоенсовета Южного фронта И. И. Ходоровский направил вождю составленную сотрудниками политотдела «Памятку коммунисту на фронте» с просьбой дать на нее отзыв. Владимир Ильич принял товарища, привезшего «Памятку...», при нем прочитал ее, подчеркнул в тексте особо важные, по его мнению, места и расписался[5]. По распоряжению председателя Реввоенсовета Республики «Памятка...» была распространена по всем фронтам[6]. Другой пример: 27 ноября 1919 г. начальник Литиздата Политического управления Реввоенсовета Республики В. П. Полонский представил В. И. Ленину подробный отчет о деятельности Литиздата за вторую половину 1919 г.[7] О том, что В. И. Ленин интересовался военными изданиями, можно судить и по составу его личных библиотек в Кремле и Горках, где сохранилось много книг военной тематики.

В первые месяцы существования Красной Армии потребность в печатном слове была так велика, что почти все сколько-нибудь крупные воинские подразделения издавали свои газеты, бюллетени и листовки. Первой центральной военной газетой (органом Наркомвоена), начавшей выходить 21 ноября (4 декабря) 1917 г., стала «Армия и Флот Рабочей и Крестьянской России». Ее редактором был соратник В. И. Ленина по «Правде» К. С. Еремеев. С 18(31) января 1918 г. газета получила название «Рабочая и Крестьянская Красная Армия и Флот». В первом номере был напечатан декрет Совнаркома «О создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии». После переезда в марте 1918 г. Советского правительства в Москву центральной военной газетой становятся «Известия Народного комиссариата по военным делам». По неполным данным, в 1918 г. в общей сложности издавалось свыше 90 военных газет и журналов[8].

[4] См.: Ленинский сб., 34, М., 1942, с. 106.
[5] См.: Товарищ комиссар. М., 1963, с. 15—20.
[6] Партийно-политическая работа в Красной Армии (апрель 1918 — февраль 1919): Док. М., 1961, с. 131—135.
[7] См.: Сбитнева А. А. Литературно-издательская деятельность в Красной Армии в годы гражданской войны. (1918—1920 гг.): Автореф. дис. М., 1975, с. 13.
[8] Подробнее о военной периодике см.: Советская военная печать: Ист. очерк. М., 1960. 418 с.; Прохватилов А. И. В. И. Ленин и советская военная печать. Л., 1976. 403 с.; об издании и

Начало военного книгоиздания. В первые годы Советской власти литературу для Красной Армии выпускали учреждения и организации, ведающие ее строительством,— Всероссийская коллегия по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии (затем — образованный вместо нее Всероссийский главный штаб), Всероссийское бюро военных комиссаров (Всебюровоенком), Народный комиссариат по военным делам, Центральное управление всеобщего военного обучения (Всевобуч).

Первым издательским центром в армии стал организационно-агитационный отдел Всероссийской коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии, учрежденный 25 января (7 февраля) 1918 г.— через 10 дней после принятия Совнаркомом декрета о создании Красной Армии. Тематика изданий отдела определялась его главными задачами: «1) вести широкую агитацию за создание Красной Армии; 2) организовать вербовку добровольцев за вступление в ее ряды; 3) участвовать в строительстве военного аппарата, который мог бы на местах ведать формированием и обучением частей, и 4) поставить широкую агитационно-просветительную работу среди навербованных красноармейцев в целях содействия выработке ими себе сознательной революционной дисциплины и преданности революции и коммунизму» [9].

Основной печатной продукцией была агитационно-массовая — воззвания, листовки, агитационные брошюры. Назовем, например, брошюру Ем. Ярославского «Новая Армия», в которой разъяснялись цели и задачи Красной Армии.

После учреждения Всебюровоенкома в его составе, по приказу Революционного Военного Совета Республики (РВСР) от декабря 1918 г., был создан агитационно-просветительный отдел, к которому перешли функции и оргагитотдела упраздненной Всероссийской коллегии по формированию Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

Этот отдел стал одним из ведущих редакционно-издательских органов армии. Кроме листовок он издавал специальный «Бюллетень» и политико-просветительные брошюры, программы по русскому языку, арифметике, географии, природоведению. Большое значение для совершенствования культурно-просветительной работы среди бойцов и командиров имел выпуск несколькими изданиями (первое — в ноябре 1918 г.) объемистого (более 300 с.) сборника «Положений и инструкций по постановке политическо-просветительной работы в Красной Армии». Собранные в нем материалы регламентировали самые различные виды политико-просветительной деятельности в войсках — от организации школ грамотности до рекомендации пьес для красноармейских театров. Интересно,

распространении военной литературы в 1918—1925 гг. см. также: Маринов А. А. В строю защитников Октября: Воен-полит. книга. 1918—1925. М., 1982. 174 с.

[9] Ист. архив, 1959, № 6, с. 24—25.

что первые два издания этого сборника имелись в библиотеке В. И. Ленина в Кремле.

Народный комиссариат по военным делам выпускал в это время главным образом сборники официальных документов.

Своевременным оказался и выход книги «Собрание телеграмм, приказов и распоряжений главнокомандующего Восточным (Чехословацким) фронтом Вацетиса». Д. А. Фурманов несколько позднее отметил, что этот сборник «...очень нужен и полезен был в процессе того „собирания" армии и объединения разрозненно действовавших частей, которое столь характерно было для Красной Армии в период борьбы ее на Чехословацком фронте»[10].

Созданный в мае 1918 г. Всероссийский главный штаб издавал брошюры, освещавшие вопросы формирования Красной Армии. Примечательно, что в его составе уже 8 мая 1918 г. была образована первая в Вооруженных Силах военно-историческая часть по сбору и изучению материалов мировой войны.

Всероссийский главный штаб в конце 1918 — начале 1919 г. издал и первые уставы Красной Армии, которые способствовали установлению твердого порядка в жизни и боевой деятельности армии, определяли права и обязанности личного состава.

Введенное в стране по декрету ВЦИК от 22 апреля 1918 г. всеобщее военное обучение (Всевобуч) предусматривало усвоение каждым гражданином в возрасте от 18 до 40 лет минимума военных знаний. В связи с этим в Центральном управлении Всевобуча был выделен специальный подотдел, ответственный за выпуск литературы. За короткий срок он подготовил и издал многотысячными тиражами немало различных пособий, руководств, воззваний и листовок.

В первый год существования Красной Армии издательские функции на местах выполняли агитационно-просветительные отделы военных комиссариатов. Активно перепечатывались материалы, выпущенные центральными издательствами («Конституция РСФСР», «Устав организации сочувствующих Коммунистической партии» и др.), а также листовки и различные воззвания, адресованные непосредственно местному населению. Издавалось много агитационной литературы, рассчитанной на военнопленных, из которых формировались интернациональные полки.

Нараставшая с каждым днем угроза интервенции побудила Советское правительство принять срочные меры к укреплению молодой Красной Армии. Собравшийся в июле 1918 г. V Всероссийский съезд Советов принял постановление о замене принципа добровольности при формировании армии всеобщей воинской повинностью рабочих и крестьян.

Создание массовой регулярной армии потребовало изменения принципов организации и содержания военной печати. Пришло

[10] Фурманов Дм. Краткий обзор литературы (непериодической).— Пролет. революция, 1923, № 5, с. 333.

время от агитации за вступление в новую армию перейти к пропаганде ее освободительной миссии, к пропаганде военных и политических знаний.

Военный отдел Издательства ВЦИК. В июне 1918 г. в составе только что созданного Издательства ВЦИК сформировалась первая специализированная военная издающая организация — Военный отдел. Его основной задачей была подготовка и выпуск военной литературы: популярной — для армии и народа, научно-популярной — для младшего командного состава, практических пособий и руководств по специальности — для младшего командного состава различных родов войск. Позднее Военный отдел стал издавать и первые учебники для красноармейцев.

Среди популярной литературы можно выделить книги Ем. Ярославского «Красная Армия», Н. И. Подвойского «Чем победишь?» и «Красноармейская звезда. Путь к всемирной Советской Республике». Эти книги разъясняли, чем отличается Красная Армия от царской, смысл борьбы, которую вел народ против многочисленных врагов.

Военно-политическая редакция, образованная при Военном отделе Издательства ВЦИК, выпускала книги и брошюры политического и общеобразовательного характера. Особый интерес среди них представляет изданная в конце 1918 г. «Книжка красноармейца», утвержденная В. И. Лениным, Я. М. Свердловым и Н. И. Подвойским. В ней кратко рассказывалось о высоком назначении Красной Армии, о воинском долге каждого бойца перед Советской Республикой; были помещены основные положения Конституции РСФСР, декреты СНК и приказы Наркомвоена о правах и обязанностях красноармейца, текст военной присяги. «Книжку красноармейца» выдавали каждому бойцу, она пользовалась большой популярностью.

Среди учебной литературы следует назвать «Походную энциклопедию», издававшуюся в двух подсериях (в 1918—1919 гг. было напечатано 16 выпусков). Первая подсерия включала литературу общего характера, например, «Что сделала Красная Армия за год», «Из жизни Красной Армии». Во вторую вошли брошюры санитарно-гигиенического содержания («Что такое чахотка?», «Гигиена тела и гимнастика», «Спутник фельдшера» [11]).

Большой популярностью пользовался первый выпуск «Походной энциклопедии» — «Военный букварь», в котором задачи обучения грамоте сочетались с пропагандой военных и политических знаний.

В Красной Армии особое внимание уделялось ликвидации неграмотности. Уже 2 декабря 1918 г. Всебюровоенком утвердил положение о школах грамотности для красноармейцев. 4 сентября 1919 г., почти за четыре месяца до принятия Совнаркомом декре-

[11] См. каталог «Походной энциклопедии» в кн.: Гертопан А. В. (Безродный А.). Самогонка и голод. М., 1919, 4-я с. обл.

та «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» (26 декабря 1919 г.), Реввоенсовет Республики издал приказ № 1415 «О ликвидации неграмотности среди красноармейцев». Вскоре была создана Центральная комиссия по ликвидации неграмотности в Красной Армии и Флоте и ее органы в округах и армиях. 7 февраля 1920 г. В. И. Ленин подписал постановление «О введении трудовой повинности работников просвещения по обучению Красной Армии». За годы гражданской войны грамотой овладели около 2 млн. бойцов и командиров [12].

Издательская деятельность военных академий. 2 сентября 1918 г. ВЦИК принял постановление о превращении Советской Республики в военный лагерь [13]. Народный комиссариат по военным делам упразднен, его функции переданы Революционному Военному Совету Республики, работа которого направлялась и контролировалась Центральным Комитетом партии. 11 сентября были учреждены реввоенсоветы фронтов и армий. В октябре 1918 г. В. И. Ленин выдвинул задачу создания трехмиллионной армии [14].

Для подготовки высшего командного состава в декабре 1918 г. была открыта Академия Генерального штаба Красной Армии (в 1925 г. переименованная в Военную академию РККА имени М. В. Фрунзе). Создаются Военно-инженерная, Военно-медицинская, Военно-хозяйственная академии, а несколько позднее — Артиллерийская, Военно-морская академии и Учительский институт Красной Армии имени Н. Г. Толмачева, преобразованный в 1925 г. в Военно-политическую академию РККА имени Н. Г. Толмачева (в 1938 г. переименована в Военно-политическую академию имени В. И. Ленина). В академиях начали формироваться редакционно-издательские ячейки [15], которые на первых порах печатали в основном лекции — каждая для своих нужд. Затем появились труды крупных военных деятелей, такие как «Тактика артиллерии» Н. Л. Владиславского, «Устройство вооруженных сил республики» В. И. Самуйлова, «История военного искусства» А. А. Свечина и др. Из-за недостатка бумаги и полиграфического оборудования почти все издания имели ограниченные тиражи (300—700 экз.), некоторые из них печатались литографским способом. Тем не менее значение этих изданий нельзя переоценить. Это были первые советские учебники для нового командного состава молодой Красной Армии.

Нехватка учебников ощущалась все острее. Подключившиеся к их изданию Военный отдел Издательства ВЦИК и издательство

[12] См.: X лет Красной Армии. М., 1928, с. 60.
[13] См.: Правда, 1918, 4 сент.
[14] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 99.
[15] См.: Сбитнева А. А. Красноармейская книга в годы гражданской войны.— Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 35, с. 156—157.

журнала «Военное дело» не могли удовлетворить быстро растущий спрос. Тогда в Петрограде создается издательское отделение ГУВУЗ, которому вменяется в обязанность выпуск учебников для слушателей академий. В отделении трудились опытные специалисты, еще до революции работавшие в единственном в России Военном издательстве В. А. Березовского.

Для создания новых учебников был объявлен конкурс, и уже в марте 1919 г. жюри одобрило 30 трудов, среди которых известные учебники: по артиллерии — Д. Е. Козловского и по фортификации — В. В. Яковлева.

Решения VIII съезда партии по военному вопросу открыли новую страницу в истории Советских Вооруженных Сил. К марту 1919 г. в армии насчитывалось свыше 1,5 млн. человек, а к концу того же года — 3 млн. Во исполнение решений съезда 18 апреля 1919 г. Пленум ЦК РКП(б) упразднил Всебюровоенком и вместо него создал Политотдел РВСР, который в мае был преобразован в Политическое управление Реввоенсовета Республики (ПУР) с правами Военного отдела ЦК РКП(б).

Литературно-издательский отдел ПУР. С 1 июня 1919 г. в составе ПУР начал функционировать Литературно-издательский отдел (Литиздат), послуживший основой современного Государственного Военного издательства (Воениздата). Литиздат был учрежден «для объединения и планомерной организации литературно-издательского дела, имеющего целью снабжение Красной Армии литературой» [16]. Его права как самостоятельного издательства были закреплены приказом РВСР от 25 октября 1919 г. Литиздат работал под контролем Госиздата и по общему плану.

С созданием Литиздата военная литература стала выходить более централизованно. Издательские органы, обеспечивавшие нужды армии (Военный отдел Издательства ВЦИК, издательство журнала «Военное дело», редакционно-издательские отделы Всевобуча, ГУВУЗ, ГАУ и др.), подчинялись Литиздату. Он направлял их редакционно-техническую и финансово-хозяйственную деятельность.

Литиздат полностью распоряжался выделенными типографиями и литографиями (как в Москве, так и в других городах), бумагой и другими материалами [17]. До этого печатную продукцию для Красной Армии наиболее четко выпускала лишь типография Всероссийского главного штаба. Организованный в начале 1919 г. в Москве Отдел военной типографии выполнял срочные работы в основном для Центрального военного управления. После выхода приказа РВСР выполнение заказов Литиздата было возложено также на типографии, бывшие И. Д. Сытина, братьев Евдокимо-

[16] Издательское дело в первые годы Советской власти. (1917—1922): Сб. док. и материалов. М., 1972, с. 63.
[17] Там же, с. 64.

вых, К. И. Чероковой и некоторые другие[18]. Положение значительно улучшилось с ноября 1919 г., когда появилась возможность использовать и типографию, бывшую А. С. Суворина в Нижнем Новгороде, сохранившую достаточно высокие производственные мощности. Здесь печатали главным образом учебные пособия для красноармейцев[19].

Возглавлял Литиздат известный критик и публицист Вячеслав Павлович Полонский (Гусин) (1886—1932)[20], член РКП(б) с 1918 г. С мая 1919 г. по начало 1925 г. он служил в Красной Армии, где занимал различные административные должности в издательских организациях: с мая 1919 г. по январь 1921 г. был начальником Литературно-издательского отдела ПУР, в 1921 г. руководил Отделом военной литературы при Реввоенсовете Республики, после его преобразования был назначен председателем Высшего Военного Редакционного Совета, а в 1924 г.— заведующим новым, Государственным Военным издательством. С мая 1921 г. по март 1929 г В. П. Полонский — редактор критико-библиографического журнала «Печать и революция». С 1926 по 1931 г. он редактировал и журнал «Новый мир». Необыкновенно деятельный и энергичный, В. П. Полонский был организатором и председателем Дома печати (1919—1923), в 1925 г.— ректором Высшего литературно-художественного института имени В. Я. Брюсова, а с 1926 по 1932 г.— редактором отдела литературы, искусства и языка Большой Советской Энциклопедии и одновременно (с 1929 по 1932 г.) директором Музея изящных искусств.

В составе Литиздата были образованы три редакции — военно-политическая, военно-техническая и военно-педагогическая.

В военно-политической работали видные военные и партийные деятели — В. А. Антонов-Овсеенко, Р. П. Катаян, П. М. Керженцев, М. С. Ольминский. В первые месяцы после организации эта редакция выпустила много военно-агитационных материалов — плакатов, листовок, открытых писем и лубочных картин. Броские, политически острые плакаты художников Д. С. Моора, В. Н. Дени, Н. Н. Когоута, Б. Е. Ефимова, М. М. Черемныха сопровождались злободневными стихами Демьяна Бедного и В. И. Лебедева-Кумача. В. П. Полонский писал позднее, что плакатов и агитлитературы белогвардейцы боялись больше огня — как заразы, против которой не было лекарств, что эти «картинки» были сильнее пушек и пулеметов[21].

Примечательно, что в 1922 г. художнику Д. С. Моору за «героическую работу по роду его оружия: карандаша и кисти» в специальном приказе Реввоенсовета Республики была объявлена благодарность[22]. Особой популярностью пользовались листовки со стихотворными текстами Демьяна Бедного. Нарасхват были, на-

[18] См.: ЦГАСА, ф. 9, оп. 14, д. 2, л. 8, 10, 28, 33.
[19] Там же, д. 4, л. 2.
[20] См.: Дементьев А. Г. Литературная деятельность В. П. Полонского.— В кн.: Полонский В. П. На литературные темы. М., 1963, с. 5—38.
[21] См.: Полонский В. П. Русский революционный плакат.— Печать и революция, 1922, кн. 2, с. 56—77.
[22] См.: Сборник приказов РВСР, 1922, № 1764.

пример, листовки «Манифест барона фон-Врангеля», «Большая штука — наука (частушки Западного фронта)», «Обманутым братьям в белогвардейские окопы». За литературную деятельность в годы гражданской войны Демьян Бедный был награжден орденом Красного Знамени [23].

Только за один год (с 1 июня 1919 г. по 1 июня 1920 г.) Литиздат выпустил около 60 плакатов тиражом от 25 до 100 тыс. экз. каждый и 59 листовок тиражом 100—500 тыс. экз. [24]

В апреле 1919 г. военно-политическая редакция начала издавать художественно-политический журнал «Красноармеец» (тираж 150—200 тыс. экз.), предназначенный для рядового состава армии. Журнал пользовался большой популярностью.

Книги и брошюры агитационно-пропагандистского характера для армии выпускал агитационно-пропагандистский отдел Госиздата, поэтому в репертуаре Литиздата такая литература в 1919 г. практически отсутствовала, хотя потребность в ней ощущалась огромная. В 1919 г. была предпринята попытка издать серию «Библиотека красноармейца». Вышли четыре брошюры, среди них: «Как Советская власть заботится о красноармейцах и их семьях» С. А. Гарина и «За что воюют рабочие и крестьяне» Г. Горского.

Большую роль в повышении политического образования воинов сыграл журнал «Политработник», который начал выходить с февраля 1920 г. С началом польской кампании в 1920 г. потребность в военной агитационно-пропагандистской литературе ощущается особенно остро, и Литиздат, уже не рассчитывая на Госиздат, приступает к ее выпуску [25]. Так появились брошюры М. П. Павловича «Война с польскими панами», С. С. Кислянского «Фронт и тыл в борьбе с польскими белогвардейцами». Специально для Западного фронта была издана на четырех языках (русском, польском, украинском, белорусском) тиражом 75—100 тыс. экз. книга польского литератора Тадеуша Радванского «Правда о войне Польши с Советской Россией».

Выходили книги и специально для красноармейцев. Быстро завоевал популярность «Спутник красноармейца», изданный тиражом 250 тыс. экз. В этом своеобразном энциклопедическом издании были помещены программа РКП(б), текст Конституции РСФСР,

[23] Подробнее см.: Пламенное слово: Листовки гражданской войны (1918—1922 гг.). М., 1967. 403 с.; Сезько А. А. Коммунистические листовки гражданской войны как исторический источник: Автореф. дис. Л., 1974. 19 с.; Листовки первых лет Советской власти. 25 окт. (7 ноября) 1917—1925: Каталог коллекции Гос. Публ. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. М., 1967—1970. Т. 1—2.

[24] См.: Отчет о деятельности Литературно-издательского отдела Политуправления РВСР, с 1 июня 1919 г. по 1 июня 1920 г. М., 1920, с. 8—12.

[25] См.: ЦГАСА, ф. 9, оп. 14, д. 10, л. 16.

биографии К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, К. Либкнехта, А. Бебеля, и других видных деятелей международного революционного движения, табель-календарь исторических событий, статьи о задачах Красной Армии, уставные требования, а также всевозможные полезные советы и справки.

Неослабное внимание продолжали уделять ликвидации неграмотности и повышению образовательного уровня воинов. Среди книг и брошюр культурно-просветительного характера большую часть занимали программы для красноармейских школ 1, 2 и 3-й ступени по родному языку, истории, политграмоте, по обществоведению и природоведению. Перед завершением гражданской войны началась подготовка бойцов и командиров к мирному труду. Красная Армия становилась не только военной силой, но и могучим органом советского строительства. Демобилизованные красноармейцы готовились стать активными пропагандистами советского образа жизни в деревне, организаторами кооперативов, инициаторами внедрения прогрессивных методов работы в сельском хозяйстве. В городах — на фабриках и заводах — им предстояло трудиться на наиболее сложных участках.

Принимая это во внимание, военно-политическая редакция Литиздата с 1920 г. начинает выпуск книг, освещающих вопросы экономики и хозяйственной политики страны, такие как «О войне трудящихся с разрухой», «Организация народного хозяйства РСФСР, ВСНХ и профсоюзы» В. А. Трифонова, «Как Советская власть хочет облегчить положение крестьян» С. С. Кислянского и др.

Военно-техническая редакция Литиздата по масштабам работы в первые месяцы своего существования во многом уступала военно-политической. В 1919 г. объем военно-технической и военно-научной литературы составлял лишь десятую часть всей продукции Литиздата. Это были в основном краткие инструкции и руководства, например «Памятка орудийному начальнику легкой артиллерии», «Действия в горах».

Во второй половине 1920 г. объем такой литературы составлял около трети всех печатных изданий[26]. Объяснялось это наступлением периода систематической и серьезной военной подготовки рядовых бойцов и командиров.

Развитие воздушного флота вызвало к жизни литературу по вопросам авиации. В конце 1918 г. было создано Издательство Воздушного Флота, существование которого как «Авиаиздательства» официально было закреплено приказом РВСР в сентябре 1920 г.[27] Оно подчинялось Литиздату ПУР по редакционным и финансовым вопросам, а по административным — начальнику Главного управления Рабоче-крестьянского Воздушного флота.

В общей сложности с 1 июня 1919 г. по 1 января 1921 г. Лите-

[26] См.: Пять лет военной книги. М., 1924, с. 41.
[27] См.: Сборник приказов РВСР, 1920, № 1816.

ратурно-издательский отдел ПУР выпустил около 30 млн. экз. разных изданий, в том числе: свыше 6 млн. книг и брошюр, около 13 млн. листовок и воззваний, до 6 млн. плакатов и лубочных картин, 300 тыс. военно-научных таблиц, 1,5 млн. открытых писем, свыше 3 млн. газет и журналов[28].

Издательская деятельность фронтов и армий. Литературно-издательский отдел не только выпускал собственную продукцию, но и руководил военно-редакционными органами на местах, для чего было создано специальное Бюро печати, основной задачей которого являлось «инструктирование красноармейских и гражданских газет и снабжение их ударными литературными материалами»[29].

Издательская деятельность фронтов и армий активизировалась в период острых боевых действий. При этом печатная пропаганда была полностью возложена на политуправления и политотделы, которыми руководили выдающиеся партийные деятели С. М. Киров, В. В. Куйбышев, Д. А. Фурманов и др.

Так, под руководством С. М. Кирова, члена Реввоенсовета 11-й армии Южного фронта, в сентябре 1918 г. создается одна из популярнейших красноармейских газет — «Красный воин». Издательско-публицистическая деятельность С. М. Кирова имела особенно большое значение в дни обороны Астрахани.

В. В. Куйбышев как член Реввоенсовета Южной группы войск Восточного фронта внимательно следил за деятельностью не только фронтовых, но и армейских печатных органов. Так, он критиковал одну из статей в газете «Революционная армия» (орган политотдела 4-й армии), которая благодушно характеризовала положение, сложившееся на фронте. В. В. Куйбышев писал о важнейшем требовании к печати — быть объективной, мобилизовывать, а не успокаивать бойцов Красной Армии[30].

Вопросами военной печати в годы гражданской войны активно занимался и Дмитрий Андреевич Фурманов (1891—1926), член Коммунистической партии с 1918 г. Прибыв в начале 1919 г. комиссаром в стрелковую дивизию под командованием В. И. Чапаева, он активно участвует в создании дивизионной газеты, организует выпуск листовок. Получив в августе 1919 г. назначение на Туркестанский фронт, Д. А. Фурманов возглавляет политотдел и одновременно литературно-издательский отдел фронта. На Кавказском фронте, куда он был откомандирован в конце 1920 г., Д. А. Фурманов руководит редакционно-издательским отделом и редактирует одну из старейших армейских газет «Красный воин». Более ста статей, очерков, корреспонденций опубликовал Д. А. Фурманов за время пребывания на фронтах гражданской

[28] См.: Отчет о деятельности Отдела военной литературы при РВСР и Высшего Военного Редакционного Совета с 1 января 1921 г. по 31 декабря 1922 г. М., 1923, с. 5.

[29] ЦГАСА, ф. 9, оп. 14, д. 4, л. 113.

[30] См.: Рев. армия, 1919, 19 апр.

войны (с февраля 1919 по май 1921 г.) в местных и центральных органах печати[31].

С образованием Литиздата ПУР деятельность военных редакционно-издательских органов на местах стала планироваться и координироваться из центра, сократилось число дублируемых изданий, постепенно налаживался учет выпускаемой продукции. Интенсивно работал, например, редакционно-издательский отдел политуправления Юго-Западного фронта и Украинского Совета Трудовой Армии. Только в мае 1920 г. он выпустил более 500 тыс. экз. различных изданий. Отдел внес свой вклад и в кампанию по разгрому Махно и Врангеля: два раза в неделю для солдат врангелевской армии издавался бюллетень, который разбрасывали с аэропланов. За 3 месяца (август—октябрь) 1920 г. на фронт было отправлено 46 названий газет, бюллетеней, листовок и другой печатной продукции общим тиражом около 1 млн. экз., а за 7 месяцев — около 4 млн. экз. почти 300 наименований[32].

Значительных успехов, главным образом во время польской кампании, добился Литературно-издательский отдел Политического управления Западного фронта (Литиздат ПУЗАП). Этому во многом способствовала помощь командующего фронтом М. Н. Тухачевского и члена Военного совета И. С. Уншлихта.

Бессменным руководителем Литиздата ПУЗАП был Арнольд Борисович Кадишев (1895—1968). Он участвовал в Февральской революции 1917 г. Вступив в 1918 г. в РКП(б), работал в украинском подполье. В августе 1919 г. был направлен ПУР на Западный фронт, где возглавил Литературно-издательский отдел, а затем Политуправление фронта. С 1922 по 1929 г. он руководил военно-политическим отделом Высшего Военного Редакционного Совета, был ответственным редактором журнала «Политработник», заместителем начальника Отдела печати ПУР. Впоследствии занимался педагогической деятельностью, с 1963 г. — доктор исторических наук.

Организованный А. Б. Кадишевым в сентябре 1919 г. Литиздат ПУЗАП уже в октябре выпустил 8 изданий общим тиражом 296 тыс. экз., а к апрелю 1920 г., т. е. к началу польской кампании,— 94 названия тиражом 5,5 млн. экз.[33]

Литиздат ПУЗАП имел несколько отделений и выпускал литературу на семи языках — русском, польском, белорусском, литовском, латышском, еврейском и немецком. В польском отделении сотрудничали, например, такие выдающиеся деятели Коммунистической партии, как Юлиан Юзефович Мархлевский и Феликс Яковлевич Кон.

Литиздат ПУЗАП, как и другие фронтовые и армейские издательские органы, распространял книги среди противника различ-

[31] См.: Бережной А. Ф. Фурманов — журналист. Л., 1955. 228 с., ил.
[32] См.: Флаксерман Ю. 7 месяцев издательской работы на фронте.— Рев. фронт, 1920, № 13—14, с. 27—31.
[33] См.: Кадишев А. Военная печать.— БСЭ, 1928, т. 12, с. 182.

ными способами: с помощью агитснарядов, начиненных литературой; аэропланов, сбрасывавших листовки прямо во вражеские окопы; через разведчиков, которые расклеивали листовки и плакаты в тылу неприятельских войск. Отступая, литературу специально оставляли на позициях или отправляли на плотах и лодках вниз по течению реки, если в той стороне находился противник. Выпускали и особые книжечки из тонкой бумаги для курения, на страничках которых были напечатаны воззвания и лозунги.

Для усиления пропаганды издававшейся продукции при ПУЗАП было создано отделение РОСТА, имевшее собственных корреспондентов на фронтах.

С переходом войск Западного фронта в наступление Литиздат начинает выпускать первый красноармейский сатирический журнал «Красный шмель»[34].

В мае 1920 г. Совет Труда и Обороны вынес постановление, подписанное В. И. Лениным, «О призыве в ряды Красной Армии граждан нерусской национальности Сибири, Туркестана и других окраин». А с 1 сентября того же года по приказу Реввоенсовета при Политуправлении организуется отдел Востока, одной из основных обязанностей которого становится руководство политико-просветительной и организационно-агитационной работой среди красноармейцев восточных народностей. В состав отдела вошла литературно-издательская часть; с этого времени начинается регулярный выпуск литературы для бойцов нерусской национальности — выходцев с Урала, из Поволжья и Туркестана[35].

Книгораспространение в Красной Армии. В первые годы Советской власти вся печатная продукция распределялась в Красной Армии бесплатно. В 1918 г. литература поступала на фронт и в прифронтовую полосу (для гражданского населения) при посредничестве агитационно-просветительных отделов военных комиссариатов и специальных отделов военно-издательских органов. Так, при Военном отделе Издательства ВЦИК существовал специализированный аппарат снабжения и распространения литературы.

В августе 1918 г. по инициативе Военного отдела был сформирован агитпоезд, носящий имя В. И. Ленина. Свой первый двухнедельный рейс он совершил под Казань, на Восточный фронт, где в это время шли напряженные бои. Последующие агитпоезда («Октябрьская революция», работу которого возглавлял председатель ВЦИК М. И. Калинин, «Красный казак», «Красный Восток», «Советский Кавказ»), а также агитпароход «Красная звезда» не только возили на фронт печатную продукцию, но и печа-

[34] См.: Кадишев А. Б. Оружием слова. — В кн.: Товарищ комиссар. М., 1963, с. 133—143.

[35] См.: Сбитнева А. Литература для красноармейцев нерусской национальности.— Воен.-ист. журнал, 1973, № 4, с. 99—103.

тали листовки и воззвания прямо на позициях, в поездах, где были оборудованы типографии[36].

После образования в ноябре 1918 г. Центропечати снабжать армию книгами стал частично этот государственный орган. Однако лишь с преобразованием Всебюровоенкома в Политуправление РВСР экспедиционный аппарат Военного отдела Издательства ВЦИК, согласно постановлению ВЦИК от 16 мая 1919 г., окончательно перешел в ведение Центропечати. Через несколько дней был создан подотдел военных заказов при Иногороднем отделе Центропечати[37].

Периодические и агитационные издания в действующей армии политотделы распределяли с помощью специально выделенных агентов. Постановлением ВЦИК от 16 мая 1919 г. о распределении периодической печати газеты и книги объявлялись срочным военным грузом, и перевозку их железнодорожным, водным, а также гужевым транспортом предписывалось производить в первую очередь.

Оптимальные формы снабжения армии литературой были найдены не сразу. Подотдел военных заказов при Центропечати плохо справлялся со своими обязанностями. Нередко литература доставлялась с большим опозданием или не по месту своего назначения. Так, однажды плакаты, изданные на украинском языке, попали во Владикавказ, а материалы о борьбе с Врангелем пришли в войска уже после разгрома врангелевских частей[38].

При инспектировании центральных и местных органов Центропечати выяснили, что Красная Армия и Флот неудовлетворительно снабжаются периодическими и агитационными изданиями. Для упорядочения этого процесса 23 июня 1920 г. было создано Военное бюро ПУР при Центропечати[39].

С февраля 1921 г. распределение агитационно-пропагандистской и военной литературы сосредоточивается в руках уполномоченного РВСР по снабжению Красной Армии и Флота политпросветимуществом. В конце того же года приказом РВСР учреждается Бюро литературного снабжения.

Литературу распределяла также библиотечная секция при агитационно-просветительном отделе Всебюровоенкома, преобразованная позже в Библиотечный отдел ПУР. Так, лишь за три месяца (август — октябрь) 1919 г. на фронты и в армии было отправлено 3700 библиотек, каждая из которых включала в среднем 140 названий книг и брошюр общим числом 518 тыс. экз.[40]

[36] См.: Агитпарпоезда ВЦИК. Их история, аппарат, методы и формы работы: Сб. статей / Под ред. В. Карпинского. М., 1920. 66 с.

[37] ЦГАСА, ф. 64, оп. 3, д. 178, л. 269—270.

[38] Там же, оп. 4, д. 29, л. 79.

[39] Там же, оп. 3, д. 178, л. 285.

[40] См.: Политработник, 1920, № 1, с. 11.

В первую очередь снабжались те фронты, где проводились наступательные боевые операции.

Военно-техническую и военно-педагогическую литературу распределял в основном Центральный военный склад приборов и пособий Всероссийского главного штаба, а с апреля 1921 г.— исключительно этот склад и его отделения на местах.

Красноармейские библиотеки и изучение читателя. В повышении общего и политического образования воинов неоценимую роль играли красноармейские библиотеки. Их работа составляла неотъемлемую часть всей партийно-политической деятельности в армии. В одном из первых положений об этих библиотеках говорилось, что они «способствуют расширению умственного кругозора красноармейцев, дают знания для выработки целостного миросозерцания, воспитания из них сознательных граждан, солдат-социалистов»[41]. Красноармейские библиотеки «с самого начала стали самыми распространенными и популярными учреждениями культуры в частях Красной Армии»[42]. Должность библиотекаря приравнивалась к должности красноармейского учителя, а сами войсковые библиотеки считались военным имуществом[43].

Деятельность военных библиотек в годы гражданской войны сравнительно подробно изучена и освещена в специальной литературе[44]. В рассматриваемый период библиотечная сеть в Красной Армии только формировалась. Большое значение для налаживания работы библиотек имел приказ Всероссийского бюро военных комиссаров (октябрь 1918 г.), в котором излагалось Положение о красноармейских библиотеках[45]. Положением предусматривалось создание библиотек двух типов (основных и передвижных), которые существовали обособленно. Работа библиотек фронтовых частей, не имевших пока опорных баз, сводилась в основном к тому, чтобы повысить интерес красноармейцев «к чисто политическим вопросам»[46].

Перед Литературно-библиотечным отделением Всероссийского бюро военных комиссаров, созданным в ноябре 1918 г. и преобразованным в мае 1919 г. в Библиотечный отдел ПУР, стояли более сложные задачи: перед отправкой скомплектованных библиотечек в части предварительно выяснять, какая конкретно литература и в каком количестве нужна, вести строгий учет ее распределения.

[41] История библиотечного дела в СССР: Док. и материалы. 1918—1920. М., 1975, с. 192.

[42] Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти: 1917—1920. М., 1974, с. 146.

[43] См.: История библиотечного дела в СССР, с. 193, 197.

[44] См., напр.: Абрамов К. И. Указ. соч., с. 142—159; Бобылева Н. В. Становление библиотечной сети Красной Армии в 1918—1920 гг.— Сов. библиотековедение, 1978, № 4, с. 80—89.

[45] Красный библиотекарь, 1924, № 2—3, с. 131; История библиотечного дела в СССР, с. 192—193.

[46] Краткий очерк культурно-политической работы в Красной Армии за 1918 год. М., 1919, с. 69.

Чтобы хотя бы частично наладить централизованное снабжение книгами, Литературно-библиотечное отделение создало свой собственный склад. Большим подспорьем служили книги, поступавшие во время дней сбора литературы для Красной Армии, регулярно проводившихся в Москве, Петрограде и других крупных городах. Литература со склада теперь распределялась по плану, разработанному специальной комиссией, в которую входили В. Д. Бонч-Бруевич, П. М. Керженцев, Ф. И. Драбкина и др.

Быстро росло на местах и число постоянно действующих библиотек. Так, только в Западном военном округе в течение 1919 г. оно увеличилось со 107 до 260[47]. К июню 1919 г. в 11-й армии Восточного фронта действовали 104 библиотеки[48]. В Первой Конной армии в марте 1920 г. насчитывалось 60 библиотек, к 1 июня — уже 120, а к концу 1920 г.— 132 библиотеки с общим фондом 25 тыс. единиц изданий[49]. На Западном фронте к июню 1920 г. работало 537 библиотек с общим фондом уже 120 тыс. экз. книг. На Юго-Западном фронте к этому времени — около 1,5 тыс. библиолиотек с общим фондом 360 тыс. книг[50]. По сведениям Реввоенсовета Республики, к марту 1920 г. на фронтах действовало 3865 военных библиотек с миллионным фондом книг, а в тылу — 2409 библиотек, фонд которых составил 1,5 млн. экз. книг[51].

О серьезном влиянии военных библиотек на жизнь не только армии, но и всей страны свидетельствовало проведение в октябре 1920 г. (за несколько лет до I Всесоюзного библиотечного съезда) I Всероссийского съезда библиотечных работников Красной Армии и Флота, который подвел первые итоги библиотечного строительства, положил начало учету книжного фонда в частях. Особое внимание съезд уделил активизации красноармейских библиотекарей в политическом просвещении бойцов и командиров.

Чтобы добиться высокой эффективности политического просвещения красноармейского читателя, необходимо было хорошо этого читателя изучить. И руководители библиотечного дела в Красной Армии уделяли этому постоянное внимание. Так, еще в 1918 г. в военные библиотеки была выслана анкета, адресованная читателю, в которой предлагалось ответить на несколько вопросов, касающихся, в частности, автора прочитанной книги, названия, достоинств и недостатков произведения[52].

С 1920 г. работа по изучению армейского читателя велась планомерно[53]. Анкета, составленная Библиотечным отделом ПУР, была

[47] См.: Известия, 1920, 26 февр.
[48] См.: Партийно-политическая работа в Красной Армии (март 1919—1920 гг.): Док. М., 1964, с. 188.
[49] См.: Воен.-ист. журн., 1939, № 4, с. 71.
[50] ЦГАСА, ф. 9, оп. 14, д. 10, л. 23.
[51] См.: Политработник, 1920, № 4, с. 9.
[52] См.: Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти, с. 158.
[53] См., напр.: Печать и революция, 1921, кн. 2, с. 49—55; По-

разослана во все воинские части. В инструкции, к которой она прилагалась, руководителям предлагали провести опрос одновременно по всей воинской части с тем, чтобы исключить влияние одних ответов на другие.

Анкета содержала 15 вопросов, цель которых была выяснить возраст и партийную принадлежность опрашиваемого, уровень образования, характер службы (род войск) в Красной Армии и род занятий до нее, какие книги привлекали внимание красноармейца более других (о путешествиях, сельском хозяйстве, ремеслах, здоровье и болезнях...), предлагалось ответить также на вопрос, какую пользу приносит ему чтение, и т. п. [54].

В начале 20-х гг. приступили к изучению читательских интересов командного состава — в основном младшего и среднего. Это исследование проводилось уже на основе формулярных данных, что, конечно, не совсем полно отражало интересы читателей, но тем не менее давало о них определенное представление. Важно было не только выявить интересы командиров, но и направить их на серьезное чтение, способствующее общему и политическому самообразованию.

Дифференциация читателей по образованию, социальному происхождению, уровню культуры позволяла военным библиотекарям плодотворнее руководить их чтением и самообразованием. Результаты исследования помогали правильному комплектованию фондов библиотек и более серьезному обоснованию заявок на необходимую литературу.

В 1921—1922 гг. начала выходить литература по вопросам организации и методики работы войсковых библиотек, их комплектования, изучения и удовлетворения интересов читателей, подготовки кадров для этих библиотек [55].

Реорганизация военного книгоиздания в мирных условиях. X съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1921 г., одобрил основные принципы строительства армии. В специально принятом по военному вопросу постановлении подчеркивалась необходимость усилить политическую и культурно-воспитательную работу среди бойцов и командиров.

Реорганизация армии определила пути дальнейшего развития издательского дела. 12 января 1921 г. приказом Революционного Военного Совета Республики (№ 87) «в целях централизации и планомерного регулирования военного литературно-издательского дела» вместо Литературно-издательского отдела ПУР, выполнив-

литработник, 1922, № 3, с. 106—111; № 8—9; См. также главу «Советский читатель 1917—1921 гг.» в т. 3 настоящего издания.

[54] См.: Политработник, 1922, № 3, с. 106.

[55] Подробнее см.: Левеншус Л. А. Военные издательства в помощь библиотекам (1921—1928 гг.).— Сов. библиотековедение, 1977, № 5, с. 59—68.

шего свою роль, был создан Отдел военной литературы при Реввоенсовете Республики (Литревсор) [56].

Так возникло крупное универсальное военное издательство, сосредоточившее в себе выпуск всей специальной литературы.

В состав Отдела военной литературы при Реввоенсовете Республики входили: политическая редакция, главная военно-научная, состоявшая из 12 секций (литературы по военному искусству, военно-морской, военно-исторической, военно-технической, военно-санитарной литературы и др.), а также 3 секции (части) — военно-периодической литературы, военно-популярной и военной литературы восточных народов [57]. Редакционной работой отдела руководил Высший Редакционный Совет (ВРС) в составе председателя, его заместителя и трех членов, назначаемых РВСР. Председатель ВРС назначался одновременно и начальником отдела. Им был утвержден В. П. Полонский.

Специальный раздел положения регламентировал отношения Отдела военной литературы с Государственным издательством. Предполагалось, что подготавливать рукописи будет отдел, а выпускать издания — технический аппарат Госиздата. На всех изданиях отдела следовало указывать: «Государственное издательство. Отдел военной литературы РВСР».

Условия мирного времени требовали решения совершенно иных, чем в боевой обстановке, проблем. Для обобщения и анализа опыта работы военно-издательских органов в годы войны, а также для использования его в новых условиях 18 марта 1921 г. состоялось совещание представителей некоторых военных издательств. На нем обсуждался вопрос об отношениях с Госиздатом — главным распорядителем бумаги в стране — и Полиграфотделом ВСНХ, в распоряжении которого находились все типографии. В специально принятой резолюции «О распределении бумаги» была особо подчеркнута обязанность Госиздата выделять для нужд Красной Армии не менее 25% всего запаса бумаги, поступающей в его распоряжение [58].

С образованием Литревсора резко сократилось издание агитационно-пропагандистской литературы, прекратился выпуск листовок, значительно снизились тиражи плакатов. На смену агитационным плакатам пришли учебные и военно-технические. Главное внимание Литревсор сосредоточил на выпуске военно-научной и военно-технической литературы (она составила 80% всей продукции). В июле — августе 1921 г. вышел первый номер центрального военно-научного журнала «Военная наука и революция» (с марта 1922 г. — «Военная мысль и революция»), рассчитанного на старший командный состав.

[56] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 94.
[57] См.: Сборник приказов РВСР, 1921, № 87.
[58] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 96—97.

Однако жизнь требовала, чтобы и военно-политическая литература выходила в свет. В конце 1921 г. выпускается дополнение к приказу РВСР № 87, подписанное главнокомандующим С. С. Каменевым. Этим документом вводилось Положение о специальном подразделении военно-политической литературы, начальником которого был утвержден Д. А. Фурманов. Назначение нового подразделения заключалось в издании политической литературы для политработников и красноармейцев. Созданное Бюро печати должно было налаживать и поддерживать связь между центром и местными редиздатами и инструктировать их, используя личные контакты и специально выпускаемый журнал «Красноармейская печать» (первый номер вышел в свет в октябре 1921 г.).

Особенно остро в начальный период мирного строительства ставились вопросы теоретических основ строительства Красной Армии и разработки советской военной доктрины. На развитие военно-теоретической мысли значительное воздействие оказали труды М. В. Фрунзе. Уже в 1921 г. Литревсор издал книгу С. И. Гусева и М. В. Фрунзе «Реорганизация Рабоче-Крестьянской Красной Армии», многие положения которой легли в основу решений X съезда партии по военному вопросу. Почти одновременно выпускается отдельным изданием знаменитая работа М. В. Фрунзе «Единая военная доктрина и Красная Армия», в которой намечались основные пути совершенствования армии.

В решении вопросов военного строительства важную роль играли труды, обобщавшие опыт боевых действий Красной Армии в годы гражданской войны. Значительный вклад здесь внесли военно-научные общества, формировавшиеся при военных академиях и Высших академических курсах. Первое из них было создано в октябре 1920 г. при Военной академии Генерального штаба РККА. Его активными членами были К. Е. Ворошилов, С. С. Каменев, М. Н. Тухачевский, Н. И. Подвойский, Г. Д. Гай. Сборники, подготовленные обществом и вышедшие в свет в 1921—1922 гг., содержали «много ценного материала по всем наиболее важным моментам и этапам гражданской войны» [59].

Для большей концентрации кадров и усиления идейного и методического руководства издательской деятельностью через несколько месяцев после создания в октябре 1921 г. Литревсор преобразуется в Высший военный редакционный совет (ВВРС) с правами Центрального управления Народного комиссариата по военным делам [60]. Его председателем стал член Реввоенсовета, начальник ПУР С. И. Гусев, членами — главнокомандующий Вооруженными Силами С. С. Каменев, начальник штаба РККА П. П. Лебедев, начальник ГУВУЗ Д. А. Петровский, начальник Военной

[59] Фурманов Дм. Краткий обзор литературы (непериодической).— Пролет. революция, 1923, № 5, с. 321.
[60] См.: Сборник приказов РВСР, 1921, № 2491.

академии М. Н. Тухачевский, заместитель начальника ПУР М. М. Ланда.

Видный политический деятель, член партии с 1896 г., активный участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, Сергей Иванович Гусев (Драбкин Яков Давидович, 1874 — 1933) много сил и труда отдал развитию военного книгоиздания и всего советского книжного дела. В годы гражданской войны он занимал ответственные посты: командующий московским сектором обороны, член РВС Республики, с 1921 г.— начальник Политуправления Красной Армии, в 1925—1926 гг. заведовал Отделом печати ЦК ВКП(б).

Главные функции Высшего военного редакционного совета заключались в выработке и проведении в жизнь твердого производственного плана выпуска основных трудов по всем направлениям военного строительства как в центре, так и на периферии, а также в постоянном учете потребностей армии в литературе.

По сравнению с Отделом военной литературы подразделения ВВРС были укрупнены. В состав ВВРС входили отделы военно-научной, военно-политической и военной иностранной литературы, а также Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войн. В рамках отделов работали редакции журналов «Военная наука и революция», «Военный вестник» (выпускавшийся с мая 1921 г.), «Политработник», «Политвестник» и «Красноармеец».

В мирных условиях ВВРС главное внимание сосредоточил на выпуске учебной и научно-популярной литературы, а также различных справочников, руководств и пособий по использованию боевой техники. Подавляющее большинство издаваемой продукции предназначалось для глубокого и систематического изучения основ военного дела, политического и общего образования бойцов и командиров. Созданная в составе ВВРС специальная Комиссия по исследованию и использованию опыта мировой и гражданской войн позволяла с учетом этого опыта начать разработку принципиально новых основ тактики, стратегии и оперативного искусства пехоты, кавалерии, танковых войск и стремительно развивавшейся авиации.

В начале декабря 1921 г. состоялся Всероссийский съезд редиздатов Красной Армии и Флота, на который съехались представители всех округов, фронтов и армий. Эта была первая серьезная попытка скоординировать литературно-издательскую работу в Красной Армии в общегосударственном масштабе. С основным докладом, в котором были определены главные цели военных издательств в мирный период, выступил начальник Политуправления РВСР С. И. Гусев. Съезд суммировал опыт многочисленных военных издательств, наметил реальные пути перехода к планированию издательской деятельности в армии.

* * *

Издательская деятельность с самого начала была неотъемлемой и важнейшей частью всей партийно-политической работы в Советских Вооруженных Силах.

Окруженное особым вниманием партии, Советского государства и лично В. И. Ленина, военное книгоиздательское дело в первые годы Советской власти имело сравнительно неплохую материально-техническую базу, разветвленную сеть издательств в центре и на местах, свои склады и налаженные каналы книгораспространения, огромное число библиотек.

В становление военной печати много труда вложили такие видные деятели партии, государства и культуры, как К. С. Еремеев, В. П. Полонский, С. М. Киров, В. В. Куйбышев, Д. А. Фурманов, А. Б. Кадишев.

Литература, предназначавшаяся рядовым красноармейцам и командирам, не ограничивалась исключительно военной тематикой: в репертуаре военных издательств большой удельный вес имела агитационно-пропагандистская, учебная и общеобразовательная литература.

Важно отметить, что именно в системе военного книжного дела начались серьезные социологические исследования интересов читателя — важнейшая предпосылка продуманного формирования издательского репертуара.

Организационные изменения военного книжного дела были связаны с общим направлением строительства Красной Армии. В целом в военном книжном деле явственно прослеживается тенденция к централизации — тенденция, получившая известное завершение уже в июне 1919 г., после образования Литиздата Политуправления Реввоенсовета Республики. С окончанием гражданской войны и созданием Отдела военной литературы при Реввоенсовете наступил новый этап централизации военного книжного дела.

Издательская деятельность общественных организаций

Издательская деятельность комсомола.— Издательская деятельность профессиональных союзов.— Издательская деятельность союзов потребительской кооперации.— Издательская деятельность пролетарских культурно-просветительных организаций.

Первая мировая война, а затем революционная волна 1917 г. значительно повысила политическую активность народных масс, что, в частности, проявилось в деятельности многочисленных общественных организаций.

В условиях диктатуры пролетариата социально-политический характер и структура общественных организаций претерпевают изменения: они становятся органичной частью политической системы социалистической демократии. По существу, не только профсоюзы, но и другие общественные организации (ВЛКСМ, кооперативы, творческие союзы и т. п.) при социализме становятся «школами коммунизма» — школами воспитания и вовлечения трудящихся в коммунистическое строительство.

Функционирование общественных организаций при социализме обеспечивает тесную связь партии с широкими народными массами, позволяет партии и правительству учитывать в своей деятельности специфические проблемы всех слоев населения. С другой стороны, через общественные организации происходит сближение человека с обществом как целым.

В первые годы Советской власти наиболее значительной среди общественных организаций (как в социально-политическом, так и в культурно-идеологическом отношениях) была деятельность советских профсоюзов, комсомола, потребительской кооперации, а также пролетарских культурно-просветительных организаций.

Издательская деятельность комсомола. После Великой Октябрьской социалистической революции по всей стране начали возникать союзы молодежи, для объединения которых в октябре 1918 г. под руководством ЦК РКП(б) был созван I Всероссийский съезд социалистических союзов рабочей молодежи (ССРМ). На нем политически и организационно оформился комсомол, ставший помощником и резервом партии, проводником ее идей среди широких масс молодежи.

Коммунистическому союзу молодежи как массовой общественно-политической организации для осуществления своих функций нужна была печать. В программе, принятой на I Всероссийском съезде РКСМ, указывалось, что Союз будет издавать «газеты, журналы, брошюры и прочую литературу для пропаганды своих

идей и освещения жизни молодежи»[1]. Необходимо было создать печать, связанную с актуальными задачами социалистического строительства и удовлетворяющую разнообразные потребности рабоче-крестьянской молодежи.

Сложность состояла в организации оперативных органов руководства комсомольской печатью. На первом Пленуме ЦК РКСМ (4 октября 1918 г.) была избрана Редакционная коллегия ЦК комсомола, приступившая к изданию Программы и Устава РКСМ, протоколов I съезда РКСМ, инструкций, журнала «Юный коммунист», т. е. наиболее необходимых для организационного строительства Союза материалов.

Однако в начале своей деятельности Редакционная коллегия еще не могла руководить издательской работой комсомола, особенно на периферии. Между тем губернские и уездные организации комсомола начали издавать в большом количестве листовки, плакаты, газеты и брошюры. К концу 1920 г. функционировало уже около 500 комсомольских периодических изданий. Журнал «Юный коммунист» писал: «Ежедневно узнаешь, что то там, то здесь вышел новый орган: журнал, страничка или газета. Точного учета нигде не узнать... Необходимо наладить тесную связь между организациями с помощью печати, чтобы мысль, затрагивающаяся одним человеком, обсуждалась и воспринималась всеми другими»[2].

Большую роль в организации комсомольской печати сыграли О. Л. Рывкин и Л. А. Шацкин.

Оскар Львович Рывкин (1899—1937), член партии с марта 1917 г., один из организаторов юношеского коммунистического движения; участник гражданской войны. В апреле 1918 г. был назначен секретарем Петроградского комитета ССРМ, член Петросовета. С июля 1918 г. работал в Оргбюро по созыву I Всероссийского съезда ССРМ; делегат 1—3-го съездов РКСМ, избирался членом ЦК РКСМ. В ноябре 1918 — мае 1919 г. — председатель Президиума (Бюро) ЦК РКСМ. Возглавлял Редакционную коллегию ЦК комсомола. С 1924 г. на партийной работе.

Лазарь Абрамович Шацкин (1902 — 1937), член партии с мая 1917 г., деятель юношеского коммунистического движения; участник гражданской войны. В 1917 г. — член МК ССРМ при МК РСДРП(б); делегат I съезда РКСМ, в 1918 — 1922 гг.— член ЦК РКСМ, в 1920 — 1921 гг.— первый секретарь ЦК РКСМ. Один из организаторов Коммунистического Интернационала молодежи (КИМ); делегат 1—3-го конгрессов молодежи; в 1919—1921 гг.— первый секретарь Исполкома КИМ. Делегат 8-го и 10-го съездов РКП(б), 2-го и 3-го конгрессов Коминтерна. С 1922 г. на партийной и государственной работе[3].

Чтобы организовать руководство печатью комсомола в центре и на местах, в январе 1919 г. ЦК РКСМ проводит первое совеща-

[1] Товарищ комсомол: Док. съездов, конференций ЦК ВЛКСМ. М., 1969, т. 1, с. 10.
[2] Юный коммунист, 1920, № 2, с. 5, 6.
[3] См.: Гражданская война и военная интервенция в СССР: Энциклопедия. М., 1983, с. 519, 661.

ние представителей редакционных коллегий журналов, где было принято решение создать Бюро печати ЦК РКСМ[4]. Действовать Бюро печати ЦК РКСМ приходилось в чрезвычайно трудных условиях: не была еще налажена связь с местами, сведения о работе местных организаций поступали нерегулярно; газеты, журналы и брошюры, издаваемые губкомами и уездными организациями, не всегда были высокого качества, часто дублировали друг друга. Поэтому II Всероссийский съезд комсомола, состоявшийся в 1919 г., потребовал от ЦК РКСМ более действенного руководства печатью[5].

22—23 января 1920 г. состоялся первый съезд работников юношеской печати, собравший представителей от 13 губернских и 3 уездных организаций РКСМ. Всесторонне обсудив задачи комсомола в области печати, съезд принял следующее решение: «ЦК Союза берет на себя идейное и практическое руководство юношеской печатью в общероссийском масштабе, губкомы — в губернском»[6]. Хотя съезд обсуждал вопросы выпуска периодических изданий Союза, его решения имели принципиальное значение для всего комсомольского издательского дела — они закладывали фундамент планового руководства печатью.

С марта 1920 г. начали выходить «Известия ЦК РКСМ», в которых печатались официальные материалы ЦК РКСМ: циркуляры, инструкции, распоряжения, статистические сводки и отчеты.

В первом номере «Известий...», который вышел 26 марта 1920 г., был помещен отчет об издательской деятельности ЦК со времени II съезда РКСМ, в нем приводились следующие данные: «Вышло 8 номеров журнала „Юный коммунист“ (13—20) общим тиражом 145 тыс. экз. ...Выпущена однодневная газета „Под красное знамя союза“ в количестве 40 тыс. экз.; ...отдельным изданием выпущен „Манифест Коммунистического Интернационала молодежи“ в количестве 30 тыс. экз.; „Программа Коммунистического Интернационала молодежи“ — 30 тыс. экз.; „Устав Коммунистического Интернационала молодежи“ — 10 тыс. экз.; воззвание „Ко всей трудящейся молодежи“ по поводу создания Коммунистического Интернационала молодежи — 30 тыс. экз.; было выпущено большое количество членских билетов — 100 тыс. экз., различных анкет и инструкций; всего печатная продукция ЦК РКСМ выразилась за этот период в 653 тыс. экз.»[7].

Большое влияние на характер всей издательской деятельности комсомола оказала речь В. И. Ленина на III съезде РКСМ, ставшая программой коммунистического воспитания молодежи. Призыв В. И. Ленина «учиться, учиться и учиться» и его замечательные слова: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обога-

[4] Юный коммунист, 1919, № 3/4, с. 17.
[5] Там же, 1920, № 3, с. 15.
[6] Там же, 1919, с. 3/4 с. 5.
[7] Известия ЦК РКСМ, 1920, № 1, с. 2.

тишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество»[8], сыграли определяющую роль в дальнейшей деятельности комсомола, в том числе и издательской. Впервые речь В. И. Ленина, лично им отредактированная, была выпущена Юношеским отделом Госиздата в 1920 г. огромным по тем временам тиражом — 200 тыс. экз. Вскоре она была издана рядом губернских и уездных организаций комсомола.

В новой программе РКСМ, принятой на III съезде РКСМ, подчеркивалось, что «политико-просветительная работа является основой всей деятельности РКСМ. Создавая в своих членах цельное коммунистическое мировоззрение, союз воспитывает вооруженных всесторонними знаниями борцов и строителей коммунизма»[9]. В связи с этим важные задачи ставились и перед печатью комсомола: 1) проведение политико-воспитательной работы среди членов РКСМ; 2) создание литературы, знакомящей молодежь с основами различных знаний.

Развитие комсомольского издательского дела было невозможно без постоянной поддержки со стороны партии. Начатая ЦК комсомола работа по созданию молодежной печати осуществлялась под руководством и на средства ЦК РКП(б): из финансового отчета ЦК РКСМ, помещенного в журнале «Юный коммунист», видно, что половину денежных средств, полученных от ЦК партии, ЦК РКСМ истратил на печатание важнейших документов Союза.

В декабре 1918 г. комиссия Наркомпроса вынесла решение о предоставлении Отделу внешкольного образования права на субсидирование организаций комсомола через губернские отделы народного образования[10], что позволило союзным организациям на местах получить средства для печатания своих материалов. «Правда» в ноябре 1919 г. сообщала, что ЦК РКСМ с помощью Госиздата выпускал прокламации, листовки и брошюры для молодежи[11]. По указанию ЦК РКП(б) Госиздат издает необходимые для комсомола материалы, отпускает бумагу: так, в 1919 г. 17 губкомам РКСМ выделяется 320 пудов бумаги[12]. Подобные примеры можно продолжить.

Издательская деятельность комсомола была тесно связана с партийно-советскими издательствами, и в первую очередь — с Госиздатом.

Издания комсомола являлись мощным фактором в борьбе с враждебной литературой, стремившейся увести молодежь от политической борьбы, привить ей чуждые взгляды и настроения.

Тематика комсомольской книги отражала важнейшие вопросы деятельности Коммунистической партии, Советского государства

[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 305.
[9] III съезд РКСМ: Стеногр. отчет. М.; Л., 1926, с. 309.
[10] Правда, 1919, 19 нояб.
[11] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 43, л. 1—3.
[12] Юный коммунист, 1919, № 3/4, с. 13.

и комсомола. Авторами первых книг, предназначенных для молодежной читательской аудитории, были такие видные деятели партии, как Н. И. Подвойский (написал по просьбе В. И. Ленина брошюру «Что такое Коммунистический союз молодежи. Его цель, задачи, планы и приемы работы»), Г. В. Чичерин (по просьбе ЦК РКСМ написал книгу «Очерки по истории юношеского Интернационала», сыгравшую исключительно важную роль в воспитании молодежи в духе пролетарского интернационализма). Отметим также брошюры секретарей ЦК РКСМ Л. А. Шацкина «Ко всей рабочей и крестьянской молодежи», О. Л. Рывкина «Под красное знамя союза».

В 1919—1920 гг. губернские и уездные организации комсомола приступают с помощью местных партийных и советских органов к выпуску печатных изданий на местах.

Издательская деятельность губкомов в 1918—1920 гг. развивалась в двух направлениях: 1) перепечатка материалов, присылаемых из центра (Программа и Устав РКСМ, директивные и инструктивные документы); 2) выпуск материалов, подготовленных к печати самими губкомами. Инструктивные материалы, присланные из ЦК комсомола, издавали в специальных сборниках, которые затем рассылали ячейкам РКСМ и раздавали агитаторам, лекторам.

Губкомы комсомола в 1918—1920 гг. не только перепечатывают материалы, но начинают издавать и свои книги. Ведущее место среди издательской продукции местных комсомольских организаций занимали отчеты губернских и уездных съездов и конференций комсомола. Появляются брошюры, написанные местными комсомольскими активистами: «Из истории юношеского движения в Ржевском уезде» С. Кузьмина (Ржев: Уездком РКСМ, 1920), «Октябрьская революция и движение молодежи» Д. Владимира (Тамбов: Агитотдел губкома РКСМ, 1920), «Иди в Российский коммунистический союз молодежи» (Старая Русса: Уездком РКСМ, 1920) и др.

В начале 1921 г. ЦК РКСМ ходатайствует перед Госиздатом о создании в Москве и на периферии (при его филиалах) юношеских отделов. Такие отделы вскоре были созданы [13].

Редакционная коллегия ЦК РКСМ, Госиздат и Главполитпросвет утвердили документ о работе юнотделов [14] и разослали его во все губкомы РКСМ и отделения Госиздата. В документе указывалось, что работа юнотделов должна проводиться под руководством комсомольских организаций и призвана удовлетворять острые потребности Союза молодежи в литературе. Вся издательская деятельность должна была планироваться в Москве Госиздатом при

[13] См.: Отчет ЦК РКСМ IV съезду РКСМ (1920—1921). М., 1921, с. 51.

[14] См.: Бюл. Госиздата, 1921, № 5, с. 1—3, 6—7.

участии ЦК РКСМ. В апреле 1921 г. юнотдел Госиздата в Москве опубликовал план издания литературы.

Деятельность юнотделов развертывалась в Петрограде, Твери, Вятке. Екатеринбурге, Рыбинске, Перми и в других городах. Их структура и план работы тщательно обсуждались губкомами РКСМ и филиалами Госиздата. Возглавляли юнотделы, как правило, заведующие подотделами печати губкомов РКСМ.

Разруха в полиграфической промышленности, несомненно, сказывалась на объеме работы юнотделов Госиздата. В свои издательские планы они могли включать только одну-две брошюры. «Дело стоит только за бумагой», «издательская работа вообще ввиду крайнего недостатка бумаги ...сведена к минимуму»,— поступали сведения с Урала. Из Симбирска сообщали: «В связи с критическим положением полиграфотдела издания временно прекращены» [15].

Что же издавали губкомы РКСМ с помощью юнотделов? Как и прежде, перепечатывали инструктивные материалы и отдельные брошюры, изданные ЦК РКСМ, стенограммы съездов и совещаний, проведенных губкомами и уездкомами; выпускали брошюры, в которых освещалась история деятельности местных организаций комсомола, материалы о повышении производительности труда молодежи, сборники стихов и рассказов местных молодых авторов и др. Так, например, Вологодский губком телеграфировал в центр о подготовленном к изданию сборнике «с литературно-художественным отделом», посвященном истории юношеского движения Вологодской губернии [16].

В сентябре 1921 г. в Москве открылся IV съезд РКСМ, который подвел итоги работы Союза за год и выработал программу деятельности комсомола и его печати в условиях новой экономической политики.

В результате активной деятельности партии и комсомола в 1918—1921 гг. был заложен фундамент комсомольского книгоиздательства.

Издательская деятельность профессиональных союзов. Советские профсоюзы объединяли в начале 1918 г. в своих рядах 2 млн. трудящихся. Большинство отраслевых профсоюзов сформировались в период революционного подъема 1905—1907 гг. За право руководить профсоюзами большевистская партия вела непримиримую борьбу с буржуазными и мелкобуржуазными партиями, пытавшимися направить их на реформистский путь. Меньшевикам не удалось оторвать профсоюзы от партии большевиков, и подавляющее большинство отраслевых профсоюзов активно участвовало в подготовке и проведении Октябрьской революции.

После победы социалистической революции общественно-поли-

[15] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 212, л. 43.
[16] Там же, л. 2.

тическое положение, роль и задачи профсоюзов коренным образом изменились. Партия и Советское государство предоставили профсоюзам широкие возможности по созданию органов хозяйственного и государственного управления; советские профсоюзы участвовали в управлении национализированными предприятиями, в борьбе с голодом и разрухой, с внешней и внутренней контрреволюцией. К началу 1919 г. в стране насчитывалось 30 профсоюзов, объединявших в своих рядах подавляющее большинство рабочих и служащих. Наиболее крупными были профсоюзы текстильщиков (711 тыс. членов), железнодорожников (225 тыс.), водников (200 тыс.) [17]. В январе 1919 г. состоялся II Всероссийский съезд профсоюзов, представлявший почти 3,5 млн. организованных рабочих. На съезде выступил В. И. Ленин, определивший задачи профсоюзов в условиях диктатуры пролетариата, и в частности на период гражданской войны. Будучи, по определению В. И. Ленина, организацией воспитательной, школой управления и хозяйничанья, школой коммунизма, организацией вовлечения трудящихся масс в строительство социализма [18], профсоюзы на всех этапах этого строительства должны играть важную роль в решении политических, экономических и культурных задач. Значительная роль в решении этих задач отводилась профсоюзной печати.

В 1918—1921 гг. советские профсоюзы имели разветвленную сеть издательских организаций. Многие отраслевые и губернские профсоюзы, региональные объединения имели в составе ЦК союзов издательские подотделы. Так в 1919 г. 15 отраслевых профсоюзов из 32 имели издательские подотделы, которые выпускали газеты, журналы, бюллетени, книги, брошюры, листовки и др. Ведущей организацией был Издательский отдел ВЦСПС. На I Всероссийском съезде профсоюзов в январе 1918 г. было принято решение создать при ВЦСПС издательство, книжный склад и экспедицию. Издательство должно было выпускать официально-инструктивную и агитационно-политическую литературу по основным направлениям деятельности профсоюзов, ведать работой отраслевых издательских подотделов ЦК союзов и губпрофсоветов, закупать и распространять литературу среди профсоюзных организаций. Из-за тяжелой обстановки, сложившейся в стране, Издательский отдел ВЦСПС начал функционировать только в середине 1918 г. [19] В июне 1918 г. Президиум ВЦСПС обратился в Наркомпрос с просьбой предоставить ссуду (190 тыс. руб.) для выпуска 6 изданий, оплаты труда 14 сотрудников и на другие хозяйственные расходы [20]. Большую помощь в издании литературы профсоюзам

[17] См.: История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1967, т. 7, с. 457—458.
[18] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 203.
[19] См.: Работа отделов Всероссийского Центрального Совета Профессиональных Союзов в 1918 г. М., 1918, с. 10.
[20] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 2, д. 348, л. 1—3.

оказывали партийные и государственные организации. Первые книги отдела вышли благодаря финансовой поддержке ЦК партии, который выделил для издательской работы ВЦСПС 100 тыс. руб.[21]

И все же трудностей было немало. Долгое время почти все периодические и непериодические издания отраслевых профсоюзов печатались только в 13-й типографии полиграфотдела Мосгорсовнархоза (бывшая типография «Мысль»)[22]. Типография была перегружена, издания выходили нерегулярно[23]. Возможность размещать заказы в других типографиях появилась только в 1920 г. Часто менялись руководители отделов, в их работе не было преемственности. Фактически редакционная коллегия, избранная Президиумом ВЦСПС после II Всероссийского съезда профсоюзов в январе 1919 г. (Н. П. Глебов-Авилов, Б. Г. Козелев, А. Лозовский), в полном своем составе никогда не работала, так как членов редколлегии переводили на другие участки работы. Не был укомплектован и штат сотрудников. По существу, период до февраля 1921 г. был организационным для Издательского отдела ВЦСПС, когда определялись задачи и структура отдела, тематика и типы изданий, взаимоотношения с отраслевыми профсоюзами; литературы профсоюзы издавали мало. В 1921 г., после окончания гражданской войны и с переходом к мирному строительству, деятельность Издательского отдела оживилась. 18 февраля 1921 г. по соглашению между Президиумом ВЦСПС и Центральной редакционной коллегией Госиздата была образована редколлегия по профессиональному движению[24]. От Издательского отдела ВЦСПС в нее вошли: председатель Я. И. Фин, члены — Н. П. Глебов, В. Я. Яроцкий, А. Зандер[25].

Много труда вложил в организацию издательской деятельности ВЦСПС Яков Исаакович Фин (1891 — 1937) — член большевистской партии с марта 1917 г. После Октябрьской социалистической революции Я. И. Фин был председателем уездного Совдепа в г. Режице Витебской губернии. Переехав в Москву, работал в 1918—1920 гг. заместителем заведующего, а с 1921 г. заведующим РИО ВЦСПС, затем был председателем профсоюза советских служащих. В последующие годы находился на руководящей издательской, хозяйственной, кооперативной и профсоюзной работе.

Редакционная коллегия отвечала за планирование литературы по профессиональному движению. План утверждался Президиумом ВЦСПС и Центральным правлением Госиздата. Все принятые издания печатали в типографиях Госиздата. На обложках и титульных листах книг и брошюр ставили марку Госиздата и ВЦСПС. Для периодических изданий порядок выпуска оставался преж-

[21] См.: Работа отделов Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов в 1918 г., с. 10.
[22] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 4, д. 330, л. 13.
[23] Там же, л. 14; оп. 5, д. 612, л. 36; д. 614, л. 13.
[24] См.: Отчет ВЦСПС (март 1920 — апр. 1921 г.). М., 1922, с. 137.
[25] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 614, л. 14.

ним[26]. В середине 1921 г. было утверждено новое положение о РИО ВЦСПС. В РИО вошли: общей подотдел; литературный подотдел, состоящий из редакции журнала «Вестник труда», газеты «Труд», «Тарифного справочника», непериодических изданий; издательский подотдел; библиотечно-библиографический подотдел. Значительно расширился штат сотрудников отдела. Планировалось издание литературы по профессиональному и хозяйственному строительству, культурно-просветительной работе, организации труда, истории профсоюзов, международного профсоюзного движения и др.[27]

За три с половиной года Издательский отдел ВЦСПС выпустил более 50 книг и брошюр общим тиражом свыше 1 млн. экз. В августе 1918 г. вышла первая книга отдела «Очередные задачи профессиональных союзов» тиражом 15 тыс. экз. Среди книг, увидевших свет в 1918—1921 гг.,— официальные материалы (стенографические отчеты «Всероссийских съездов профессиональных союзов», отчеты ВЦСПС, протоколы, резолюции и материалы различных конференций, документы Президиума ВЦСПС); издания, раскрывающие роль и задачи советских профсоюзов («Рабочий контроль» и «Профессиональные союзы Советской России» А. Лозовского, «Задачи профессиональных союзов» и др.); материалы в помощь практической деятельности профсоюзов («Нормальный устав Всероссийского производственного союза», «Положение о фабрично-заводских комитетах», «Что должен знать и помнить инструктор по профдвижению» А. Лозовского, «Спутник профессионалиста» Я. И. Фина, тарифные сборники и др.); документы по вопросам охраны труда, адресованные в первую очередь женщинам и подросткам, которые заменили на фабриках и заводах ушедших на фронт мужчин («Охрана труда в рабоче-крестьянской России» и «Женский труд и его охрана» С. И. Каплуна, «Сборник документов, постановлений и циркуляров по охране труда» и др.); книги, знакомящие трудящихся с международным рабочим движением («Профессиональные союзы в Италии», «Индустриальные работники мира» В. Я. Яроцкого и др.).

Анализ книжной продукции Издательского отдела ВЦСПС показывает, что многие явления, происходившие в стране, не получили отражения в изданиях. Недостаточно освещалась деятельность партии по созданию новых профсоюзов, дискуссия о формах и методах работы профсоюзов, работа профсоюзов по мобилизации трудящихся на фронт, создание продовольственных отрядов, опыт первых коммунистических субботников.

Кроме книг, Издательский отдел ВЦСПС выпускал ежемесячный журнал «Профсоюзный вестник» (в 1919 г. вышло 3 номера) и еженедельную газету «Профсоюзное движение» — популярное

[26] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 612, л. 14.
[27] Там же, л. 8—9, 15.

издание, адресованное рабочим. Эта газета выходила почти без перебоев, рассказывая своим читателям о деятельности ВЦСПС, Народного комиссариата труда, ЦК Всероссийских производственных объединений. В ней регулярно освещались вопросы организационного строительства, тарификации, финансовых взаимоотношений союзных организаций, печатались постановления и циркуляры ВЦСПС. С закрытием журнала «Профсоюзный вестник» на страницах газеты стали появляться и теоретические материалы. Первоначальный тираж газеты составлял 20 тыс. экз., в декабре 1920 г. он достиг 100—150 тыс. экз., и газета стала выходить два раза в неделю. В начале 1921 г. из газеты «Профсоюзное движение» выделились «Бюллетень» (тираж 20 тыс. экз.), публиковавший все постановления и разъяснения ВЦСПС, и теоретический журнал «Вестник труда» (тираж 20 тыс. экз., объем 7 печ. л.). В журнале сотрудничали видные деятели партии и профсоюзного движения А. А. Андреев, В. А. Артем (Сергеев) и др. С марта 1921 г. выходит ежедневная газета «Труд» (тираж 150 тыс. экз.), заменившая газету «Профсоюзное движение». В 1920 г. издавался двухнедельник «Международное рабочее движение» (тираж 15 тыс. экз.), посвященный зарубежному профсоюзному движению. Вышло 6 двойных номеров, а потом журнал перешел в ведение Международного совета профессиональных союзов.

Издательские подотделы, организованные при культотделах ЦК отраслевых союзов, губпрофсоветов и региональных объединений профсоюзов (Южбюро, Сиббюро, Кавбюро и др.), опираясь на поддержку ВЦСПС, выпускали газеты, журналы, бюллетени, листовки, воззвания, инструкции, уставы союзов, протоколы конференций, тарифные справочники и др. К концу 1921 г. масштабы их деятельности расширились. Так, если в 1919 г. профсоюзы издали более 25 названий книг и брошюр общим тиражом около 500 тыс. экз., то в 1921 г.— около 130 периодических изданий и 100 названий книг и брошюр, три четверти которых были выпущены издательскими подотделами ЦК союзов и губпрофсоветов[28].

Энергично действовал редакционно-издательский подотдел Южбюро ВЦСПС, осуществлявший общее руководство ЦК союзов и губпрофсоветов на Украине. В 1921 г. он выпустил 29 названий пропагандистских брошюр, отчетов, справочников, календарей-плакатов и листовок общим тиражом 105 тыс. экз.[29]

Примером активной издательской деятельности отраслевых профсоюзов может служить работа Союза работников просвещения и искусства. В решениях III Всероссийского съезда работников просвещения и искусств (1921) было записано, что издательская деятельность Союза должна «вызвать к жизни все имеющиеся

[28] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 614, л. 22.

[29] Отчет Южбюро ВЦСПС Второй Всеукраинской конференции профсоюзов. 20 янв. 1922 г. Харьков, 1922, с. 90; ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 613, л. 25—28.

возможности педагогического и научного творчества»[30]. Издательство планировало выпуск периодических и непериодических изданий, руководство издательской работой местных комитетов профсоюзов. Сразу же после III Всероссийского съезда работников просвещения и искусств, 10 октября 1921 г., собрался I Пленум ЦК Союза, на котором был назначен заведующий РИО Ф. В. Кипарисов, избран издательский совет в составе П. П. Блонского, Н. И. Иорданского, Б. Г. Козелева, Н. К. Крупской, Ф. В. Кипарисова, А. Г. Калашникова, А. В. Луначарского и др.[31] Вскоре разработали Положение об отделе, утвердили на Президиуме его структуру и штаты, а затем было создано Положение об издательстве «Работник просвещения» и составлен производственный план на ближайшие месяцы[32]. За короткий срок были напечатаны и разосланы Отчет и Бюллетень III Всероссийского съезда работников просвещения и искусств, ежемесячные журналы «Работник просвещения и искусства» и «Вестник работников искусств», библиографический указатель по вопросам профдвижения работников просвещения в России. Велась подготовка по созданию журнала «Наука и высшая школа» и газеты «Культурная жизнь». В 1921 г. издательства приступили к формированию серии «Библиотека работника просвещения» (планировался 21 выпуск). За год были изданы «Французский народный учитель» А. Лозовского, «Введение в философию воспитания» Д. Дьюи и др.

Ограниченный бумажный фонд, кризис полиграфической промышленности, почти полное отсутствие квалифицированных кадров привели к необходимости централизовать издательскую деятельность профсоюзов. Вопрос о подчинении всей работы ЦК отраслевых профсоюзов и губпрофсоветов в области печати Издательскому отделу ВЦСПС обсуждался на II—IV Всероссийских съездах профсоюзов. Уже в решениях II Всероссийского съезда подчеркивалось, что «издательства отдельных союзов в техническом отношении должны быть соединены в одно издательство при ВЦСПС», а программа изданий — «приноровлена к нуждам профессиональных движений»[33].

ВЦСПС стремился к объединению издательской, экспедиционной и материально-технической базы всех профессиональных союзов и оказывал им значительную помощь. Так, в 1920 г. в типографии, прикрепленной к Издательскому отделу, печатались заказы 24 отраслевых союзов[34]. Через Издательский отдел ВЦСПС (по

[30] См.: Работник просвещения и искусства, 1921, № 1, с. 31.
[31] См.: Бюл. ЦК Всерос. союза работников просвещения и искусства, 1921, № 4/5, с. 27.
[32] См.: Работник просвещения и искусства, 1921, № 1, с. 122; ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 612, л. 35.
[33] Второй Всероссийский съезд профессиональных союзов. 16—25 янв. 1919 г.: Стеногр. отчет. М., 1921, с. 132.
[34] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 4, д. 330, л. 14.

его смете) в 1919 г. восемнадцати центральным союзам было отпущено 6 тыс. пудов печатной бумаги[35]. Госиздат отпускал бумагу по требованию отдельных союзов и губпрофсоветов, заручившись разрешением Издательского отдела ВЦСПС. В 1920 г. полномочия ВЦСПС в распределении бумаги профсоюзам были расширены. Губпрофсоветы стали получать ее от губисполкомов. В феврале 1921 г. Госиздат выработал твердые процентные нормы на выдачу бумаги отдельным издательствам, в частности, норма центральных профсоюзных издательств составляла 15% от месячной сметы Госиздата. Губпрофсоветы по-прежнему получали бумагу из запасов губисполкомов после визы Издательского отдела ВЦСПС, что обеспечивало планомерность издательской деятельности отраслевых союзов и контроль со стороны головной организации[36]. ВЦСПС помогал отраслевым профсоюзам не только бумагой, но предоставлял и денежные дотации. В 1921 г. на развитие печати ЦК отраслевых союзов было выделено более 420 млн. руб.[37]

Издательские отделы профсоюзов большое внимание уделяли распространению литературы. Особенно показательна в этом отношении деятельность РИО ВЦСПС. В 1919 г. экспедиция ВЦСПС разослала 1,8 млн. экз. книг и периодических изданий, кроме того, более 5 тыс. экз. книг и брошюр было передано для агитпоездов «Имени В. И. Ленина» и «Октябрьская революция»[38]. В 1920 г. через экспедицию было распространено около 3,7 млн. экз. газет, журналов, бюллетеней, тарифных сборников, справочников и других материалов и не менее 500 почтовых посылок с непериодической литературой[39]. С января 1921 г. распределение литературы сосредоточилось в Центропечати, при которой была создана специальная, подчиненная контролю ВЦСПС комиссия по распределению профлитературы[40].

В 1918—1921 гг. в стране было положено начало издательствам, специализирующимся на выпуске профсоюзной литературы. В дальнейшем предстояло проделать большую работу по централизации издательских подотделов профессиональных организаций и создать специализированное профсоюзное издательство.

Издательская деятельность союзов потребительской кооперации. Издательская деятельность потребительской кооперации являлась основой «неторговой работы» объединений, в ней отражались характерные черты, специфические особенности развития, преобразования кооперативного движения в советской стране.

[35] См.: Отчет ВЦСПС за 1919 год. М., 1920, с. 163.
[36] См.: Отчет ВЦСПС (март 1920 — апр. 1921 г.). М., 1921, с. 141—142.
[37] См.: Отчет ВЦСПС (май 1921—янв. 1922 г.). М., 1922, с. 347.
[38] См.: Отчет ВЦСПС за 1919 год. М., 1920, с. 164.
[39] См.: Отчет ВЦСПС (март 1920 — апр. 1921 г.). М., 1921, с. 145.
[40] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 5, д. 614, л. 3.

Потребительская кооперация, отталкиваясь от учения утопических социалистов, еще в дореволюционные годы стремилась выполнять «культурнические» и социальные функции.

В переходный период от капитализма к социализму кооперативам принадлежала ведущая роль в коренном переустройстве мелкотоварного сельского хозяйства, они являлись как бы «лестницей к социализму».

В. И. Ленин указывал, что после пролетарской революции кооперация получает «совершенно исключительное значение», что «полное кооперирование невозможно без целой культурной революции», что «простой рост кооперации для нас тожественен... с ростом социализма»[41].

После Октябрьской революции Россия покрылась густой сетью потребительских обществ. К 1 января 1918 г. их число составляло около 25 тыс. и они объединяли 10 млн. человек[42]. Однако на первых порах руководство потребительской кооперацией находилось под влиянием контрреволюционной буржуазии, что, безусловно, сказывалось на издательской работе: «экономисты» (В. П. Маховец-Акимов, Е. Д. Кускова), кадеты (С. Н. Прокопович) и другие пропагандисты «кооперативного социализма» направляли работу центрального органа потребительской кооперации — журнала «Союз потребителей». Мелкобуржуазные тенденции в кооперативных обществах преодолевались медленно[43].

Партия и правительство, сознавая важность потребительской кооперации в демократическом развитии страны и становлении социалистического строя, большое значение придавали руководству ее работой, контролю над всей деятельностью потребсистемы. Эта забота проявилась и в обращении ЦК РКП(б) от 27 сентября 1918 г. «Всем партийным организациям, всем членам партии», призывавшем большевиков участвовать во всех звеньях системы потребительской кооперации, обеспечивать партийный характер работы на всех ее участках, в том числе в деле просвещения народных масс. На основании этого документа Третий съезд рабочей кооперации (6—11 декабря 1918 г.) предъявил Центросоюзу ультиматум о введении в правление не менее двух третей коммунистов[44]. Началась перестройка кооперативной системы. Традиционные потребительские общества буржуазного характера уступали место коммунам и единым потребительским обществам

[41] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 375, 376.

[42] См.: Кооперативная статистика.— В кн.: Кооперативный сельский календарь на 1919 г. М., 1919, с. 28.

[43] См.: Морозов Л. Ф. От кооперации буржуазной к кооперации социалистической: Из истории становления сов. кооперации. М., 1969, с. 240.

[44] См.: ЦГАНХ, ф. 484, оп. 1, ед. хр. 473, л. 31; Резолюция об отношении к кооперации, предложенная ЦК РКП и принятая IX съездом партии.— Союз потребителей, 1920, № 2, с. 54—55.

(ЕПО), целиком контролируемым большевиками и Советской властью [45].

Большевистская партийность в руководстве печатью потребительской кооперации проявилась в требованиях к качеству изданий, полиграфическому оформлению, упорядочению издательских процессов, в том числе в вопросах введения новой орфографии, в планировании прохождения рукописей и т. д. В марте 1919 г. VIII съезд РКП(б) принял резолюцию «О политической пропаганде и культурно-просветительной работе в деревне», в которой предлагалось развернуть на селе коммунистическую пропаганду, повысить общее образование сельского населения. В выступлениях на съезде поднимались вопросы о развитии потребительской кооперации на основе решений съезда и Программы партии. Постановлением СНК РСФСР от 3 апреля 1919 г. «О реорганизации управления Центросоюза» Временное правление ВЦСПО было пополнено представителями рабочей кооперации и Совнаркома (А. М. Лежава, И. И. Скворцов-Степанов, П. Л. Войков, М. И. Фрумкин, О. Ю. Шмидт и др.) [46].

С переходом к мирному социалистическому строительству начался процесс коренной перестройки мелкобуржуазной потребительской кооперации в «кооперацию, руководимую пролетариями и полупролетариями». IX съезд РКП(б) (март — апрель 1920 г.) закрепил за партией руководство всеми организациями потребсистемы, чтобы сделать ее «рычагом социалистических преобразований в деревне», важной частью ленинской культурной революции [47]. Решения партийного съезда положили начало новому периоду в развитии кооперации. К 1921 г. заметно усилилось партийное руководство культурно-просветительной работой в потребсистеме: в кооперативные организации были возвращены опытные кооператоры-коммунисты, отозванные на фронт в годы гражданской войны и интервенции.

Издательская деятельность потребительской кооперации начала складываться в начале века. С 1903 г. выходит журнал «Союз потребителей» (периодическое издание МСПО), освещающий работу всех видов кооперации (потребительской, сельскохозяйственной, кредитной, транспортной и т. п.).

[45] Меркулов А. Летопись потребительской кооперации за 10 лет.— В кн.: Потребительская кооперация за 10 лет Советской власти. М., 1927, с. 247; Постановление ВСНХ о дополнении к п. 7 декрета от 12 апреля о потребительских кооперативах.— Правда, 1918, 30 нояб.

[46] См.: Щиглик А. И. Закономерности становления и развития общественных организаций в СССР: Полит.-правовое исслед. М., 1977, с. 132.

[47] Об отношении к кооперации: Резолюция IX съезда РКП(б) от 3/IV-1920 г.— В кн.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 2, с. 169—171.

Сеть издательских организаций потребительской и производственной кооперации в 1917—1920 гг. была достаточно широкой: кооперативные организации действовали в 50 городах, по самым приблизительным подсчетам, они выпускали более 300 (включая периодику) названий печатной продукции в год.

Чтобы упорядочить издательскую и книготорговую деятельность потребкооперации, в августе 1919 г. ВЦИК опубликовал список кооперативных учреждений, которым разрешалось печатать и распространять литературу [48].

В Москве и Петрограде издательскую и книготорговую деятельность в системе потребительской кооперации вели ВЦСПО (Центросоюз), Совет Всероссийских кооперативных съездов, Центральный Совет рабочей кооперации, Совет объединенной сельскохозяйственной кооперации, Общество оптовых закупок, Петроградский Союз рабочих потребобществ и многие другие.

Вопросы организационного совершенствования книгоиздательской и книготорговой работы неоднократно обсуждались на совещаниях крупных кооперативных объединений. Однако структура учреждений потребкооперации, ведающих издательской работой, часто менялась и в региональных союзах была различной.

В числе основных недостатков книжного дела в потребкооперации современники отмечали: несогласованность действий, мизерные средства, хаотичный рост аппарата, неподготовленность кадров, неустойчивость оборотов по непериодическим изданиям [49]. В докладе Г. Б. Сандомирского на I Всероссийском съезде по культурно-просветительной деятельности кооперации (февраль 1919 г.) отмечалось, что из-за ничем не оправданной конкуренции кооперативных издательств с частными и государственными, а также из-за «внутренней конкуренции» (т. е. соперничества между издательствами кооперации) выходит много дублирующих друг друга изданий [50].

Ведущим издательским учреждением потребительской кооперации в 1917—1921 гг. был ВЦСПО. В 1919 г. книжным делом в Центросоюзе занимались: образовательный отдел (с подотделами подписных изданий и лекционным), культурно-просветительный, хозяйственно-издательский (ХИО, куда входили книжный склад, бюро по рекомендации книг, типографский подотдел, экспедиция), инструкторский (с редакционно-издательским подотделом, а также школой для подготовки служащих), бюро иностранной печати [51].

[48] Известия ВЦИК, 1919, 2 авг.

[49] См., напр.: Совещание деятелей кооперативной печати.— Изв. Центросоюза, 1919, № 12, с. 69—75; Труды I Всероссийского съезда по культурно-просветительной деятельности кооперации. Вып. 3. Тверь, 1919, с. 93; Расходные сметы провинциальных контор.— Изв. Центросоюза, 1919, № 6—9, с. 30.

[50] См.: Труды I Всероссийского съезда по культурно-просветительной деятельности кооперации, с. 9—19.

[51] ЦГАНХ, ф. 484, оп. 1, д. 13, л. 53.

В 1920 г. в хозяйственно-издательский отдел вошел подотдел «чужих изданий», который распространял книги других издательств (партийных, частных и кооперативных) среди волостных и педагогических библиотек.

Нередко книги печатались по разнарядке Центральной распределительной комиссии (ЦРК), которая оказывала содействие и в обеспечении типографий оборудованием. Так, для типографии Центросоюза было выделено 12 полиграфических машин. Раньше Центросоюз закупал оборудование для своей типографии и в частном порядке, например, в 1919 г. он купил типографское оборудование у издательства «Задруга». По распоряжению ЦРК Центросоюз получал право печатать книги и в других организациях.

В 1918—1919 гг. частно-капиталистические предприятия с большим трудом приобретали бумагу для печати. Потребительская же кооперация обладала запасами бумаги, которые не подлежали реквизиции, более того, как общественная организация потребкооперация могла приобретать бумагу по разнарядке Главбума. В 1918 г. Центросоюз попытался наладить производство бумаги собственными силами.

Всероссийский Центральный союз потребительских обществ как «вершина кооперативной пирамиды»[52] пробовал готовить свои кадры специалистов в области издания и распространения книг. Организовывались курсы подготовки как краткосрочные (например, шестидневные), так и длительные — до трех месяцев[53].

Издательская деятельность ВЦСПО в 1918—1921 гг. развертывалась по трем направлениям. К первому относится выпуск книг по истории, теории и общим вопросам кооперации; ко второму — собственно пропагандистских (пропаганда кооперации) изданий, к третьему — листков и брошюр по самым разным вопросам сельской жизни.

Массовые издания объединялись в серии. Например, в 1919 г. в серии «Библиотека кооператора» вышел интересный сборник стихов, статей и речей о кооперации «Кооперативная хрестоматия». В целом «Библиотека кооператора» составила более ста выпусков. Приблизительно столько же брошюр вышло в серии «Кооперативная копейка». Массовый характер имела и серия литературы «для кооперативной пропаганды», адресованная малограмотному крестьянину. Серия открывалась брошюрой «Как все у мужика в долгу остались» (М., 1919).

Популярными были и подписные издания: «Записная книжка для члена кооператива», всевозможные календари (сельский, городской) и т. п. Известно, что для малограмотных крестьян календарь был подчас единственным источником информации о жизни страны, окном, через которое они смотрели в мир. По выпуску ка-

[52] ЦГАНХ, ф. 484, оп. 1, д. 71, л. 30.
[53] Там же, д. 101, л. 3, 27; д. 99, л. 80—83.

лендарей и записных книжек Центросоюз конкурировал с самыми крупными издательскими предприятиями того времени.

Особое место в издательской деятельности Центросоюза отводилось инструктивной литературе, которая охватывала все практические вопросы потребительской кооперации: примером может служить брошюра Г. Вульфа «Организация и учет книжной торговли в кооперативах» (М., 1919). Широко практиковалось оперативное печатание оттисков статей, посвященных насущным вопросам организации работы потребкооперации (М. В. Муратова, К. А. Пажитнова, Г. И. Поршнева и др.).

В системе потребительской кооперации выходило огромное число газет и журналов (так, в 1918 г.— около 150 названий) [54]. К ним относились в первую очередь периодика союзов кооперации, «смешанные» (в ведомственном отношении) издания, а также издания «комитетов содействия». Многие журналы и газеты в силу разных причин существовали непродолжительное время, часто сливались с другими изданиями, меняли название.

До образования местных отделений Госиздата (практически до 1920 г.) очень активной была издательская деятельность губернских союзов потребительской, а также кредитной кооперации.

Наиболее интенсивно в 1918—1919 гг. действовали Издательское товарищество кооперативов Тамбовского края, издательства Ярославского кредитного союза кооператоров, Союза просветительных организаций Нижегородского края, Тульского кредитного кооперативного союза, Тверского посреднического товарищества кооперативов. Последнее, например, возникло в марте 1918 г. и просуществовало до ноября 1920 г. Структура издательского отдела товарищества была типичной для издательских кооперативных союзов: книжный склад с отделением канцелярских принадлежностей, подотделы периодических и непериодических изданий и типография. Необходимо отметить, что практически все кооперативы располагали собственной полиграфической базой, что значительно облегчало выпуск изданий. Продукция издательства была сориентирована на рядовых членов кооператива. Так, Тверское посредническое товарищество кооперативов издавало брошюры объемом в 1—3 печ. л., объединенные в семь серий: «Вопросы кооперации», «Библиотека по внешкольному образованию», «Библиотека по сельскому хозяйству», «Кооперативная пропаганда», «Организационные вопросы кооперации» и др. В течение 1918 г. в этих сериях вышло более 16 изданий: «Земельная реформа и кооперация» и «Крестьянская кооперация на Западе» М. И. Туган-Барановского, «На что следует обратить внимание при выборе молочной коровы» А. Л. Скоморохова, «Место кооперации среди других социальных движений» В. Ф. Тотомианца, «Советы каждому о са-

[54] См.: Изв. Центросоюза, 1919, № 12, с. 69—75; Книжник, 1918, № 2—3, с. 1—4; Хейсин М. Л. Исторический очерк кооперации в России. М., 1918, с. 177—178.

мообразовании и о подготовке к общественной жизни» А. А. Покровского, «Декрет о потребительской кооперации»[55] и др.

В серии «Библиотека биографий-характеристик» были выпущены брошюры, посвященные И. С. Тургеневу, Ф. М. Достоевскому, А. Н. Островскому, Н. А. Некрасову, И. С. Никитину, А. П. Чехову, В. Г. Короленко, А. М. Горькому и другим русским писателям. Общий объем выпуска издательской продукции составлял в среднем 450—600 печ. л. в год (правда, сюда же входило большое число бухгалтерских форм и бланков для сельских кооператоров)[56].

Ярославский кредитный союз кооператоров, Издательское товарищество Тамбовского края, Нижегородский союз просветительных организаций специализировались на выпуске литературы просветительного характера и по экономическим и организационным вопросам кооперации. Так, в Ярославле в 1919 г. были выпущены брошюры «О сборе корья», «О минеральных искусственных удобрениях», «Собирайте лекарственные травы», «Словарь кооператора»; в Нижнем Новгороде — брошюра Е. Н. Медынского «Как организовать и вести сельские просветительные общества и кружки» и т. п.

Среди республиканских союзов кооперации выделялись широким размахом издательской деятельности Товарищество потребительских обществ Юга России (ПОЮР) и Харьковский кредитный союз кооперативов («Союз»). ПОЮР издал в 1918 г. более тридцати книг, в том числе ряд работ К. Маркса. Харьковский кредитный союз смог развернуть свою издательскую деятельность только во второй половине 1918 г., выпустил двадцать «изящно изданных солидных книг по кредитной кооперации, сельскому хозяйству, истории, природоведению своего края» и приступил к изданию учебников, букварей, хрестоматий[57].

ПОЮР и «Союз» создали на базе своих аппаратов книгораспространения объединенный книжный склад, который приступил (при посредничестве местных союзов потребительской и кредитной кооперации) к строительству сети книжных лавок и складов, дополняемых системой подвижных книжных ларей и вагонов-книжных лавок в курсирующих «агрономических поездах».

Объединение книготорговой и книгоиздательской деятельности кооперации в Харьковской области превратило Харьков в 1919 г. в крупный центр кооперативного книгоиздательства на Украине.

В 1918 г. из издательств и с книжных складов изымалась устаревшая литература. «Тяжелая книга» (издания, не пользующиеся спросом) составляла почти половину книжных запасов[58]. При

[55] Неторговый отчет Тверского посреднического т-ва кооперативов в 1918 г. Тверь, 1919, с. 40—41.
[56] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 4, д. 3, л. 38.
[57] См.: Кооперативное книжное дело на Юге.— Книжник, 1919, № 3—4, с. 5—7. Подпись: Н. Н. Н.
[58] ЦГАНХ, ф. 484, оп. 1, д. 480, л. 359—360.

этом ощущалась острая нехватка (не покрываемая собственной издательской деятельностью) кооперативной литературы. Потребительские общества развили энергичную деятельность по скупке подержанных книг[59], заключали договоры с частно-кооперативными издательствами[60] на печатание своих книг.

После объединения (летом 1918 г.) книгоиздательств и книжных складов Центросоюза и сельских рабочих кооперативов (СРК) (в январе 1919 г.) издательство и книжный склад Центросоюза значительно пополнились муниципализированными запасами книг типографий и книгохранилищ Моссовета.

В 1919 г. в ряде мест книгоиздательская деятельность потребительской кооперации была свернута (прекратилась совсем или ее функции были возложены на другие сельские культурно-просветительные учреждения)[61]. В соответствии с требованиями военного времени работа потребительской кооперации ограничивалась прежде всего распределением продовольствия и снабжением армии всем необходимым.

Книги по кооперации издавались не только издательско-книготорговыми отделами потребкооперации, но и рядом специализированных издательств, в организационном и финансово-экономическом отношениях тесно связанных с союзами потребительской кооперации. Это прежде всего издательство кооперативных союзов «Кооперация» (Петроград), товарищество «Кооперативное издательство» (Москва), петроградское книгоиздательство кооперативной литературы «Мысль».

Издательское товарищество кооперативных союзов «Кооперация» было образовано в марте 1917 г. на базе книжного склада петроградского отделения Комитета сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществ[62].

От этого комитета издательство приняло также журнал «Вестник кооперации», редактором и одним из руководителей которого был крупнейший буржуазно-либеральный экономист, некогда «легальный марксист» М. И. Туган-Барановский. Как показало время, «Вестник кооперации» не принес товариществу ни политического, ни денежного капитала: издание журнала было убыточно, и в апреле 1919 г. (в условиях острого бумажного голода, с одной стороны, ожесточения борьбы с мелкобуржуазной оппозицией —

[59] См.: Колышко П. Организация книжной торговли в кооперативах. Пг., 1919, с. 6—9; Кризис издательского дела.— Трудовая Сибирь, 1918, № 12, с. 11; Культурно-просветительная деятельность кооперативов: Практ. указания для учредителей и руководителей потреб. о-в. № 11. М., 1919, с. 10.

[60] ЦГАНХ, ф. 484, оп. 8, д. 102, л. 15, 28, 41, 46—47.

[61] Там же, оп. 1, д. 507, л. 19; д. 24а, л. 74; д. 473, л. 32; Кооп. жизнь (Вятка), 1922, № 3, с. 29—30. См. также: Шкабельникова О. Г. Становление и развитие пропаганды и распространения книги в системе потребительской кооперации СССР: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1982. 24 с.

[62] ЛГАЛИ, ф. 84, оп. 1, д. 7, л. 64.

с другой) «Вестник кооперации» в числе некоторых других журналов был закрыт Советским правительством.

Издательство «Кооперация» было первым в России самостоятельным издательством кооперативных союзов, в то время как все прочие кооперативные союзы предпочитали выпускать необходимую литературу через свои издательские подотделы, как это делал, например, Центросоюз.

Согласно уставу «Кооперации», членами товарищества являлись «кооперативные товарищества, их союзы, а также кооперативные объединения и организации, содействующие кооперации»[63]. В 1917—1921 гг. число коопсоюзов-пайщиков товарищества «Кооперация» колебалось от одного до трех десятков, в основном это были общества Петрограда и прилегающих к нему областей.

Основную финансово-экономическую поддержку «Кооперация» получала от Оптосоюза (Общества оптовых закупок для потребительских обществ). В первый год деятельности «Кооперации» Общество оптовых закупок оплачивало половину стоимости изданий[64].

Работой издательства руководил Совет товарищества из представителей пайщиков-коопсоюзов, редколлегии «Вестника кооперации», петроградского Кооперативного института и Правления издательства (в 1917—1918 гг. его возглавлял М. М. Брендстед, с февраля 1919 г.— П. Ф. Шмелев, с июля 1920 г.— Л. Н. Брик).

Товарищество в области книгоиздания и книгораспространения сотрудничало в основном с мелкобуржуазными издательствами «Революционная мысль», «Задруга», «Мысль», «Кооперативное издательство», «Книга», издательством Центросоюза и др., в той или иной мере ориентирующимися в своей деятельности на рабочего и крестьянина — «кооператоров, артельщиков»[65].

Издательство неоднократно ставило вопрос о приобретении собственной типографии, ратовало за централизацию кооперативного книжного дела. М. М. Брендстед выступил со специальным докладом по этому вопросу на совещании по культурно-просветительной деятельности кооперативов Северной области (1918 г.)[66].

В издательстве была хорошо развита информационно-библиографическая служба, находившаяся в тесном контакте с библиографическим отделом «Вестника кооперации». Научным руководителем этого объединенного библиографического отдела «Кооперации» была А. В. Мезьер (известный русский библиограф). Специально была разработана инструкция, наметившая три главных направления библиографической деятельности издательства: изучение рынка и книжных богатств, распространение библиографи-

[63] ЛГАЛИ, ф. 84, оп. 1, д. 3, л. 41 об.
[64] Там же, д. 1, л. 9 об; д. 7, л. 20—21.
[65] Там же, д. 1, л. 22 об., 40 об; д. 5, л. 20 об., 27 об., 57; д. 7, л. 86; д. 13, л. 23; д. 14, л. 10.
[66] Там же, д. 3, л. 95; д. 7, л. 26—27.

ческих сведений, информация об издательстве[67]. Библиографический отдел учитывал всю литературу по кооперации, пропагандировал эту литературу в периодике, снабжал ею издательства, библиотеки страны. Отдел принял активное участие в подготовке «Энциклопедии кооперативного книговедения», в которую должны были войти библиографические описания литературы по вопросам кооперации, а также серии брошюр: «Книговедение и кооперативная литература» М. М. Брендстеда, «К библиографии методологии» Н. А. Рубакина, «Библиография кооперативной библиографии» М. Л. Хейсина, «Библиотечное дело» М. П. Богданова, «Библиографический обзор кооперативной прессы» и др.[68] Однако этот замысел не был осуществлен.

До середины 1918 г. издательство обслуживало главным образом интересы потребительской кооперации, выпустив также несколько книг о кооперации общетеоретического характера. В дальнейшем издательство попыталось расширить свой профиль, подготовив ряд книг по истории и теории социализма, по вопросам международной политики и социологии, популярные и крайне необходимые в то время брошюры по сельскому хозяйству.

В 1917—1921 гг. издательство выпустило около пятидесяти книг и брошюр. Среди трудов по истории, теории и практике кооперативного движения отметим «Историю кооперативной мысли» К. А. Пажитнова (впоследствии видного советского экономиста, члена-корреспондента АН СССР), «Преступление капитализма» Ш. Фурье, «Исторический очерк кооперации в России» М. Л. Хейсина, «Кооперация и городское самоуправление» В. В. Островского, несколько работ по кооперации М. И. Туган-Барановского. Большое место в деятельности «Кооперации» занимали труды петроградского Кооперативного института, директор которого К. А. Пажитнов был постоянным членом Совета товарищества.

Книги выходили тиражом от 5 до 30 тыс. экз., объемом от 2 до 30 печ. л.

В 1919 г. «Кооперация» расширила репертуар своих изданий, подготовив серию популярных брошюр, адресованных крестьянам. К созданию литературы по сельскому хозяйству были привлечены специалисты, в основном агрономы-практики. Под редакцией профессоров К. И. Дебу и П. Н. Штейнберга «Кооперация» выпустила 11 популярных брошюр, призванных расширить агрономические познания крестьян. Брошюры (например, «Об удобрении почв», «Польза травосеяния», «Улучшение лугов и болот», «Паровая обработка почвы») выходили тиражом от 25 до 50 тыс. экз.[69]

[67] ЛГАЛИ, ф. 84, д. 3, л. 94.

[68] См.: Брендстед М. М. Книговедение и кооперативная литература: По поводу издания энциклопедии кооп. книговедения.— Вестн. кооперации, 1918, № 5/6, с. 150—158, № 7/8, с. 143—152; ЛГАЛИ, ф. 84, оп. 1, д. 3, л. 37—38.

[69] ЛГАЛИ, ф. 84, оп. 1, д. 15, л. 20.

В конце 1919 г. в силу ряда объективных обстоятельств (углубление хозяйственной разрухи в стране, проводимый в этих условиях курс ГИЗа на централизацию книжного дела) издательская деятельность «Кооперации» заметно сокращается. Стремясь сохранить свое предприятие и обеспечить сотрудников заработком, издательство переходит почти исключительно на выпуск конторских книг и счетоводных бланков для кооперативных союзов.

Товарищество «Кооперация», как и многие подобные организации, переживало, по выражению его тогдашнего руководителя Л. Н. Брика, «мертвый период» до весны 1921 г., когда после известных решений X съезда партии появились перспективы возобновления широкой издательской деятельности и книготорговли [70].

Аналогичной деятельности издательства «Кооперация» была деятельность товарищества «Кооперативное издательство», возникшего в Москве в мае 1917 г. В создании товарищества приняли участие все центральные кооперативные организации, сосредоточенные в Москве. Товарищество выпускало главным образом литературу «по общим вопросам кооперации», в то время как кооперативная литература «практического характера» издавалась и распространялась соответствующими кооперативными союзами. Товарищество «Кооперативное издательство» с 1918 г. начало издавать журнал «Книга», который, как говорилось в подзаголовке, посвящался вопросам практического книговедения и книжной торговли. Журнал просуществовал недолго: вышло всего 7 номеров. В 1920 г. по решению Центросоюза «Кооперативное издательство» передало свой портфель и технический аппарат ГИЗ [71].

С переходом к нэпу, в конце 1921 г., началась перестройка книгоиздательской работы союзов потребительской кооперации. Формально оставаясь общественной организацией, в годы гражданской войны потребкооперация (и в частности, Центросоюз) все в большей мере стала выполнять хозяйственные функции в системе Наркомата продовольствия.

Издательская деятельность пролетарских культурно-просветительных организаций. В условиях первых лет революции и гражданской войны, когда внимание партии было сосредоточено на задачах обороны страны, борьбы с внутренней контрреволюцией и на решении насущных экономических задач, некоторые стороны культурной жизни страны оказались под влиянием Пролеткульта. Эта первая массовая культурная организация пролетариата в России возникла накануне социалистической революции. Ее организационное оформление произошло на I конференции пролетарских культурно-просветительных обществ (16—19 октября 1917 г.) в Петрограде. После победы Октябрьской революции партия вправе была рассчитывать на то, что найдет в Пролеткульте надеж-

[70] ЛГАЛИ, ф. 84, оп. 1, д. 17, л. 6.
[71] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 111, л. 86.

ного помощника в деле культурного и политического воспитания трудящихся. В приветственном письме к I Всероссийской конференции Пролеткульта (1918) В. И. Ленин призывал участников движения за пролетарскую культуру шире взглянуть на свои задачи, не ограничиваться культурничеством, включаться в борьбу за подготовку рабочих к управлению государством[72]. Однако этого не произошло, потому что во главе Пролеткульта стояли «сторонники враждебной марксизму идеалистической философии»[73].

Идеологи Пролеткульта руководствовались «теорией» пролетарской культуры А. А. Богданова, бывшего руководителя группы «Вперед». Теоретики Пролеткульта, идейные наследники группы «Вперед», настойчиво выступали против партийного руководства культурным строительством, пытались навязать свои антимарксистские теории «особой пролетарской культуры». Не меньшую опасность представляли сектантские настроения идеологов Пролеткульта. Ставить культурное творчество пролетариата на один уровень с крестьянским, рассуждали они, значило бы унизить культурные достижения рабочего класса и отрицать его гегемонию. «Мы строим свою организацию так, чтобы Пролеткульт мог диктовать свою волю крестьянским массам, мы стремимся всеми фибрами, если можно выразиться так, к диктатуре пролетариата в области культуры»,— было записано в протоколах I Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций[74].

Отношение пролеткультовцев к старой интеллигенции, как и отношение к культурному наследию вообще, не было однозначным. Большинство из них признавали необходимость изучения культуры прошлого, а следовательно, и необходимость использования в практике социалистического строительства носителей этой культуры — дореволюционной интеллигенции[75]. Но для определенной части пролеткультовцев было характерно нигилистическое отношение к культуре прошлого, что могло иметь самые пагубные последствия для практики социалистического строительства, если бы оно не было своевременно разоблачено и пресечено партией. Ленинская критика[76] помогла Пролеткульту избавиться от опасных сепаратистских, сектантских, гегемонистских тенденций и превратиться в полезную культурно-просветительную организацию, просуществовавшую до начала 30-х гг. Борясь с псевдоноваторской идеологией Пролеткульта и ее носителями — выходцами из буржуазной интеллигенции, В. И. Ленин и партия никогда не

[72] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 87.
[73] В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1976, с. 586.
[74] Протоколы I Всероссийской конференции пролетарских культурно-просветительных организаций. М., 1918, с. 27.
[75] Подробнее см.: Пинегина Л. А. Советский рабочий класс и художественная культура (1917—1932 гг.). М., 1984. 240 с.
[76] См.: Горбунов В. В. В. И. Ленин и Пролеткульт. М., 1974. 237 с.

отождествляли их с полумиллионной армией рядовых пролеткультовцев[77], честно работавших на огромном фронте строительства пролетарской культуры.

Объединяя в своих студиях к 1920 г. около 80 тыс. рабочих, несколько тысяч опытных специалистов-инструкторов, насчитывая более 300 организаций, в том числе 40 губернских, имея на вооружении сотни творческих студий, театры, Пролеткульт представлял собой огромную культурную силу. Эту мощь усиливало и наличие собственной издательской базы.

Свою издательскую деятельность Пролеткульт начал в 1918 г. почти одновременно в Петрограде и Москве; издательские отделы (секции) развертывали свою деятельность во многих городах Советской России. Уже в первые три месяца в издательский портфель Пролеткульта поступило более 100 произведений пролетарских литераторов. Первыми книгами, вышедшими в 1918 г., были «Поэзия рабочего удара» А. К. Гастева, роман П. К. Бессалько «Катастрофа» и сборник стихов и прозы авторов-рабочих. В дальнейшем, несмотря на крайне неблагоприятные материальные условия, издательство приступило к выпуску серии «Библиотека Пролеткульта». Каждое издание (от 16 до 32 с.) было посвящено творчеству какого-нибудь одного автора, предварялось его краткой биографией, иллюстрировалось портретом автора. В 1918 г. в этой серии вышло 11 книг.

В трудном 1919 г. Петроградский Пролеткульт выпустил 14 сборников стихотворений пролетарских поэтов: В. Т. Кириллова, А. К. Гастева, С. Г. Ефремова (Горемыки), В. В. Князева, И. И. Садофьева, А. П. Крайского, А. Н. Поморского и др.; 11 сборников рассказов: Грошика (С. И. Копейкина), А. П. Чапыгина, В. С. Попова (Дубовского) и др.; 4 пьесы (П. К. Бессалько, В. В. Игнатова и др.) и даже ноты 15 произведений пролетарских музыкантов[78].

Помимо художественной литературы издательские отделы Петрограда и Москвы выпускали книги по вопросам пролетарской культуры, искусства, клубной работы и т. д.

Отдавая должное усилиям издательских отделов Пролеткульта выдвинуть новую плеяду литераторов, нельзя не отметить, что опирались эти отделы на чрезвычайно узкий круг писателей-рабочих, творчество которых к тому же было отмечено (в силу известных условий), как говорил В. В. Воровский, «проклятьем нехудожественности».

В 1920 г. в соответствии с решением I Всероссийского съезда Пролеткульта его московский Литературно-издательский отдел подвергся некоторой реорганизации. Резолюция съезда предусматривала расширение материально-технической базы издательства

[77] См.: Ленин В.И . Полн. собр. соч., т. 41, с. 462.
[78] См.: Издания Петроградского Пролеткульта: Каталог № 2, Пг., 1919, с. 1—2.

и, самое главное, привлечение новых творческих сил. Ставка делалась на литературные студии Пролеткульта, которых в стране в 1919 г. насчитывалось 260. Наиболее талантливые студийцы вошли в литературно-издательские отделы (секции) Пролеткульта в Москве, Петрограде и на местах, а также в издательства-редакции пролеткультовских журналов. Источником пополнения издательства кадрами квалифицированных литераторов стала открывшаяся в ноябре 1920 г. при ЦК Пролеткульта Центральная литературная студия с 36 учащимися (32 из них были коммунистами) [79]. В результате редакционно-издательская деятельность Пролеткульта оживилась. В Московском отделении только за ноябрь — декабрь 1920 г. было отредактировано около 100 рукописей московских и иногородних авторов.

Всего за 1918—1921 гг. литературно-издательские отделы Пролеткульта в Москве и Петрограде выпустили отдельными изданиями: прозы — 21 произведение, среди них романы П. К. Бессалько «Катастрофа» и «Бессознательным путем», рассказы Анны Весниной (А. П. Ивановой), П. А. Арского, М. И. Волкова и др., 9 пьес, 25 сборников стихотворений. Кроме этого, отдельными изданиями вышли альманахи: «Пролетарский сборник», «Альманах пролетарской культуры», «Набат», «Сборник статей памяти Ф. И. Калинина», «Трибуна Пролеткульта. Чтец-декламатор» и др. Обращают на себя внимание появившиеся в этом потоке имена Вс. В. Иванова («Партизаны», «Сойка»), Н. Н. Ляшко («Льдинка на солнце», «Весенний день»), А. А. Жарова («Слово о Поволжье») и других известных в будущем советских писателей, чьи произведения впервые увидели свет в издательствах Пролеткульта.

Многие губернские пролеткульты имели собственные журналы. Но были случаи, когда журналы издавали уездные и даже фабрично-заводские пролеткульты. Мерилом здесь был не масштаб организации, а степень энтузиазма ее членов. Трудности времени обрекали журналы на кратковременную жизнь, поэтому невозможно назвать их точное число. Исследователи сходятся на том, что в период гражданской войны оно колебалось от 15 [80] до 34 [81].

Все пролеткультовские журналы можно разделить на две основные группы — центральные и периферийные. К первой относились: «Пролетарская культура», «Грядущее», «Горн», «Гудки». Главным теоретическим органом, издаваемым ЦК Всероссийского Совета Пролеткульта, был журнал «Пролетарская культура». Его актив составляли А. А. Богданов, П. И. Лебедев-Полянский, П. М. Керженцев, Ф. И. Калинин, П. К. Бессалько, В. Ф. Плетнев, А. К. Гастев и др. Первый номер журнала вышел в Москве в июле 1919 г. тиражом 25 тыс. экз.

[79] См.: Печать и революция, 1921, кн. 1, с. 182—183.
[80] См.: Очерки истории русской и советской журналистики: 1917—1932. М., 1966, с. 25.
[81] См.: Горбунов В. В. В. И. Ленин и Пролеткульт, с. 125.

Главной целью журнала была разработка теоретических основ «пролетарской культуры» в пролеткультовском ее толковании, т. е. как культуры одного пролетариата. Этому были посвящены программные статьи А. А. Богданова, в которых отразилась его идеалистическая «философия живого опыта». Вульгарно-социологический подход к явлениям литературы и искусства, «насаждение концепции» накладывали отпечаток на весь журнал. Но вместе с тем он имел интересные отделы критики, библиографии, хроники; последний дает возможность на конкретных примерах увидеть размах пролеткультовского движения.

Журнал «Грядущее» первоначально был органом возникшего до революции Союза рабочих писателей «Искусство и социализм». Но в 1918 г. со второго номера «Грядущее» становится органом Петроградского Пролеткульта. Вокруг него объединились рабочие поэты и прозаики, начавшие свой творческий путь в дореволюционной большевистской печати (А. И. Маширов-Самобытник, Н. Г. Полетаев, И. И. Садофьев), а также более молодые, но прошедшие школу гражданской войны литераторы: М. П. Герасимов, В. Т. Кириллов, С. Г. Ефремов (Горемыка) и др. Этот литературно-художественный журнал публиковал стихи, рассказы, очерки. Особенно интересна была информация с мест о деятельности губернских пролеткультов, воссоздававшая панораму культурной жизни масс. Изредка на страницах «Грядущего» появлялись теоретические статьи руководителей Пролеткульта — П. И. Лебедева-Полянского, Ф. И. Калинина и др., написанные под влиянием богдановских идей. Со статьей, трактующей нигилистическое отношение к культуре прошлого, в шестом номере за 1918 г. выступил П. К. Бессалько. Сектантская позиция была занята этим автором и в отношении «крестьянской» литературы (№ 4, 1918 г.).

Журнал «Горн» был органом Московского Пролеткульта. Он «стремился отображать практическую работу по претворению теоретически осознанных задач в жизнь»[82]. В его редколлегию входили В. Д. Александровский, М. П. Герасимов, П. М. Керженцев, Ф. И. Калинин, С. А. Клычков и др. В журнале нередко выступали представители различных литературных групп — Андрей Белый и др., но в основном это был все же пролеткультовский журнал.

С марта по июнь 1919 г. просуществовал журнал «Гудки», поставивший перед собой задачу организации пролетарских писателей, «выявление их творческого напряжения, обобщение опыта студийной работы Пролеткульта, критическую оценку его работы вообще и литературной студии в особенности». В нем сотрудничали В. В. Казин, Н. Г. Полетаев, М. И. Волков, И. Е. Ерошин, С. А. Обрадович, Г. А. Санников, С. А. Родов и др. Он прекратил свое существование на шестом номере.

[82] См.: Горн, 1918, № 1, с. 2.

Издательскую работу Пролеткульта в 1918—1921 гг. на периферии учесть трудно. Литературные студии были непременной принадлежностью каждого местного пролеткульта. Лучшие произведения студийцев публиковались в местных печатных органах Пролеткульта: «Мир и человек» (издание Колпинского Пролеткульта), «Литературное творчество пролеткульта» (Покровский Пролеткульт), «Наш горн» (Бежицкий Пролеткульт), «Труд и творчество» (Смоленский Пролеткульт), «Грядущая культура» (Тамбовский Пролеткульт), «Зарево заводов» (Самарский Пролеткульт), «Пролеткульт» (Тверской Пролеткульт), «Молот» (Оренбургский Пролеткульт), «Рубежи» (Белевский Пролеткульт), «Красное утро» (Орловский Пролеткульт), «Пролетарское искусство» (Пролеткульт Великого Устюга), «Зори» (Клинский Пролеткульт), «Новые силы» (Кронштадтский Пролеткульт), «Взмахи» (Саратовский Пролеткульт), «Жизнь искусств» (Кологривский Пролеткульт) и многие другие.

Все эти издания имели много общего не только по форме, но и по содержанию. Тонкие, в несколько страниц, журналы печатались на серой оберточной бумаге. Как правило, в первом номере возвышенным слогом декларировалась необходимость гегемонии пролетариата в литературе и искусстве. Отдел поэзии заполнялся произведениями начинающих авторов из рабочих, в большинстве своем подражавших космическим и «железным» мотивам центральных журналов. Проза чаще всего была слабой, проблемы ставились и разрешались с лозунговой четкостью.

Кроме журналов, студийцы могли публиковать свои сочинения в специальных сборниках, издавать которые считали своим правом каждая студия и даже литературный кружок. Например, в 1919 г. Симбирский Пролеткульт выпустил «Сборник стихотворений», Вологодский — сборник «Ярь», Смоленский — два сборника: «Паяльник» и «Тройка», Пролеткульт Ростова-на-Дону — сборник «Пролетарские писатели», Рыбинский Пролеткульт — «Сборник Рыбинского Пролеткульта» и т. д. В 1921 г. Архангельский Пролеткульт издал сборник «В путь», Вологодский — «Крепь», Смоленский — «Ступени» и др. [83]

Кроме того, существовало множество журналов и выходило большое число сборников, которые, не принадлежа Пролеткульту, именовали себя «пролетарскими»: «Отклики» (Сызрань), «Сирена» (Воронеж), «Чугунный улей» (сборник пролетарских писателей Вятки), «Взмах» (сборник стихов и поэм иваново-вознесенских пролетарских поэтов), «Звено» (сборник стихов харьковских пролетарских писателей), «Красный хор» (сборник стихотворений рабоче-крестьянских поэтов Москвы), «В буре и пламени» (сборник стихотворений ярославских рабочих поэтов) и т. п. В них сотруд-

[83] См. также настоящее издание, т. 1, с. 168—169.

ничали не только отдельные писатели и поэты, но и целые литературные кружки и объединения.

Журнал «Творчество» так характеризовал многочисленные пролеткультовские сборники: «Сборники Пролеткультов всегда представляют глубокий интерес, даже при серьезных ошибках и недочетах; они свидетельствуют, как растет и развивается самодеятельность пролетарских масс, что их волнует и куда они идут в области литературы и художественной культуры вообще»[84].

Какие проблемы волнуют пролетарские массы, «куда они идут в области культуры», было видно, например, из названия и предисловия журнала, издаваемого небольшим литературным кружком рабочих Колпинского завода. Журнал назывался «Мир и человек», а открывался он такими словами: «Мы живем в маленьком городке, выросшем вокруг большого завода, но нет такого угла сейчас на нашей земле, который не чувствовал бы себя в центре мира, и нет никаких данных теперь жителю самого незаметного допрежь уголка нашей Федеративной Социалистической Республики Советов не чувствовать себя человеком в самом благородном значении этого понятия»[85].

Литературно-издательская деятельность Пролеткульта интересна еще и тем, что она дала жизнь другим печатным органам пролетарского культурного движения.

5 февраля 1920 г. в «Правде» было опубликовано заявление группы пролетарских писателей за подписью В. Д. Александровского, М. П. Герасимова, Н. Дегтярева, В. В. Казина, С. А. Обрадовича, С. А. Родова и Г. А. Санникова о том, что они, «оставаясь на точке зрения пролетарской культуры», выходят из Московского Пролеткульта и создают секцию пролетарских писателей при Литературном отделе Наркомпроса. Группа получила название «Кузница» — по одноименному журналу, первый номер которого вышел в мае 1920 г.

Организовавшаяся в феврале 1920 г. при ЛИТО Наркомпроса секция пролетарских писателей уже к октябрю подготовила семь номеров журнала «Кузница», несколько альманахов, сборники стихов М. П. Герасимова («Железная весна»), В. В. Казина («Рабочий май»), С. А. Обрадовича («Город»), А. Я. Дорогойченко («Земные небеса»), А. П. Гуцевича («Факелы»), книги рассказов М. Г. Сивачева, Н. Н. Ляшко, М. И. Волкова и др.

Как отмечалось в отчете секции, с марта до октября 1920 г. «редакционной коллегией проредактировано более 400 рукописей стихов, рассказов, пьес, сказов — в общей сложности около 250 печатных листов»[86]. Однако составители цитируемого отчета были вынуждены признать, что «технические затруднения... заставляют

[84] Творчество, 1921, № 11/12, с. 49.
[85] Мир и человек, 1919, № 1, с. 1.
[86] Культурное строительство в РСФСР. 1917—1927 гг.: Док. и материалы. М., 1983, т. 1, ч. 1, с. 366.

секцию пролетарских писателей „сжиматься" в издании, но более расширять устную пропаганду пролетарского творчества».

Несмотря на то, что организаторы «Кузницы» объявили о разрыве с Пролеткультом, характер публикуемых материалов неопровержимо свидетельствовал о близком их родстве. Одной из причин отделения «Кузницы» был «бунт» ее членов против жестких богдановских канонов, сковывающих творческие возможности литераторов и недооценивающих значение художественной формы. В декларации, принятой в марте 1921 г., «Кузница» провозгласила «полную свободу в выборе творческих методов», однако на практике освобождение от «проклятия нехудожественности» шло медленно. Отдел поэзии был наиболее популярен в журнале. Его питало творчество все тех же В. Т. Кириллова, М. П. Герасимова, В. Д. Александровского, В. В. Казина, Н. Г. Полетаева и др. Но особенностью «Кузницы» было то, что вокруг нее группировалось ядро уже известных (А. С. Новиков-Прибой, А. С. Серафимович, Ф. В. Гладков) и молодых (Н. Н. Ляшко, А. С. Неверов, М. И. Волков, И. Г. Филиппченко и др.) прозаиков.

«Кузница» явилась инициатором созыва I Всероссийского съезда пролетарских писателей, состоявшегося 18—21 октября 1921 г.

* * *

Таким образом, учитывая трудности времени, следует признать издательскую деятельность Пролеткульта в 1917—1921 гг. не только достаточно активной, но и полезной. Несмотря на серьезные ошибки идеологического характера, научную несостоятельность в решении многих вопросов развития советской культуры, это были первые издания (журналы и книги), содействовавшие вовлечению трудящихся в процесс культурного творчества, развитию их творческих возможностей, без чего невозможно строительство социализма.

Издательская деятельность ВСНХ и наркоматов

Государственное техническое издательство.— Научное химико-техническое издательство.— Издательство Бюро иностранной науки и техники (БИНТ).— Возникновение издательств при наркоматах.— Репертуар издательской продукции наркоматов.

В этой и следующей главах рассматривается издательская деятельность различных организаций, целиком или преимущественно занимавшихся в 1918—1921 гг. изданием научной и технической книги. Подобную же литературу выпускали также партийные, некоторые частно-кооперативные и другие издательства, поэтому в этой и других главах настоящей монографии освещаются вопросы сотрудничества научных организаций с названными издательствами. В центре внимания данной главы — становление советского научно-технического книгоиздания.

Издание научной и технической книги в дореволюционной России явно не удовлетворяло возраставшие из года в год требования народного хозяйства. В начале XX в. репертуар научного и технического книгоиздания несколько расширился; книжный рынок обогатился изданиями широко известных и давно уже ставших классическими трудов выдающихся русских ученых — Н. Е. Жуковского, Д. И. Менделеева, А. Н. Крылова, К. Э. Циолковского, В. П. Горячкина.

Однако в целом научной и технической литературы было недостаточно. Так, в 1913 г. на территории всей огромной Российской империи вышло немногим более тысячи названий технической литературы, что составило 3,2% всей книжной продукции страны[1]. Низкими были и тиражи технической книги: в 1913 г. общий тираж составил приблизительно 1,5 млн. экз.

Дореволюционная техническая книга была ориентирована на немногочисленные слои научной и инженерно-технической интеллигенции. Выпускали, правда, литературу и для рабочих: русский капитализм был заинтересован в создании контингента технически грамотных, высококвалифицированных рабочих, однако специальную литературу для рабочих издавали мало и приобрести ее было трудно. «Заводские и ремесленники,— писал в 1913 г. технический журнал,— ищут книг по своим специальностям часто по всей Москве... Часто бывает, что при всем желании и купить-то их нельзя, или ничего по этому вопросу не существует, или в магазинах не

[1] Подсчитано по изданию: Статистика произведений печати, вышедших в России в 1913 году. Пг., 1915. 114 с.

найдешь»[2]. Ученые и крупные специалисты-практики редко писали для рабочих, что создавало благоприятные условия для авторов-дилетантов и порождало низкокачественную литературу.

Издание специальной литературы было распылено между многими издательствами, в большинстве случаев универсальными.

Только после Великой Октябрьской социалистической революции были созданы условия для развития специального книгоиздания, его коренной перестройки и социальной переориентации.

Основоположники марксизма-ленинизма разработали фундаментальные положения марксизма о роли науки в коммунистическом преобразовании общества, обосновали принципы ее развития на новых началах, сформулировали важнейшее положение о превращении науки в непосредственную производительную силу.

Исключительное значение для становления и дальнейшего развития советской технической книги имели требования к ней В. И. Ленина: быть актуальной, строго научной и вместе с тем доступной для широкой читательской аудитории, а главное — политически направленной, соответствующей задачам народнохозяйственного строительства.

В 1918 г. В. И. Ленин указывал: «Учиться работать — эту задачу Советская власть должна поставить перед народом во всем ее объеме»[3]. В. И. Ленин был идеологом и организатором производственной пропаганды. 18 ноября 1920 г. он сделал черновой набросок «Тезисов о производственной пропаганде»[4], которые представляли собой широкую программу развертывания в стране научно-технической информации и издания качественно новой производственно-технической литературы.

В. И. Ленин предлагал уделять производственной пропаганде больше места в центральных газетах, создать специальную газету. Предполагалось, что публикуемые или поступающие в нее материалы будут систематически издаваться в виде брошюр или листовок, которыми будут снабжать библиотеки и предприятия. Ленин указывал, что наряду с учебниками и обзорами заграничной техники этот материал должен служить для распространения профессионально-технического *и политехнического образования*[5]. Он требовал систематически и организованно привлекать к производственной пропаганде инженеров, агрономов, учителей.

[2] Цит. по: Куликов С. М. Спрос на книги по прикладным знаниям.— Бюл. о-ва электротехников, 1913, № 85, с. 381.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 189.

[4] Этот ленинский документ появился в печати в 1928 г. Но его содержание стало известно широким массам уже в ноябре 1920 г. Он был положен в основу проекта тезисов Главполитпросвета, опубликованных в «Правде» 27 ноября 1920 г. под заголовком «Производственная пропаганда (проект тезисов Главполитпросвета)».

[5] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 15.

Эти требования В. И. Ленина к советской технической книге предопределили пути ее становления и развития.

Качественно новую техническую книгу, рассчитанную не только на ученых, инженеров, техников, но и на миллионные массы трудящихся, предстояло создать в самые короткие сроки. Такая книга, отражающая последние достижения техники и производства, должна была «учить работать». Подготовка ее рассматривалась как важнейшая задача Советского государства. Однако решение этой задачи было связано с преодолением значительных трудностей.

К середине 1918 г. многие частные издательства были национализированы и свернули работу. Ведомственные и другие государственные издательства почти совсем не выпускали техническую литературу. Необходимо было создать крупные специальные научно-технические издательства. Их создание и деятельность на протяжении многих лет были связаны с ВСНХ — штабом советской промышленности.

Государственное техническое издательство. 16 августа 1918 г. постановлением Совнаркома РСФСР при ВСНХ был образован Научно-технический отдел (НТО), которому поручили объединить научные и научно-технические учреждения страны, чтобы затем направлять и планировать их работу, связывая ее с развитием народного хозяйства.

В сентябре 1918 г. Совнарком РСФСР принял Положение об Издательской секции при отделе организации производства ВСНХ, которая была призвана издавать в рамках ВСНХ научно-техническую литературу.

Вопрос об организации издания технической книги в масштабах страны был поставлен также секретарем СНК РСФСР Н. П. Горбуновым в начале октября 1918 г. в докладной записке Президиуму ВСНХ[6].

Коллегии НТО была представлена «Докладная записка об организации Механической части издательства при Научно-техническом отделе ВСНХ»[7]. Этот документ вместе с другими составил основу постановления НТО от 9 октября 1918 г. об организации Научно-технического издательства[8] — будущего Гостехиздата.

Издательство имело центральное отделение в Москве и филиал в Петрограде. В состав редсовета вошли профессора М. В. Кирпичев, А. Н. Долгов, Л. П. Смирнов, инженеры А. С. Бриткин, А. И. Бурков, Е. Я. Шульгин и др.[9] Заведующим издательством

[6] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 34, л. 21—22.
[7] Там же, д. 512, л. 38—45.
[8] Там же, д. 2, л. 31.
[9] В июле 1919 г. Президиум ВСНХ утвердил новый состав редакционного совета: В. Я. Чубарь, Л. Я. Карпов, Н. П. Горбунов, Н. М. Федоровский, А. А. Эйхенвальд, А. Н. Долгов, М. Я. Лапиров-Скобло. (ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 520, л. 56).

был назначен А. Г. Браун, Петроградское отделение возглавил С. Н. Поляк[10].

Издательство ставило перед собой следующие задачи: представить в издаваемой литературе все отрасли техники, создать книги по тем отраслям техники, которые не получили в дореволюционное время достаточного развития. Издательство было призвано «дать русской технике лучшие книги от элементарных руководств до ученых сочинений из всемирной литературы»[11]. Намечалась широкая программа подготовки книг различного целевого и читательского назначения: руководств для рабочих, мастеров и средних технических школ, для инженеров и высшей технической школы, монографий, справочников, словарей, трудов классиков науки, трудов по истории техники, атласов, сборников чертежей и т. д.

Таким образом издательство готовилось к выпуску технической литературы по всем основным отраслям техники и производства и для различных категорий читателей. Но, правильно понимая свои задачи, в условиях гражданской войны и хозяйственной разрухи оно не могло полностью и в срок выполнить свою программу. Так, Московское отделение издательства с ноября 1918 г. по март 1919 г. приняло к печати 117 книг, рассмотрело 223 рукописи, а также книги для переиздания[12], но далеко не все из них вышли в свет. Безуспешно пытался НТО получить для своих нужд типографии в Москве и Петрограде, наладить печатание книг в Харькове и даже в Финляндии, Швеции, Эстонии, Латвии.

В 1919 г. Научно-техническое издательство НТО выпустило в свет 10 названий книг общим тиражом 45 тыс. экз., а в 1920 г.— 24 названия тиражом уже 105 тыс. экз.[13]; в 1921 г.— 39 названий тиражом 295 тыс. экз. Бо́льшая их часть выходила в серии «Инженерно-промышленная библиотека». На протяжении многих лет это была крупнейшая серия технической литературы, которая формировалась по признаку читательского назначения. В ее состав входили научные монографии, производственно-технические пособия, учебные руководства, справочники. При подготовке выпусков серии предпочтение отдавали произведениям молодых авторов[14].

Важная роль в развертывании производственно-технической пропаганды отводилась серии Гостехиздата «Рабочая библиотека». Идея создания этой серии принадлежала будущему заведующему Гостехиздатом, видному участнику революционного движения, автору-рабочему, популяризатору технических знаний И. В. Рабчинскому.

[10] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 47, л. 25; д. 165, л. 17.
[11] Там же, д. 2, л. 32.
[12] Там же, д. 230, л. 124.
[13] Там же, оп. 61, д. 985, л. 58.
[14] Там же, оп. 60, д. 781, л. 24 об.

Иван Васильевич Рабчинский (1879—1950) — член партии с 1905 г., рабочий. В 1911 г. опубликовал книгу «Электромонтер. Правила установки», выдержавшую 12 изданий. Учился в Петербургском политехническом институте. Активный участник Февральской и Октябрьской революций в Эстонии, председатель Военно-революционного комитета Эстонского края. С 1919 г. — ответственный работник ВСНХ. В 1920—1931 гг. И. В. Рабчинский руководил работой Гостехиздата, был инициатором ряда крупных издательских предприятий, широко развернул деятельность Гостехиздата в условиях хозяйственного расчета, восстановления народного хозяйства, индустриализации страны. С 1931 г.— на научной работе, затем директор Московского электротехнического института связи. С 1935 г. — главный редактор Главной редакции энергетической литературы Объединенного научно-технического издательства Наркомтяжпрома СССР.

В сентябре 1920 г. коллегия НТО ВСНХ одобрила план «Рабочей библиотеки» и список редакторов.

Предполагалось, что в состав серии войдут книги по всем отраслям техники и промышленности. «Рабочая библиотека» формировалась с учетом читательского назначения. В нее входили производственные пособия, учебные руководства, справочные и научно-популярные издания, но преобладали практические руководства. Большинство изданий предназначалось для квалифицированных рабочих и учеников. Наряду с выпуском новых книг планировались переиздания хорошо зарекомендовавших себя старых пособий.

Создание «Рабочей библиотеки» объявлялось важнейшей задачей издательства. К ее формированию привлекли лучших специалистов. Чтобы ускорить выпуск серии, а также других технических изданий, в Берлине было налажено издание научно-технических книг на русском языке. Первой в серии «Рабочая библиотека» стала книга Э. Шульца «Болезни электрических машин», предназначенная для электротехников. Книга была быстро подготовлена и вышла в свет в декабре 1920 г.[15] На титульном листе одного из ее экземпляров — надпись Н. М. Федоровского: «Дорогому Владимиру Ильич[у]. Первый наш опыт». Так выполнялись ленинские указания.

В 1921 г. вышли из печати семь выпусков серии общим тиражом 75 тыс. экз.[16]

Издание «Рабочей библиотеки» тесно связано с созданием справочной литературы для рабочих. В 1920 г. Гостехиздат разработал программу технико-промышленной библиотеки справочников (спутников) для рабочих. Предполагалось подготовить комплекс серий по отраслям промышленности, состоящий из нескольких десятков пособий. В каждом выпуске должно было быть четыре раздела: математический, теоретический, прикладной и табличный[17]. Соответствующая программа была утверждена коллегией НТО ВСНХ

[15] Лундберг Е. Записки писателя. Л., 1930, т. 2, с. 106.
[16] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 61, д. 985, л. 58.
[17] Создание техно-промышленной библиотеки справочников (спутников) для рабочих. М., 1920. 8 с.

в сентябре 1920 г., однако не была осуществлена как задумывалась.

За год существования «Рабочей библиотеки» для нее было заказано 103 пособия, к началу 1922 г. поступили 85 готовых рукописей и 18 находились в работе [18]. По мнению И. В. Рабчинского, состав «Рабочей библиотеки» можно было расширить при поддержке издания со стороны государства. Издательство просило увеличить штаты и субсидии ввиду убыточности серии и т. д. Вместе с тем И. В. Рабчинский подчеркивал, что «литература „Рабочей библиотеки" должна быть приравнена к агитационной, непосредственно убыточной литературе, так как она не может и не должна окупать себя: **не может** в силу вышеуказанных причин, **не должна** — так как работа, обслуживающая культурные интересы масс, по существу лежит на государстве и не должна служить источником дохода» [19].

Издание «Рабочей библиотеки» заинтересовало ВЦСПС — он прислал своего постоянного представителя в Гостехиздат. Таким образом, Гостехиздат уже с первых шагов деятельности поставил в центре своего внимания читательские интересы рабочих.

Особо следует отметить вклад Гостехиздата в публикацию трудов по электрификации страны. Под маркой Гостехиздата вышли «План электрификации РСФСР», «Программа работ по электрификации России» К. А. Круга и др.

Материалы ГОЭЛРО по указанию В. И. Ленина печатались в срочном порядке. Они оказали огромное воздействие на современников, поразили их смелостью и грандиозностью замысла. Вот любопытный пример. Советский дипломат, инженер С. А. Кугель-Краевский по пути в Афганистан в 1921 г. прочел «План электрификации». Увлеченный его идеями, он оставил поезд и стал просить разрешения вернуться в Россию и работать над реализацией плана. Просьба была удовлетворена [20].

Несмотря на большие трудности Гостехиздат развертывал свою издательскую деятельность и сумел дать трудящимся советскую техническую книгу. В решении коллегии НТО от 16 октября 1922 г. было записано: «...признать деятельность Гостехиздата продуктивной и заслуживающей полной поддержки» [21].

Научное химико-техническое издательство. Другим крупным научно-техническим издательством, возникшим в первый год существования Советской власти, было Научное химико-техническое издательство при ВСНХ РСФСР (НХТИ).

В конце лета 1915 г. по инициативе Русского технического общества создается Комитет военно-технической помощи в составе

[18] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 717, л. 72.
[19] Там же, д. 717, л. 73.
[20] См.: Флаксерман Ю. Н. Глеб Максимилианович Кржижановский. М., 1964, с. 111—112.
[21] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 716, л. 126.

22 научно-технических организаций с числом членов около 2 тыс. человек. Комитет занимался и изданием литературы. До ноября 1917 г. было издано 86 книг по электротехнике, газовому делу, строительству, общей химической технологии[22] и др. Инициатором создания издательства, получившего наименование Научное химико-техническое издательство при Осведомительно-статистическом бюро Химического отдела Комитета военно-технической помощи, был профессор-химик М. А. Блох. Он же стал фактическим руководителем НХТИ.

Макс Абрамович Блох (1882—1941) учился в Рижском политехническом институте, в Гейдельбергском университете. В 1916 г. организовал при Химическом отделе Комитета военно-технической помощи Осведомительно-статистическое бюро и стал издавать бюллетени этого бюро. В конце 1917 г. обратился к А. В. Луначарскому с предложением создать Научное химико-техническое издательство; подобрал большой коллектив издательских работников и бессменно руководил НХТИ до 1938 г. Под его руководством были организованы различные типы изданий: настольные справочные пособия, серии по успехам наук, собрания трудов ученых, коллективные монографии и т. д. Особое значение имел выпуск «Сообщений о научно-технических работах в Республике».

М. А. Блох — крупнейший знаток истории химии и химической литературы, автор ряда фундаментальных библиографических трудов.

После Октябрьской революции по распоряжению А. В. Луначарского Наркомпрос выплатил НХТИ субсидию. 19 сентября 1918 г. коллегия НТО ВСНХ выдала издательству аванс 50 тыс. руб. и приняла решение принять НХТИ в свое распоряжение[23]. Несколько позднее коллегия НТО утвердила новое название издательства — Научно-технический отдел ВСНХ. Научное химико-техническое издательство.

В состав редсовета издательства вошли: В. Н. Ипатьев, В. Я. Курбатов, А. Е. Порай-Кошиц, Н. М. Тулайков, В. Г. Хлопин, А. Е. Ферсман, М. А. Блох. Была утверждена программа деятельности НХТИ и в его ведение переданы типографии Комитета военно-технической помощи, Б. М. Вольфа и Я. З. Альтшуллера.

В дальнейшем издательство вошло в состав Петроградского отделения Научно-технического издательства, сохранив непосредственное подчинение НТО ВСНХ. НХТИ было крупным научным учреждением. Позднее оно получило международное признание, было включено в список наиболее значительных научных учреждений мира[24].

С превращением НХТИ в государственное учреждение соответственно возросли его задачи и объем деятельности. Всего с 1918 по 1921 г. НХТИ выпустило 49 названий книг общим тиражом 145 тыс. экз. и объемом 338 печ. л.[25]

[22] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 14, л. 4; д. 282, л. 25; д. 284, л. 104.
[23] Там же, д. 1055, л. 24; д. 26, л. 2.
[24] Там же, оп. 61, д. 249, л. 191.
[25] Там же, оп. 60, д. 1236, л. 6.

Для продукции НХТИ было характерно большое число трудов видных ученых. Вышли работы академиков В. И. Вернадского, В. Н. Ипатьева, А. Е. Ферсмана, П. П. Лазарева, П. И. Вальдена, В. Г. Хлопина, А. Е. Порай-Кошица. Многие издания НХТИ объединялись в серии или многотомные выпуски: «Сообщения о научно-технических работах в Республике», «Основы наук» (Лазарев П. П. Основы учения о химическом действии света. Ч. 1—3. Пг., 1919—1920), «Материалы по химико-техническим вопросам» (Порай-Кошиц А. Е. К вопросу о судьбе красочной промышленности в России. Пг., 1918), «Научно-популярная серия» (Блох М. А. Творчество в науке и технике. Пг., 1920), «Серия историческая» (Чугаев Л. А. Открытие кислорода и теория горения. Пг., 1919), «Труды Отдела химической промышленности ВСНХ» (Фокин Л. Ф. Обзор химической промышленности. Ч. 1. Пг., 1920) и др.

Некоторые труды НХТИ привлекли внимание В. И. Ленина, вошли в состав его библиотеки в Кремле. Брошюра В. Н. Ипатьева «Необходимость постановки электродного производства из туруханских графитов» буквально испещрена пометками В. И. Ленина [26].

Деятельность НХТИ не ограничивалась только выпуском изданий по химии и химической технологии. Выходили и другие материалы, имеющие важное народнохозяйственное значение. Срочно, по ленинскому заказу, был напечатан труд «Основание проекта электрификации Северного района» (1920) [27]. Кроме того, НХТИ выпускало в свет продолжающееся издание «Сообщения о научно-технических работах в Республике».

Все это дало основание М. А. Блоху заявить: «...мы обслуживаем не только НТО, но и Комиссию по электрификации России, и отдел химической промышленности ВСНХ, и высшую школу, и военные училища, и ускоренные выпуски, и т. д.» [28].

Несмотря на сложные условия издательство справилось со своими задачами. «Это... единственное в РСФСР техническое издательство,— писал в 1921 г. член коллегии НТО ВСНХ Ю. Н. Флаксерман,— которое действительно справилось со своей задачей и в тяжелых условиях питерской жизни, все время борясь за свою самостоятельность, издало целый ряд ценнейших трудов в своей отрасли техники» [29].

[26] См.: Черняк А. Я. В. И. Ленин и советская техническая книга.— Книга. Исслед. и материалы, 1970, сб. 20, с. 119—136.

[27] 27 сентября 1920 г. ответственный работник НТО ВСНХ М. Я. Лапиров-Скобло писал М. А. Блоху: «В связи с предложением Владимира Ильича Ленина необходимо выпустить издание о сводных работах ГОЭЛРО. ...В первую очередь в Петрограде должны быть напечатаны работы электрификации Северного района» (ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 578, л. 19).

[28] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 576, л. 6 об.

[29] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 41, л. 119.

Издательство Бюро иностранной науки и техники (БИНТ). В сентябре 1920 г. в Берлин для установления контактов с иностранными учеными были направлены профессора Н. М. Федоровский и А. А. Эйхенвальд[30], где они встретили поддержку многих ученых, в том числе Альберта Эйнштейна. В январе 1921 г. Эйнштейн писал Н. М. Федоровскому: «Почетный и священный долг всех ученых, которые живут в более лучших условиях, чем их русские коллеги, идти навстречу друг другу. Обещаю делать все от меня зависящее для налаживания и сохранения связи между немецкими и русскими учеными»[31].

В. И. Ленин проявил интерес к установлению научно-технических связей с Германией. Предполагалось, что они будут способствовать расширению информации о достижениях науки, техники, производства за рубежом. «Для того, чтобы быть в курсе того, что сделано за границей,— писал Н. П. Горбунов,— необходимо во что бы то ни стало, обходя все препятствия, достать иностранную новейшую научную и техническую литературу. При известной настойчивости, инициативе и энергии со стороны научной комиссии это сделать, безусловно, возможно. Председатель СНК Владимир Ильич (Ленин) Ульянов обещал оказать всяческое содействие свое в достижении этой основной задачи»[32].

22 марта 1921 г. Совнарком РСФСР утвердил Бюро иностранной науки и техники (БИНТ) и определил его задачи в области научно-технической информации, издательской деятельности, установления связей с иностранными научными организациями и обмена с ними литературой. Статус БИНТ предусматривал его деятельность на хозрасчетных основаниях.

Перед издательством БИНТ ставились следующие цели: 1) реализация издательской программы научно-технического отдела ВСНХ в той части, которая из-за материально-технических трудностей не могла быть выполнена в РСФСР; 2) подготовка и редактирование переводов оригинальных трудов; 3) подбор и изготовление карт, диаграмм, таблиц и клише для советских изданий; 4) сношение с авторами и приобретение рукописей, заказанных БИНТ за границей[33].

Молодое издательство заключило договоры с различными немецкими фирмами. Крупнейшее в Германии техническое издательство Ю. Шпрингера предложило БИНТ свои клише и согласилось бесплатно печатать русский технический журнал, поставив условие публиковать в нем объявления немецких фирм.

[30] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 64, д. 11, л. 81—82.

[31] Цит. по: Филатова Л. Г. История и организация научно-информационной деятельности в СССР в 1917—1936 гг.: Дис. М., 1970, л. 83.

[32] Цит. по: Организация науки в первые годы Советской власти (1917—1925): Сб. док. Л., 1968, с. 94.

[33] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 60, д. 512, л. 302 об.

Вокруг БИНТ сплотились ведущие немецкие ученые: физики А. Эйнштейн и В. Нернст, химик Ф. Габер, специалисты-практики Пункс, Кюн, Плас[34].

Издательская деятельность БИНТ разворачивалась быстро и активно. Этому способствовало использование аппарата русского издательства в Берлине «Скифы»[35]. Уже в январе 1921 г. приступили к печатанию трехтомного справочного пособия «Хютте». Всего в 1920—1921 гг. БИНТ выпустил в свет пять книг по технике.

Большое внимание уделялось выпуску практических пособий для рабочих, кустарей, техников. С идеей создания «карманных библиотек» выступил Н. А. Рубакин. О значении таких пособий Н. П. Горбунов писал: «Этим путем можно было бы ознакомить русского рабочего с новейшими техническими приемами и методами, а также орудиями производства западноевропейской и американской техники»[36]. К печати были подготовлены 36 выпусков серии «Рабочая библиотека» по широкому кругу вопросов техники и производства. Однако эта серия была передана в Гостехиздат.

Помимо книг Бюро иностранной науки и техники выпускало периодические издания. Так, в 1921 г. издавались «Бюллетени» БИНТ, журналы «Новости науки и техники», «Успехи промышленной техники». С 1921 по 1922 г. в Берлине выходил «Технико-экономический вестник» — ведущий советский политехнический журнал, отражающий основные направления развития техники и производства. Он пользовался огромной популярностью. «Прекраснейший журнал,— отмечал Г. М. Кржижановский.— В России еще не было подобного журнала»[37].

Все это свидетельствовало о существенных достижениях Бюро иностранной науки и техники. Но были и неудачи. Так, книга Т. Лембека и О. Барша «Двигатель в сельском хозяйстве» получила резко отрицательный отзыв советских специалистов; по указанию В. И. Ленина было проведено специальное рассмотрение связанных с ее изданием обстоятельств[38].

В. И. Ленин внимательно следил за издательской деятельностью БИНТ, получал его издания. 2 июня 1921 г. В. И. Ленин подписал постановление СТО об образовании Госпланом специальной Комиссии для рассмотрения всех отзывов о берлинских изданиях БИНТ. В 1922 г. с передачей БИНТ в ведение Издательского отдела Наркомвнешторга он перестал существовать в прежнем виде.

[34] См.: Филатова Л. Г. Указ. соч., с. 94.
[35] См.: Лундберг Е. Записки писателя. Л., 1930, т. 2, с. 100.
[36] Цит. по: Филатова Л. Г. Указ. соч., с. 95.
[37] Там же, с. 133.
[38] См.: Динерштейн Е. А. Из истории образования первых советских научно-технических издательств: БИНТ, НТО ВСНХ.— Науч. и техн. б-ки СССР, 1972, № 1, с. 18.

Возникновение издательств при наркоматах. Возникновение издательских подразделений при наркоматах было вызвано исторической необходимостью обеспечить специалистов различных отраслей народного хозяйства соответствующей литературой, отсутствие которой в первые годы революции на книжном рынке сказывалось очень остро. Не менее важной была задача популяризации специальных знаний (прежде всего это касается сельского хозяйства и медицины) среди широких масс.

Существовали объективные условия возникновения издательских подразделений при народных комиссариатах. Как известно, народным комиссариатам на первом этапе деятельности пришлось столкнуться с ожесточенным сопротивлением представителей старого, буржуазного государственного аппарата. Руководствуясь в своем отношении к представителям буржуазной интеллигенции указаниями партии и Советского правительства, прежде всего В. И. Ленина, комиссариаты смогли сломить саботаж чиновничества, привлечь к работе специалистов, выражавших желание сотрудничать с Советской властью. В свою очередь издательства наркоматов стремились не только привлечь как можно больше ученых в качестве авторов, редакторов, рецензентов выпускаемой литературы, но и способствовать их активному участию в разработке основных направлений издательской деятельности, в формировании репертуара первых советских специализированных издательств. Так, в состав Совета издательства Народного комиссариата земледелия, занимавшегося выработкой общей программы издательской деятельности и по праву получившего название «парламента сельскохозяйственных сил», вошли такие крупные ученые, как Н. И. Вавилов, В. Р. Вильямс, Д. Н. Прянишников и др. Издательство Народного комиссариата здравоохранения, деятельность которого направлялась видным ученым, большевиком-ленинцем З. П. Соловьевым, привлекло к работе таких ученых, как М. И. Авербах, П. Б. Ганнушкин, В. П. Одинцов, Г. И. Россолимо, Л. А. Тарасевич и др. Они принимали участие в заседаниях редакционной коллегии издательского отдела, являлись редакторами выпускаемых наркоматом сборников научных статей, писали новые труды, готовили к переизданию вышедшие ранее. Таким образом, в известной степени решался вопрос, связанный с мобилизацией научных авторских сил на службу интересам молодого Советского государства.

На основе постановлений Совета Народных Комиссаров издательствам наркоматов открывались сверхсметные кредиты на покрытие типографских и прочих расходов[39]. Такое поощрение издательской деятельности наркоматов имело положительные результаты.

[39] См. Декреты Советской власти. М., 1957, т. 1, с. 592, т. 2, с. 484—485, 540.

В. И. Ленин большое внимание уделял издательствам наркоматов, оказывал им помощь в формировании основных направлений деятельности, в создании репертуара, своими критическими замечаниями содействовал повышению качества редакционной подготовки изданий.

В апреле 1918 г. В. И. Ленин специально пригласил членов Коллегии юстиции на беседу, где среди проблем, связанных с новой системой судоустройства, были поставлены вопросы об издании «Собрания узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства». В. И. Ленина интересовало также, что предпринято, в частности, для печатной юридической пропаганды среди населения [40]. В июне 1918 г. В. И. Ленин сделал строгое внушение комиссару продовольствия А. Д. Цюрупе за то, что наркомат не издает никакой литературы по борьбе с голодом [41]. Актуальным и крайне важным для текущего момента признавал В. И. Ленин издание уставов земледельческих коммун и книг, посвященных организации сельского хозяйства на новых социалистических началах [42].

Основная масса подобных изданий выпускалась Наркоматом земледелия. Осуществляя непосредственное руководство аграрными преобразованиями в стране, В. И. Ленин особенно интересовался тем, как они проводились на местах. Отсюда его интерес к такому изданию Наркомата земледелия, как сборники «Материалов по земельной реформе», составленные на основе поступавших с мест документов в 1918—1919 гг. В записке народному комиссару земледелия С. П. Середе Владимир Ильич писал о том, что «это издание *крайне* важное», что «надо ускорить остальные выпуски» [43].

Председатель СНК В. И. Ленин, всячески поощряя издательскую деятельность народных комиссариатов, проявлял исключительную требовательность к качеству изданий, к их редакционно-издательской подготовке и техническому исполнению. Он резко критиковал выпущенный комиссариатом юстиции «Сборник действующих декретов на 1919 год» (1920). В письме к наркому Д. И. Курскому он писал: «Кто это так плохо издает? Хаос. Даже заглавие неясно. Сбор и мелочей — и прокламаций. Неумный человек или саботажник редактировал?» [44]. В. И. Ленин считал важным такое направление издательской работы наркоматов, как популяризация их деятельности в качестве первых советских органов управления народным хозяйством страны. Именно ему принадлежала идея издать книгу с отчетами народных комиссариатов к первому юбилею Советской власти. Отмечая, что отчеты «долж-

[40] См.: Ленинский сб., т. 21, с. 222.
[41] См.: Смирнов И. С. Ленин и советская культура. М., 1960, с. 152.
[42] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 374.
[43] Там же, т. 50, с. 232.
[44] Там же, т. 51, с. 258.

ны быть **наиболее популярны**», В. И. Ленин в письме народным комиссарам от 29 августа 1918 г. указал: «Главная задача показать **конкретно**, фактами, **как именно** сделала Советская власть определенные шаги (**первые**) к социализму»[45]. В дальнейшем издание отчетов о деятельности наркоматов стало одним из важных направлений работы издательств по пропаганде мероприятий Советской власти в различных областях народного хозяйства и социально-культурного строительства.

В начале 1918 г. были образованы литературно-издательский отдел при Народном комиссариате юстиции и редакционно-издательский отдел при Народном комиссариате труда, в июле 1918 г.— издательский отдел Народного комиссариата земледелия, в октябре 1918 г.— издательская секция при Наркомздраве, в ноябре 1918 г.— редакционно-издательский отдел при Наркомате почт и телеграфов. С 1919 г. развертывают деятельность литературно-издательские отделы Народного комиссариата социального обеспечения, Народного комиссариата продовольствия, Народного комиссариата финансов, Народного комиссариата путей сообщения.

Среди организаторов издательского дела наркоматов — имена видных деятелей партии, Советского государства и культуры. Так, в Наркомате земледелия в состав редакционной коллегии, созданной в сентябре 1919 г., вошли В. И. Невский[46], А. Х. Митрофанов, В. В. Кураев. Издательская деятельность Наркомздрава направлялась наркомом Н. А. Семашко и его заместителем З. П. Соловьевым — видными теоретиками и организаторами советского здравоохранения.

Зиновий Петрович Соловьев (1876—1928) — член партии с 1898 г. В предоктябрьские дни был избран председателем Хамовнической большевистской управы, в октябре — членом ревкома Хамовнического района Москвы. С 1918 г. возглавлял различные медицинские учреждения, был председателем Исполкома Красного Креста РСФСР (1919), начальником Главного военно-санитарного управления Красной Армии (1920). З. П. Соловьев председательствовал на заседаниях коллегии наркомата, Комиссии санитарного просвещения и издательского отдела, где обсуждались подготовка и выпуск медицинской литературы; за его подписью шли отношения и прочие документы в Полиграфический отдел ВСНХ, Главбум, Госиздат по вопросам координации выпуска медицинской литературы, снабжения кредитами, бумагой, обеспечения типографской базой.

В Наркомпроде ответственность за издание литературы по продовольственным вопросам была возложена на заместителя наркома А. И. Свидерского.

[45] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37, с. 80.

[46] О видном советском партийном и государственном деятеле, писателе, библиографе и историке Владимире Ивановиче Невском (1876—1937), в 1919—1921 гг. заведовавшем политической секцией издательства Наркомзема, а позднее (1924) возглавившем Государственную библиотеку СССР им. В. И. Ленина, будет рассказано подробнее в последующих томах настоящего издания.

Алексей Иванович Свидерский (1878—1933) — видный советский государственный деятель, член РСДРП с 1899 г., большевик. Партийную работу вел в Петербурге, Самаре, Уфе и других городах страны. Подвергался арестам и ссылке. В 1905—1906 гг. сотрудничал в большевистских газетах «Волна», «Вперед» и др. После Февральской революции — редактор большевистской газеты «Вперед» в Уфе, с июня — председатель Уфимского Совета. После Октябрьской революции — на ответственных государственных постах в наркоматах продовольствия, земледелия, РКИ, просвещения. Похоронен на Красной площади у Кремлевской стены.

Инициатором создания редакционно-издательского отдела при Наркомате почт и телеграфов был народный комиссар В. Н. Подбельский.

Вадим Николаевич Подбельский (1887—1920) — советский партийный и государственный деятель, член партии с 1905 г. Партийную работу вел в Тамбове, затем в Москве. Неоднократно подвергался арестам и ссылкам. После Февральской революции — член МК РСДРП(б), работал в редакции газеты «Социал-демократ». В дни Октябрьского вооруженного восстания в Москве — член партийной руководящей «пятерки», руководил взятием здания Московского почтамта. После Октябрьской революции — комиссар почт и телеграфов в Москве, с мая 1918 г. — нарком почт и телеграфов РСФСР. Похоронен на Красной площади.

Заведующим литературно-издательским отделом Народного комиссариата юстиции был назначен профессор М. А. Рейснер.

Михаил Андреевич Рейснер (1868—1928), эмигрировав в 1903 г. в Германию, сблизился с германскими социал-демократами, сотрудничал в газете «Vorwärts». В 1904 г. выступал в качестве ученого эксперта в кенигсбергском процессе по делу русских социал-демократов о транспортировке нелегальной литературы. В 1905 г. примкнул к большевикам и присутствовал на Таммерсфорсской конференции. После Октябрьской революции вступил в ряды РКП(б). Был заведующим отделом законодательных предположений в Наркомюсте. Участник комиссии по составлению первой советской конституции. Вел педагогическую работу в Военной академии Красной Армии.

При создании первых советских специализированных издательств четко определилась тенденция достигнуть единого руководства в лице редакционной коллегии и сформировать отделы в соответствии с тематикой или видами изданий.

Становлению и развитию издательской деятельности наркоматов способствовала в определенной мере выработка четких принципов редакционно-издательской подготовки рукописей. Регламентация редакционно-издательского процесса нашла отражение в ряде составленных в то время документов. Прежде всего следует назвать утвержденную уже в начале 1918 г. «Инструкцию о редактировании и печатании законодательных и правительственных актов и порядке утверждения и опубликования законов», разработанную литературно-издательским отделом Наркомата юстиции [47]. В Положении о рецензировании сельскохозяйственной литературы, принятом редакционной коллегией Наркомата земледелия, были

[47] ЦГА РСФСР, ф. 353, оп. 1, д. 7, л. 5—6.

зафиксированы требования, предъявляемые к содержанию, способу изложения, оформлению популярной брошюры, например: «В брошюре должны заключаться в систематическом изложении вполне точные и научно обоснованные сведения по избранному автором вопросу. <...> Язык популярной брошюры должен быть вполне литературным и вместе с тем простым и удобопонятным, по возможности без иностранных слов, но и без подделки под народную речь. <...> Бумага должна быть удовлетворительною, печать четкою, рисунки хорошо выполнены и объяснены в тексте» [48]. Разрабатывал принципы построения медицинской брошюры и Народный комиссариат здравоохранения [49].

Для повышения научного уровня выпускаемых наркоматами изданий был введен институт экспертизы, т. е. рецензирования рукописей. В Наркомате земледелия, например, была выработана определенная схема, по которой в целях единообразия должны были составляться рецензии, содержащие отзыв о научности и полноте содержания, способе изложения, внешнем виде издания, а также о пригодности практических советов в тех условиях хозяйствования, применительно к которым написана сельскохозяйственная брошюра. В Наркомате здравоохранения были подготовлены специальные методические указания по составлению рецензий, определившие характер экспертизы: «В экспертизе должно заключаться: 1) краткая характеристика рукописи (книги) в связи с целями книги, 2) мотивированное заключение о том, соответствует ли издание потребностям данного момента, соответствует ли сочинение тому кругу читателей, для которого предназначено, 3) соответствует ли задача книги ее объему, 4) соответствует ли оно [сочинение] состоянию современных научных знаний, 5) указание недостатков, исправление которых представляется желательным...» [50]. Рецензирование, организованное таким образом, помогало отобрать наиболее актуальные по проблематике произведения, выполненные на высоком научном уровне.

Таким образом, уже на первом этапе становления издательств были предприняты попытки определить принципы подготовки рукописи, в частности популярной сельскохозяйственной и медицинской книги, выработать некоторые критерии редакторского анализа.

Репертуар издательской продукции наркоматов. Народные комиссариаты издавали литературу для нужд своей отрасли народного хозяйства. Тематика, круг проблем определялись задачами, стоящими в тот период перед данной отраслью. На *Народный комиссариат юстиции* как центральный орган судебного управления легла такая огромная работа, как выработка норм советского со-

[48] ЦГАНХ, ф. 478, оп. 1, д. 295, л. 2—3.
[49] См.: Известия Народного комиссариата здравоохранения, 1919, № 2—3, с. 37.
[50] ЦГА РСФСР, ф. 482, оп. 1, д. 49, л. 232.

циалистического права, складывавшегося в ходе революционных преобразований; подготовка и редактирование проектов законодательных и других правительственных актов; кодификация декретов и постановлений; опубликование и толкование законов. В связи с этим важное место в продукции издательства заняли сборники декретов, кодексы уголовного и гражданского права, уставы по судопроизводству, справочники для новых судебных и следственных органов, инструктивные материалы по вопросам судоустройства. Научная разработка проблем советского права нашла отражение в книгах действительного члена Социалистической академии общественных наук, заведующего отделом опубликования законов А. Г. Гойхбарга («Пролетариат и право». М., 1919; «Социальное законодательство Советской Республики». М., 1919). В издаваемых наркоматом популярных брошюрах ставились вопросы о сущности Советского государства, советского права, рассматривались отдельные аспекты деятельности правовых органов в центре и на местах. Авторами популярных брошюр выступали заместитель наркома юстиции П. И. Стучка, А. Г. Гойхбарг и другие деятели советской юстиции.

Народный комиссариат земледелия развернул издание книг и брошюр агитационно-политического и агротехнического характера для советской деревни[51]. По данным «Указателя книг издательства Наркомзема» (вып. 1. Пг., 1919), по политико-экономическим проблемам за 1918—1919 гг. было выпущено 23 издания (16% от всех изданий). К агитационно-политическим изданиям относились: биографический очерк А. Х. Митрофанова «Вождь деревенской бедноты В. И. Ульянов-Ленин», брошюра «Что такое Советская власть?» и др. Ряд подобных книг был подготовлен совместно с Крестьянским отделом Издательства ВЦИК[52]. Основная масса выпущенных в 1918—1919 гг. книг и брошюр освещала проблемы растениеводства (50 названий), борьбы с вредителями сельского хозяйства (20 названий), статистики и экономики сельского хозяйства (5 названий) и т. п.

Большое значение имели брошюры, рассказывающие о новых отношениях к земле, сложившихся в России, о новом земельном законе, об организации советских хозяйств и коллективизации (например, В. Н. Мещеряков. «Земельная политика коммунистов», 1920; «Социализм и земледелие», 1920; С. П. Середа. «Речь на I Всероссийском совещании по работе в деревне. 15 ноября 1920 г.»; «Обзор главнейших мероприятий по развитию сельскохозяйственной промышленности и помощи крестьянскому хозяйству», 1920).

[51] Подробнее см.: Подмазова Т. А. Издательская деятельность Народного комиссариата земледелия (1917—1921 гг.).— В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 306—318.

[52] См. настоящее издание, т. 1, с. 148.

Для поднятия агрономической культуры советской деревни и повышения производительности труда в разоренном за годы мировой и гражданской войн крестьянском хозяйстве наркомат развернул широкую пропаганду сельскохозяйственных знаний, выпуская практические руководства, справочники, научные труды. В числе изданных в этот период книг и брошюр были работы В. Р. Вильямса по почвоведению и луговодству, Д. Н. Прянишникова, П. А. Костычева по земледелию, Н. И. Вавилова, Н. М. Тулайкова о растениях полевой культуры, Е. Ф. Лискуна, Е. А. Богданова, М. И. Придорогина о содержании скота, А. В. Чаянова об организации крестьянского хозяйства и др.

Народный комиссариат здравоохранения наладил издание медицинской литературы[53]. Программа издания литературы по общественному здравоохранению была изложена А. Н. Сысиным, заведующим санитарно-эпидемиологической секцией, в «Известиях Наркомздрава»[54]. Для пропаганды был намечен широкий круг наиболее актуальных тем по гигиене и общественной медицине. В их число входили: санитарное состояние России и ее врачебно-санитарные нужды, санитарная статистика, планировка и застройка городов и населенных мест, общественно-санитарное благоустройство, водоснабжение населенных мест, жилищный вопрос, охрана пищевых продуктов, борьба с детской смертностью, с туберкулезом, венерическими болезнями, с эпидемиями и т. п.

Борьба с пандемиями и эпидемиями тифа, холеры, чумы, оспы в 1918—1921 гг. была очень сложной. По постановлению СНК от 25 июля 1921 г. издание противоэпидемической литературы рассматривалось как ударная работа. Наркомздрав наметил и осуществил обширный план выпуска популярных брошюр, лозунгов, плакатов. В их числе были работы З. П. Соловьева «Санитарное состояние России, задачи и меры ее оздоровления», «Чистота — лучшая красота», А. Н. Сысина «Сыпной тиф и борьба с ним», К. Ф. Флерова «Оспа», Л. А. Тарасевича «Чума» и т. п. Большое внимание уделялось изданию популярных брошюр, листовок, плакатов по профилактике и борьбе с социальными болезнями (например, Н. А. Семашко «Пролетарская болезнь (туберкулез)», сборник «Борьба с туберкулезом» и др.).

Наряду с выпуском научно-популярной литературы Наркомздрав издавал научную, учебную и справочную литературу. Был намечен и частично осуществлен выпуск сборников научных статей по внутренней медицине, хирургии, кожно-венерическим болезням, акушерству, детским болезням и др., в редактировании которых

[53] Подробнее см.: Подмазова Т. А. Издательская деятельность Народного комиссариата здравоохранения в первые годы Советской власти.— Книга. Исслед. и материалы, 1970, сб. 32, с. 107—122.

[54] См.: Известия Народного комиссариата здравоохранения, 1919, № 2/3, с. 37.

приняли участие ведущие специалисты: М. И. Авербах, П. Б. Ганнушкин, А. А. Кисель, А. С. Минор, Г. И. Россолимо и др.

Среди изданных *Народным комиссариатом труда* работ важное место занимали сборники законодательных и нормативно-инструктивных материалов (например, «Сборник положений по жилищному вопросу», «Сборник постановлений и распоряжений Центральной комиссии по борьбе с трудовым дезертирством» и др.), научно-популярные брошюры о социальном страховании (А. Л. Гельфер «Что такое социальное страхование, для чего оно нужно и как проводить его в жизнь»), об охране труда, распределении рабочей силы (А. М. Аникст «Биржи труда и социализм»; И. И. Ходоровский «Рынок труда в России в 1918 году»).

Наиболее значительным научным изданием наркомата в эти годы были девять выпусков «Материалов по статистике труда» под редакцией заведующего отделом статистики комиссариата, впоследствии видного ученого, академика С. Г. Струмилина.

Задачи издательства *Народного комиссариата социального обеспечения* были определены в первом номере его журнала в статье наркома А. Н. Винокурова следующим образом: «Обязательная государственная помощь на рациональных началах нетрудоспособным и впавшим в нужду, борьба с паразитизмом и тунеядством во всех их видах, воспитание на трудовых социалистических началах детей, оставленных без призора» [55].

Наряду с выпуском сборников законодательного и инструктивного характера (о пенсионном обеспечении граждан Советской России, воинов Красной Армии и т. п.) большое внимание уделялось изданию научно-популярных брошюр по вопросам социального обеспечения трудящихся (А. Н. Винокуров «Социальное обеспечение трудящихся. Исторический очерк», «Новый закон о полном социальном обеспечении трудящихся»; Н. А. Милютин «Организация социальной взаимопомощи в деревне»), по вопросам охраны материнства и младенчества. В апреле 1921 г. при наркомате был создан специальный отдел популяризации, что позволило и дальше развивать работу в этом направлении.

Известный вклад в издание экономической литературы внесли *Народный комиссариат продовольствия* и *Народный комиссариат финансов.* В условиях экономической разрухи и интервенции при военно-коммунистической системе распределения продуктов большое значение имели издаваемые Наркомпродом брошюры, пропагандирующие продовольственную политику Советского государства среди трудящихся города и деревни («Почему голодает Советская Россия?», «Почему у крестьянина отнимают лишний хлеб?», «Мешочничество и борьба с ним» и т. п.), а также издания, представлявшие собой научную и научно-популярную разработку коренных

[55] Журнал Народного комиссариата социального обеспечения, 1919, № 1, с. 3.

вопросов продовольственной политики (Н. А. Орлов «Продовольственная работа Советской власти»).

Специфика деятельности Наркомата финансов нашла отражение в такого рода изданиях, как росписи государственных доходов и расходов и приложения к ним, кассовые отчеты отдельных ведомств, обзоры народного хозяйства за определенный год («Народное хозяйство в 1916 г.»), обзоры отраслей промышленности, наконец, законодательные и нормативно-инструктивные материалы (сборники декретов по финансовому управлению). Был намечен обширный круг тем для популяризации экономических знаний.

При *Народном комиссариате почт и телеграфов* действовало техническое издательство в области связи. Литература, выпускаемая издательством в первые годы Советской власти, помогала организовывать и правильно использовать средства связи в годы гражданской войны и иностранной интервенции. Издательство стремилось наладить выпуск научной, учебной, справочной литературы, необходимой для специалистов отрасли. В числе намеченных к изданию работ были труды видных ученых: «Популярный курс телефонии» В. И. Коваленкова, «Электричество и магнетизм» В. К. Лебединского, «Электричество и магнетизм» А. А. Петровского; инженеров: «Руководство для ремонта телеграфных линий», «Аппарат Витстон» Ф. К. Гейне, «Курс радиотехники» М. В. Шулейкина и др. Профессора В. К. Лебединский и А. А. Петровский редактировали переводы книг зарубежных авторов[56]. Комиссариат стал издавать картографический материал, прежде всего телеграфные карты РСФСР.

С деятельностью *Народного комиссариата путей сообщения* был связан выпуск технической литературы по железнодорожному транспорту. Половину ежегодной продукции составляли научные издания, посвященные различным вопросам строительства и эксплуатации путей сообщения. В их числе были труды известных ученых, в частности В. Н. Образцова, Г. Д. Дубелира, Е. О. Патона, которые своей активной научной и практической деятельностью в трудные годы разрухи народного хозяйства способствовали восстановлению транспорта Советской России. Другая половина продукции: справочники, практические руководства, учебные пособия для школ и железнодорожных училищ, а также различного рода технико-инструктивные издания. При Наркомпути было создано и картографическое издательство, специализирующееся на железнодорожных картах.

Наряду с вышеперечисленными наркоматами, издательская деятельность которых получила развитие в 1918—1921 гг., необходимо сказать и о других наркоматах, только налаживавших в то время подобную деятельность. *Народный комиссариат государственного контроля* (с февраля 1920 г. — *Народный комиссариат ра-*

[56] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 10, л. 45, 205.

боче-крестьянской инспекции) издавал брошюры по практическим вопросам организации контроля. *Народный комиссариат внутренних дел* выпускал в небольшом количестве брошюры по вопросам административного права РСФСР, государственного строительства. При наркомате развернуло работу картографическое издательство, деятельность которого расширилась с введением нового административного деления РСФСР. *Наркомат иностранных дел* издавал сборники секретных дипломатических документов царского и Временного правительства из архива бывшего Министерства иностранных дел. Как известно, в этой работе принял участие А. А. Блок. *Наркомат внешней торговли* приступил к работе по составлению и изданию экономических обзоров стран, а также справочников (например, «Обзор внешней торговли России за 1920 г.»).

Характеризуя структуру выпуска литературы издательствами наркоматов, необходимо отметить разнообразие видов изданий, отвечающих новому читательскому и целевому назначению. Более 80% названий и тиража составляли научные, научно-популярные, производственно-инструктивные, учебные, справочные издания. Около 20% — агитационно-политическая литература.

Соотношение отдельных видов изданий в значительной степени определялось спецификой задач, стоявших перед издательствами. Так, перед издательским отделом Наркомзема была выдвинута задача наладить выпуск литературы для деревни, создать новый тип популярной сельскохозяйственной книги для народа, спрос на которую после революции значительно возрос. Выступая на организационном заседании Совета издательства 18 января 1919 г., член коллегии А. Х. Митрофанов в качестве первоочередной задачи указал на необходимость «демократизировать сельскохозяйственную литературу в смысле ее удешевления и распространения в широких массах крестьянства»[57].

Выпускаемая Наркомземом литература должна была дать бедняку и середняку минимум агротехнических знаний, познакомить его с новыми методами землепользования, рационального ведения животноводства. Этим и объясняется первенство научно-популярной сельскохозяйственной литературы среди изданий Наркомзема в 1918—1920 гг. (до 60% по числу названий и 80% по тиражу).

Создание нового типа популярной книги для крестьянства предполагало не только новую проблематику, связанную с задачами социалистического переустройства русской деревни, но и принципиально новый подход к читательской аудитории. Уже с 1920 г. наметился переход от выпуска кратких брошюр с простыми рецептурными наставлениями к более солидной научно-популярной книге, дающей подробные разъяснения по затронутой теме. Для формирования нового типа популярной сельскохозяйственной кни-

[57] ЦГАНХ, ф. 478, оп. 1, д. 33, л. 7.

ги определенное значение имело изучение интересов читателей-крестьян. Проведенный Петроградским редакционно-издательским комитетом в начале 1920 г. анкетный опрос показал, что необходимо переходить к солидной научно-популярной книге[58]. Отметим, что это анкетирование явилось фактически одним из первых опытов социологического исследования советского читателя.

О преимущественном выпуске научно-популярной литературы издательством Наркомздрава говорят следующие цифры: популярных брошюр, не считая листовок, плакатов, лозунгов, было издано с января 1919 г. по январь 1922 г. более 1,5 млн. экз., а монографий, сборников, учебников, руководств, справочников — всего 13 тыс. экз.[59] И хотя вновь образованный издательский отдел взял на себя выпуск всех видов литературы (научной, популярной, учебной, справочной), условия первых лет Советской власти, когда гражданская война, интервенция, хозяйственная разруха, голод вызвали резкую вспышку эпидемий инфекционных болезней (тиф, холера, чума, оспа и т. п.), выдвинули в качестве первоочередной задачи пропаганду медицинских знаний и популяризацию их среди широких масс населения.

Однако структура выпуска, соотношение отдельных видов изданий в издательском ассортименте не являлись чем-то застывшим, а на протяжении изучаемого периода изменялись подобно тому, как менялась издательская политика наркоматов в соответствии с социально-политическими, экономическими задачами строительства социализма.

Издательская деятельность наркоматов в первые годы Советской власти не была одинаковой. Первое место по выпуску литературы принадлежит Наркомзему и Наркомздраву. Наркомземом было издано за 1918—1921 гг. 291 название книг, брошюр и листовок общим объемом около 1,5 тыс. печ. л.[60] Так, в конце 1921 г. редакционно-издательский комитет ежемесячно принимал к печати не менее 150 печ. л.[61] Наркомздрав выпустил с января 1919 г. по январь 1922 г. приблизительно 200 названий книг, брошюр, листовок и плакатов общим тиражом более 11 млн. экз.[62] Продукция этих издательств широким потоком шла на всероссийский книжный рынок. Листовки, плакаты выпускались тиражами в 100—200 тыс. экз., популярные брошюры — 50—100 тыс. экз. Обычный объем брошюры был, как правило, 1—2 печ. л.

[58] Известия сельскохозяйственного издательства, 1920, № 3, 17 янв.; № 12, 3 апр.
[59] Становление и развитие здравоохранения в первые годы Советской власти. 1917—1924: Сб. док. и материалов. М., 1966, с. 409.
[60] ЦГАНХ, ф. 478, оп. 1, д. 98, л. 16.
[61] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 189, л. 444.
[62] Становление и развитие здравоохранения в первые годы Советской власти, с. 409.

Издательская деятельность прочих наркоматов была гораздо скромнее: 1—2 десятка названий в год.

К концу 1921 г. общий объем издательской деятельности наркоматов был довольно значительным, и их продукция внесла определенный вклад в книгоиздание молодой Советской Республики. Об этом, в частности, можно судить по сводной таблице издательских планов наркоматов на ноябрь — декабрь 1921 г. Только за два месяца 12 наркоматов планировали издать 143 книги и брошюры общим тиражом 2,5 млн. экз. Важную роль сыграли издательства наркоматов и в становлении советской специальной периодической печати. В 1918—1921 гг. они выпускали более 50 названий периодических изданий. В плане наркоматов на ноябрь — декабрь 1921 г. указаны 27 названий периодических изданий тиражом 210 тыс. экз.[63]

* * *

В первые годы Советской власти, когда на книжном рынке, в сущности, отсутствовала необходимая для развития нужд народного хозяйства специальная литература, издательская деятельность народных комиссариатов и ВСНХ имела важное практическое значение для молодого Советского государства. С деятельностью ВСНХ и наркоматов связано возникновение советского отраслевого специализированного книгоиздательства.

Издательская деятельность народных комиссариатов в 1918—1921 гг. заложила основу для формирования в дальнейшем таких специализированных издательств, как «Новая деревня», Госмедиздат, «Юридическое издательство», «Связь», «Транспорт», «Финансовое издательство» и др.

[63] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 44, л. 100.

Издательская деятельность научных организаций и высших учебных заведений

Издательская деятельность Академии наук.— Издательская деятельность высших учебных заведений и научных обществ при них.— Издательская деятельность краеведческих научно-исследовательских организаций.— Издательская деятельность научно-исследовательских организаций по естественным наукам.— Издательская деятельность научно-исследовательских организаций по гуманитарным наукам.

После Великой Октябрьской социалистической революции перед молодым Советским государством встали важные задачи восстановления и развития народного хозяйства. Для их решения нужны были знания, опыт в области науки, техники, культуры. Началась постепенная перестройка всей системы научных институтов, учебных заведений, ученых обществ. За короткий срок был решен ряд организационных вопросов научного строительства, ориентирована работа уже существовавших научно-исследовательских учреждений, открыты десятки новых. С 1918 по 1920 г. возникло 117 новых научных организаций и обществ [1]. Институты Наркомзема, Наркомздрава, некоторых других ведомств решали задачи прикладного характера. Перед институтами, входившими в систему НТО ВСНХ, ставилась задача удовлетворения потребностей народного хозяйства в целом. Научные учреждения, подчинявшиеся Наркомпросу, а их было большинство, занимались фундаментальными теоретическими и практическими исследованиями. Следует отметить, что такое деление по подчиненности довольно условно.

В Наркомпросе развитием науки руководил Научный отдел Академического центра, преобразованный позднее в управление, а в декабре 1921 г. — в Главное управление научными, музейными и научно-художественными учреждениями (Главнаука). В Наркомпросе утверждались финансовые сметы и издательские планы научных организаций, финансировалась издательская деятельность подведомственных учреждений, а также печатание отдельных научных изданий; Наркомпрос содействовал в получении бумажных фондов. К концу 1921 г. в ведении Главнауки находилось 589 организаций и обществ, в том числе в Москве и Московской губернии — 165, Петрограде и Петроградской губернии — 181, в провинции — 243 [2].

В Программе партии, утвержденной на VIII съезде РКП(б) в 1919 г., отмечалось, что Советская власть уже приняла ряд мер, направленных к развитию науки и сближению ее с производст-

[1] См.: Луначарский А. В. 10 лет культурного строительства в стране рабочих и крестьян. М., 1927, диаграмма 12.
[2] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 1, д. 4, л. 45.

вом[3]. Осуществление этих мероприятий подготовило базу для широкого развития научной книги.

Издательская деятельность большинства научных организаций в это время выражалась в выпуске двух-трех изданий, а пять-шесть или более изданий свидетельствовали уже о значительном успехе. Этот успех зависел не только от финансовой поддержки со стороны государства, но и от множества других факторов, и в первую очередь от состояния полиграфической базы. Типичными были такие сообщения в Академический центр: «Издательская деятельность общества временно приостановилась ввиду недостатка топлива в типографии»; «Продолжение работ должно быть приостановлено ввиду призвания мастеров типографии в Красную Армию, а также отсутствия красок»[4]. Подавляющее большинство научных организаций так и не смогло наладить издательскую деятельность, ограничившись подготовкой своих исследований к печати.

В 1917 и 1918 гг. удельный вес изданий научных организаций и обществ составил соответственно 1,2 и 1,3%[5]. В последующие три года этот показатель существенно не изменился. Основной печатной продукцией научных организаций и высших учебных заведений были продолжающиеся издания: труды, известия, отчеты, записки, бюллетени и т. п. Выходили они крайне нерегулярно. Постепенно менялось содержание этих изданий: при выборе материала предпочтение отдавалось исследованиям естественных производительных сил страны, важных технических проблем. Значительное внимание уделялось истории, культуре, революционному движению.

Издательская деятельность Академии наук. В первые же месяцы 1918 г. Наркомпрос выработал проект мобилизации науки для нужд государственного строительства. В соответствии с указаниями В. И. Ленина был установлен контакт с высшим научным учреждением страны — Российской Академией наук. Советское правительство через своего уполномоченного сообщило академии о своем содействии ее научным начинаниям. Совнарком предпринял конкретные меры по укреплению материальной базы академии, оказал помощь в издании ее научной продукции[6]. В этот период исключительную заботу об Академии наук проявлял В. И. Ленин. Он вникал в подробности работы научных институтов, помогал решать не только большие, принципиальные, но и частные вопросы. Хорошо известно, какое внимание уделял В. И. Ленин изданию трудов И. П. Павлова. В 1918 г., несмотря на крайние труд-

[3] См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, 1970, т. 2, с. 53.

[4] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 378, л. 69; д. 156, л. 98 об., 99.

[5] Славская В. Книга и революция. — Книга и революция, 1920, № 3/4, с. 5.

[6] См.: Князев Г. А., Кольцов А. В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.: Л., 1964, с. 68—78.

ности в снабжении бумагой, топливом, электричеством, Совет Народных Комиссаров, по инициативе В. И. Ленина, при распределении средств включил типографию Академии наук в число предприятий особого государственного значения[7].

До принятия первого советского устава в 1927 г. в состав Академии наук входили отделения физико-математических наук, русского языка и словесности, историко-филологическое, разряд изящной словесности. В 1917 г. в Академии наук наряду с научными комиссиями (около двадцати), музеями, лабораториями действовали также библиотека, типография, словолитня, книжный склад. В административно-научной связи с Академией наук находились Главная астрономическая и Главная физическая обсерватории, вошедшие со временем в ее состав.

С начала мировой войны издательская деятельность Академии наук неуклонно сокращалась. Еще в ноябре 1917 г. «Известия Российской Академии наук» вышли в срок, однако в дальнейшем их выпуск стал запаздывать, и том за 1919 г. был издан только в 1922 г.[8] До 1924 г. академия не имела издательства как самостоятельной организации, его функции выполняла академическая типография.

Работа типографии была крайне затруднена. В несколько раз сократился численный состав ее рабочих в связи с призывом в армию и продотряды; вновь пришедшие кадры оказались слабо подготовленными. Нехватка смазочного масла и электроэнергии приводила к остановке машин в типографии и словолитне. Словолитня работала с перебоями[9]. Некоторое улучшение условий работы типографии наметилось в 1921 г., когда она перешла на хозрасчет. На 12% увеличилась ее производительность по сравнению с 1920 г. При типографии начала работать брошюровочная[10].

Достаточно полное представление о динамике выпуска литературы Академией наук дает таблица на с. 82[11].

В 1921 г. издательская деятельность академии по сравнению с довоенным временем сократилась по числу печатных листов более чем в 3 раза, производительность академической типографии уменьшилась в 4,8 раза. За пять лет более чем вдвое сократилось число изданий. В 1918—1921 гг. Академия наук ежегодно осуществляла набор примерно 200 печ. л. и печатала около 200—300

[7] См.: Ленин и Академия наук. М., 1969, с. 16—17.
[8] См.: Российская Академия наук.— Известия, 1923, 24 янв., № 15, с. 3.
[9] См.: Академическая типография. 1728—1928. Л., 1929, с. 82—83.
[10] См.: Там же, с. 83—84.
[11] См.: Лихтенштейн Е. С. Из истории научных изданий в СССР.— Книга. Исслед. и материалы, 1960, сб. 3, с. 45; Андреев Н. Б. Издательская деятельность.— В кн.: Академия наук СССР за 10 лет. М., 1927, с. 216—217.

Годы	Число изданий	Объем, печ. л.	
		всего	в т. ч. отпечатанных в академической типографии
1913	Нет данных	1730	1434
1917	39	686	609
1918	32	697	494
1919	21	554	234
1920	19	376	261
1921	18	575	297

печ. л. в других типографиях[12]. Средний тираж академических изданий составлял 1 тыс. экз. Только издания Комиссии по изучению естественных производительных сил России выходили тиражом 2 тыс. экз.[13]

Главным общеакадемическим изданием были «Известия Российской Академии наук». Здесь печатались материалы всех отделений, отражавшие текущую научную деятельность академии, помещались извлечения из протоколов общих собраний. «Известия...» выходили на хорошей плотной бумаге, титульный лист, оглавление приводились параллельно на русском и французском языках, на иностранных языках набирались некоторые статьи. Тираж «Известий...» (1600 экз.) значительно превышал средний тираж изданий академии.

В годы гражданской войны в соответствии с потребностями времени на первый план выдвигалось издание книг по сырьевым и энергетическим ресурсам, по электрификации, по восстановлению народного хозяйства. Важную роль в решении этой задачи сыграла Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС).

Комиссия была образована в 1915 г. по инициативе крупнейших русских ученых, академиков В. И. Вернадского, М. А. Рыкачева, Н. И. Андрусова, И. П. Бородина. Секретарем комиссии был А. Е. Ферсман. Ближайшей задачей КЕПС было издание научной сводки о естественных производительных силах страны[14]. «Еще при самом зарождении Комиссии первоосновой ее деятельности признана была издательская работа», — писал член КЕПС Г. П. Блок[15]. КЕПС готовила капитальный труд, посвященный производительным силам страны. Однако на его издание не хватало средств, не был решен ряд организационных вопросов. До

[12] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 1, д. 69, л. 69.
[13] Там же, л. 69 об.
[14] См.: Бюллетень Осведомительно-статистического бюро при химическом отделе Петроградского комитета военно-технической помощи, 1917, № 3, с. 89.
[15] Блок Г. П. Обзор научно-исследовательской деятельности Комиссии по изучению естественных производительных сил России. 1915—1920. Пг., 1920, с. 2.

1918 г. было напечатано всего 77 печ. л., в том числе по годам: 1915—5, 1916—46, 1917—26 печ. л. В 1917 г. вышло только 5 книг[16].

Перелом произошел после Великой Октябрьской социалистической революции. Именно с этого времени по-настоящему развернулась научно-издательская деятельность КЕПС.

В апреле 1918 г. президент Академии наук А. П. Карпинский обратил внимание правительства на бедственное положение академической типографии, которая не справлялась с печатанием научных трудов, в частности, трудов КЕПС: «...у одной Комиссии естественных производительных сил,— писал он,— лежит без движения до 200 печатных листов работ, имеющих срочный характер»[17]. Ответ В. И. Ленина на это письмо содержится в подстрочном примечании к «Наброску плана научно-технических работ». В. И. Ленин категорически требовал «изо всех сил» ускорить издание материалов Академии наук по систематическому изучению и обследованию производительных сил России, «послать об этом бумажку и в Комиссариат народного просвещения, и в союз типографских рабочих, и в Комиссариат труда»[18].

Уже в начале 1918 г. в печати находилось 15 изданий КЕПС[19]. В этом же году вышла в свет вторая часть четвертого тома серии «Естественные производительные силы России». Советский читатель получил ценные сведения о месторождениях полезных ископаемых, их добыче. Эта книга хранится в библиотеке В. И. Ленина в Кремле[20]. В последующие годы вышли другие тома этой серии. Второй том — «Белый уголь», вышедший в 1921 г., имел большое значение для развития экономики в свете начавшейся электрификации страны.

Во втором полугодии 1918 г. КЕПС было предоставлено право «на бесплатное печатание ее изданий в одной из государственных типографий на бумаге из общих государственных заказов»[21]. СНХ СКСО дал указание 2-й типографии выполнять все заказы КЕПС «в первую очередь и без промедления»[22]. В направленном в типографию отношении подчеркивалось: «Ввиду того, что издательская деятельность составляет важнейшую отрасль производимой Комиссией работы, печатаемые ею ученые труды выпускаются по непосредственным заданиям Совета Народных Комиссаров и ввиду крупного значения их для нужд строительства народного хозяй-

[16] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 62, л. 12.
[17] Известия Российской Академии наук, сер. 6, 1918, т. 12, № 14, с. 1397.
[18] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 228.
[19] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 62, л. 12.
[20] См.: Черняк А. Я. Научно-техническая книга в библиотеке В. И. Ленина в Кремле.— Науч. и техн. б-ки СССР, 1970, № 3—4, с. 9.
[21] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 62, л. 203.
[22] Архив Академии наук, ф. 132, оп. 1, д. 280, л. 8.

ства и для обороны страны относятся к числу изданий, подлежащих выпуску в особо срочном порядке»[23].

Первоначально издательской деятельностью КЕПС руководил Редакционный комитет, состоявший из ученых специалистов и возглавлявшийся академиком А. П. Карпинским. Комитет определял темы очередных выпусков, вел работу с авторами, редактировал рукописи. Для наблюдения за составлением серии «Естественные производительные силы России» было образовано несколько подкомиссий, председателями которых стали академики М. А. Рыкачев, И. П. Бородин, В. И. Вернадский, Н. И. Андрусов. Позже наблюдение за выпуском изданий КЕПС взял на себя Совет комиссии, просмотр рукописей осуществляли отдельные редакторы, а работа с авторами и все вопросы технического характера были вверены вновь организованному при комиссии Научно-издательскому отделу во главе с Г. П. Блоком[24]. Деятельностью отдела руководил также комитет из восьми человек под председательством А. Е. Ферсмана.

Военное время требовало новых издательских форм — более оперативных, четких, сжатых. По предложению А. Е. Ферсмана было решено использовать весь накопленный для серии «Естественные производительные силы России» материал в виде кратких очерков, которые впоследствии были объединены в серию «Материалы для изучения естественных производительных сил России». Необходимость срочного получения сведений о природных ресурсах страны определила характер издания очерков: в первую очередь печатались те из них, которые отвечали насущным потребностям момента, главное внимание уделялось оперативности информации.

Всего за 1918—1921 гг. вышли 19 томов серии «Материалы для изучения естественных производительных сил России»[25]. Вышедшие в это же время 32 брошюры объемом 1—1,5 печ. л., посвященные в основном отдельным полезным ископаемым, должны были со временем составить сборник «Естественные производительные силы». По свидетельству С. Ф. Ольденбурга, «эти издания не успевают выходить, как уже тотчас расходятся, показывая этим, что они отвечают насущной потребности»[26].

В 1920 г. КЕПС приступила к подготовке серии «Россия». Этот капитальный труд должен был представить географическое и экономико-статистическое описание страны по отдельным областям;

[23] Архив Академии наук, ф. 132, оп. 1, д. 280, л. 17—17 об.

[24] См.: Быкова Т. К. Из истории журнала «Природа». 1912—1927 гг.— В кн.: Сб. статей и материалов Б-ки АН СССР по книговедению. Вып. 2. Л., 1970, с. 159.

[25] См.: Черняк А. Я. История технической книги. Ч. 2. Советский период. М., 1973, с. 21.

[26] Ольденбург С. Ф. Комиссия по изучению естественных производительных сил России.— Наука и ее работники, 1920, № 1, с. 8.

в основу деления России на районы были положены преимущественно экономические признаки. Предполагалось издать вводный очерк и 22 основных тома, каждый об отдельном районе России, в дополнительном 23-м томе планировалось поместить общий обзор всех районов. Каждый том разделялся на 17 глав, которые должны были выходить отдельными выпусками,— всего 391 выпуск. Общий объем издания определялся в 500 печ. л.[27] Для подготовки издания из членов комиссии был выделен специальный комитет под председательством А. Е. Ферсмана. В него вошли представители учреждений, пожелавших принять участие в составлении соответствующих глав. Хотя общее финансирование издательской деятельности КЕПС осуществлял Наркомпрос, для издания серии «Россия» средства были отпущены ВСНХ РСФСР. К началу мая 1920 г. была окончательно установлена программа издания и определены исполнители: видные ученые Л. С. Берг, М. И. Боголепов, В. Г. Глушков, В. Г. Дружинин, А. П. Карпинский, П. П. Лазарев, Н. М. Тулайков, В. Г. Хлопин и др. В 1921 г. вышло первое издание работы Л. И. Прасолова «Почвы» в серии «Астраханский край». Эта книга, а также вышедшая позднее «Растительность» А. А. Булавкина с дарственными надписями крупнейшего геолога и минералога, академика А. Е. Ферсмана хранятся в библиотеке В. И. Ленина в Кремле[28].

Известно, какое значение придавал В. И. Ленин разработке месторождений Курской магнитной аномалии и залива Кара-Богаз-Гол. В 1919 г. при Академии наук создается Комиссия по исследованию Курской магнитной аномалии под председательством академика П. П. Лазарева. В этом же году КЕПС приступила к подготовке специальной серии «Материалы по исследованию Курской магнитной аномалии» под редакцией П. П. Лазарева. На протяжении 1920—1921 гг. Госиздатом были отпечатаны два выпуска серии, посвященные итогам изучения Курской магнитной аномалии. Последний (третий) выпуск был издан только в 1923 г. В 1921 г. КЕПС подготовила сборник научных трудов «Карабугаз и его промышленное значение», который вышел в Госиздате в 1922 г. Среди других изданий, выпущенных комиссией вне серий, следует особо отметить «Очерки геологического прошлого Европейской России» А. П. Карпинского (1919), «Самоцветы России» А. Е. Ферсмана (1920).

Интересным явлением было приобщение Академии наук к популяризации научных знаний. Речь идет о подготовленной КЕПС и выпущенной издательством М. и С. Сабашниковых серии «Богат-

[27] См.: Печать и революция, 1921, № 3, с. 301.

[28] Ряд книг серии «Астраханский край» был выпущен Госиздатом с подзаголовком: «Составлено по поручению НТО ВСНХ Комиссией по изучению естественных производительных сил России при Российской Академии наук».

ства России». В 1920—1923 гг. под редакцией А. Е. Ферсмана вышло 11 из 17 задуманных книг[29].

Значительное место в издательской продукции КЕПС занимали труды институтов и отделов, состоявших при комиссии. Начали свою издательскую деятельность Институт по изучению платины и других благородных металлов, Институт физико-химического анализа. В 1918 г. по инициативе известного ученого-оптика, профессора Д. С. Рождественского при КЕПС был создан Государственный оптический институт. В Положении об институте говорилось, что он должен распространять оптические знания среди специалистов и в широких массах «путем лекций, устройства музея, издания журнала, книг, брошюр и т. д.»[30]. К 1922 г. было издано два тома «Трудов Государственного оптического института». Первый том, состоявший из 6 выпусков, вышел в 1920 г., причем выпуски с 1-го по 5-й были изданы самим институтом, а выпуск 6-й — Госиздатом[31]. Второй том (8 выпусков) был издан в Берлине на средства, отпущенные Наркомпросом. Из 14 выпусков «Трудов...» 10 вышли на русском и английском языках[32], а 2 выпуска со статьями Д. С. Рождественского — только на английском. Редактором «Трудов...» был Н. Н. Георгиевский. С 1922 г. издание «Трудов...» было передано Госиздату.

В феврале 1919 г. между Отделом по распространению научных знаний при КЕПС и редакцией журнала «Природа» было заключено соглашение, по которому комиссия брала на себя издание журнала. В качестве мотивов, по которым было взято это обязательство, в донесении Петроградскому отделению Госиздата приводились следующие соображения: «...журнал „Природа“ по своему характеру всецело отвечает основной задаче Отдела, сводящейся к распространению научно-прикладных знаний в широких научных массах и к пропаганде среди этих масс идеи использования богатств страны»[33]. С октября по декабрь 1919 г. полностью вышли 9 номеров журнала. В дальнейшем он выходил регулярно. Редакция журнала предпринимала иногда выпуски монографий. Так, в 1921 г. был переиздан труд А. Е. Ферсмана «Самоцветы России».

Несмотря на неимоверно трудные условия первых послереволюционных лет издательская деятельность КЕПС, имевшая огромное научное и практическое значение для молодого Советского государства, продолжала успешно развиваться. Только за 1918—1920 гг. было опубликовано 310 печ. л. трудов КЕПС, т. е. в четыре

[29] См.: Белов С. В. Книгоиздатели Сабашниковы. М., 1974, с. 142.
[30] Кононков А. Ф., Осиповский А. Н. Создание советской оптики и деятельность Д. С. Рождественского. — В кн.: Очерки по истории советской науки и культуры. М., 1968, с. 120—121.
[31] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 173. л. 92.
[32] Там же, л. 60.
[33] Цит. по: Быкова Т. К. Указ. соч., с. 159.

раза больше, чем за предреволюционное трехлетие. Выпуск трудов КЕПС является одной из наиболее ярких страниц в истории научной книги в первые годы Советской власти. Но это было исключением на общем фоне издательской деятельности Академии наук и других научных организаций.

После революции продолжилась издательская деятельность подразделений Академии наук. Физико-математическое отделение объединяло подразделения, занимавшиеся естественными науками. Отделение издавало труды, работа над которыми была начата еще до революции и которые представляли большой интерес и в послереволюционные годы. В его «Записках...» публиковались результаты магнитных съемок. Постоянная центральная сейсмическая комиссия печатала в своих «Известиях» наблюдения по сейсмологии. Для изучения естественных производительных сил страны несомненный интерес представляли издания Зоологического и Биологического музеев: «Фауна России и сопредельных стран», «Флора Сибири и Дальнего Востока», «Флора Средней России». Геологический и минералогический музей имени Петра Великого продолжил издание «Опыта описательной минералогии» В. И. Вернадского, выпустил в рамках «Трудов радиевой экспедиции Российской Академии наук» книгу Л. С. Коловрат-Червинского «О выделении эманации из твердых или расплавленных солей, содержащих радий» (1918). Периодически печатались отчеты отделений: физико-математического, историко-филологического, русского языка и словесности. В составлении отчетов и подготовке их к изданию принимали участие академики С. Ф. Ольденбург, И. С. Пальмов.

Активную издательскую деятельность вела Главная астрономическая обсерватория (Пулковская), имевшая специальную редакционно-издательскую комиссию, работой которой руководил И. А. Балановский. В состав комиссии входили известные астрономы А. А. Иванов, Б. А. Земцов, Г. А. Тихов и др.[34] Комиссия готовила к печати «Известия», «Труды», которые выходили на русском и французском языках, а также монографии. Все они печатались в типографии Э. Ф. Мекса. Для более оперативного выпуска научной информации редакционно-издательская комиссия предприняла в 1920 г. издание гектографированных «Сообщений», включавших резюме докладов, сделанных на научных собраниях, а также небольшие по объему исследования[35]. Часть изданий Главной астрономической обсерватории печаталась в Николаеве. В 1921 г. там были напечатаны три номера «Известий» с монографиями Б. А. Земцова, И. А. Балановского, В. С. Жардецкого. Николаевское отделение Главной астрономической обсерватории выпускало «Записки астрономов обсерватории в Николаеве»

[34] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 272, л. 48 об.
[35] Там же, л. 49.

на французском языке. Отдельные работы Главной астрономической обсерватории печатались в «Известиях Российской Академии наук», «Ежегоднике Русского астрономического общества», «Вестнике Всероссийского астрономического союза»[36].

Главная астрономическая обсерватория и Московская астрономическая обсерватория выступили инициаторами созыва Всероссийского астрономического съезда в апреле 1917 г. Председательствовал на нем профессор Московского университета большевик П. К. Штернберг, вошедший и в Совет организованного на съезде Всероссийского астрономического союза[37], ныне Всероссийского астрономического общества при Академии наук. В 1918 г. союз начал издавать «Вестник» тиражом 600 экз. На съезде было принято решение о создании Вычислительной комиссии для составления таблиц движения планет, вспомогательных таблиц для астрономических вычислений[38]. В 1920 г. эта комиссия была преобразована в Государственный вычислительный институт. К 1921 г. институт выпустил 9 изданий, включая работы Бюро при обсерватории Петроградского университета[39].

Обширные издательские планы были у Главной физической обсерватории; она имела специальный отдел по обработке и изданию своих наблюдений. «Геофизический бюллетень» обсерватории печатался в Госиздате (1918—1921). Он включал материалы по метеорологии, гидрологии, геофизике. Обсерватория начала издавать «Метеорологическое обозрение Европейской России», возобновила выпуск «Известий», «Геофизического сборника», готовила к выпуску ряд иностранных руководств и учебников, наметила издание научно-популярных брошюр, пропагандирующих среди широких масс правильные представления о природных явлениях. До 1922 г. Главная физическая обсерватория печатала свои издания на средства Госиздата[40]. Для ускорения выпуска своих трудов обсерватория просила предоставить в ее распоряжение особую типографию. Сотрудники обсерватории к 1920 г. подготовили к печати около 60 работ[41].

Академия наук испытывала значительные трудности в издании книг и журналов по гуманитарным наукам. Выделяемые государством на издательскую деятельность средства в первую очередь предназначались для выпуска книг по исследованию ресурсов страны, восстановлению народного хозяйства. Многие издания, начатые отделениями исторических наук и филологии, русского язы-

[36] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 272, л. 49 об.
[37] См.: Куликовский П. Г. Павел Карлович Штернберг. 1865—1920. М., 1965, с. 46.
[38] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 184, л. 104.
[39] Там же, л. 54.
[40] Там же, д. 87, л. 133.
[41] См.: Главная физическая обсерватория в 1919 г.— Наука и ее работники, 1920, № 1, с. 16—19.

ка и словесности, в рассматриваемый период так и остались незавершенными. Понимая всю сложность текущего момента, Постоянная историческая комиссия в 1918 г. приняла решение «выпустить теперь же в свет» в виде первой части уже отпечатанные 40 листов 7-го тома «Писем и бумаг императора Петра Великого», подготовленных членом-корреспондентом Академии наук И. А. Бычковым, «не дожидаясь окончания печатания остальных примечаний и указателей ко всему тому»[42]. Вторая часть была напечатана только в 1946 г.

Из крупных, хотя и недостаточных средств, выделяемых Наркомпросом для издательской деятельности, отделение исторических наук и филологии направило в 1918 г. значительную сумму для продолжения издания «Русского исторического журнала», в результате чего он с 5-го выпуска стал считаться академическим журналом. Редакционный комитет журнала, в который входили А. Л. Бем, В. Н. Бенешевич, М. Д. Приселков, С. В. Рождественский, подготовил к печати сочинение академика А. А. Шахматова «Древнейшие судьбы русского племени» (1919). Книга имела большое историческое значение: в ней была собрана «богатейшая историческая аргументация в пользу положения об исконном единстве русского народа»[43].

Отделение русского языка и словесности продолжало издавать «Сборник», одно из немногих сохранившихся в то время изданий подобного рода. Здесь печатались материалы по древнерусской литературе, диалектологии. Было предпринято издание труда академика В. М. Истрина «Книгы временьныя и образныя Георгия Мниха. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследования и словарь». Издание было начато тогда, когда Общество любителей древней (славяно-русской) письменности и искусства, выпускавшее такого рода литературу, почти прекратило издательскую деятельность[44]. Выпуск новых изданий был скорее исключением, в основном отделение стремилось закончить начатое ранее: печатались очередные тома Собрания сочинений академика А. Н. Веселовского, «Архив братьев Тургеневых». Вышел сдвоенный том «Пушкин и его современники. Материалы и исследования» (1918). Это издание было продолжено впоследствии как непериодический сборник, получило широкую известность.

Значительно сократилось число академических изданий по Востоку. Азиатский музей, где находилось одно из богатейших в мире собраний памятников восточной письменности, отметил свой

[42] Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 7, вып. 1, Пг., 1918, с. 1.

[43] Исторические науки в Академии наук, М., 1945, с. 19.

[44] Общество выпустило одну книгу — «Перевод «Слова о полку Игореве» по рукописи XVIII в. Л. К. Ильинского в серии «Памятники древней письменности» (Пг., 1920).

столетний юбилей (1918) изданием краткой памятки «Азиатский музей в 1918 г.» (1920). Возглавлял музей с 1916 г. и редактировал его рукописи С. Ф. Ольденбург. Продолжал издаваться журнал «Христианский Восток» (1912—1920), организованный академиком Н. Я. Марром. В 1921 г. при Азиатском музее была создана Коллегия востоковедов, заменившая Восточное отделение Русского археологического общества[45]. В 1918 г. вышел международный печатный орган ученых-индианистов «Буддийская библиотека», созданный академиком С. Ф. Ольденбургом.

На протяжении 1917—1921 гг. издательская деятельность Академии наук значительно сократилась, но уже к концу 1921 г. стало заметно некоторое ее оживление. В 1922 г. производительность академической типографии по сравнению с 1921 г. возросла почти в 1,6 раза. Однако довоенного уровня выпуска книжной продукции академия сумела достичь только в 1929 г.

Издательская деятельность высших учебных заведений и научных обществ при них. В 1918—1921 гг. университеты подверглись коренной перестройке, преподаватели были привлечены к организации новых учебных заведений. Уже в 1920/21 учебном году в стране насчитывалось 244 высших учебных заведения с 207 тыс. студентов[46]. По распоряжению правительства Республики все студенты высших технических учебных заведений были обязаны вернуться к учебе[47]. За короткий срок сеть высших учебных заведений возросла более чем в два раза, а число студентов почти удвоилось[48]. Расширение высшего образования, изменение социальной структуры студенчества, новые задачи высшей школы остро поставили вопрос об учебной книге. Однако ГИЗ только в 1921 г. мог приступить к переизданию лучших старых учебников.

Русская дореволюционная учебная литература для высшей школы была недостаточно богата, хотя тип учебника для вуза уже сложился, имелся ряд добротных пособий. Во многих институтах, особенно провинциальных, учение шло в большой степени по местным литографированным запискам. Многие основные курсы, например Бернгарда, Патона, Нюберга, Максименко, по свидетельству современника, «если и не были большими редкостями, но ку-

[45] Русское археологическое общество находилось в бедственном положении. К 1919 г. в производстве было четыре издания, однако общество не имело ни денег, ни бумаги для их завершения. Последними изданиями были «Записки Восточного отделения» (т. 25, 26), «Записки Нумизматического отделения» и подготовленный к 100-летию Азиатского общества в Париже, прекрасно иллюстрированный том с описанием археологической экспедиции 1916 г. Н. Я. Марра и И. А. Орбели в Ван (вышел из печати в 1922 г.).

[46] См.: Ким М. П. 40 лет советской культуры. М., 1957, с. 62.

[47] См.: Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР, 1920, № 75, ст. 346.

[48] См.: Чуткерашвили Е. В. Развитие высшего образования в СССР. М., 1961, с. 10.

пить их новыми в магазинах было нельзя, и студенты одалживали или перекупали их друг у друга»[49].

Годы войны значительно ухудшили ситуацию. Литографированные записки, переходившие из рук в руки, истрепались. Выпуск новых учебников сильно сократился. Положение советской высшей школы было крайне тяжелым.

В этих условиях ряд высших учебных заведений предпринял попытку издания учебников и учебных пособий.

Лекции своих профессоров и преподавателей печатали Уральский и Саратовский университеты. При Саратовском политехническом институте была создана особая издательская комиссия, начавшая свою деятельность в 1921 г. изданием «Конспекта лекций по аналитической геометрии на плоскости». Заявили о себе в печати одним или двумя изданиями Таврический, Белорусский, Костромской, Самарский университеты. Приступил к изданию учебников и Бакинский университет, выпустив книгу бывшего профессора Петроградского университета В. В. Сиповского «Лекции по истории русской литературы» (1921—1922).

В Пермском университете в конце 1920 г. была образована Инициативная группа для устройства научного подотдела Пермского губернского отдела печати[50], которая разработала развернутый план научного книгоиздания, включавший выпуск сборников, журналов, монографий, а также учебников и программ практических занятий для вузов и школ I и II ступеней, научно-популярных брошюр.

В начале 20-х гг. в Белоруссии появились первые технические книги. Это были учебные пособия, подготовленные Белорусским государственным политехникумом[51]. Издание осуществлялось литографским способом. Таким образом были изданы «Детали машин» М. Н. Берлова и «Курс сопротивления материалов» С. П. Тимошенко. Последний получил широкое распространение, неоднократно переиздавался, был высоко отмечен критикой.

Качество учебников, выпускавшихся вузами, как впрочем и многих других книг крупнейших издательств, в этот период было часто очень низким. «Желтая, шершавая, чуть ли не оберточная бумага, рябящий в глазах набор, напрягаешь глаз, чтобы читать, скоро утомляешься. Сзади на отдельных листах вклеены чертежи, многие надписи которых с трудом разбираются; часть их на желтой, часть на серой бумаге. Обложка чуть-чуть плотнее бумаги самой книги»[52].

Более активно университеты и институты издавали научную литературу, хотя и здесь спад был весьма заметен. Практически

[49] А. В. П. Десять лет технической книги.— Вестн. инженеров, 1929, № 5, с. 229.

[50] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 1, д. 39, л. 110.

[51] Белорусский государственный политехникум.— Бюл. офиц. распоряжений и сообщ. Наркомпроса, 1921, № 27, с. 4—5.

[52] А. В. П. Указ. соч., с. 232.

прекратился выпуск таких традиционных изданий, как «Обозрения преподавания», «Протоколы заседаний Советов», «Отчеты» и др. Издание «Известий» ряда институтов взял на себя Госиздат, выпускавший работы Первого Петроградского политехнического института, Комиссии при химическом факультете Иваново-Вознесенского политехнического института, Ставропольского сельскохозяйственного института, Морской академии и ряда других.

Важную роль в издательской деятельности университетов сыграли научные общества, функционировавшие при них. Общества эти не подверглись реорганизации, но и они не могли действовать в полную силу, так как лишь немногие из них получали материальную поддержку от государства.

Сократилась издательская деятельность Московского университета. Еще в 1919 г. университет сумел издать два тома «Ученых записок», подготовленных Медицинским отделением, и несколько номеров журнала «Народное просвещение». Однако уже в 1920 г. Госиздат отказал университету в разрешении на издание «Ученых записок», мотивируя свой отказ бумажным кризисом и необходимостью «централизовать всю работу по изданию научной литературы» в Научном отделе Наркомпроса [53].

На протяжении 1917—1918 гг. при Московском университете издавали свои труды Московское психологическое общество («Вопросы философии и психологии»), Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии («Этнографическое обозрение» и «Русский зоологический журнал»), Московское общество испытателей природы, Общество истории и древностей российских («Чтения»). Характерным для рассматриваемого периода явлением была задержка выхода книг из печати. Так, Общество истории и древностей российских издало книгу профессора В. Н. Щепкина «Учебник русской палеографии», на титульном листе которой поставлен 1918 г., а на обложке — 1920 г. Рецензент, отметив высокое качество издания, выразил сожаление по поводу того, что «из-за бумажного кризиса автор отложил печатание приложения... до более благоприятного времени» [54]. После 1918 г. издательская деятельность университетских обществ за некоторым исключением носила случайный характер.

Одним из таких исключений было Библиографическое общество при Московском университете, которое благодаря субсидиям, получаемым от Наркомпроса, смогло регулярно издавать «Библиографические известия» под редакцией Б. С. Боднарского. В журнале печатались сообщения, прочитанные на заседаниях общества, из номера в номер помещалась «Библиография русской библиографии», составляемая Б. С. Боднарским. «Библиография...», пред-

[53] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 1, д. 39, л. 127.
[54] Дела и дни, 1921, № 2, с. 206.

ставлявшая самостоятельный интерес, печаталась также отдельно, тиражом 65 экз.[55]

В феврале 1919 г. Петроградский университет отметил свое столетие. Совет университета утвердил обширный план юбилейных изданий, разработанный особой комиссией из представителей всех факультетов[56]. Увидел свет лишь первый том «Материалов по истории С.-Петербургского университета», охватывающий период от создания университета до принятия университетского устава в 1835 г. Весь вошедший в этот том материал собрали и подготовили к печати под редакцией С. В. Рождественского сотрудники Государственного архивного фонда А. С. Николаев и И. А. Маяковский. Деньги на издание были выделены Наркомпросом по распоряжению заместителя наркома З. Г. Гринберга[57]. Отдельным изданием была опубликована вводная статья к первому тому С. В. Рождественского «Первоначальное образование С.-Петербургского университета 8 февраля 1819 г. и его ближайшая судьба» (1919), а также речь О. Д. Хвольсона «Значение науки для человечества» (1919), с которой он выступил в Александринском театре в дни юбилейных торжеств.

Активную издательскую деятельность вело Русское физико-химическое общество (РФХО) при Петроградском университете. Его работа, несомненно способствовавшая развитию промышленности, с первых же дней Советской власти получила серьезную поддержку со стороны государства. Весной 1918 г. Научный отдел Наркомпроса выделил отделению химии РФХО субсидию в размере 60 тыс. руб. на покрытие долгов по изданию «Журнала Русского физико-химического общества» и на издательскую деятельность в 1918 г.[58] С 1919 по 1922 г. все счета по изданию «Журнала...» оплачивались Петроградским отделением Академического центра Наркомпроса[59].

Выпуск «Журнала...» не прекращался ни на один год, хотя темпы его издания несколько замедлились. Объем издания уменьшился по сравнению с довоенным периодом в три раза[60]. Главным редактором «Журнала...» до 1918 г. был Н. А. Гезехус, сменил его Н. Н. Георгиевский. Редакция располагалась в помещении Физического института Петроградского университета.

Отделение физики РФХО совместно с Отделом ученых учреждений и высших учебных заведений Петроградского отделения Академического центра выступили инициаторами созыва Всерос-

[55] О деятельности Русского библиографического общества см.: Машкова М. В. История русской библиографии начала XX века (до октября 1917 г.). М., 1969, с. 412—421.
[56] См.: Дела и дни, 1920, № 1, с. 508.
[57] Там же, с. 437.
[58] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 377, л. 24.
[59] Там же, л. 45 об.
[60] См.: Чугаев Л. А. Русское физико-химическое общество — Наука и ее работники, 1922, № 1, с. 18.

сийского съезда физиков (февраль 1919 г.), принявшего решение создать Российскую ассоциацию физиков (РАФ). Один из докладов на съезде был специально посвящен научному книгоизданию. В октябре 1919 г. РАФ заключила договор с издательством М. и С. Сабашниковых, в соответствии с которым издательство обязалось выпускать серию учебников для высшей школы «Руководства по физике, издаваемые под общей редакцией Российской ассоциации физиков М. и С. Сабашниковыми», а также серию «Научные монографии»[61]. Книги серии «Руководства по физике» («Лекции по молекулярной физике» А. Ф. Иоффе, «Эволюция учения о теплоемкости» О. Д. Хвольсона и др.) стали выходить уже в 1919 г. и пользовались заслуженной популярностью.

Гораздо сложнее обстояло дело с изданием гуманитарной литературы. Пушкинский семинарий, созданный С. А. Венгеровым при Петроградском университете, был знаменит тем, что из него вышли многие известные источниковеды и текстологи: Б. М. Эйхенбаум, В. М. Жирмунский, Ю. А. Никольский и др. Именно благодаря им советское литературоведение смогло решить задачу издания текстов классиков русской литературы. Свои первые статьи они начали печатать в сборнике «Пушкинист». В эти трудные годы сборник вынужден был прекратить свое существование. Последний, третий выпуск вышел в 1918 г., пролежав в готовом виде более двух лет. Да и вышел он из печати в урезанном виде: из подобранных материалов в нем осталось лишь две статьи М. О. Лопатто. Имелся материал еще на два выпуска, но подорожание типографского набора остановило печатание. Рефераты А. Л. Бема, С. М. Бонди и других были включены в сборник «Пушкин и его современники».

Физико-математическое общество при Казанском университете начало свою издательскую деятельность еще до революции. В качестве важнейшей цели общество наметило издание собрания сочинений Н. И. Лобачевского, указывая на то, что «в России нельзя было приобрести ни одного экземпляра сочинений Лобачевского, так как единственное издание Казанского университета разошлось и сделалось библиографической редкостью»[62]. Выделенная Наркомпросом в 1918 г. субсидия пошла на частичное погашение долга университетской типографии. Издательская деятельность общества почти сошла на нет.

Более удачной оказалась судьба Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, не прекращавшего свою издательскую деятельность в годы революции и гражданской войны. Главным печатным органом общества были «Известия», выходившие на протяжении 1919—1920 гг. отдельными выпусками. Каждый выпуск представлял собой монографию либо сборник ста-

[61] См.: Хвольсон О. Об издательской деятельности Российской ассоциации физиков.— Книга и революция, 1920, № 1, с. 47.
[62] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 1, д. 39, л. 142.

тей одного автора[63]. Тираж «Известий» устанавливался в 2 тыс. 50 экз. (не располагая средствами для выплаты гонорара, общество выделяло своим авторам по 50 экз. оттисков их статей)[64]. Кроме того, общество выпустило в 1918 г. протоколы своих заседаний и отчет за 1915 г. Издательской деятельностью общества руководила специальная редакционная комиссия в составе профессоров Б. Ф. Адлера, И. А. Стратонова и др. Крупные субсидии на издание «Известий» были выделены Наркомпросом в 1919 г. В 1920 г. Госиздат выделил 200 тыс. руб. на оплату издательских счетов и уведомил общество, что с 1921 г. вся его издательская деятельность будет осуществляться через Казанское отделение Госиздата[65].

При Пермском университете действовали три научных общества. Физико-математическое общество и Общество философии, истории и социальных наук к 1921 г. выпустили по два сборника «Трудов»[66]. Второе также сумело издать книгу Н. П. Оттокара «Опыты по истории французских городов в средние века» (1919). Общество естествоиспытателей при Пермском университете возникло в 1917 г. Президентом его был профессор А. А. Рихтер, редактором изданий — профессор Д. М. Федотов[67]. В 1919 г. университет был эвакуирован в Томск, где было начато издание «Трудов» общества. Однако уже в 1920 г. издательская деятельность прекратилась «вследствие ряда технических и финансовых затруднений»[68].

Относительно благоприятные условия для издания литературы сложились в Иркутском университете, так как в Иркутске за время революции появилось несколько хороших типографий, имелись запасы бумаги[69]. «Сборники трудов профессоров и преподавателей Иркутского университета» (1920—1921) печатало Иркутское отделение Госиздата. Предпринимались и самостоятельные издания. В 1920 г. на средства Иркутского университета была напечатана книга «Очерк истории Сибири» В. И. Огородникова, причем университету пришлось отказаться от включения в книгу нескольких карт, так как это значительно удорожало издание.

В 1921 г. начал свою издательскую деятельность Бакинский университет. Его «Известия» выходили в двух полутомах («Естествознание и медицина» и «Гуманитарные науки») тиражом 500 экз. Печатались «Анналы клиники нервных и душевных болезней». Несколько книг издал историко-филологический факультет университета.

[63] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 344, л. 97—98.
[64] Там же, оп. 1, д. 39, л. 210 об.
[65] Там же, оп. 2, д. 344, л. 139, об.— 140.
[66] Там же, оп. 1, д. 39, л. 111.
[67] Там же, оп. 2, д. 627, л. 3.
[68] Там же, л. 6 об.
[69] См.: Печать и революция, 1921, № 2, с. 242—243.

Научные сочинения выпускали и другие высшие учебные заведения как самостоятельно, так и через местные отделения Госиздата.

Издательская деятельность краеведческих научно-исследовательских организаций. Огромную роль в изучении естественных производительных сил страны, всестороннем исследовании ее ресурсов и исторического прошлого сыграли краеведческие научно-исследовательские организации и общества. Некоторые из них были созданы еще до революции и действовали в рамках программ земств, часть возникла уже при Советской власти. Финансовое положение большинства из них было часто крайне тяжелым, хотя Главнаука и выделяла им субсидии на научную и издательскую деятельность. Общества организовывали музеи, библиотеки, устраивали публичные лекции, всемерно способствовали распространению естественнонаучных знаний, материалистического мировоззрения, популяризации последних достижений науки и техники. Ученые, принимавшие участие в работе этих обществ, были настоящими подвижниками науки.

Научно-издательской деятельностью занимались некоторые научные отделы и комитеты провинциальных совнархозов. Организованный А. А. Снятковским Научно-технический комитет при Вологодском СНХ в 1920 г. приступил к изданию «Материалов по изучению и использованию производительных сил Северного края», где помещались статьи о флоре и фауне края, о полезных ископаемых (главным образом — торфе), о землеустройстве, рыбном хозяйстве, промышленных предприятиях региона. «Материалы...» печатались на плохой бумаге, в разных типографиях, выпуск их постоянно задерживался.

Архангельское общество изучения русского Севера до 1920 г. продолжало издавать «Известия» с подзаголовком «Журнал жизни Северного края». Несмотря на сложности политического характера, журнал выходил регулярно, хотя несколько изменилась его периодичность. В «Известиях» помещались материалы, рассматривающие самые различные стороны жизни Севера. Журнал разбивался на 12 отделов: промышленность и торговля; сельское хозяйство; лесное дело; пути сообщения, мореплавание, судоходство; рыбные промыслы; этнография и др. С 1919 г. выход журнала стал запаздывать, печатались сдвоенные и строенные номера. «Положительную роль журнала в деле ознакомления с жизнью Севера едва ли кто станет отрицать,— писал рецензент.— Судьбы Северного края настойчиво требуют возобновления издательской деятельности Общества...»[70]

Вологодское общество изучения Северного края также предприняло попытку издания «Известий». В рассматриваемый период обществу удалось выпустить только один труд — «Библиография

[70] Дела и дни, 1920, № 1, с. 483.

Северного края» П. А. Дилакторского, но эта книга была несомненно весьма крупным достижением в изучении Севера. Она включала сведения об изданиях с 1766 по 1903 г., объем составил 21 печ. л. Книга вышла тиражом 2 тыс. экз., для ее издания была создана специальная комиссия во главе с ученым секретарем общества И. А. Тюрниным. Финансировали издание Северосоюз, Общество потребителей «Вологжанин» и другие кооперативные организации[71].

Материалы по Сибири публиковались в «Известиях» Института исследования Сибири в Томске; печатались они тиражом менее тысячи экземпляров, на плохой бумаге, но тем не менее титульный лист и оглавление давались параллельно на русском и французском языках. Подобными были и «Известия» Сибирского геологического комитета, выходившие в Томске под редакцией профессора М. А. Усова тиражом 350 экз. В связи с типографским кризисом большие трудности возникали при издании таблиц и указателей, требовавших сложного набора. Из тяжелого положения выходили иногда кустарным способом. Так, в 6-м выпуске «Известий Института исследования Сибири» (1921) напечатана статья А. Д. Григорьева «Устройство и заселение Московского тракта в Сибири с точки зрения изучения русских говоров». К статье приложен рукописный указатель, оттиснутый на гектографе.

Переславль-Залесское научно-просветительное общество печатало в «Известиях» (1918—1921) работы по археологии, этнографии, местной фауне, кооперации. Общество издавало программы, инструкции, нередко написанные от руки и размноженные на гектографе. На способ печатания изданий в виде приложений к «Известиям» исполкомов местных Советов журнал «Наука и ее работники» обратил особое внимание провинциальных обществ, «стесненных в условиях печатного дела»[72]. Небольшие по формату и объему книжки — «Труды Иваново-Вознесенского научного института по изучению природы края» выходили тиражом 1 тыс. экз.[73] Продолжало издательскую деятельность, начатую в 1905 г., Пензенское общество любителей естествознания[74]. Выделялось своей активностью Костромское научное общество, печатавшее в «Трудах» (1918—1921) ценные работы по истории и природе региона. Общество начало издавать «Библиотеку общественных движений в XIX и XX вв.». На протяжении 1917—1919 гг. Государственный музей имени Н. М. Мартьянова (г. Минусинск Енисейской губернии) выпустил небольшими брошюрами несколько работ своих сотрудников.

Большой интерес представляет деятельность Калужского общества изучения природы и местного края, созданного еще до ре-

[71] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 62, л. 282 об., 289.
[72] См.: Наука и ее работники, 1921, № 6, с. 40.
[73] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 269, л. 151.
[74] Там же, д. 55, л. 174 об.

волюции. Среди членов общества был выдающийся русский ученый, основоположник научной космонавтики К. Э. Циолковский. Возглавлял общество Н. В. Воронцов, а после его смерти В. В. Ассонов[75]. Общество занималось научной и просветительской деятельностью, организовывало научно-популярные лекции, готовило экспозицию будущего краеведческого музея. В отличие от большинства других научно-исследовательских организаций Калужское общество получало значительную прибыль от своих изданий[76]. Среди книг, вышедших в 1920 г., работа К. Э. Циолковского «Вне земли» (2 тыс. экз.). В трех томах «Известий» общества помещены две работы К. Э. Циолковского, материалы по флоре и фауне, этнографии, геологии. Здесь же в 1919 г. печатались труды Волжской биологической станции[77]. Эта первая в России речная станция существовала с 1900 г. Свои исследования по гидрологии, флоре и фауне бассейна Волги станция помещала в специальном издании «Работы Волжской биологической станции». Станция находилась в Саратове и работала в тесном контакте с Саратовским обществом естествоиспытателей и любителей естествознания.

Чрезвычайно важную роль в деле всестороннего исследования и хозяйственного освоения Кубани и Причерноморья сыграл Совет обследования и изучения Кубанского края (Екатеринодар), основанный в 1917 г. К 1921 г. в него входило 144 человека, действовали секции: горно-геологическая, почвоведения, метеорологическая, биологическая, географическая и этнографическая, опытной агрономии, животноводства, дорожно-транспортная, библиографическая[78]. Совет выпускал свои «Известия» и «Труды», а также научные монографии в виде приложения к «Известиям». Монографический характер имели также сочинения, помещавшиеся в «Трудах». Первый том «Трудов» — «Библиография Кубанского края. Систематический указатель литературы о Кубанской области с рецензиями и рефератами» под редакцией заведующего библиографической секцией профессора Б. М. Городецкого — вышел в четырех выпусках (1918—1919). В мае 1920 г. Кубревком признал Совет обследования и изучения Кубанского края своим отделом и предоставил ему крупную субсидию на издательскую деятельность[79]. Позднее он был признан учреждением НТО ВСНХ, состоящим на балансе Кубанско-Черноморского отделения НТО[80].

В конце 1921 г. в Москве состоялась Первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края, созванная Наркомпросом. Выступивший на конференции А. В. Луначар-

[75] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 55, л. 113, 140.
[76] Там же, л. 145 об.— 146.
[77] Там же, л. 310.
[78] Там же, д. 436, л. 2.
[79] Там же, д. 436, л. 44 об.
[80] Там же, л. 45.

ский сказал, что он «в существовании краеведческих организаций видит единственную возможность сделать более или менее правильный учет того, что у нас есть»[81]. Возглавить работу краеведческих организаций должно было Центральное бюро краеведения при Российской Академии наук[82], центральным печатным органом для информации о краеведческой работе предлагалось сделать журнал «Наука и ее работники»[83].

Издательская деятельность научно-исследовательских организаций по естественным наукам. Республика делала первые шаги в области организации советской науки. Активным научно-организационным центром являлся в рассматриваемый период Научно-технический отдел ВСНХ. Отдел открывал новые институты, лаборатории, занимался издательской деятельностью. НТО ВСНХ выступил в роли организатора научных сил по изучению Севера и Сибири. В 1920 г. НТО создал Северную научно-промысловую экспедицию, явившуюся преемником работ ранее существовавших организаций. В ученый совет Северной экспедиции входили академики А. П. Карпинский, А. Е. Ферсман, профессора Ю. М. Шокальский, Н. М. Книпович, К. М. Дерюгин и др. Северная экспедиция приступила к изданию своих «Трудов» на средства, выделенные НТО ВСНХ. «Труды» выходили на протяжении всего рассматриваемого периода[84].

Деятельности Северной экспедиции способствовала работа Комитета Севера при Русском географическом обществе, созданного в мае, а официально зарегистрированного в декабре 1920 г.[85] Уже весной 1921 г. комитет выпустил свой «Справочник» и приступил к изданию научных монографий, посвященных истории изучения и колонизации Севера.

Русское географическое общество, возглавляемое профессором Ю. М. Шокальским, на протяжении ряда десятилетий выпускало свой периодический орган — «Известия», отдельные научные монографии. При помощи Главного гидрографического управления и Наркомзема общество приступило к изданию «Метеорологического вестника». В 1918 г. по инициативе академика С. Ф. Ольденбурга общество начало работать над переизданием «Географическо-статистического словаря России», выпущенного до революции П. П. Семеновым-Тян-Шанским. Средства на издание были ас-

[81] Святский Д. Первая Всероссийская конференция научных обществ по изучению местного края.— Наука и ее работники, 1922, № 2, с. 22.
[82] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 87, л. 130.
[83] Постановление Первой Всероссийской конференции научных обществ по изучению местного края от 20 дек. 1921 г.— Наука и ее работники, 1921, № 6, с. 2.
[84] См.: Жигалова Л. В. К истории создания институтов Научно-технического отдела ВСНХ.— В кн.: Организация научной деятельности. М., 1968, с. 200—201.
[85] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 352, л. 45.

сигнованы Совнаркомом[86]. Комиссия под руководством Л. С. Берга и П. П. Семенова-Тян-Шанского подготовила первый выпуск словаря, но издать его не удалось. К середине 1920 г. издательскую деятельность общества пришлось приостановить «за недостатком средств на этот предмет»[87].

Постепенно сокращалась издательская деятельность Русского палеонтологического общества. Несмотря на субсидии, выделенные Наркомпросом в 1918 и 1919 гг.[88], оно так и не смогло выпустить третий том своего «Ежегодника» за 1918 г. Только в 1921 г. это издание было набрано и обеспечено бумагой для печатания[89]. Прекратился выпуск «Монографий Русского палеонтологического общества». Однако даже в эти трудные для общества годы оно продолжало пополнять свой редакционный портфель в ожидании будущего оживления издательской деятельности.

Ассоциация натуралистов «Асснат» приступила к изданию своих трудов только в 1921 г. Центральным органом ассоциации были «Известия», в которых печатались статьи по вопросам естествознания, фото- и кинотехники, химической промышленности. Первый выпуск вышел в двух номерах одной книгой. Крупным для такого рода изданий был тираж «Известий» — 2,5 тыс. экз. В качестве приложения к «Известиям» выходил «Информационный листок»[90]. К 1922 г. в портфеле редакции было более 150 рукописей.

В Петрограде действовали еще два естественнонаучных общества. Петроградское общество естествоиспытателей нерегулярно издавало «Протоколы», восстановить издание «Трудов» обществу так и не удалось[91]. Русское общество любителей мироведения было основано в 1909 г. и «объединяло любителей естествознания и физико-математических наук»[92]. Целью общества было проведение научных изысканий, плохо представленных в Академии наук и университетах, а также распространение естественнонаучных знаний в широких слоях населения. Возглавлял его видный деятель русского революционного движения ученый-энциклопедист Н. А. Морозов. Главный печатный орган общества с 1918 г. стал выходить под названием «Мироведение». Первоначально журнал выходил шесть раз в год, но задержки в работе 2-й Государственной типографии, связанные с нехваткой топлива, ряд других причин задерживали выпуск отдельных номеров. Шестой номер журнала за 1917 г. был издан только в конце 1918 г., в 1918 г. удалось выпус-

[86] См.: Русское географическое общество в 1918—1922 гг.: Краткий отчет Секретариата Общества.— Изв. Русск. географ. о-ва, 1924, т. 55, вып. 2, с. 189.
[87] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 1, д. 39, л. 102.
[88] Там же, оп. 2, д. 392, л. 17, 20.
[89] Там же, д. 55, л. 316 об.
[90] Там же, д. 310, л. 47, 51.
[91] Там же, д. 55, л. 313.
[92] Там же, д. 365, л. 12.

тить всего пять номеров[93], да и то только благодаря финансовой поддержке со стороны Наркомпроса[94]. Помимо предоставления субсидии комиссариат по распоряжению З. Г. Гринберга выделил обществу достаточное количество бумаги для издательской деятельности в 1919 г. На протяжении 1919—1921 гг. выходили по два номера журнала, причем нередко с задержками. Средний объем номеров 3—4 печ. л., тираж не превышал 1 тыс. экз. Редактировал издание Д. О. Святский, общее руководство было возложено на редакционную комиссию в составе девяти человек.

С 1919 г. начинают издаваться «Труды» секций Русского общества любителей мироведения в виде особого приложения к журналу «Мироведение». Первые два выпуска «Трудов» включали работы Бюро астрономических наблюдений общества. Редактировал их С. М. Селиванов. Кроме того, общество выпустило «Отчеты» за 1917, 1918, 1919 гг., монографию С. В. Муратова: «Любительская астрономическая обсерватория. Часовые механизмы для телескопов», автобиографию курского астронома-любителя Ф. А. Семенова и его рукопись (это издание было посвящено 125-летию со дня рождения Ф. А. Семенова). В сентябре 1921 г. было предпринято еще одно издание — «Справочный листок». Государство попрежнему оказывало обществу финансовую поддержку. Вся задолженность общества типографиям была в 1921 г. оплачена Петроградским отделением Академического центра и Госиздатом[95]. Общество работало в тесном контакте с Петроградским научным институтом имени П. Ф. Лесгафта, которым также руководил Н. А. Морозов. Институт выпускал «Известия» (1919—1946), в которых печатались материалы преимущественно естественнонаучного характера.

В ноябре 1918 г. в Научный отдел Наркомпроса с просьбой о субсидии на издательскую деятельность обратилось Московское общество любителей астрономии. Общество было основано в 1907 г. и до революции выпустило всего пять изданий[96], не преследуя при этом никаких коммерческих целей. Общество насчитывало 386 действительных членов, председателем его был профессор С. Н. Блажко. Наркомпрос удовлетворил просьбу общества, более того, в декабре 1918 г. ему было дополнительно выделено 4,5 тыс. руб. на издание «Отчетов» общества за 1916/17 и 1917/18 гг.[97] По предложению Госиздата общество взяло на себя издание серии популярных брошюр по астрономии. Темы были распределены между членами общества. В состав редакционной комиссии серии вошли С. Н. Блажко, В. Н. Лихарев, А. А. Михайлов, В. А. Желтухин

[93] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 365, л. 55 об.
[94] Там же, л. 58.,
[95] Там же, д. 365, л. 121.
[96] Там же, д. 352, л. 5 об.
[97] Там же, л. 17.

цын. К 1921 г. вышла первая брошюра серии — «Солнечные затмения» А. А. Михайлова и его же «Звездный атлас».

Особый интерес представляет деятельность Ломоносовского физико-химического общества. Общество возникло в начале 1917 г. при Коммерческом институте (позднее — Институт народного хозяйства имени К. Маркса), однако функционировало совершенно самостоятельно. Главной его целью было развитие и распространение физических и химических знаний.

В работе общества принимали участие крупные ученые: Н. А. Изгарышев, В. В. Шулейкин, А. К. Тимирязев, Н. А. Шилов, Н. Е. Успенский. Председателем правления общества был Г. П. Воронков. Финансовую поддержку для издательской деятельности обществу оказывали Наркомпрос и Московское высшее техническое училище[98]. В начале 1919 г. вышел первый выпуск «Вестника Ломоносовского физико-химического общества» с работой Н. А. Шилова и Л. К. Лепинь «Адсорбция электролитов и молекулярные силы». Второй выпуск «Вестника...» включал две научные статьи и отчет правления Ломоносовского общества. В 1919 г. была образована редакционно-издательская комиссия, в состав которой вошли Н. А. Шилов, Н. А. Изгарышев, Я. Я. Никитинский, Н. Е. Успенский, О. Е. Звягинцев. В соответствии с Инструкцией для издательской комиссии работы, печатавшиеся в «Вестнике...», не оплачивались, а весь доход с издания поступал в пользу общества[99]. Общество выпустило ряд монографий, а также «Программы практических занятий по неорганической химии».

Ряд научно-исследовательских институтов принимали непосредственное участие в работе Комиссии по изучению естественных производительных сил России. Например, Российский гидрологический институт составлял отдел «Воды» в предпринимаемом КЕПС порайонном описании России, участвовал в составлении «Водного словаря», работал над созданием «Численного соотношения населения России к ее водам». Институт имел Временное положение об издательской деятельности, в соответствии с которым издавал «Известия», «Бюллетень». Предполагалось издание «Записок», задуманных как серия книг и брошюр по вопросам гидрологии[100]. К 1922 г. вышло три номера «Известий» (около 20 печ. л.) и 15 номеров «Бюллетеня»[101]. Сюда включались материалы по гидрологии, гидробиологии, энергетике, гляциологии. Каждый печатный орган имел своих редакторов, общее руководство осуществляло издательское бюро[102].

[98] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 378, л. 7.
[99] Там же, л. 74 об.
[100] Там же, д. 188, л. 275; И. М. Б. Российский гидрологический институт.— Наука и ее работники, 1921, № 4, с. 32.
[101] Там же, л. 275.
[102] Там же, л. 47 об.

Близкими к работе КЕПС были исследования Географического института, организованного в 1918 г. Институт получил субсидию от Наркомпроса и уже в 1918 г. начал издавать «Известия» (1919—1921), в которых основное место занимали статьи по землеведению. Институт издавал также «Бюллетень» (1921), отдельные монографии (например, «К вопросу о ближайших задачах изучения растительности Кольского полуострова» В. Н. Сукачева).

Большое научно-практическое значение имели издания Вологодского молочно-хозяйственного института, Петроградского агрономического института и ряда других. Началась издательская деятельность Астраханской станции защиты растений от вредителей и болезней, широко развернувшаяся в последующие годы.

Издательская деятельность научно-исследовательских организаций по гуманитарным наукам. После Октября, в период гражданской войны, разрухи, голода в стране продолжали выходить книги и журналы по истории, филологии, библиографии, архивному и библиотечному строительству. Октябрьская революция вызвала огромный интерес к истории революционного движения. Музей Революции в Петрограде издал однодневную газету памяти А. И. Герцена «Колокол» (под редакцией М. К. Лемке, 1920), «Памятку о декабристах» (1919), приступил к созданию «Летописи революции», подготовил несколько выпусков библиографии революционной печати[103].

В стране уделялось большое внимание сохранению исторических и культурных ценностей, всемерно поддерживалась работа исторических обществ. На основе Археологической комиссии, существовавшей с 1859 г., в 1919 г. была создана Российская академия истории материальной культуры. Академия имела три отделения: этнологическое, археологическое, художественно-историческое. Редакционно-издательскую комиссию академии возглавлял И. А. Орбели[104]. Академия пользовалась типографией совместно с Академией наук[105].

Издательство академии было официально открыто 17 мая 1920 г., а к 8 августа — дню первой годовщины академии — было подготовлено 52 пробных экземпляра первого выпуска «Известий РАИМК». В 1921 г. первый выпуск был перепечатан со статьями последующих выпусков в отдельном первом томе. Редактировал «Известия...» И. А. Орбели. Было отпечатано 720 экз. первого тома и по 300 экз. оттисков каждой статьи («Бронзовая ножка канделябра из Нахичевана» К. В. Тревера, «Женские головные уборы из Чертомлыцкого кургана» Г. И. Боровка и др.).

В 1921 г. был издан первый выпуск «Записок» — брошюра Б. В. Фармаковского «К истории учреждения Российской акаде-

[103] См.: Каплан М. Музей Революции.— Наука и ее работники, 1921, № 5, с. 28.

[104] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 2, д. 156, л. 235.

[105] См.: Дела и дни, 1920, № 1, с. 502—503.

мии истории материальной культуры». В дальнейшем в «Записках» предполагалось печатать крупные исследования, «по объему не подходящие для помещения в Известиях»[106]. Вышли первый том «Трудов Комиссии по нумизматике и глиптике», «Программа для собирания материалов по языку и бытовым терминам» для этнографической экспедиции академии, печатались «Топография кладов серебряных и золотых слитков» А. А. Ильина, «Дроздовский клад русских денег» С. И. Чижова. Одновременно намечалось издание серии научно-популярных книг по этнографии, археологии, истории искусства и культуры. Велись подготовительные работы (изготовление и отливка шрифтов) для печатания изданий на армянском, грузинском и греческом языках[107].

Ценный вклад в издание искусствоведческой литературы внес Эрмитаж, который печатал отчеты о новых приобретениях, начал издавать «Сборник», путеводители по выставочным залам. Обращают на себя внимание небольшие изящные книжки «Казанского музейного вестника» с иллюстрациями на хорошей плотной бумаге. Они издавались Всероссийской коллегией по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Наркомпросе. Здесь печатали свои статьи ученые из разных городов страны.

Значительно сократился объем издательской деятельности существовавшей с 1834 г. Постоянной историко-археографической комиссии, основной задачей которой было научное описание и издание «источников отечественной истории, памятников литературы и юридических от древнейших времен до первой четверти XVIII в. включительно»[108]. Если в 1915 г. ею было выпущено 219 печ. л., то в 1917 г.— только 117[109]. В начале 1918 г. комиссия получила ссуду от Наркомпроса, однако ей с большим трудом удалось завершить издание двух томов «Полного собрания русских летописей». На протяжении 1918—1920 гг. Археографическая комиссия выпустила пятую книгу тридцать четвертого тома «Русской исторической библиотеки», «Книгу бесед протопопа Аввакума», «Великие Минеи Четии» (вып. IX, ч. 2, тетр. 1) и ряд других изданий. В 1920 г. в печати находилось еще 11 изданий[110].

В первые годы Советской власти прежние ведомственные архивы были преобразованы в отделения Государственного архивного фонда. Союз архивных деятелей в единственном вышедшем номере журнала «Исторический архив» (1919) разработал план и научные методы издания архивных материалов. Государственный архивный фонд предпринял несколько изданий, главным образом по архиву Министерства народного просвещения. Был издан также сборник «Литературный музеум» (1921), куда вошли материалы

[106] ЦГА РСФСР, ф. 2307, оп. 1, д. 39, л. 50.
[107] Там же, оп. 2, д. 156, л. 235.
[108] Там же, д. 426, л. 5.
[109] Там же, л. 8 об.
[110] Там же, л. 35.

об А. С. Пушкине, Е. А. Баратынском, Д. В. Веневитинове, Н. В. Гоголе, И. С. Тургеневе. Основную работу по подготовке сборника выполнили С. М. Бонди, В. В. Данилов, М. Г. Клеман, Ю. Г. Оксман. Были намечены к изданию напечатанные ранее в нескольких экземплярах для служебного пользования «Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях по государственным преступлениям с 1882 по 1902 гг.» и записка «История революционного движения в России за 1861—1871 гг.», подготовленная В. К. Плеве по заказу департамента полиции[111]. Однако в рассматриваемый период эти издания не были осуществлены.

Первая мировая война, революция, гражданская война затруднили работу Книжной палаты, хотя она и делала все возможное для регулярного издания «Книжной летописи». В 1920 г. Книжная палата была переведена в Москву. Редактором «Книжной летописи» после У. Г. Иваска стал В. А. Крандиевский.

Институт книговедения, возглавляемый академиком Н. К. Никольским, был создан в Петрограде в 1920 г. Институт за короткий срок подготовил к изданию целый ряд библиографических работ. Они печатались во «Временнике Книжной палаты» или выходили отдельными изданиями, как, например, «Русские портреты 1917—1918 гг.» М. Г. Флеера (1921).

Русское библиологическое общество в Петрограде на средства, выделенные Наркомпросом, издавало «Библиологический сборник», где помещались историко-литературные и библиографические материалы. Библиотечному строительству были посвящены «Сборник» Публичной библиотеки и «Библиотечное обозрение» Секции научных библиотек петроградских ученых учреждений и высших учебных заведений. Публичная библиотека издавала также библиографические указатели к своим фондам. В предисловии к каталогу «Вольная русская печать в Российской публичной библиотеке» (1920) редактор, комиссар библиотеки В. М. Андерсон дал беглый исторический обзор издания русских книг за границей. Нельзя не отметить одно из первых изданий по книговедению — «Казанский библиофил», издававшееся Казанским библиографическим кружком друзей книги при Казанском отделении Госиздата.

* * *

Для развития научной книги первостепенное значение имело всемерное поощрение развития науки и техники со стороны партии и правительства. Успехи научно-исследовательской работы в стране определили развитие научной литературы. Активная научно-издательская деятельность Комиссии по изучению естественных производительных сил России, десятков научно-исследовательских

[111] См.: Дела и дни, 1920, № 1, с. 510.

организаций и обществ позволила в какой-то мере обеспечить научных работников страны необходимой им книгой. Вместе с тем в рассматриваемый период издательская деятельность подавляющего большинства научных учреждений значительно сократилась, а в ряде случаев прекратилась совсем. Тираж научных изданий был небольшим, в среднем около тысячи экземпляров. Следуя традиции Академии наук, даже провинциальные институты и общества продолжали печатать свои труды с титульным листом, оглавлением и резюме на французском языке. Хорошо изданы книги Академии наук; все остальные, за редким исключением,— на плохой бумаге, в серых бумажных обложках. Многие издания носили случайный характер, были кратковременны, выходили из печати с большими задержками.

Преимущественное внимание уделялось выпуску книг по вопросам сырьевых и энергетических ресурсов, по развитию производительных сил. Преобладание литературы именно этой тематики соответствовало объективным потребностям и способствовало решению задач восстановления народного хозяйства, а позднее — его социалистической реконструкции.

Научная деятельность ученых не нашла (из-за известных трудностей) достаточного отражения в научном книгоиздании рассматриваемого периода. И все же нас, говоря словами М. А. Блоха, «поражает, как много все-таки изданий вышло... мы можем с уверенностью констатировать, что... научная исследовательская и организационная работа в России продолжает идти вперед даже по сравнению с работой Запада» [112].

Тенденции социалистического книжного дела, только наметившиеся в научном книгоиздании в рассматриваемый период, получили свое дальнейшее развитие в последующие годы.

[112] Блох М. А. Среди книг и журналов.— Наука и ее работники, 1921, № 3, с. 32.

Частные и кооперативные издательства

Политика Советской власти по отношению к частным и кооперативным издательствам и органы руководства ими.— Количественные характеристики издательской продукции.— Кооперативные издательства.— Частные издательства.

В период формирования советской издательской системы государственные издательства не могли удовлетворить небывалую потребность в книге, поэтому частные и кооперативные издательства в этот период могли оказать государственным учреждениям существенную помощь.

Много частных и кооперативных издательств появилось в стране после Февральской революции. В основном это были кооперативные издательства, которые можно разделить на две группы. К первой следует отнести издательства, работавшие в рамках потребительской, кредитной, производственной кооперации и выпускавшие главным образом литературу по истории, теории и методике кооперативного движения. Коллективными пайщиками этих издательств являлись хозяйственные объединения — кооперативные союзы[1]. Вторую группу составляли товарищества литераторов, ученых и работников книжного дела, вкладывавших в предприятие свой личный труд и денежный пай. 21 августа 1919 г. Госиздат принял такое решение в отношении частно-кооперативных издательств: «Трактовать все виды кооперации, не объединенные в Центросоюзе, как частные издательства»[2].

Политика Советской власти по отношению к частным и кооперативным издательствам и органы руководства ими. Деятельность частных и кооперативных издательских предприятий контролировали до образования в мае 1919 г. Госиздата Советы (через Революционные трибуналы печати, Комиссариаты по делам печати, Отделы печати)[3]. Принципы взаимоотношений государственного и частного секторов в книжном деле определились Декретом о печати (27 окт. 1917 г.) и такими законодательными документами, как декрет ВЦИК «О Государственном издательстве» (29 дек. 1917 г.), декрет СНК «О Революционном трибунале печати» (28 янв. 1918 г.), декрет СНК «О научных, литературных, музы-

[1] Эта обширная группа издательств рассматривается в главе «Издательская деятельность общественных организаций», с. 28—56 настоящего тома.

[2] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 24, л. 207.

[3] См. настоящее издание, т. 1, с. 80—97.

кальных и художественных произведениях» (26 нояб. 1918 г.) [4]. Эти принципы конкретизировались в постановлениях Наркомпроса, распоряжениях местных Советов, Государственного издательства РСФСР.

Особую группу документов, характеризующих взаимоотношения государственных, кооперативных и частных издательств, их правовое положение в первые годы Советской власти, составляют постановление Совнаркома «Об отмене постановления отдела печати Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов о муниципализированных издательствах» (17 мая 1919 г.), распоряжение Государственного издательства РСФСР о регистрации издательств кооперативных обществ (18 июня 1919 г.), постановление Наркомпроса «О частных издательствах» (18 авг. 1921 г.) и декрет Совнаркома «О частных издательствах» (12 дек. 1921 г.) [5]. Среди этих документов постановление Моссовета «О муниципализации книжной торговли и книгоиздательства» (23 окт. 1918 г.) [6] явилось первым конкретным шагом в управлении и контроле за деятельностью частно-кооперативных издательств.

К октябрю 1918 г. в Москве насчитывалось всего 69 частных и кооперативных издательств [7]. Принятое 23 октября 1918 г. постановление объявляло все частные издательства, книжные склады, магазины и библиотеки собственностью Московского Совета. Постановление предусматривало передачу частных издательств в безвозмездное арендное пользование прежних владельцев, управление муниципализированными фирмами поручалось Отделу издательств и книжной торговли (Отделу печати). К 25 октября 1918 г. на основании этого постановления были опечатаны все магазины, книжные склады частных издательств «Мир», «Задруга», М. и С. Сабашниковых, братьев А. и И. Гранат и др., многие из которых являлись основными контрагентами-поставщиками Наркомпроса. Результаты не замедлили сказаться. Эти издательства уже не могли выполнить принятые на себя обязательства, временно приостановилось снабжение школ и библиотек книгами и учебными пособиями.

Н. С. Ангарский, по инициативе которого была проведена муниципализация, считал, что эта мера необходима не только в Москве. В других городах также нужно «ликвидировать общественно бесполезные, переводящие бумагу и занимающие типографии» частные издательства, наладить контроль за редакционными предложениями всех существующих в стране издательств [8].

4 Издательское дело в первые годы Советской власти (1917—1922): Сб. док. и материалов. М., 1972, с. 11, 14—18, 21, 30.
5 Там же, с. 7, 50, 56, 104, 112.
6 Там же, с. 158—159.
7 См.: Красная Москва. М., 1920, с. 519.
8 См.: Динерштейн Е. А. Положившие первый камень: Госиздат и его руководители. М., 1972, с. 16.

Решение Моссовета, принятое без согласования с Наркомпросом, вызвало протест со стороны последнего. Заместитель наркома М. Н. Покровский обратился в Совнарком с просьбой «в срочном порядке приостановить» действие постановления. 11 ноября 1918 г. А. В. Луначарский послал телеграмму В. И. Ленину, в которой резко протестовал «против коммерческой муниципальной точки зрения Московского Совдепа на книгу», утверждал, что «преследуя местные интересы, Московский Совдеп... разрушает книжные богатства России»[9].

Наркомпрос возражал против муниципализации, но настаивал на централизованном управлении частно-кооперативным книгоизданием в общегосударственном масштабе.

В подписанном В. И. Лениным 26 ноября 1918 г. «Декрете Совета Народных Комиссаров о порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще» говорилось, что реквизиция возможна лишь с ведома и согласия Народного комиссариата просвещения[10].

29 октября 1918 г. было принято Постановление Отдела издательства и книжной торговли Московского Совета о деятельности частных издательств[11], согласно которому все издательства должны были в двухнедельный срок представить подробные сведения о своей деятельности (в том числе списки изданий 1916—1918 гг.), о составе редакций, балансе предприятий и т. п. Предполагалось, что издательства представят в отдел калькуляции производственных расходов по книжному изданию, а отдел в соответствии с калькуляциями установит номиналы изданий.

Отделы печати Московского и Петроградского Советов, как бы предупреждая появление декрета об образовании Госиздата, публикуют ряд распоряжений, в которых видно стремление закрепить за собой руководство издательским делом в крупнейших центрах страны. Таковы распоряжения от 14 ноября 1918 г., 27 ноября 1918 г. и постановления от 3 мая 1919 г. «Об обязательной регистрации всех издательств», «О контроле над издательствами» (24 мая 1919 г.)[12].

Острая необходимость в централизации и общем идеологическом руководстве книжным делом Республики привела в середине 1919 г. к созданию Госиздата РСФСР[13].

Руководители издательским делом страны по-разному оценивали роль частно-кооперативных издательств в послереволюционном книжном деле. А. В. Луначарский, В. В. Воровский, Н. Л. Ме-

[9] В. И. Ленин и А. В. Луначарский: Переписка, доклады, док.— Лит. наследство, 1971, т. 80, с. 91.
[10] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 30.
[11] Там же, с. 160—161.
[12] Там же, с. 161—163, 166—169.
[13] См. настоящее издание, т. 1, с. 173—207.

щеряков считали, что необходимо использовать все издательские ресурсы, а для этого нужно не только сохранить частные издательства, занимавшие лояльную позицию по отношению к Советской власти, но и оказывать активную поддержку издательствам, которые признавались «общеполезными». И. И. Скворцов-Степанов, И. И. Ионов, Н. С. Ангарский, С. М. Закс-Гладнев высказывались за полную ликвидацию частно-кооперативных издательств. В выступлениях некоторых деятелей этой группы заметно проглядывает пролеткультовское отношение к дореволюционному культурному наследию. Подобная позиция не отражала истинного отношения Советского государства к частно-кооперативным издательствам.

В целом Наркомпрос и Госиздат проводили правильную политику использования частно-кооперативных издательств и централизации руководства ими.

Характерно в этом плане распоряжение Наркомпроса от 4 августа 1919 г.: «Использовать и поддерживать частные издательства, поскольку они обслуживают общекультурные потребности» [14].

20 декабря 1919 г., когда Петроградский Совет нарушил это указание, приняв, как и Моссовет, решение муниципализировать книжные склады и магазины издательских и книгопродавческих фирм И. Д. Сытина, А. Ф. Девриена, М. О. Вольфа, Брокгауза и Ефрона и др. [15], нарком просвещения А. В. Луначарский вновь опротестовал эти действия: «Надобно, все-таки, чтобы Петроградский исполком сообразовался с общей политикой Советской России. Все положения о Государственном издательстве построены были, по весьма зрелым размышлениям, не на национализации книгоиздательского дела, а на его централизации...

Между тем в полном противоречии с этими идеями и решительно преступая границы власти... тов. Ионов муниципализировал 14 крупнейших издательств Петрограда...» [16]

В ноябре 1919 г. согласно постановлению СНК (от 24 июля 1919 г.) [17] был разработан проект распределения функций между Государственным издательством и отделами печати.

В обязанность отделов печати входило определение культурного и политического направления издательств, их регистрация, контроль за издательскими планами, составом частных учредителей и редакций, финансовым состоянием дел. Эти сведения направлялись в Госиздат, который на их основании утверждал списки

[14] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 11, л. 123.

[15] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 173—174.

[16] Цит. по: Динерштейн Е. А. Реформа издательского дела 1921 года: (К истории подписанного В. И. Лениным постановления Совнаркома РСФСР от 28 ноября 1921 г. «О введении платности непериодической печати»). — Книга. Исслед. и материалы, 1970, сб. 20, с. 73; ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 2, л. 344—344 об.

[17] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 57.

книгоиздательств, решал вопросы о предоставлении бумаги, выдаче ордеров на печатание, просматривал рукописи, подготовленные к печати, и т. д. Госиздат мог временно приостановить деятельность того или иного частного издательства [18].

С образованием Госиздата отделы печати фактически превращаются из законодательных органов в исполнительные. В «Положении о взаимоотношениях между Госиздатом и отделами печати местных исполкомов» от 20 ноября 1919 г. говорится, что отделы печати «представляют собой органы Госиздата в деле контроля и регулирования на местах издательской деятельности» и «руководствуются в своей деятельности инструкциями и распоряжениями Госиздата и директивами исполкомов» [19].

Наркомпрос и Госиздат придерживались одной линии в отношении к частным и кооперативным издательствам. Проводя политику жесткой централизации издательского дела, руководители Госиздата в то же время решительно возражали против откровенного администрирования. Гибкость в этом вопросе была вызвана не только экономическими соображениями (использование технического оборудования и кадров частных издательств), но имела и важное общественно-культурное значение: привлечь интеллигенцию к строительству новой культуры.

Так, В. В. Воровский дважды (11 и 13 авг. 1919 г.) посылает в Московский отдел печати письма, где пишет, что «считает отказ книгоиздательствам в регистрации неудобным способом регулирования книгоиздательским делом, так как при этом всегда могут возникнуть нарекания на пристрастия к тому или иному книгоиздательству...». Более эффективным методом воздействия Воровский считал «контроль за издательскими планами, выдачу нарядов на бумагу и типографию» [20].

«Мне кажется,— писал А. В. Луначарский В. В. Воровскому 24 февраля 1920 г.,— что сейчас отнюдь не своевременно закрывать последние большие книгоиздательства. Если тяжелое время в смысле бумажного и типографского кризиса продолжится, то я думаю, что мы ничего не выиграем от умерщвления частной инициативы, которая хотя как-нибудь умеет бороться с тяжелым временем и все-таки больше помогает, чем вредит работе Государственного издательства» [21].

Ввиду острого бумажного кризиса летом 1920 г. Совнарком специальным постановлением [22] обязал все типографии страны

[18] См.: ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 11, л. 134—135.
[19] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 67.
[20] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 11, л. 10, 155.
[21] Там же, д. 2, л. 17, 17 об.; см. также: Гулев В. В. Организация издательского дела и борьба против буржуазной идеологии в первые годы Советской власти (1918—1921 гг.).— Ист. зап., 1979, т. 104, с. 78—79.
[22] См.: Динерштейн Е. А. Положившие первый камень, с. 72, 164.

принимать к исполнению работы только с разрешения Госиздата, обеспечивая тем самым строгий контроль за расходованием бумаги.

Приблизительно тогда же (до 27 августа) в связи с усилением централизации книжного дела губисполкомы принимают решение ликвидировать отделы печати и передать их функции Госиздату[23]. Однако практически отделы печати продолжали работу до лета 1921 г.

Вопрос — быть или не быть частным издательствам — особенно остро встал в декабре 1920 г. в преддверии VIII Всероссийского съезда Советов, когда близилось завершение гражданской войны и необходимо было восстанавливать и реконструировать народное хозяйство.

В это же время, в начале декабря 1920 г., в Москве собралась Первая конференция московских кооперативных издательств, участники которой обратились с письмом к народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому. В письме подчеркивались заслуги кооперативных издательств в пропаганде произведений классической и современной литературы, содержались и декларативные заявления о необходимости ничем не ограниченной свободы творчества и о том, что «режим издательский неизбежно превращается в режим творчества». Эти нотки были усилены в докладной записке, с которой 17 декабря 1920 г. обратился к А. В. Луначарскому и Всероссийский союз писателей[24].

Открытое письмо VIII Всероссийскому съезду Советов отправил 22 декабря 1920 г. А. М. Горький. Несмотря на полемичность отдельных высказываний, позиция писателя по отношению к частным издательствам в целом совпадала с позицией партии и правительства и шла вразрез с идеями, высказанными на конференции московских кооперативных издательств. Горький писал: «Пока Госиздат все еще является неработоспособным, Съезду Советов следовало бы не приостанавливать кооперативных и частных издательств, а привлечь всех их к делу снабжения Республики книгами... Частные издательства можно поставить *под самый строгий контроль,* но в данный момент нет никаких оснований уничтожать их, а напротив, следует широко *использовать всю энергию, все знания делателей книг.* А когда *Госиздат* превратится в живое, толковое и деятельное учреждение,— оно покроет и *вовлечет в себя все отдельные предприятия,* как свои органы»[25] (подчеркнуто нами. — *Авт.*). Кульминацией идеологической борьбы против

[23] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 84.

[24] См.: От конференции кооперативных издательств.— Вестн. лит., 1921, № 4—5, с. 12—13; Евгеньев А. О вольных издательствах.— Там же, с. 11; Евгеньев А. «Быть или не быть» вольным издательствам? — Там же, № 6—7, с. 10—11.

[25] Горький А. М. Собр. соч.: В 30-ти т. М., 1954, т. 29, с. 397—398.

принципов советского книгоиздания стал выпуск брошюры «Частные издательства в Советской России» (1921). Ее автор — издательский работник П. Витязев, сделав тенденциозный обзор деятельности частных издательств, выдвинул обвинения в адрес Госиздата как органа, якобы стремящегося лишь к подавлению частной инициативы. Заканчивалась брошюра программными «доводами в защиту частных издательств» и заявлением, что литературные и редакционные силы «откажутся работать», что «целый ряд общественных издательств предпочтет закрыться и умереть, чем подвергнуться... национализации с наклеиванием марки Госиздата» (речь шла о работе частных издательств в качестве контрагентов Госиздата).

А. В. Луначарский в статье «Свобода книги и революция» [26] разъяснил политику в книжном деле, развив основные положения о партийности печати, сформулированные В. И. Лениным.

Однако сложная экономическая ситуация, сложившаяся в стране, лишила деятельность частных издательств всякой перспективы.

18 апреля 1921 г. коллегия Наркомпроса, основываясь на рекомендациях Комиссии ЦК РКП(б) по улучшению печатного и издательского дела, решила: «...прекратить отпуск всякого рода бумажных и типографских средств для частных издательств из общегосударственного фонда» [27], исходя из необходимости поддержать государственное книгоиздание.

В создавшихся условиях некоторые руководители издательского дела еще больше укрепились во мнении о необходимости национализировать частно-кооперативные издательства. В свое время заведующий Петроградским отделом печати М. Лисовский требовал национализировать все издательства, начиная с наиболее крупных [28]. Его поддерживал один из руководителей Госиздата С. М. Закс-Гладнев и руководитель Московского отдела печати Н. С. Ангарский [29].

Однако, несмотря на отдельные отступления (вызванные экономическими и политическими трудностями), позиция Наркомпроса и Госиздата по отношению к частно-кооперативным издательствам в 1919—1921 гг. оставалась неизменной: использование их при обязательном жестком идеологическом контроле [30].

Вопросы поиска форм сотрудничества, политического и идеологического руководства и контроля особенно остро встали после

[26] См.: Луначарский А. В. Полн. собр. соч. М., 1967, т. 7, с. 236—242.

[27] Динерштейн Е. А. Реформа издательского дела 1921 года, с. 73.

[28] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 135, л. 126 об.

[29] См.: Динерштейн Е. А. Реформа издательского дела 1921 года, с. 73.

[30] Ср.: Гулев В. В. Организация издательского дела и борьба против буржуазной идеологии..., с. 59—90.

X съезда РКП(б), на котором было принято решение о переходе к новой экономической политике.

Допустив в определенных рамках существование капиталистических форм производства (это было временное отступление от экономических принципов, характерных для политики военного коммунизма), соревнование социалистического и капиталистического секторов по принципу «кто кого», партия и правительство исходили из ленинского положения о возможности выиграть это соревнование, поскольку командные высоты в экономике страны оставались в руках пролетарского государства[31].

В условиях нэпа государство сохранило командные высоты и в книгоиздательском деле; новая экономическая политика осуществлялась здесь с осени 1921 г. постепенно, после целого ряда постановлений, свидетельствующих о продолжении поиска оптимальных форм взаимоотношений между частно-кооперативным и государственным секторами в книжном хозяйстве страны.

Первым законодательным документом, регулирующим взаимоотношения частных и государственных издательств в условиях нэпа, было постановление Совнаркома от 16 августа 1921 г. «О порядке издания учебников»[32]. Исключительное право издавать учебники предоставлялось Государственному издательству, однако предусматривалось, что Госиздат может передавать право на переиздание учебников кооперативным издательствам и отдельным лицам, «вступая с ними по этому предмету в надлежащее соглашение»[33].

Московский и Петроградский Советы, непримиримо относившиеся к частным издательствам, коренным образом изменили свою позицию. Президиум Московского Совета 18 августа 1921 г. отдал распоряжение «производить в Москве продажу книг по рыночным ценам через книжные или другие кооперативы на комиссионных началах или за наличные деньги»[34]. Таким образом, наряду с существованием системы бесплатного распределения книг возрождалась книжная торговля.

С возрождением частно-кооперативных издательств возникла необходимость узаконить их новые взаимоотношения с Госиздатом, что нашло отражение в постановлении Наркомпроса от 18 августа 1921 г.[35]

23 сентября 1921 г. было принято постановление Совета Труда и Обороны о порядке сдачи в аренду предприятий полиграфиче-

[31] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 78—79, 205—245.

[32] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 102—104, 212.

[33] Там же, с. 102.

[34] Там же, с. 179—180, 213.

[35] Там же, с. 104.

ской промышленности, предоставляющее определенный простор частной инициативе.

28 ноября 1921 г. был опубликован «Декрет о платности непериодических изданий»[36]. Практически введение платности произведений печати стало возможным после принятия декрета Совнаркома «О проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа 1921 г.

В общегосударственном масштабе вопрос о частных и кооперативных издательствах был законодательно решен 12 декабря 1921 г., когда А. Д. Цюрупа и Н. П. Горбунов подписали «Декрет Совета Народных Комиссаров „О частных издательствах"»[37].

Декрет предоставлял дополнительные права частно-кооперативным предприятиям: им разрешалось иметь собственные или арендовать типографии, склады, магазины; продавать книги, «изданные на собственные средства без субсидий со стороны государства»; печатать книги за границей. Это способствовало оживлению частно-кооперативной издательской деятельности. За Госиздатом и его отделениями на местах сохранялись функции руководства и контроля, формы которых изменились. Частные издательства подлежали перерегистрации. Госиздат и другие соответствующие организации выдавали разрешение на создание издательства и на печатание рукописей.

Учитывая, как важно в новых условиях наладить идеологический контроль, Малый Совнарком при обсуждении проекта декрета решил «образовать при Госиздате политотдел для рассмотрения вопросов о возникновении частных издательств и разрешения печатания рукописей»[38].

Первоначально для контроля и руководства издательской деятельностью частных фирм при Губиздате (бывшем Отделе печати) в конце августа 1921 г. была создана специальная редакционная коллегия, в которую вошли Н. С. Ангарский, П. И. Лебедев-Полянский, В. М. Фриче. Коллегия была уполномочена просматривать рукописи и принимать решение об их издании. Копии разрешений посылали на утверждение в Госиздат[39].

В. И. Ленин детально выяснил весь комплекс вопросов, связанных с руководством и контролем за деятельностью частно-кооперативных издательств. Он просил (6 февр. 1922 г.) управляющего делами Совнаркома Н. П. Горбунова выявить «личный состав ответственных за каждое издательство администрации и редакции, какова их гражданская ответственность, а равно ответст-

[36] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 109.
[37] Там же, с. 112—113.
[38] Там же, с. 217.
[39] См.: Там же, с. 180; Частные издательства в Москве: (По данным Мосгубиздата).— Бюл./Гл. упр. Гос. изд-ва, 1921, № 9, с. 38—40.

венность перед судами вообще, кто заведует этим делом в Госиздате, кто ответственен за это»[40].

Количественные характеристики издательской продукции. В 1918 г. более половины, а в 1919 г. более четверти названий всех выпущенных книг приходилось на долю частных и кооперативных издательств.

Количественные показатели деятельности кооперативных и частных издательств в РСФСР (1918 — 1921 гг.)[41]

Годы	Число названий	В % к изд. продукции всей страны	Объем, печ. л.	В % к изд. продукции всей страны	Тираж, млн. экз.	В % к изд. продукции всей страны
1918	3487	57,62	19775	66,24	30,7	39,52
1919	1000	26,75	4245	28,09	10,8	19,81
1920	231	6,94	1450	11,43	1,9	5,87
1921	205	4,96	936	6,69	0,6	2,33

Средний тираж книги, выпущенной государственными издательствами в 1918 г., составлял около 50 тыс. экз., а частными и кооперативными — около 12 тыс. экз., т. е. в 4,5 раза меньше. В 1921 г. соответственно: в государственных издательствах — свыше 11 тыс. экз., в частных издательствах — свыше 3 тыс. экз.

В 1918 г. средний объем книги, выпущенной советским издательством, составлял 5,4 л., партийными и ведомственными — 3,8 л., а частными и кооперативными — 5,7 л. В 1920 г. эти цифры составляли соответственно: 3,9, 3,4 и 6,3 л. Из приведенных данных видно, что объем книг, выпускаемых частными издательствами, больше объема книг, выходящих в государственных издательствах[42]. Это объясняется тем, что значительную часть книг (57%), изданных частными и кооперативными издательствами, составляли издания художественной литературы и книги по искусству, имевшие бóльший объем, нежели агитационно-политическая и учебная литература, которую в первую очередь выпускало Государственное издательство РСФСР.

В конце 1921 — начале 1922 г. из книг, выпущенных частными и кооперативными издательствами, художественная литература составляла 34%, книги по искусству — 23%, социально-политическая литература — 21%, техническая — 8%. Велика была доля детской книги в репертуаре издательств.

Н. Л. Мещеряков, подводя итоги работы Политотдела Госиздата за первые полгода (с ноября 1921 г. по 26 мая 1922 г.), под-

[40] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 155—156.
[41] Приведены по кн.: Яницкий Н. Ф. Книжная статистика Советской России: 1918—1923. М., 1924. 40 с.
[42] См.: Динерштейн Е. А. Положившие первый камень, с. 76.

черкнул, что частные издательства имеются в большом количестве «исключительно в Москве (220) и Петербурге (99). В провинции их почти... нет». «В Москве из 220 частных издательств только 27 — солидные издательства, выпускающие от 6 до 10 и более рукописей в год»[43]. Н. Л. Мещеряков отметил «очень полезную работу» частных издательств М. и С. Сабашниковых, братьев А. и И. Гранат, И. Н. Кнебеля, издательства «Мир».

Кооперативные издательства[44]. Значительный вклад в общую массу частно-кооперативной издательской продукции внесли кооперативные издательства.

Интенсивно работало в первые послереволюционные годы *«Книгоиздательство писателей в Москве»* (1912—1923). Издательство возникло в марте 1912 г. как торговый дом на вере[45], а в середине 1916 г. было преобразовано в паевое товарищество. На первом учредительном собрании редактором был избран В. В. Вересаев[46]. Издательство ставило своей целью «прийти на помощь авторам в издании их произведений и избавить их от необходимости значительную часть доходов от издания отдавать издателям»[47].

«Книгоиздательство писателей в Москве» выпускало главным образом произведения современных писателей — членов товарищества. Широкой известностью пользовались литературные сборники «Слово» (с 1913 по 1918 г. вышло 8 книг), на страницах которых выступали лучшие писатели-реалисты России; серии «Народно-школьная библиотека» (с 1914 г.) и «Дешевая библиотека» (с 1916 г.), которая интенсивно издавалась в первые годы Советской власти тиражом от 10 тыс. до 20 тыс. экз. С 1917 г. выпускалась серия «Культурно-просветительная библиотека».

После Октябрьской революции издательство было преобразовано в кооперативное. 6 февраля 1920 г. Московским городским Советом народного хозяйства был утвержден устав кооперативного товарищества «Книгоиздательство писателей в Москве», в котором подчеркивалось, что его членом может быть каждый принимающий личное участие в работе издательства. Председателем правления вместо В. В. Вересаева был избран Н. Д. Телешов (март 1919 — февраль 1920 г.), затем П. Н. Сакулин (с ноября 1920 г.),

[43] Здесь и ниже цит. по: Мещеряков Н. Л. О частных издательствах. — Печать и революция, 1922, № 6, с. 128—134.

[44] О деятельности частных и кооперативных издательств в различных регионах см. также в главах: «Книжное дело в Сибири и на Дальнем Востоке», «Становление национального книжного дела в Советских республиках» в третьем томе настоящего издания.

[45] Юридически это означало, что для оформления издательства было достаточно его регистрации в купеческой управе. Одно или два лица несли ответственность за все дело, а остальные отвечали только вкладами.

[46] С декабря 1914 г. — коллективная редакция.

[47] Устав кооперативного товарищества «Книгоиздательство писателей в Москве». М., 1918, с. 1.

с середины 1922 г.— снова В. В. Вересаев. В редакционную коллегию и в правление товарищества вошли Ю. А. Бунин — один из активных участников Московского общества грамотности, М. О. Гершензон — известный историк литературы и общественной мысли, литературоведы — А. Е. Грузинский, В. Л. Львов-Рогачевский, а также писательница и переводчица А. Н. Чеботаревская. Весной 1919 г. вышел из членов правления бессменный заведующий издательством Н. С. Клестов (Ангарский), ставший комиссаром по делам печати Москвы.

В 1918 г. «Книгоиздательство писателей в Москве» продолжило издание серий, которые начали выходить еще до революции. Выпускались «Дешевая библиотека» и «Народно-школьная библиотека» (инициатором последней был Н. Ангарский), была организована и новая серия — «Библиотека иностранных писателей». В 1918—1919 гг. издавались собрания сочинений А. С. Серафимовича, Н. Д. Телешова, А. Н. Толстого, А. И. Эртеля, очерки и рассказы С. П. Подьячева.

В 1918 г. вышло 111 книг, из них 46 — в серии «Дешевая библиотека» и 20 — в «Народно-школьной библиотеке» [48].

С 1919 г. в связи с разрухой, голодом, бумажным кризисом, вызванными иностранной интервенцией и гражданской войной, резко сократилось число выпущенных изданий: в 1919 г. вышло 30 книг, в 1920 г. — 3, в 1921 г. — 1, в 1922 г. — 4 и в 1923 г. — 5 [49].

Весной 1920 г. «Книгоиздательство писателей...» открыло с разрешения Полиграфического отдела типографию, однако оборудована она была очень бедно. Не хватало и квалифицированных кадров. Попытка печатать книги в других городах не удалась.

Учитывая «огромные перемены, совершившиеся в русской жизни, и появление нового обширного круга читателей с их новыми запросами» [50], общее собрание членов издательства 28 февраля 1920 г. постановило «как можно шире развивать издание небольших книг для широкой массы читателей» [51]. Основное внимание рекомендовано было обратить на «Народно-школьную библиотеку». В апреле 1920 г. Госиздат, предоставляя финансовую помощь, предложил «Книгоиздательству писателей в Москве» заключить договор на выпуск 75 названий книг. Договор устанавливал новые взаимоотношения между Госиздатом и «Книгоиздательством писателей в Москве», в определенной степени менял профиль издательства: основной продукцией становились небольшие популярные книги. Коллегия по детской литературе при Отделе печати Московского Совета в 1919—1921 гг. всячески поощряла издание серии

[48] См.: Голубева О. Д. Книгоиздательство писателей в Москве (1912—1923).— Книга. Исслед. и материалы, 1965, сб. 10, с. 212.
[49] Там же.
[50] Там же, с. 215.
[51] Там же.

«Народно-школьная библиотека»[52]. В серию вошли произведения А. М. Горького, В. Г. Короленко, А. С. Серафимовича, И. А. Бунина, С. Я. Елпатьевского, В. В. Вересаева, Н. Д. Телешова и др. Предпочтение отдавалось произведениям определенной социальной тематики: об обездоленном детстве, о жизни рабочих и крестьян в царской России и т. п.

В 1917—1920 гг. состав активно сотрудничавших с издательством литераторов изменился. Теперь в него входили не только писатели-прозаики, как это было в дореволюционные годы, но и поэты и критики-литературоведы, представлявшие различные литературные и общественно-политические направления. В 1920 г. с «Книгоиздательством писателей...» сотрудничали Ю. И. Айхенвальд, М. П. Арцыбашев, К. Д. Бальмонт, Ю. К. Балтрушайтис, А. Белый, А. М. Ремизов, В. М. Фриче и др.[53]

Приток новых авторов не помог издательству преодолеть существующие трудности, а перестраивать работу издательство не хотело.

После X съезда РКП(б) в условиях новой экономической политики перед кооперативными издательствами открылось широкое поле деятельности. Однако «Книгоиздательство писателей в Москве» не смогло рационально и безубыточно работать в новых условиях. В редакционном портфеле издательства накопилось немало рукописей, которые нельзя было издавать по целому ряду причин (в частности, из-за несвоевременности многих произведений).

Были изданы лишь книги М. О. Гершензона «Мечта и мысль И. С. Тургенева» (1919), В. В. Вересаева «Что нужно для того, чтобы быть писателем» (1923), Г. А. Шенгели «Практическое стиховедение» (1923) и «Московский альманах» (кн. 1—2, 1922—1923), куда вошли произведения К. Д. Бальмонта, А. Белого, А. А. Блока, В. В. Вересаева, М. П. Герасимова, С. Я. Елпатьевского, Вяч. Иванова, А. М. Ремизова, Н. Д. Телешова, В. Я. Шишкова[54].

29 ноября 1923 г. общее собрание пайщиков вынесло решение о ликвидации «Книгоиздательства писателей в Москве». За 1917—1923 гг. было издано 212 названий книг. По тем временам это было неплохим итогом.

Активно работало в первые годы Советской власти кооперативное товарищество печатного и издательского дела *«Задруга»*[55]. В 1918—1920 гг. это московское издательство выпустило 163 на-

[52] См.: Ишкова С. С. К истории издания детской книги в первые годы Советской власти (1917—1921).— Тр. / Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, т. 14, 1978, с. 58.

[53] См.: Голубева О. Д. Книгоиздательство писателей в Москве, с. 216.

[54] Там же, с. 220.

[55] Первые попытки организации аналогичных издательских артелей относятся к 60-м гг. XIX в.

звания, из них 50 напечатаны впервые. «Задруга» — одно из первых крупных кооперативных издательств России — было основано еще в 1911 г. по инициативе С. П. Мельгунова, Т. И. Полнера и А. А. Титова. Председателем правления его был историк и публицист, один из руководящих деятелей партии народных социалистов С. П. Мельгунов (1879—1956).

На 1 июля 1918 г. членами товарищества состояли 395 человек самых различных профессий. Среди них немало видных представителей русской общественной мысли, науки, литературы: О. В. Аптекман, К. Д. Бальмонт, М. С. Боднарский, В. П. Вахтеров, С. А. Венгеров, С. Б. Веселовский, А. К. Виноградов, Л. Г. Дейч, А. К. Дживелегов, В. Е. Евгеньев-Максимов, В. Г. Короленко, М. М. Пришвин, А. М. Ремизов, В. Ф. Ржига, И. Н. Розанов, В. И. Семевский, А. С. Тагер, В. Н. Фигнер, М. А. Цявловский. Работали редакционные комиссии — историческая, литературная, естественно-математическая, детская, педагогическая, народных изданий, беллетристики.

«Задруга» была задумана как универсальное издательство. Книги по всем отраслям знаний предполагалось выпускать силами членов коллектива, которые были и авторами, и составителями, и редакторами. По словам С. П. Мельгунова, «Задруга» явилась именно «такого типа издательством, которое после революции узаконено было новым кооперативным законодательством»[56].

В первые послереволюционные годы «Задруга», провозглашая себя организацией «беспартийной», выпускала демократическую литературу самых различных оттенков. Руководящий состав товарищества примыкал к партии народных социалистов.

Издательство росло, но все же не могло реализовать первоначально намеченные планы. Это побудило его членов обратиться за помощью к другим кооперативным издательствам. Откликнулись многие, в первую очередь «Кооперация». При ее содействии были подготовлены собрания сочинений Л. Н. Толстого и В. Г. Короленко.

В тематический план издательства на 1919—1920 гг. были включены три серии художественной литературы: избранные произведения иностранных писателей в малом объеме (8—12 л.) с биографией писателя; избранные произведения лучших русских писателей, по разным причинам не вошедшие в собрания сочинений; альманахи неиздававшихся ранее произведений русских авторов, сборники русской лирики.

Раздел плана, посвященный литературе по истории, включал учебники и учебные пособия для школ, популярные брошюры и книги общего характера. Раздел по искусству намечал к изданию серию «Чтений» по искусству русских художников — для народных

[56] Отчет чрезвычайного общего собрания членов товарищества «Задруга» и общественных организаций в день десятилетнего юбилея 25 декабря 1921 г. Пг., 1922, с. 13, 14.

домов и читален; предполагалось выпускать также научно-популярные книги по всеобщей истории искусств, художественно выполненные альбомы, научные монографии, переводную литературу.

«Задруга» собиралась издавать научные и популярные книги по медицине, практические пособия для врачей, лекции по государственному и гражданскому праву, книги по вопросам современного воспитания и т. п.[57]

Однако этот всеохватывающий тематический план был реализован лишь наполовину[58]. Основной продукцией издательства стали переизданные по специальным заказам Наркомпроса учебники, учебные пособия, научно-популярные и детские книги. Ряд книг «Задруга» издала в сериях «Революция и история», «Свобода и братство народов», «Родная природа», «Научно-популярная библиотека для народа».

Из изданных впервые следует выделить книги «Шлиссельбургские узники» (1920) и «Запечатленный труд» (ч. 1—2, 1921—1922) В. Н. Фигнер, сборник стихотворений Н. А. Морозова «Звездные песни» (1920), мемуары В. Ф. Булгакова «Л. Толстой в последний год его жизни» (1918), сборники стихотворений Г. И. Чулкова и К. Д. Бальмонта (1920), литературоведческие сборники «Л. Н. Толстой. Памятники творчества и жизни» (т. 1—4, 1917—1923) под редакцией В. И. Срезневского и «Творчество Тургенева» (1920) под редакцией И. Н. Розанова и Ю. М. Соколова, «Сборник статей по внешкольному образованию» В. А. Невского (т. 1—2, 1917—1919), сборник статей «Дитя в его жизни и творчестве» (1918) и т. п.

В 1922 г. из-за оппозиционных настроений его руководителей издательство «Задруга» было закрыто. Среди книг, изданных «Задругой», ряд ценных изданий по педагогике, истории русской литературы, детской книги.

Кооперативное издательство *«Былое»* (1917—1927)[59], возникшее в Петрограде, выпустило за три послереволюционных года 13 книжек журнала «Былое» и 13 самостоятельных изданий.

Программой деятельности издательства «Былое» стала публикация материалов по истории русского революционного движения. Под редакцией Е. В. Тарле и П. Е. Щеголева была начата серия «Историческая библиотека», в которой вышли «Геся Гельфман» В. И. Иохельсона (1918), «Дневник» П. А. Валуева (1919), «Жизнь русского рабочего полвека тому назад: Записки социалиста-рабо-

[57] ЦГАЛИ, ф. 608, оп. 2, д. 1, л. 1.

[58] См.: Каталог кооперативного товарищества печатного и издательского дела «Задруга». М., 1919. 131 с.; Отчет чрезвычайного общего собрания членов товарищества «Задруга» и общественных организаций в день десятилетнего юбилея 25 декабря 1921 г. Пб., 1922, с. 83—86.

[59] Формально существовало до 7 марта 1927 г., фактически же прекратило работу в 1925 г.

чего» В. Г. Герасимова (1919), работы П. Е. Щеголева «Таинственный узник М. С. Бейдеман», «Николай I и декабристы» (1919), «Декабристы» (1920) и т. д.[60]

Большую ценность представляют выпущенные издательством «Былое» под редакцией Е. В. Тарле «Статьи и документы из истории XVIII—XX вв.» под общим заглавием «Россия и Запад» (1918) и «Революционный трибунал в эпоху Великой французской революции» (ч. 1—2, 1918—1919).

Кооперативное издательство *«Колос»* (1918—1926) было образовано в Петрограде в июле 1918 г. Его председателем был публицист Ферапонт Иванович Седенко (1886—1937), обычно выступавший в печати под псевдонимом П. Витязев. За три послереволюционных года «Колос» выпустил 45 книг, из которых 17 — переизданий. «Колос» переиздал «Библиотеку исторических романов» под редакцией А. Г. Горнфельда (вышли «Девяносто третий год» В. Гюго (1918), «Повесть о двух городах» Ч. Диккенса (1918), «Народный вождь Георг Енач. (Из эпохи борьбы швейцарского народа за независимость)» К. Ф. Мейера (1918) и др.), народную библиотеку для города и деревни «Коробейник» (куда вошли произведения Н. А. Некрасова, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова, Н. С. Лескова, И. С. Тургенева и др.). В рассматриваемые годы средний тираж изданий неуклонно падал (1918 г.— 17 тыс. экз., 1919 г.— 12 тыс., 1920 г.— 9 тыс., 1921 г.— 5 тыс.), а средний объем книги, наоборот,— увеличивался (1918 г.— 8 тыс. печ. л., 1919 г.— 10,5 тыс., 1920 г.— 14 тыс., 1921 г.— 13 тыс.), что было связано с уменьшением в издательской продукции «Колоса» доли «народных книг», выпуск которых брали на себя советские и партийные издательства[61].

Среди оригинальных изданий «Колоса» наибольший интерес представляет Собрание сочинений (11 выпусков по 10—15 л. каждый)[62] П. Л. Лаврова (под редакцией П. Витязева и А. Гизетти) — первое собрание сочинений этого известного деятеля революционного движения. В 1919 г. «Колос» выпустил и отдельные произведения П. Л. Лаврова — «Из истории социальных учений», «Г. А. Лопатин», «Очерки по истории Интернационала», «Парижская коммуна» (в двух изданиях), а к 20-летию со дня смерти П. Л. Лаврова — посвященный его памяти сборник статей «Вперед!» (1920) и «Материалы для биографии П. Л. Лаврова» (1921).

Издательство подготовило капитальные монографии академика В. М. Бехтерева «Коллективная рефлексология» (1921), П. Н. Стол-

[60] См. обзор серии «Историческая библиотека».— Вестн. лит., 1919, № 7, с. 10.

[61] См. Кооперативное книгоиздательское товарищество «Колос»: 1918—1923. Л., 1924, с. 32—37.

[62] Вышло в свет только 9 выпусков, подготовленных совместно издательствами «Колос» и «Революционная мысль».

пянского «Петербург. Как возник, основался и рос Санкт-Петербург?» (1918), а также ряд других научных изданий.

Не все книги, выпущенные в те годы «Колосом», сохранили научное и методологическое значение. Были среди них произведения, враждебные нашей идеологии, например, книга П. А. Сорокина «Система социологии» (1920).

Многие старые петроградские историки и литературоведы сотрудничали в кооперативном издательстве *«Наука и школа»*, открытом в феврале 1918 г.

В редакционный состав издательства «Наука и школа» входили Л. П. Карсавин, Я. И. Перельман, Э. Л. Радлов. С 1918 по 1921 г. издательство выпустило 60 научно-популярных книг по истории, философии и социологии. Были изданы книги «Введение в философию» (1918) и «Основные вопросы гносеологии» (1919) Н. О. Лосского, «Очерк истории русской философии» Э. Л. Радлова (1920), «Гносеология» С. А. Алексеева (1919), «Введение в историю» Л. П. Карсавина (1920), «Очерки финансовой науки» И. М. Кулишера (т. 1—2, 1919—1920), «Наше недавнее прошлое в истолковании художников слова» Н. А. Котляревского (1919), его же «Девятнадцатый век» (1921) и др.[63]

Хотя некоторые из этих книг были написаны с идеалистических позиций, издательство «Наука и школа» сыграло в целом положительную роль в активизации и объединении научной интеллигенции в годы гражданской войны.

Близким по профилю к «Науке и школе» было *«Научное книгоиздательство»* (1918—1931), основанное группой профессоров Петроградского университета во главе с академиком А. А. Белопольским. Ученые хотели познакомить читателей молодой Советской Республики с новейшими достижениями зарубежной и отечественной физики, математики, астрономии, техники.

В 1918 г. «Научное книгоиздательство» выпустило первый в России «Атлас луны» (С. С. Гальперсона) с отличными снимками лунной поверхности, исполненными по фотографиям Парижской обсерватории. Здесь же вышли книги профессора А. В. Васильева «Целое число» (1919, 1922), профессора А. Р. Хинкса «Астрономы и их обсерватории» (1920), несколько книг в серии «Физическая библиотека», и в том числе монографии выдающихся физиков Э. Резерфорда и А. Эйнштейна[64].

За три послереволюционных года «Научное книгоиздательство» выпустило всего 12 книг, но по научной значимости, актуальности и внешнему оформлению они выгодно отличались от книг аналогичной тематики других издательств. Почетный академик, известный физик и педагог О. Д. Хвольсон отмечал, что «книги „Физи-

[63] См.: Издательство «Наука и школа»: Каталог. Пг., б. г. 8 с.
[64] См.: «Научное книгоиздательство»: Каталог изданий № 1. Пг., [1919]. 5 с.; Каталог изданий «Научного книгоиздательства». Пг., 1924. 40 с.

ческой библиотеки" могут принести величайшую пользу нашей любознательной молодежи»[65].

Если «Научное книгоиздательство» и «Наука и школа» выпускали капитальные научные монографии, то основанное в Петрограде кооперативное издательство *«Начатки знаний»* (1918—1930) ставило своей целью просвещение широких народных масс путем издания научно-популярных книг, а также учебников и учебных пособий. В редакционный совет вошли крупные педагоги-методисты и специалисты по внешкольному образованию: В. А. Зеленко, Е. И. Иорданская, А. М. Калмыкова, Н. Е. Румянцев, Г. Г. Тумим, Н. А. Тумим-Альмединген. Председателем правления был избран известный издательский работник И. Р. Белопольский.

В 1918—1920 гг. издательство выпустило 67 названий книг, из них 44 — учебные пособия, в основном для школ первой ступени. В «Серии учебников для единой трудовой школы» были изданы «Начатки правописания» Б. Е. Соколова и Г. Г. Тумима (1918), «Первые шаги в арифметике» И. И. Грацианского (1919), «Родная природа» И. И. Никитинского (1918). Особо следует отметить «Грамматику-первинку» Б. Е. Соколова (1918) — первую в Советской России грамматику по новой орфографии.

В «Серии учебников для школ взрослых» вышла книга для чтения «К свету» (ч. 1—3, 1918—1919) В. А. Зеленко и Г. Г. Тумима, в серии «Библиотека для детей и юношества» — книги «Мировая художественная литература как учитель юных поколений XX века» А. М. Калмыковой (1920), «Детские библиотеки» В. А. Зеленко (1919), «Указатель детских книг» А. М. Калмыковой и О. Е. Капицы (1920) и др.[66]. В тяжелые годы гражданской войны издательство, выпуская в основном учебную литературу, оказало значительную помощь Наркомпросу в деле образования народных масс. Позднее А. В. Луначарский отметил, что руководитель этого издательства И. Р. Белопольский «начал сразу свою работу в полном контакте с Советской властью, когда очень многие из наших друзей смотрели на нас еще враждебно и открыто нас бойкотировали»[67].

Среди кооперативных предприятий, продолживших свою деятельность и после 1917 г., особое место занимало издательство *«Книга»* (1916—1930) — единственное из частных и кооперативных издательств, печатавшее в основном общественно-политическую социалистическую литературу. В редакционный состав входили И. В. Владиславлев, А. К. Дживелегов, Н. А. Рожков. В 1917—1921 гг. «Книга» выпустила около 160 названий разных книг и брошюр, в том числе работы: «Очерк развития Интернационала» А. В. Луначарского (1917), «Кто такие социал-демократы и что

[65] Книга и революция, 1920, № 1, с. 46.
[66] См.: Каталог изданий культурно-просветительного кооперативного товарищества «Начатки знаний». Л., 1925. 32 с.
[67] Красная газета, 1926, 19 мая, веч. вып.

они хотят?» А. М. Коллонтай (1917), «Национальные проблемы» К. Каутского (1918), «История Конвента» Ж. Жореса (1920) и др.[68]

Постепенно издательство расширяло свой профиль. Были организованы беллетристические серии «Для детей и юношества» и «Библиотека молодого читателя»; вышли библиографические труды И. В. Владиславлева, два беллетристических сборника «Книга» (1920) под редакцией Л. Н. Войтоловского, монография Н. А. Рожкова «Русская история в сравнительном историческом освещении» (т. 1—12, 1919—1926) и др.

В печати тех лет неоднократно отмечалась актуальность изданий «Книги»[69].

Активно работало после Октябрьской революции и кооперативное издательство *«Огни»*. Редакционный состав издательства — Б. Л. Модзалевский, В. И. Срезневский, П. Е. Щеголев. С 1917 по 1920 г. оно выпустило 70 названий книг, среди них: «Архив декабриста С. Г. Волконского» (1918), вышедший под редакцией Б. Л. Модзалевского, литературно-художественные сборники «Огни» (1916—1917), «Л. Н. Толстой. Памятники жизни и творчества» (т. 1—4, 1917—1923) под редакцией В. И. Срезневского и А. Л. Бема, «Записки Н. В. Басаргина» (1917) и «Воспоминания братьев Бестужевых» (1917), изданные под редакцией П. Е. Щеголева, «Очерки литературы и общественности при Александре I» А. Н. Пыпина (1917), «Прошлое русской музыки. Материалы и исследования» (т. 1, 1918), «Рафаэль» (1918) Э. Мюнца, работы Г. В. Плеханова «Основные вопросы марксизма» (1917), «Социализм и политическая борьба» (1917), «Две линии революции» (1917), «О войне» (1917), книги «Среди картин Эрмитажа» В. Г. Конради (1917), «Финляндия» В. П. Семенова-Тян-Шанского (1918) и т. д.

Популярные книжки по всем отраслям гуманитарных и естественных наук составляли серию «Круг знания». Все они (за три послереволюционных года их вышло свыше 20) были написаны известными русскими учеными — профессорами Петроградского университета: Б. В. Фармаковским («Художественный идеал демократических Афин», 1918), М. А. Курчинским («Апостол эгоизма — Макс Штирнер и его философия анархизма», 1920), Ф. Ф. Зелинским («Древнегреческая литература эпохи независимости», 1919—1920), С. А. Жебелевым («Евангелия канонические и апокрифические», 1919), В. В. Бартольдом («Культура мусульманства», 1918), А. Е. Пресняковым («Московское царство», 1918) и т. д.

«Круг знания» был тепло встречен советской общественностью.

Многие издания «Огней», отпечатанные на хорошей бумаге, с отлично воспроизведенными иллюстрациями, оформленные такими

[68] См.: «Книга», кооперативное книгоиздательство: Каталог... Л.; М., 1925. 104 с.

[69] См. напр.: Книга и пролетарская революция, 1921, № 10/11, с. 29—30; 1922, № 7, с. 44—45.

известными художниками, как А. Н. Бенуа, Д. И. Митрохин, И. Я. Билибин, служили образцами полиграфического исполнения.

Частные издательства. Среди московских частных издательств первое место по числу, а главное по качеству изданий, несомненно, принадлежит фирме *М. и С. Сабашниковых,* «замечательной в культурном отношении», как отзывался о ней К. С. Станиславский [70]. Издательство было основано в 1891 г. выпускниками Московского университета братьями Михаилом Васильевичем (1871—1943) и Сергеем Васильевичем (1873—1909) Сабашниковыми. После смерти брата М. В. Сабашников один руководил предприятием до его закрытия в 1930 г.

Издательство М. и С. Сабашниковых — одно из тех дореволюционных издательств, которые продолжали свою работу после победы Великой Октябрьской социалистической революции, внося важный вклад в строительство новой социалистической культуры. В первые месяцы 1918 г. в связи с общим кризисом полиграфической промышленности М. В. Сабашников прибег к фотолитографскому способу воспроизведения книг. Этим способом были воспроизведены «Граф Нулин» А. С. Пушкина (копия издания 1827 г.), курсы лекций по русской истории А. А. Корнилова и М. К. Любавского, «Слово о полку Игореве» (копия первого издания 1800 г.).

В начале 1919 г. М. В. Сабашников обратился к народному комиссару просвещения А. В. Луначарскому с ходатайством о денежной ссуде. Советское правительство удовлетворило его просьбу, и в феврале 1919 г. издательство получило ссуду (1 млн руб.) сроком на год. В марте и августе 1920 г. издательству было предоставлено еще 3 млн. руб.[71] Материальная помощь Советского государства позволила М. В. Сабашникову в трудных условиях гражданской войны успешно продолжать издательскую деятельность.

М. В. Сабашников по-прежнему выпускал знаменитые дореволюционные серии «Памятники мировой литературы», «Русские Пропилеи». Издавал он и книги, отвечавшие потребностям революционной эпохи. «Было нечто поразительное,—отмечал критик и переводчик А. М. Эфрос,— когда в 1919—1921 гг. ... из полуразрушенных типографий, голодающих по шрифту, краске, бумаге, сабашниковские тома выходили с обычной выдержанностью и тщательностью, не желавшими уступать и действительно не уступавшими прежним выпускам тех же серий» [72].

Располагая небольшим штатом сотрудников, основу которого составляли С. В. Бахрушин, Д. М. Петрушевский, М. А. Цявловский, издательство Сабашниковых в 1918—1920 гг. выпустило 40 названий книг, среди них 27 учебников и учебных пособий.

[70] Станиславский К. С. Моя жизнь в искусстве. М., 1980, с. 28.
[71] ГБЛ, ф. 261, карт. 1, д. 3, л. 1; карт. 2, д. 4, 5, л. 1.
[72] Издательству М. и С. Сабашниковых: К 35-летию издательской деятельности. М., 1926, с. 18—19.

Советский физик, академик А. Ф. Иоффе, возглавлявший после революции Российскую ассоциацию физиков, стал редактором первой советской серии М. В. Сабашникова — «Руководства по физике, издаваемые под общей редакцией Российской ассоциации физиков» (1919—1924). В начале 1919 г. в этой серии вышли «Лекции по молекулярной физике» А. Ф. Иоффе. Важнейшую главу этих лекций под названием «Строение вещества» (1919) издательство выпустило еще и отдельно, в виде небольшой брошюры.

По рекомендации А. Ф. Иоффе М. В. Сабашников издал в серии «Руководства по физике...» небольшую брошюру О. Д. Хвольсона «Эволюция учения о теплоемкости» (1920) и его же очень популярную в свое время работу «Теория относительности А. Эйнштейна и новое миропонимание» (1922). О значении серии лучше всего говорит тот факт, что книги А. Ф. Иоффе и О. Д. Хвольсона выдержали в 1919—1923 гг. по два-три издания, а монография Я. И. Френкеля «Электрическая теория твердых тел» была включена в список лучших книг на русском языке, который ежегодно составлял Институт библиопсихологии Н. А. Рубакина в Лозанне.

Серия «Ломоносовская библиотека» была создана также после революции. Ее редактором стал старейший сотрудник издательства профессор М. А. Мензбир. В этой серии М. В. Сабашников выпустил семь книг; наиболее интересная из них — монография английского дарвиниста Р. Грегори «Открытия, цели и значение науки» (1923) в переводе и под редакцией Н. И. Вавилова.

В каталоге фирмы М. и С. Сабашниковых советского времени можно найти несколько новых рубрик, не свойственных издательству дореволюционных лет. Позднее сам М. В. Сабашников писал: «Со времени революции всему образованию был придан у нас практический уклон, соответственно духу времени издательство усилило выпуск книг прикладного характера, в том числе сельскохозяйственных и медицинских»[73].

Своеобразную энциклопедию составили издания серии «Богатства России», издаваемые по договору с Комиссией по изучению производительных сил России при Академии наук. С 1920 по 1923 г. под редакцией А. Е. Ферсмана вышло 11 научно-популярных брошюр о природных богатствах нашей страны.

Частично был реализован интереснейший замысел М. В. Сабашникова — выпустить ряд небольших сборников («Изборников») стихотворений современных русских поэтов в серии «Пушкинская библиотека». Весной 1918 г. М. В. Сабашников обратился с просьбой составить «Изборники» к К. Д. Бальмонту, А. А. Блоку, В. Я. Брюсову, И. А. Бунину, Н. А. Клюеву, Ф. К. Сологубу[74].

[73] ГБЛ, ф. 261, карт. 1, д. 32, л. 4.

[74] См.: Толстяков А. П. «Изборник» Александра Блока. — Вопр. лит., 1968, № 2, с. 248—250; Из переписки М. В. и С. В. Сабашниковых с авторами/Публ. С. В. Белова.— Книга. Исслед. и материалы, 1979, сб. 38, с. 150—151.

Увидел свет только сборник К. Д. Бальмонта «Солнечная пряжа» (1921). В этой же серии вышел «Изборник» (1919) забытого теперь русского поэта начала XIX в. И. М. Долгорукого, а также сборник «Поэты пушкинской поры» (1919) под редакцией поэта, критика и переводчика Ю. Н. Верховского.

Продолжалось издание серий, начатых еще до революции: шестой том серии «Русские Пропилеи» вышел под редакцией М. О. Гершензона в 1919 г. Он был посвящен А. С. Пушкину и А. Н. Скрябину. В серии «История» М. В. Сабашников завершил выпуск многотомной работы Г. Ферреро «Величие и падение Рима» (т. 1—5, 1915—1923).

Своеобразным дополнением к серии «История» были пять маленьких книжек «Исторических портретов» в переводе Н. В. Сперанского, изданных М. В. Сабашниковым в 1921 г. Среди них — очерки французского ученого Эрнеста Ренана «Кальвин», «Три Габсбурга», «Франциск Ассизский».

В 1917—1921 гг. в серии «Памятники мировой литературы» вышли «Театр Еврипида» (т. 1—3, 1916—1920) в переводе И. Ф. Анненского, второй том сочинений Лукиана (1920), скандинавский эпос «Эдда» (1917), второй том «Былин» (1919) под редакцией М. Н. Сперанского, второе издание «Песни о Гайавате» (1918) в переводе И. А. Бунина, первый том «Египетской литературы» (1920) Б. А. Тураева.

По словам академика В. П. Волгина, «своей деятельностью издательство М. и С. Сабашниковых заслужило, бесспорно, одно из самых почетных мест в истории русского издательского дела»[75].

Московское издательство *«А. и И. Гранат и К⁰»* было основано в 1892 г. Александром Наумовичем Гранат (1861—1933) и его братом Игнатием Наумовичем (1863—1941), впоследствии профессором Московского университета[76].

Основная заслуга издательства — выпуск в свет Энциклопедического словаря, право на издание которого братья приобрели в 1892 г. у товарищества «А. Гарбель и К⁰». «Энциклопедический словарь Гранат» выдержал с 1892 по 1948 г. семь изданий, причем последнее, полностью переработанное, вышло в 58 томах. Три тома 7-го издания (т. 36, ч. 7, 54-й и 58-й) были выпущены уже Государственным институтом «Советская энциклопедия», куда в 1939 г. влилось акционерное общество «Русский библиографиче-

[75] ГБЛ, ф. 261, карт. 23, д. 3, л. 1. Подробнее о деятельности издательства М. и С. Сабашниковых после 1917 г. см.: Панина А. Л. Архив издательства М. и С. Сабашниковых.— Зап./ Отд. рукописей ГБЛ, 1972, вып. 33, с. 81—139; Малыхин Н. Г., Панина А. Л. Издательство М. и С. Сабашниковых. — Книга. Исслед. и материалы, 1972, сб. 23, с. 124—141; Белов С. В. Книгоиздатели Сабашниковы. М., 1974, с. 126—172; Сабашников М. В. Воспоминания. М., 1983, с. 356—408.

[76] Подробнее см.: Белов С. В. Братья Гранат. М., 1982. 96 с.

ский институт братьев А. и И. Гранат и К°» (так называлось издательство после 1917 г.).

В создании «Энциклопедического словаря Гранат» принимали участие многие выдающиеся деятели русской и советской науки и культуры. Среди них: Л. С. Берг, В. Д. Бонч-Бруевич, М. А. Мензбир, И. И. Мечников, М. Н. Покровский, Е. В. Тарле, К. А. Тимирязев.

Осенью 1907 г. издательство Гранат привлекло В. И. Ленина к написанию очерков по истории России для многотомного издания «История России в XIX веке». В. И. Ленин согласился написать статью «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», которую закончил 1 июля 1908 г. Однако по цензурным соображениям статья В. И. Ленина увидела свет только после Октябрьской революции, сначала в виде отдельного издания, и лишь затем в составе 4-й части 36-го тома «Энциклопедического словаря Гранат» (с. 178—266).

В 28-м томе седьмого издания словаря в 1915 г. под псевдонимом «В. Ильин» была опубликована статья В. И. Ленина «Карл Маркс (Краткий биографический очерк с изложением марксизма»)[77].

Седьмое издание Энциклопедического словаря (в советское время его научным редактором был литературный и театральный критик Д. Л. Тальников — настоящая фамилия Шпитальников) стало главным делом «Русского библиографического института братьев А. и И. Гранат и К°» в период с 1917 по 1921 г.

Редакторами отделов Энциклопедического словаря, посвященных России, в советское время были В. В. Воровский, Н. К. Крупская, А. В. Луначарский. В правление акционерного издательства «Русского библиографического института А. и И. Гранат и К°» входили старые большевики, партийные публицисты и ученые В. И. Невский, Н. А. Семашко[78].

Редакция словаря привлекала к сотрудничеству Ю. Н. Тынянова, В. Н. Фигнер и многих других крупных советских писателей, ученых, критиков, деятелей революционного движения.

Советская печать тепло встретила послереволюционные тома «Энциклопедического словаря Гранат». «Настоящий Энциклопедический словарь,— писала „Правда",— в значительной мере явля-

[77] Подробнее об участии В. И. Ленина в деятельности издательства братьев Гранат и в создании Энциклопедического словаря см. статью Ю. Е. Шмушкиса «В. И. Ленин и социал-демократическая литература в России».— Книга. Исслед. и материалы, 1970, сб. 20, с. 110—118; Белов С. В. Новые данные о сотрудничестве В. И. Ленина в издательстве братьев Гранат.— Тр./Гос. б-ка СССР им. В. И. Ленина, 1982, т. 18, с. 137—142; Еленевский Е. П. Куда адресовал В. И. Ленин работу «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»? — Вопр. ист. КПСС, 1980, № 11, с. 113—116.

[78] Белов С. В. Братья Гранат, с. 66.

ется созданием Климента Аркадьевича Тимирязева», который, по мнению газеты, «привлек к себе лучшие силы». «Правда» отмечала, что при таком редакторе девизом словаря стало: «позитивизм — в философии, дарвинизм — в биологии, марксизм — в обществоведении». В цитируемой рецензии отмечалось, что тома словаря проникнуты «стремлением сделать научное знание достоянием каждого грамотного человека»[79].

3 апреля 1919 г. Издательство ВЦИК заключило с «Русским библиографическим институтом братьев А. и И. Гранат и К°» договор на повторное полное иллюстрированное издание Энциклопедического словаря. В издание предполагалось ввести дополнительные приложения[80], которые были подготовлены, но лишь частично опубликованы, так как главной целью издательской деятельности братьев Гранат в советское время было все же завершение уже начатого выпуска Энциклопедического словаря.

После Великой Октябрьской социалистической революции братья Гранат задумали выпустить многотомное подписное издание «История освободительного движения. (Происхождение современной России)». Сохранилась его программа[81]. Однако издание это в свет так и не вышло.

В первые годы Советской власти с издательской маркой «Русского библиографического института братьев А. и И. Гранат и К°» вышли в свет: «Краткий очерк истории социализма и социального движения на Западе» (1919), второе издание книги А. Олара «Великая Французская революция» (1918), второе издание очерков публициста Е. Ф. Сельского (Печеркина) «По пути к свободе. Возникновение и развитие революционных и социалистических идей в России в течение ста лет до наших дней» (1918), книга английского социалиста Р. Энзора «Современный социализм. Обоснование его в речах и сочинениях его виднейших представителей и в программах партии» (1917), работы К. А. Тимирязева «Главнейшие успехи ботаники в начале XX столетия» (1920) и «Исторический метод в биологии» (1922)[82] и др.

После 1917 г. продолжали действовать издательства И. Н. Кнебеля (1882—1924), «Мир» (1906—1934), Товарищество «В. В. Думнов, наследники братьев «Салаевых» (1828—1926), «Посредник» (1884—1935), Товарищество И. Д. Сытина (1883—1924), «Альциона» (1910—1923) и многие другие.

[79] Правда, 1923, 4 нояб.; см. также письма И. Н. Гранат к К. А. Тимирязеву в сб.: Книга. Исслед. и материалы, 1975, сб. 31, с. 81—87; Н. М. Изубенко. К. А. Тимирязев — редактор и автор «Энциклопедического словаря Гранат».— Книга. Исслед. и материалы, 1971, сб. 21, с. 193—201.
[80] См.: Белов С. В. Братья Гранат, с. 65.
[81] ИРЛИ, ф. 528, оп. 1, д. 386, л. 1—2.
[82] См.: Белов С. В. Братья Гранат, с. 60—76.

Издательство «*Мир*» (1906—1934) начало свою деятельность как частное издательство М. Я. Фитермана и Л. А. Лурье. К 1 января 1919 г. оно насчитывало всего 5 служащих [83]. В 1924 г. его реорганизовали в кооперативное.

Издательство было универсальным, но выпускало преимущественно книги по истории русской литературы и общественной мысли, издавало труды К. Маркса, Ф. Энгельса, Г. В. Плеханова.

А. М. Горький в письме к В. В. Воровскому от 19 июня 1919 г. так характеризовал издательство «Мир»: «Это солидное дело, под его маркой изданы прекрасные книги — в их числе „Русская история" М. Н. Покровского. Следует всячески помочь издательству продолжать его работу...» [84]

С издательством сотрудничали В. Я. Брюсов, А. А. Веселовский, Ю. А. Веселовский, Р. Ю. Виппер, Г. В. Плеханов, М. Н. Покровский, Н. А. Рубакин, П. Н. Сакулин и др.

После Октябрьской революции издательство «Мир», опираясь на поддержку Советской власти, успешно издавало педагогическую литературу и учебники, а также книги по истории и теории литературы.

Были переизданы такие фундаментальные труды, как трехтомная «История русской общественной мысли» Г. В. Плеханова (1918), «Русская история с древнейших времен» М. Н. Покровского (1918, 1920), пятитомная «История русской литературы XIX в.» под редакцией Д. Н. Овсянико-Куликовского (1918—1924) и т. д.

Издательство работало в тесном контакте с Госиздатом. По договору, заключенному 24 июня 1919 г., «Миру» было поручено подготовить «Педагогическую энциклопедию». В редакционную коллегию вошли профессор Н. Д. Виноградов (председатель), профессор П. П. Соколов, М. Я. Фитерман и делегированные Госиздатом — П. П. Блонский, В. М. Познер, Н. К. Крупская (члены редколлегии) [85]. К сожалению, энциклопедия эта так и не вышла.

Госиздат субсидировал многие издания «Мира», в том числе «Учебник древней истории» Р. Ю. Виппера (1918, 1921), «Древний мир в памятниках его письменности» Д. А. Жарикова и С. И. Радцига (1918).

Изданий для детей «Мир» выпускал немного, но они, как правило, получали одобрение Редколлегии по детской литературе при Отделе печати Московского Совета. Это, в частности, относится к серии «Мир сказок», предназначенной для детей среднего и старшего школьного возраста. В серии под редакцией Л. Б. Хавкиной вышли «Русские народные сказки для маленьких детей» (кн. 1—2, 1922—1923), «Африканские сказки» (1919), «Маленькие сказки» Р. Киплинга (кн. 1—2, 1918), «Сказки цыган» (кн. 1—2, 1922)

[83] ЦГАЛИ, ф. 597, оп. 1, д. 42, л. 275.
[84] Архив А. М. Горького, М., 1964, т. 10, кн. 1, с. 13.
[85] ЦГАЛИ, ф. 597, оп. 1, д. 43, л. 333.

и «Что рассказывали греки и римляне о своих богах и героях» Н. А. Куна (1922).

Расцвет деятельности издательства «Мир» приходится на период после 1921 г. Об этом свидетельствуют издательские планы, договоры, заключенные с Госиздатом, каталоги издательства.

В послереволюционные годы продолжало работу и старое московское издательство *«Посредник»* (1884—1935), основанное В. Г. Чертковым и П. И. Бирюковым при участии Л. Н. Толстого. Издательство поставило своей целью выпускать взамен лубочных изданий книги для широких народных масс, содержательные и дешевые.

С 1897 до 1925 г. издательством руководил педагог и публицист, последователь идей Л. Н. Толстого И. И. Горбунов-Посадов (1864—1940)[86].

В 1917—1921 гг. издательство наряду с популярными книгами для взрослых продолжало выпускать научно-популярные книги для детей и юношества; для них характерно было стремление связать идеи нравственного воспитания с просветительством, опираясь на конкретные знания. Детские книги «Посредника» отличались большим тематическим разнообразием. Специальная серия была посвящена жизни детей разных народов. В основном детские книги были переводными, их целью было воспитать уважение и вызвать симпатию к людям различных национальностей. Из книг исторического содержания выбирались для переиздания те, главными героями которых были борцы против рабства и угнетения.

Значительное место среди изданий «Посредника» для детей занимали книги по природоведению — популярные очерки и художественные произведения таких авторов, как В. Лонг («Тайны лесов», 1918), Ч. Робертс («Тропа на голом утесе», 1918), Э. Сетон-Томпсон («Дикие животные у себя дома», 1919). Их книги должны были привить маленьким читателям гуманное отношение ко всему живому. Впоследствии детский отдел ГИЗа переиздал эти книги.

Как правило, большинство книг, выпущенных «Посредником», получали одобрение Редколлегии по детской литературе при Отделе печати Московского Совета. Так, например, в апреле 1920 г. из 20 книг было одобрено 18, в том числе «Железная дорога» С. Орловского, «Рассказы о воде» и «Рассказы о воздухе» Ю. Н. Вагнера и др.[87] Часть изданий выходила с маркой Госиздата.

В эти же годы «Посредник» выпустил повесть известного польского педагога Я. Корчака «Слава» (1918), произведения Л. Н. Тол-

[86] См.: Сорок лет служения людям: Сб. статей, посвящ. общ. лит. и книгоизд. деятельности И. И. Горбунова-Посадова. М., 1925. 165 с. Динерштейн Е. А. И. Д. Сытин. М., 1983. с. 27—48.

[87] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 202, л. 41, 42.

стого: «В чем главное дело человека», «Закон насилия и закон любви», «Об общественном движении в России», «Стыдно!», «Как бороться с войной», «Истинная свобода» (1918) и собранные Л. Н. Толстым «Мысли замечательных мыслителей» (1918). «Посредник» переиздавал также учебно-педагогические книги и практические пособия[88].

Советская власть поддерживала и субсидировала деятельность «Посредника».

Товарищество И. Д. Сытина (1883—1924)[89] было самым крупным издательством России перед Октябрьской революцией, оно выпускало каждую четвертую книгу в стране.

После революции И. Д. Сытин активно сотрудничал с Советской властью. На одном из собраний издателей, вспоминал писатель Е. Г. Лундберг, он решительно заявил: «Я первый коммунар, если народ учить надо... Мне прибылей не надо. Мне бы только работать»[90]. И. Д. Сытин включился в работу по переизданию прежде всего учебников, детской, научно-популярной литературы и практических руководств[91]. В 1918 г., по данным «Книжной летописи», издательство выпустило около 95 названий учебной литературы, 40 — детской, 16 — художественной, 17 — практических руководств, 13 — научно-популярной литературы.

Редакционная коллегия по детской литературе при Отделе печати Московского Совета в июле 1919 — марте 1920 г. большую часть детских книг издательства рекомендовала к переизданию, некоторые из них вышли с маркой Госиздата[92]. Летом 1919 г. Отдел печати Московского Совета поддержал план И. Д. Сытина (к сожалению, неосуществленный) издавать лубочные книги нового типа. План предусматривал выпуск брошюр: «Стенька Разин. Песни и стихи»; А. М. Горький «Нилушка», «Рождение человека»; Н. С. Ашукин «Декабристы»; И. А. Белоусов «Песни трудового народа»; Ал. Алтаев (М. В. Ямщикова) «За свободу человека» и др.[93]

Издательство выпустило Собрание сочинений П. А. Кропоткина (т. 1—2, 1918), его же книгу «Труд ручной и труд умственный» (1919).

[88] См.: Каталог кооперативного издательства товарищества «Посредник». М., 1929. 14 с.; Новые издания кооперативного издательства «Посредник». М., 1920. 8 с.; Учебные книги для школы и для семьи издательства «Посредник»: Каталоги. М., 1911—1918.

[89] См.: Динерштейн, Е. А. И. Д. Сытин. М., 1983, 271 с.

[90] См.: Лундберг Е. Г. Записки писателя. М., 1930, т. 1, с. 173.

[91] См. :Каталог изданий товарищества И. Д. Сытина. М., 1924. 24 с.

[92] См.: Ишкова С. С. К истории издания детской книги в первые годы Советской власти (1917—1921).— Тр./Гос. б-ка им. В. И. Ленина, 1978, т. 14, с. 45—59.

[93] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 11, л. 2, 15—16. Эти издания находились в наборе, но, очевидно, Сытиным изданы не были.

Товарищество *«В. В. Думнов, наследники братьев Салаевых»* (1828—1926) было основано Федором Ивановичем Салаевым, в 1866 г. в дело включились братья Алексей, Николай и Федор Салаевы, в 1887 г. во главе издательства стал Владимир Васильевич Думнов. Еще до революции издательство положительно зарекомендовало себя выпуском учебников и учебных пособий для школ и гимназий. Профиль издательства сохранился и после 1917 г.: по заказу Наркомпроса выпускались учебники. Вышли в свет хрестоматия для занятий родным языком в младших классах средней школы «Наш мир» (1918), учебник арифметики «Начальная алгебра» Е. Н. Тихомирова (1918), «Элементарная физика» и «Элементарная алгебра» А. П. Киселева (1918), «Начальный курс географии» С. В. Чефранова (1918), «Заметки по новой школе» М. К. Парамонова с предисловием Н. К. Крупской, в котором она писала: «Предлагаемая книжка является отражением исканий русского учителя. Думаю, что всякий, кому дорога школа, прочтет книжку Парамонова с большим интересом и пользой для себя»[94]. Наиболее плодотворной была деятельность издательства в последующий период. В 1926 г. оно влилось в издательство «Работник просвещения».

Издательская и книготорговая деятельность Иосифа Николаевича Кнебеля (1854—1926) началась задолго до Октябрьской революции. В 1882 г. он совместно с П. Ф. Гросманом организовал в Москве книжный магазин и библиотеку для чтения под фирмой *«Гросман и Кнебель»*. В 1895 г. Кнебель выпустил первую книгу и с тех пор не прекращал издательской деятельности до конца жизни.

И. Н. Кнебель был основателем первого в России специализированного издательства по изобразительному искусству. Издательство успешно работало еще в двух направлениях — выпускало детские книги и наглядные пособия.

Кнебель внес немалый вклад в искусство книги предреволюционных лет хорошо иллюстрированными и безукоризненно отпечатанными детскими книгами. Над ними работали талантливые графики второго поколения «Мира искусства» Г. И. Нарбут, Д. И. Митрохин, В. Д. Замирайло и др.[95]

В 1918—1921 гг. И. Н. Кнебель переиздавал детские книги и печатал их со старого набора в своей типографии, а после ее национализации — в разных типографиях Москвы. Так были изданы: «Роланд-Оруженосец» В. А. Жуковского с рисунками Д. И. Митрохина (1918); «Русские народные сказки» в изложении К. Д. Ушин-

[94] Крупская Н. К. Пед. соч. М., 1962, т. 10, с. 170—171.

[95] Подробнее о дореволюционной издательской деятельности И. Н. Кнебеля см.: Юниверг Л. И. Издательская и книготорговая деятельность И. Н. Кнебеля. (Из истории прогрессивного книжного дела в России конца XIX — начала XX века): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1982, 16 с.

ского, Л. Н. Толстого и других с иллюстрациями В. Д. Замирайло (1918) и т. д. Материалы Редакционной коллегии по детской литературе при Отделе печати Московского Совета говорят о том, что в 1919 г. И. Н. Кнебель активно участвовал в совещаниях, посвященных изданию детской книги, а его собственные издания, как правило, получали одобрение Редакционной коллегии и переиздавались [96].

«При Советской власти,— писал один из руководителей Госиздата О. Ю. Шмидт,— И. Н. Кнебель продолжал свою очень значительную работу с прежней энергией. Он помогал Госиздату советом и делом» [97]. На оборотах титульных листов или обложек многих изданий этого периода есть такая надпись: «Исполнено под наблюдением И. Н. Кнебеля по поручению Госиздата».

В 1924 г. И. Н. Кнебель выпустил сказки в стихах «Феденька» А. В. Михайловского с рисунками В. С. Вермеля и «Кошкин дом» с рисунками В. Логинова (первая книга печаталась в Саратове, вторая — в Рязани). Это были последние книги, подготовленные и изданные И. Н. Кнебелем самостоятельно.

Деятельность Александра Мелентьевича Кожебаткина (1884—1942) нашла наиболее яркое отражение в работе созданного им в Москве издательства *«Альциона»* [98] (1910—1923). Он сам осуществлял всю редакционно-издательскую подготовку, включая переговоры с авторами и надзор за типографскими процессами. «У издательства, кажется, не было никаких средств,— вспоминал впоследствии В. Г. Лидин,— только неистощимый запас энергии Кожебаткина и страсть к этому своему делу создавали жизнь издательства, причем жизнь действенную, а не эфемерную» [99]. А. М. Кожебаткин, за редким исключением, гонорары авторам не платил; по воспоминаниям М. С. Шагинян, писатели должны были довольствоваться тем, что он с энтузиазмом и искренней заинтересованностью брался за издание их произведений, нередко впервые объединив разрозненные публикации и рукописи в книгу.

В работе издательства участвовал В. Я. Брюсов. Он выступал не только как автор («Краткий курс науки о стихе», 1919), но и как редактор, автор вступительных статей (например, к поэме А. С. Пушкина «Гаврилиада», 1918). Активно сотрудничала с издательством М. С. Шагинян, ее наиболее удачный поэтический сборник «Orientalia» «Альциона» переиздавала трижды.

В 1918—1920 гг. издательство выпустило: «Неведомый шедевр» О. Бальзака (1918) со вступительной статьей В. Я. Брюсова; сбор-

[96] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 9, д. 202, л. 8.
[97] ЦГА РСФСР, ф. 539, оп. 3, д. 4763, л. 17.
[98] Альциона (греч.) — самая яркая звезда в звездном скоплении «Плеяды».
[99] Лидин В. Г. Друзья мои — книги: Рассказы книголюба. М., 1976, с. 93.

ник стихотворений «Звезда» А. Белого (1919); «Пьерро» Ж. Лафорга с рисунками О. Бердслея и в переводе В. Г. Шершеневича (1918); «Четыре повести» П. Мериме (1919) и др. Значительное место в репертуаре издательства занимали историко-биографические, литературоведческие работы и книги по искусству. Так, в этот период вышли очерки П. Е. Щеголева о П. Г. Каховском (1919), Н. А. Бестужева о К. Ф. Рылееве (1919), М. С. Яхонтовой о С. И. Муравьеве-Апостоле (1920), «Краткий курс науки о стихе» В. Я. Брюсова (1919), «Пушкин и Радищев» П. Н. Сакулина (1920), «Силуэты современников» Е. С. Кругликовой (1922).

Издательство «Альциона» предполагало выпустить серию искусствоведческих монографий[100]. Здесь планы А. М. Кожебаткина совпали с планами Госиздата. В. В. Воровский подписал с «Альционой» договор, на основании которого А. М. Кожебаткин выпустил с маркой Госиздата альбомы М. С. Сергеева «О. Домье. Осада» (1920), А. А. Сидорова «Стейнлен, художник парижского пролетариата» (1919) и приступил к подготовке других книг. Целиком реализовать план серии «Альциона» не смогла.

Издания «Альционы» отличаются высоким уровнем художественного и полиграфического исполнения. К работе над оформлением и иллюстрированием изданий А. М. Кожебаткин привлекал художников К. Ф. Юона, Н. П. Крымова, М. С. Сарьяна, С. Т. Коненкова, Н. С. Гончарову, С. Г. Судейкина и др. Историк театра и библиофил С. Г. Кара-Мурза, хорошо знавший Кожебаткина по Русскому обществу друзей книги, вспоминал: «Александр Мелентьевич несомненно обладал художественным чутьем и тонким пониманием полиграфического искусства. Все его издания и в отношении бумаги, шрифта, обложки, краски и иллюстраций отмечены печатью благородного типографского вкуса и высокого технического мастерства»[101]. То же мнение высказал в одном из своих библиофильских очерков и В. Г. Лидин, отметив, что А. М. Кожебаткин «любил книгу особой любовью: он любил создавать ее, пестовать художников, заинтересовывать авторов, заинтересовывать и типографии, которым тоже иногда хочется блеснуть полиграфическим шедевром»[102].

Издания «Альционы», как правило, высоко оценивались советской печатью[103].

Издательство *«Творчество»* было создано в Москве в 1917 г. Соломоном Абрамовичем Абрамовым (1884—1957). Он возглавлял издательство и был его единственным сотрудником на про-

[100] См.: Р. Е. Книги и издания в перспективе.— Худож. жизнь, 1919, № 3, с. 41—42.
[101] Берков П. Н. История советского библиофильства. М., 1971, с. 105.
[102] Лидин В. Г. Друзья мои — книги, с. 94.
[103] См.: Красная Москва. М., 1921, с. 610.

тяжении всего времени существования «Творчества» — до 1924 г.[104].

Издания «Творчества» по своему характеру делятся на три группы: поэтические сборники; литературно-художественные альманахи («Творчество») и журнал «Москва»; книги по искусству и журнал «Русское искусство».

Основную часть изданий «Творчества» составляли поэтические сборники — Ф. К. Сологуба, М. А. Волошина, А. П. Глобы, С. Я. Парнок, К. А. Липскерова, В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта и самого С. А. Абрамова. Большинство из них вышло в серийном оформлении, одного формата, в цветных обложках, оформленных В. Н. Левитским. К этим изданиям примыкала книжечка М. А. Волошина о Верхарне (1919). Наиболее удачными как по подбору стихов, так и по роли, сыгранной в истории советской поэзии, следует признать сборник «Иверни» М. А. Волошина (1918), для которого автор отобрал свои лучшие стихи. «Иверни» были изданы в двух вариантах: на бумаге «верже» и на обычной. Обложка работы С. В. Чехонина, предназначавшаяся для «Художественной библиотечки „Творчества“», отличала этот сборник от других, перечисленных выше.

В «Художественной библиотечке „Творчества“» С. А. Абрамов издал свою первую книгу «С последним пароходом» (1918) Б. А. Пильняк.

Альманахи «Творчество» (№ 1—2, 1917—1918), детские альманахи «Творчество» (№ 1—2, 1917), в сущности, первые книжные издания С. А. Абрамова. В них ощущается еще неопытность издателя. Она сказывается и в случайном подборе авторов, и в эклектичном характере оформления. Однако уже в этих альманахах собираются, хотя еще и «разбавленные» случайными именами, будущие постоянные «абрамовские» авторы и художники: А. А. Блок, В. Я. Брюсов, Ф. К. Сологуб, М. А. Волошин, А. М. Ремизов, Б. А. Пильняк, В. Н. Левитский, Д. И. Митрохин, С. В. Чехонин, В. Д. Замирайло. Здесь печатаются И. А. Бунин, А. И. Куприн, А. Н. Толстой.

Одновременно с альманахами С. А. Абрамов начал издавать журнал «Москва» (№ 1—7, 1918—1922), на страницах которого печатал произведения (стихи и прозу) А. А. Блока, В. Я. Брюсова, К. Д. Бальмонта, С. А. Есенина, Вяч. Иванова, О. Э. Мандельштама, М. А. Кузмина, А. М. Ремизова, искусствоведческие и критические эссе А. М. Эфроса, Я. А. Тугендхольда, П. П. Муратова, П. Д. Эттингера, Э. Ф. Голлербаха. Страницы журнала украшали гравюры В. Д. Фалилеева, Н. Н. Купреянова, В. А. Фаворского, В. Н. Масютина, А. П. Остроумовой-Лебедевой,

[104] Подробнее см.: Рац М. В. С. А. Абрамов и его издательство «Творчество».— Альманах библиофила, 1980, вып. 8, с. 165—176; Сахаров В. Художественные журналы первых лет революции.— Декор. искусство СССР, 1969, № 141, с. 44—48.

А. И. Кравченко, рисунки Д. И. Митрохина, В. Д. Замирайло, С. В. Чехонина, И. И. Нивинского.

«Москва» была первым журналом, где иллюстрации печатали с оригинальных досок художников, что сыграло определенную роль в развитии советской гравюры.

С. А. Абрамов задумал и частично в те же годы осуществил издание серии художественных монографий о мастерах «Мира искусства», «Союза русских художников» и др. Книги подготовлялись к печати для Госиздата на договорных началах. «Творчество» выступало в роли контрагента Госиздата. Фактически Госиздат предоставлял материальную базу для этих изданий, осуществлял же их полностью — от замысла до типографии — Абрамов.

Среди частных фирм, активно сотрудничавших с Советской властью, было и московское акционерное общество «Универсальная библиотека», возглавляемое известным издателем Владимиром Морицевичем Антиком (1882—1972) [105].

В последнее предреволюционное десятилетие заслуженной популярностью пользовались небольшие книжечки «Универсальной библиотеки» В. М. Антика, издававшиеся по типу лейпцигской серии «Reclam Universal Bibliothek». В ее составе вышли в свет многие замечательные произведения классической и современной русской и зарубежной литературы. Каждый выпуск, содержавший около 100 с., стоил 10 коп.

Осенью 1918 г. издательство и типография были муниципализированы, но своей работы не прекратили. В. М. Антик остался во главе дела на правах заведующего и, после согласования со специальной комиссией Наркомпроса, продолжал издавать «Библиотеку», в которую были включены произведения зарубежных писателей — А. Доде, Г. Гауптмана, Д. Лондона, О. Уайльда и др. Особого внимания заслуживает восьмое издание «Овода» Э. Л. Войнич в переводе М. А. Шишмаревой (1918) — первое советское издание этого популярного произведения.

В 1922—1923 гг. издательство выпускало по заказу Госиздата аналогичную серию — «Всеобщая библиотека». В дальнейшем В. М. Антик был приглашен работать в Госиздат.

Среди других московских частных издательств, действовавших в 1917—1921 гг., необходимо упомянуть *«Денницу»* (детские книги, труды В. М. Фриче, Ю. М. Стеклова, М. Н. Покровского); *«Северные дни»* (произведения А. Н. Толстого, М. М. Пришвина, Г. И. Чулкова); *издательство Д. Я. Маковского* («Ван-Гог. Письма» (1919), монографии о Дега, Гогене (1918); издательство *«Солнце»* (сочинения С. Цвейга); *«Эмбрион»* (произведения Г. Гейне); *издательство А. С. Панафидиной* («Граф Нулин»

[105] См.: Юниверг Л. И. В. М. Антик и издание дешевой массовой книги в СССР.— В кн.: Федоровские чтения. 1980. М., 1984, с. 243—246.

А. С. Пушкина (1918); *«Жар-птица»* (детские книги)[106], *«Народное слово»*[107]; *«Светлячок»* А. А. Федорова-Давыдова (детские книжки); *«Имажинисты»* (сочинения В. В. Хлебникова, С. А. Есенина).

Наиболее интересным из частных петроградских издательств, появившихся после революции, было издательство *«Алконост»* (1918—1923). Оно было создано в мае 1918 г. по инициативе Самуила Мироновича Алянского (1891—1974), ставшего впоследствии видным советским издательским работником[108]. Идейным вдохновителем «Алконоста» был А. А. Блок. Издание его произведений можно считать главной заслугой «Алконоста»[109]. Среди книг Блока, выпущенных этим издательством, и поэма «Двенадцать» с рисунками Ю. П. Анненкова (1918)[110].

Высокая книжная культура отличает и другие издания произведений А. А. Блока, вышедшие в «Алконосте»: «Песня судьбы» (художник А. Я. Головин, 1919), «Ямбы» (художник Н. Н. Купреянов, 1919), «Седое утро» (художник А. Н. Лео, 1920), сборник статей «Россия и интеллигенция», «Катилина» (1919), «Последние дни императорской власти» (художник В. Д. Замирайло, 1921), «Двенадцать. Скифы» (1918)[111].

Не менее важен общественный резонанс, вызванный послереволюционными произведениями А. А. Блока, изданными «Алконостом».

В 1919 г. С. М. Алянский перепечатал в сборнике «Россия и интеллигенция» статью поэта «Интеллигенция и революция», впервые опубликованную в газете «Знамя труда» 19 января 1918 г.; на нее тогда ополчилась вся буржуазная пресса. В издательстве «Алконост» впервые вышло злободневное и актуальное историче-

[106] См.: Каталог издательства «Жар-птица»: Книги для детей и юношества. М., 1918. 12 с.

[107] См.: Устав кооперативного товарищества печатного и издательского дела «Народное слово». М., 1918. 16 с.

[108] См.: Белов С. В. Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979, 112 с.

[109] Сам А. А. Блок неоднократно отмечал, что «художественное лицо издательства „Алконост“ ему весьма близко» (заявление Блока 15 февраля 1921 г. в редколлегию Петроградского отделения Госиздата.— ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, д. 6, л. 2), что он хотел бы печататься в издательстве «Алконост», как «наиболее близком по духу к символической школе, к которой он всегда принадлежал». (Письмо А. А. Блока от 7 февраля 1921 г. заведующему Петроградским отделением Госиздата И. Ионову.— ИРЛИ, ф. 654, оп. 3, д. 6, л. 5).

[110] См.: Алянский С. М. Об иллюстрациях к поэме А. Блока «Двенадцать»./Публикация, вступ. заметка и коммент. З. Г. Минц.— В кн.: Блоковский сборник. Тарту, 1964, с. 443—444.

[111] См.: Прижизненные издания А. А. Блока: Каталог/Сост. Е. И. Яцунок. М., 1980, 35 с.

ское эссе А. А. Блока «Катилина. Страница из истории мировой революции», о котором тепло отозвались А. М. Горький и Андрей Белый [112].

Особо следует остановиться на книге «Последние дни императорской власти. По неизданным документам составил Александр Блок» (1920). Ее замысел возник в процессе работы поэта (с мая 1917 г.) в качестве литературного редактора над стенографическим отчетом Чрезвычайной следственной комиссии, созданной Временным правительством «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров и прочих высших должностных лиц».

«Алконост» издал семь книг Андрея Белого, и среди них «На перевале. I. Кризис жизни» (1918), сказки «Королевна и рыцари» в оформлении художника Н. Н. Купреянова (1919) и поэму «Первое свидание» (1921). Вышли четыре книги А. М. Ремизова, в том числе «Царь Максимилиан» с рисунками Ю. П. Анненкова (1919), поэма Вяч. Иванова «Младенчество» (1918), «Одна любовь» Ф. Сологуба (1921), «Переписка из двух углов» М. О. Гершензона и Вяч. Иванова (1922), сборники А. А. Ахматовой «Белая стая» (1922), «Четки» и «У самого моря» (1921) в оформлении художника В. Д. Замирайло. Были изданы шесть номеров журнала «Записки мечтателей» (1919—1922), где публиковались произведения А. А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова, А. А. Ахматовой, А. М. Ремизова, Ф. К. Сологуба, М. О. Гершензона, М. С. Шагинян, К. И. Чуковского.

Среди переводных изданий «Алконоста» необходимо отметить «Лирику» швейцарского поэта К. Мейера в переводе А. В. Луначарского (1920), «Легенду о прекрасном Пекопене и о прекрасной Больдур» (1919) В. Гюго с предисловием А. А. Блока и в переводе его матери А. А. Кублицкой-Пиоттух. Несомненный интерес представлял сборник «Искусство старое и новое» (1921), среди авторов которого — Б. М. Эйхенбаум, А. З. Штейнберг.

А. М. Горький и А. В. Луначарский высоко оценили талант Блока и доброжелательно относились к «Алконосту». Они сумели оказать издательству в трудные годы гражданской войны моральную поддержку и материальную помощь [113].

Всего в «Алконосте» за пять лет существования (1918—1923) вышло около 50 книг. Среди них — почти все послереволюционные произведения А. А. Блока. Издательство сыграло важную роль в пропаганде творчества великого русского поэта. По словам

[112] См.: Блок А. А. Записные книжки: 1901—1920. М., 1965, с. 451; Блок А. и Белый А.: Переписка. М., 1940, с. 340.

[113] См.: Чернов И. А. Блок и книгоиздательство «Алконост».— В кн.: Блоковский сборник. Тарту, 1964, с. 532; Динерштейн Е. А. Луначарский, Блок и «Алконост». — Вопр. лит., 1969, № 6, с. 248—250.

К. Г. Паустовского, «деятельность „Алконоста“ вошла в историю нашей культуры, как одно из значительных ее явлений»[114].

Весной 1919 г. в Петрограде бывшим совладельцем «Шиповника» и редактором журнала «Жупел» *Зиновием Исаевичем Гржебиным* (1869—1929) было основано издательство, цель которого формулировалась так: «...дать русскому народу массу книг, которые всесторонне осветили бы весь сложный процесс культурного развития человечества вообще и в частности России...»[115]

Общее руководство издательством осуществляли А. М. Горький, А. Н. Бенуа, С. Ф. Ольденбург. Редакцией заведовал профессор А. П. Пинкевич; отделом русской литературы — А. М. Горький, педагогической — В. А. Десницкий, детской — К. И. Чуковский, техническим отделом — Б. Г. Скамони, бывший директор типографии Голике и Вильборг[116]. С издательством тесно сотрудничали Б. В. Асафьев, А. А. Блок, И. М. Гревс, В. А. Десницкий, Н. О. Лернер, С. Ф. Платонов, В. А. Стеклов, А. Е. Ферсман, В. М. Шимкевич.

В годы гражданской войны из-за недостатка бумаги и тяжелого положения, сложившегося в полиграфической промышленности, Советское государство печатало некоторые издания за границей. 10 января 1920 г. В. В. Воровский подписал от имени Госиздата договор с З. И. Гржебиным о выпуске книг для Советской Республики в берлинском отделении издательства.

Издательство З. И. Гржебина осуществляло задуманное М. Горьким издание русских классиков: вышли Избранные сочинения М. Ю. Лермонтова с примечаниями А. А. Блока (1921), Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, первый том Сочинений Н. С. Лескова с предисловием М. Горького (1923) и др. Были изданы произведения А. М. Горького, А. Н. Толстого, С. А. Есенина, А. М. Ремизова, А. Белого, Ф. К. Сологуба, детские книги, и в том числе сказки Г. Х. Андерсена, А. С. Пушкина, романы Ф. Купера. Вышли в свет учебники, дневники русских и зарубежных путешественников, серии «Россия в отдельных очерках», «Предания разных народов», «История религии», «Биография городов» и т. п.

К сожалению, в дальнейшем издательство отклонилось от реализации первоначального плана, намеченного А. М. Горьким; З. И. Гржебин перестал подходить к выбору книг с присущей ему принципиальностью. 1 марта 1921 г. Госиздат ликвидировал до-

[114] Запись в мае 1961 г. в альбоме, посвященном 70-летию С. М. Алянского.— Белов С. В. Мастер книги: Очерк жизни и деятельности С. М. Алянского. Л., 1979, с. 106. Подробнее о деятельности «Алконоста» см.: Алянский С. М. Встречи с Александром Блоком. М., 1969. 159 с.

[115] Каталог издательства З. И. Гржебина. Пб.; Берлин, 1921, с. 10—11.

[116] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, д. 44, л. 150, 171.

говор с ним [117], отношения фактически были прерваны. Издательство прекратило существование в 1923 г.[118]

Издательство *«Светозар»* в первые послереволюционные годы выпускало в основном книги по вопросам театра, изобразительного искусства и музыки [119]. Оно сумело привлечь к сотрудничеству известных музыковедов, режиссеров и историков театра. Издания «Светозара» получали, как правило, высокую оценку рецензентов [120].

Из крупных петербургских фирм, продолживших деятельность после революции почти до конца 20-х гг.,— издательство *«Практическая медицина»* [121], основанное в 1884 г. Василием Сергеевичем Эттингером (?—1915), и издательство *«Брокгауз — Ефрон»*, созданное в 1889 г. петербургским типографом Ильей Абрамовичем Ефроном (1847—1917) и немецкой фирмой «Брокгауз». После смерти И. А. Ефрона во главе издательства стал А. Ф. Перельман, выпускавший после революции в основном учебно-педагогическую и краеведческую литературу [122].

Другие известные фирмы просуществовали после Октября всего один-два года. Издательство *«Парус»*, организованное в 1915 г. А. М. Горьким, А. Н. Тихоновым и И. П. Ладыжниковым, в послереволюционные годы выпустило несколько произведений А. М. Горького, сочинения И. А. Бунина, детский сборник «Елка» под редакцией А. Н. Бенуа и К. И. Чуковского, три научно-популярные книги, монографию К. И. Чуковского об американском поэте У. Уитмене и книгу «Празднества и песни французской революции» Ж. Тьерсо (1917).

Издательство П. П. Сойкина, основанное в 1885 г. Петром Петровичем Сойкиным (1862—1938), в начале 1918 г. опубликовало четыре выпуска сборника «Запрещенные произведения русских писателей», несколько номеров журнала «Природа и люди», в которых печаталась научно-фантастическая повесть К. Э. Циолковского «Вне земли» и ежемесячник «Мир приключений» [123].

Фирма *«К. Л. Риккер»* выпустила «Курс физики» О. Д. Хвольсона (т. 1—3, 1914—1919), фирма *«Н. П. Карбасников»* — книгу педагога Г. Г. Тумима «Пиши грамотно» (1917), *издательство А. Ф. Девриена* — несколько географических книг, *«Просвещение»* — последние тома Собрания сочинений Ф. М. Достоевского.

[117] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, д. 44, л. 194.

[118] Подробнее см.: Голубева О. Д. Горький — издатель. М., 1968. 128 с.; Хлебников Л. М. Из истории горьковских издательств: «Всемирная литература» и издательство З. И. Гржебина.— Лит. наследство, 1971, т. 80, с. 674—703.

[119] См.: «Светозар»: Каталог книг с 1918 по 1924 гг. Л., 1925.

[120] Там же, с. 85.

[121] См.: Каталог издательства «Практическая медицина». Л., 1925. 32 с.

[122] См.: Каталог издательства Брокгауз — Ефрон. Л., 1927. 45 с.

[123] См.: Адмиральский А. М., Белов С. В. Рыцарь книги: Очерки жизни и деятельности П. П. Сойкина. Л., 1970. 214 с.

После революции в Петрограде возникло много мелких частных и кооперативных издательств. Просуществовали они недолго, но некоторые из них успели подготовить интересные издания. Это — издательство *«Петрополис»,* выпустившее в 1921 г. книгу стихов «Золотое веретено» В. А. Рождественского, издательство *«Опояз»,* в котором в 1921—1922 гг. вышли «Сборники по теории поэтического языка», книга Ю. Н. Тынянова «Достоевский и Гоголь. (К теории пародии)», издательство *«Карточный Домик»,* выпустившее сборник статей «Об Александре Блоке», издательство *«Космист»,* напечатавшее повесть «Партизаны» Всев. Иванова (1921).

* * *

Таким образом, в первые годы Советской власти в период становления новой социалистической системы издательского дела в нашей стране наряду с государственными издательствами существовали частные и кооперативные.

Продолжили свою деятельность, которая в свое время была заметным явлением культурной жизни страны и объективно способствовала просвещению народа, дореволюционные издательские фирмы И. Д. Сытина, М. и С. Сабашниковых, И. Н. Кнебеля, А. и И. Гранат. Они имели высококвалифицированные кадры, хорошо налаженные деловые связи в литературном и издательском мире, разветвленный книгораспространительский аппарат.

Советское государство в тяжелые годы революции и гражданской войны пыталось поддержать полезные начинания частных и кооперативных издательств, привлечь их к строительству новой жизни.

Частным и кооперативным издательствам пришлось работать в принципиально иных политических и социально-экономических условиях, а новый читатель требовал кардинального изменения издательного репертуара. Национализация типографий и бумажных запасов ослабила материально-техническую базу частно-кооперативных издательств и лишила прежней экономической независимости; вся их деятельность была поставлена под контроль государства. Идеологический контроль и руководство осуществляли соответствующие отделы Совдепов и Госиздата.

Частные издания по числу названий, объему и тиражам составляли небольшой процент среди книжной продукции страны. Однако их роль в культурной жизни страны была значительной.

Ярким свидетельством значения частно-кооперативного сектора в советском книгоиздании является участие 36 частных и кооперативных издательств наравне с советскими государственными издательствами в Международной книжной выставке во Флоренции в 1922 г.[124]

[124] См.: Каталог русского отдела Международной книжной выставки во Флоренции в 1922 году. М.; Пг., 1923, с. 175—247.

Становление советской полиграфии

Полиграфический отдел ВСНХ.— Национализация полиграфической промышленности.— Разруха в полиграфии.— Производственно-техническое обучение.— Проблема полиграфических материалов.— Милитаризация полиграфической промышленности.— Новые формы организации и оплаты труда.

В феврале 1918 г., когда после срыва переговоров в Брест-Литовске немецкие войска начали наступление на Петроград, Владимир Ильич Ленин послал телеграмму Президиуму Совета депутатов, Союзу печатников и известному издателю И. Д. Сытину. Он предложил «немедленно эвакуировать возможно большее количество ротационных машин, линотипных машин и все необходимое для печатания материалов, все оборудование, рольную бумагу. Все, что возможно» [1].

«Печатный станок — сильнейшее наше оружие»,— в этих ленинских словах, завершающих телеграмму, дана лаконичная, но предельно точная характеристика полиграфии как материально-технической базы партийно-советской печати, всего книжного дела.

В первые годы Советской власти предстояло поставить это оружие на службу строительства социализма, чтобы, по словам В. И. Ленина, «создать действительно могучую и обильную Русь» [2].

Весной 1918 г. великий вождь трудящихся в нескольких выступлениях и в знаменитом труде «Очередные задачи Советской власти» наметил программу создания социалистической экономики. Среди ответственных задач В. И. Ленин назвал организацию всенародного учета и контроля над производством и распределением продуктов, борьбу за повышение производительности труда, управление экономикой на основе демократического централизма, воспитание пролетарской дисциплины, сознательного отношения к труду, организацию социалистического соревнования...

Работу по переустройству экономики координировал Высший Совет Народного Хозяйства (ВСНХ), созданный 2 (15) декабря 1917 г. В составе ВСНХ были организованы отраслевые управления и отделы, призванные руководить национализированными предприятиями.

Осуществление программы социалистического строительства, разработанной В. И. Лениным, было осложнено гражданской войной и империалистической интервенцией. Но и в этих трудных условиях партия и правительство уделяли неослабное внимание вопросам организации книжного дела.

[1] Ленинский сб., 1970, т. 37, с. 70.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 80.

Полиграфический отдел ВСНХ. Технический совет по управлению государственными типографиями, созданный при Наркомпросе в декабре 1917 г. и заложивший основы советской полиграфической промышленности, не мог, естественно, претендовать на общегосударственное руководство материальной базой книжного дела [3]. Между тем такой центральный орган был необходим. Отсутствие единоначалия и бесконтрольность, столь распространенные в полиграфии тех лет, грозили привести в скором времени к полному развалу производства. Современники свидетельствуют, что в первые месяцы после Октября «высшие правительственные учреждения в центре, провинциальные Советы на местах и разного рода ведомства... проводили без всякой системы и плана реквизицию полиграфических предприятий, ...типографии захватывал всякий, кто находил нужным, причем, чем сильнее было ведомство, тем более крупные предприятия оно захватывало». Проблема организации управления промышленностью должна была решаться незамедлительно. В апреле 1918 г. при Высшем Совете Народного Хозяйства был создан Полиграфический отдел, который поставил перед собой задачу «начать борьбу против дальнейшего растаскивания типографий и [за] проведение планомерной национализации полиграфической промышленности» [4].

Деятельность Полиграфического отдела на первых порах осложнялась тем, что наряду с ним существовали и различные параллельные организации, функции которых четко разграничены не были. При Московском областном совнархозе, например, действовал Технический областной комитет по управлению типографиями, впоследствии преобразованный в губполиграфотдел. Существовал и Московский городской полиграфотдел, организованный постановлением президиума Мосгорсовнархоза от 18 января 1919 г. [5]

В 1918 г. было создано 15 губернских полиграфических отделов, в 1919 г.— 29, в 1920 г.— 28 [6]. Губернские полиграфотделы на первых порах действовали независимо от центра.

Принципы централизации книжного дела были намечены Советом Народных Комиссаров на заседании 12 июля 1918 г., проходившем под председательством В. И. Ленина. Совнарком поручил Полиграфическому отделу ВСНХ образовать комиссию в составе представителей издательств ВЦИК, ЦК РКП(б), а также народных комиссариатов; комиссия должна была «взять на учет все типографии, бумагу, материалы и рабочие руки», «выяснить

[3] См. настоящее издание, т. 1, с. 106—108.
[4] Высший Совет Народного Хозяйства. Полигр. отдел: Обзор деятельности за 1918—1920 гг. М., 1921, с. 3, 4.
[5] ЦГАОР СССР, ф. 5225, оп. 1, д. 54, л. 19 и след. [Обзор деятельности Московского полиграфического отдела за 1919 г.]
[6] См.: Дербышев Н. О деятельности Полиграфического отдела ВСНХ.— Нар. хоз-во, 1921, № 1—2, с. 197.

размер издательской работы правительственных и советских учреждений и собрать все заказы: а) правительственных изданий, б) обязательных учебников, научных и технических изданий, классиков и т. д., в) партийных изданий и изданий, стоящих на советской платформе, г) всех остальных»[7]. Комиссии поручалось распределение заказов между типографиями, разработка нормальных цен на продукты полиграфического производства, создание проекта «организации аппарата для распространения полезных и советских изданий». В условиях начавшейся гражданской войны деятельность комиссии не могла быть сколько-нибудь интенсивной и плодотворной. Руководство ВСНХ настаивало на ее ликвидации, но Совнарком не пошел на это и 11 сентября 1918 г. подтвердил необходимость ее сохранения[8].

Идея централизации книжного дела шаг за шагом завоевывала все новых и новых сторонников. В Положение о Полиграфическом отделе Мосгорсовнархоза, утвержденное 27 февраля 1919 г., был внесен пункт, согласно которому коллегия отдела должна была работать по общему плану в соответствии с директивами Полиграфического отдела ВСНХ[9].

Полиграфическая промышленность, как и другие отрасли народного хозяйства, строилась на основе ленинских принципов демократического централизма.

Полиграфический отдел ВСНХ стремился сосредоточить в своих руках управление всеми государственными и национализированными типографиями. В этом его неизменно поддерживал Совет Народных Комиссаров, который категорически пресекал попытки отдельных ведомств приобрести собственные типографии. Так, 13 февраля 1919 г. Совнарком отклонил ходатайство Отдела изобразительных искусств Наркомпроса о передаче ему одного из лучших полиграфических предприятий Петрограда — типографии «Р. Голике и А. Вильборг» (ныне типография имени Ивана Федорова)[10]. Со временем были преодолены местнические тенденции в работе губполиграфсовнархозов.

Совет Народных Комиссаров предложил Полиграфическому отделу ВСНХ «представить к 1 марта фактический отчет о своей

[7] Декреты Советской власти. М., 1964, т. 3, с. 548—549; Издательское дело в первые годы Советской власти (1917—1922): Сб. док. и материалов. М., 1972, с. 21—22.

[8] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 187—188.

[9] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 1, л. 49.

[10] Документы о национализации типографии «Р. Голике и А. Вильборг» хранятся в одном из дел Полиграфического отдела ВСНХ (ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 114, д. 12); Цит. постановление Совнаркома — см.: л. 7 указанного дела; Об истории типографии в первые годы Советской власти см.: Аренин Э. М., Ванюков М. С. Имени первопечатника. М., 1967, с. 23—37.

деятельности и о положении дел с национализированными типографиями»[11].

В. И. Ленин снова поставил вопрос о Полиграфическом отделе ВСНХ на обсуждение Совета Народных Комиссаров; на заседании, состоявшемся 15 марта 1919 г., он собственноручно набросал проект постановления[12]. Была создана специальная комиссия, которой поручили в недельный срок разработать план мероприятий по объединению и централизации полиграфической промышленности. Совнарком обязал инспекторский отдел ВСНХ срочно представить статистические сведения о национализированных и частных типографиях.

Много типографий подчинялось различным военным организациям и Наркомату путей сообщения. Интересы полиграфии как самостоятельной отрасли народного хозяйства требовали, чтобы все эти предприятия подчинялись Полиграфическому отделу ВСНХ. Вопрос дважды — 12 декабря 1919 г. и 12 февраля 1920 г.— рассматривался Советом Народных Комиссаров. В обоих случаях Совнарком поддерживал ходатайство Полиграфического отдела. «Все типографии военного ведомства,— говорилось в решении от 12 февраля 1920 г.,— за исключением типографии Всероглавштаба, передать из Военного ведомства в Полиграфический отдел ВСНХ с тем, чтобы и за типографией Всероглавштаба был установлен контроль со стороны Полиграфического отдела ВСНХ»[13].

Однако прошло еще немало времени, прежде чем постановление было выполнено — и то не в полном объеме. Лишь в октябре 1920 г. совещание представителей Полиграфического отдела, Реввоенсовета Политического управления Красной Армии и Всероглавштаба выработало условия передачи типографий. Что касается типографий Наркомата путей сообщения, то проект положения об их передаче Полиграфотделу был разработан лишь в мае 1921 г.[14]

Опыт строительства полиграфии в первые годы Советской власти в Центральной России был использован при обосновании идеи централизации книжного дела и его материально-технической базы в масштабах всей страны.

Реализуя указания В. И. Ленина, Полиграфический отдел ВСНХ созвал в октябре 1920 г. Первое всероссийское совещание губернских и областных полиграфотделов. Здесь были приняты решения, способствующие устранению параллелизма, уничтожению ведомственности, выработке общегосударственной производственной программы. Совещание разработало положения о Полиграфи-

[11] Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 193.
[12] См.: Ленинский сб., т. 24, с. 24; Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 41; Ср.: Немировский Е. Л. Воплощая ленинские идеи.— Полиграфия, 1970, № 3, с. 12—14.
[13] См.: ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 114, д. 39, л. 131.
[14] Там же, д. 42, л. 68—69.

ческом отделе ВСНХ и о губполиграфотделах. Вскоре они были утверждены Высшим Советом Народного Хозяйства и стали неукоснительно проводиться в жизнь.

«Высшим органом по организации, регулированию и управлению полиграфическим производством в РСФСР,— указывалось в постановлении, принятом ВСНХ 2 декабря 1920 г.,— является Полиграфический отдел Высшего Совета Народного Хозяйства»[15]. Отныне все типографии, литографии, фототипии, цинкографии, словолитни, нотопечатни, фабрики красок и вальцмассы, ремонтно-механические заводы полиграфического оборудования, переплетные, линовальные, граверные, штемпельные, картонажные, конвертные и обойные предприятия республик стали подчиняться единому центру — Полиграфическому отделу ВСНХ.

Председателем коллегии Полиграфического отдела в сентябре 1920 г. был назначен Н. И. Дербышев[16].

Национализация полиграфической промышленности. Мысль о необходимости экспроприировать у буржуазии техническую базу печати была высказана В. И. Лениным еще до Октября в статье «Как обеспечить успех Учредительного собрания (о свободе печати)», опубликованной газетой «Рабочий путь» 15(28) сентября 1917 г. Именно тогда была намечена программа перераспределения типографской техники, программа, которая начала осуществляться после Октябрьской революции.

Национализация полиграфии проводилась не общим декретом, а отдельными постановлениями. Так, в июле 1918 г. ВСНХ передал в общественную собственность словолитню О. И. Лемана в Петрограде[17].

В январе 1919 г. постановлением ВСНХ были национализированы московские типографии бр. Меннерт, И. С. Фукке, Бельцова, Московского торгового союза, нотопечатня П. Д. Гроссе, фабрика конторских книг Н. И. Свиридова, калужские типографии товариществ С. П. Яковлева, С. П. Семенова, Авербаха, Гельмана и др.[18]

[15] См.: О Полиграфическом отделе Высшего Совета Народного Хозяйства. Декрет ВСНХ от 2 дек. 1920 г.— Собр. узаконений, 1920, № 93, ст. 509.

[16] См.: ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 114, д. 39, л. 16 об.; Там же, оп. 112, д. 31, л. 153; О Н. И. Дербышеве см. настоящее издание, т. 1, с. 86—87.

[17] См.: О национализации акционерного общества словолитни О. И. Лемана в Петрограде. Постановление ВСНХ от 27 июня 1918 г.— Собр. узаконений, 1918, № 50, ст. 575; Документы о национализации и относящаяся к этому вопросу переписка хранятся в ЦГАНХ (ф. 3429, оп. 114, д. 13).

[18] См.: О национализации нотных музыкальных магазинов, складов, нотопечатен и нотоиздательств. Декрет СНК РСФСР от 19 дек. 1918 г.— Декреты Советской власти. М., 1968, с. 4, с. 238—239; О переходе в ведение Республики некоторых предприятий полиграфического производства. Постановление ВСНХ от 22 февр. 1919 г.— Собр. узаконений, 1919, № 7, ст. 72; О переходе в ведение Республики некоторых предприятий по-

В ноябре 1919 г. было опубликовано постановление Президиума ВСНХ о национализации крупнейших московских полиграфических предприятий, принадлежащих товариществу И. Д. Сытина, А. И. Мамонтову, «Русскому товариществу», газете «Русские ведомости», «Кооперативному издательству» и др.[19]

Всего в 1918 г. было национализировано 325 предприятий полиграфического производства, в 1919 г.— 349, за первые 10 месяцев 1920 г.— 368[20]. Значительная часть средних и мелких типографий продолжала оставаться в руках частников.

В 1918—1919 гг. Совет Народных Комиссаров неоднократно рассматривал вопрос о положении полиграфической промышленности, ставя во главу угла проблемы национализации. 12 июля 1918 г. Совнарком постановил: «Поручить Полиграфическому отделу ВСНХ в недельный срок доложить Совету Народных Комиссаров о мерах по практическому проведению в жизнь национализации типографского дела»[21].

Полгода спустя, 13 февраля 1919 г., Совнарком предложил Полиграфическому отделу «представить к 1 марта фактический отчет о своей деятельности и о положении с национализированными типографиями»[22].

Владимир Ильич требовал, чтобы национализация проводилась четко, планово и безукоризненно с точки зрения революционной законности. Узнав, что типография М. М. Федосеева в Елатомском уезде Тамбовской губернии после национализации бездействует, В. И. Ленин 18 февраля 1919 г. запрашивал Елатомский уездный исполком: «Сообщите немедленно... верно ли, что типография стоит в Сасове в сарае и бездействует? Прошу обсудить, нельзя ли Федосеева поставить к типографской работе или предоставить ему создать товарищество рабочих и передать ему подконтрольное ведение бывшей его типографии при полном подчинении Совдепу»[23].

О борьбе партии и Советского правительства против необдуманной конфискации или национализации полиграфических пред-

лиграфического производства. Постановление ВСНХ от 22 февр. 1919 г. — Собр. узаконений, 1919, № 8, ст. 80; О переходе в ведение Республики некоторых предприятий красочной промышленности.— Там же, ст. 82.

[19] См.: Экон. жизнь, 1919, 15 нояб.; Веч. изв., 1920, 20 февр.; Ср.: ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, д. 117, л. 4—5.

[20] См.: Высший Совет Народного Хозяйства. Полигр. отдел: Обзор деятельности за 1918—1920 гг., с. 10.

[21] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 114, д. 1, л. 7; См. также протокол заседания СНК от 12 июля 1918 г. (ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 2, д. 1); Публикация: Декреты Советской власти. М., 1964, т. 3, с. 548—549; Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 21.

[22] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 114, д. 12, л. 7; См. также протокол заседания СНК от 13 февраля 1919 г.

[23] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 257.

приятий свидетельствует история типографии И. Д. Сытина, едва ли не крупнейшей в стране. В первые послеоктябрьские дни типография была конфискована Московским Советом. Это решение вызвало категорический протест наркома просвещения А. В. Луначарского. 9 декабря 1917 г. он писал в Культурно-просветительный отдел при Московском Совете: «Среди других промышленных предприятий наше особенное внимание обращено на издательства и типографии. Хорошо оборудованных типографий в России немного. Всякий ущерб для них является вместе с тем ущербом для культурной жизни страны. Мы считаем поэтому своим долгом сохранять наиболее ценные русские типографии. Исходя из сих соображений мы просим вас обратить внимание президиума Совета... на положение типографии Т-ва Сытина» [24].

Конфискация типографии Сытина после письма А. В. Луначарского была отменена. Типография была национализирована постановлением Президиума ВСНХ лишь в ноябре 1919 г. вместе с большой группой полиграфических предприятий. После национализации производительность типографии снизилась, что сразу же насторожило В. И. Ленина.

26 декабря 1919 г. Ленин пишет в Полиграфический отдел ВСНХ.

«Прошу немедленно сообщить мне

1) когда национализирована (если национализирована) типография Сытина в Москве, долго остававшаяся после 25.X.1917 в частном управлении;

2) причины национализации (были ли особые условия при этом или нет?);

3) есть ли сведения (и какие) о состоянии этой типографии после национализации?

4) Кто состоит в управлении национализированной типографии? местном или областном?

5) Какие меры принимал Полиграфический отдел для улучшения дела?» [25]

О том, насколько важным считал это дело В. И. Ленин, свидетельствует приписка на машинописной копии письма: «Ответ на все эти вопросы прошу сегодня же прислать мне или, в крайнем случае, передать сегодня телефонограммой» [26].

Разруха в полиграфии. Разруха в полиграфической промышленности началась еще до революции, в годы империалистической войны. Гражданская война, иностранная интервенция, блокада молодой Советской Республики усугубили экономические трудности. Полиграфические машины с начала XX в. в России не производились. Иностранный капитал поглотил немногие русские фирмы полиграфического машиностроения, возникшие в 70—80-х гг.

[24] Немировский Е. Л. «...Наше особенное внимание обращено на издательства и типографии».— Лит. газ., 1967, 11 окт.
[25] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 100—101.
[26] Там же, с. 398.

XIX в. Типографские машины ввозились из-за границы, главным образом из Германии. Первая мировая война нанесла урон русскому книжному делу. Уже в середине 1916 г. полиграфическая промышленность России стала испытывать серьезные трудности. Война вынудила издателей применять краски и бумагу низкого качества, что непосредственно отразилось на состоянии машинного парка. Изношенные части машин нечем было заменить, так как детали полиграфического оборудования в России также не производились.

В 1920 г. Советская Республика располагала следующим полиграфическим оборудованием: ротационные печатные машины — 174, плоскопечатные машины — 3414, тигельные печатные машины — 1902, ротационные литографские машины — 26, плоскопечатные литографские машины — 695, наборные машины — 344, словолитные машины — 439. Всего в типографиях Республики насчитывалось 6211 печатных машин, в 1913 г. их было 7009[27]. Сокращение числа машин выражалось, на первый взгляд, незначительной цифрой — 11,1%. Однако из упомянутых 6211 машин 2185, или 35,1%, не работали.

Еще более сложная ситуация сложилась в наборном и словолитном производстве. Из 439 словолитных машин работали лишь 48 (около 11%). В 1920 г. словолитни дали типографиям 12 тыс. пудов наборного материала — немногим более 10% довоенного выпуска.

Серьезной опасностью было в те годы резкое падение производительности труда. Причины тому — изношенность оборудования, общее снижение квалификации и дисциплины труда обслуживающего персонала.

Наборная машина в типографии, принадлежавшей до революции Рябушинскому, выдавала в 1914 г. 1 113 636 шрифтовых знаков в месяц, в 1918 г.— 625 000, в 1920 г.— 400 000[28]. Производительность труда линотиписта снизилась почти втрое.

На плоскопечатных машинах в типографии А. А. Левенсона получали в 1914 г. 5000 оттисков в день. В 1920 г. эта цифра снизилась почти в полтора раза. Бороться с падением производительности труда было нелегко. Радикальным мероприятием могла быть полная или хотя бы частичная замена оборудования, но об этом приходилось лишь мечтать.

[27] См.: Высший Совет Народного Хозяйства. Полигр. отд.: Обзор деятельности за 1918—1920 гг. М., 1921. 37 с.; То же. Отчет о деятельности за 1920 г. М., 1921. 49 с.; Дербышев Н. О деятельности Полиграфотдела ВСНХ. — Нар. хоз-во, 1921, № 1—2, с. 196—201; Арбузов С. В. Положение русской полиграфической промышленности. М., 1921. 28 с.; Шендерович М. Полиграфическая промышленность и перспективы на 1921 г.— Печать и революция, 1921, № 1, с. 25—37.

[28] Щелкунов М. И. История, техника, искусство книгопечатания, М.; Л., 1926, с. 397.

Разруха в полиграфии привела к резкому уменьшению выпуска печатной продукции. Стоимость валовой продукции в московском бумажно-полиграфическом производстве в 1920 г. составляла лишь 14,4% от уровня 1913 г.

В особо сложном положении находилась полиграфия национальных районов страны. Центр (ВСНХ, Наркомнац РСФСР, Госиздат) помогал становлению национального книгоиздания на местах. В марте 1920 г. был организован Туркгосиздат с областными отделениями в Фергане и Самарканде. Из Туркестана в Москву была отправлена «экспедиция для приобретения технических средств для нужд туркестанской полиграфической промышленности». 26 ноября 1920 г. коллегия Полиграфического отдела ВСНХ постановила «отпустить Туркестанскому полиграфическому отделу до 7 типолитографских машин и соответствующее оборудование к ним» [29].

За помощью нередко обращались непосредственно к В. И. Ленину. Сохранилась записка Владимира Ильича от 4 июня 1920 г., адресованная руководителю Государственного издательства В. В. Воровскому и заместителю председателя ВСНХ В. П. Милютину:

«Киргизские товарищи просят помощи, чтобы добыть
словолитню,
типографию
и бумаги.
Очень прошу их принять и оказать им всяческое содействие» [30].

По свидетельству заведующего краевым отделением Центропечати В. Топачева, уже осенью 1920 г. казахское представительство получило в Полиграфотделе ВСНХ и отправило в оренбургский полиграфотдел типографские машины [31].

Только в 1920 г. типографии были открыты в ста с лишним городах и селах, никогда ранее не видевших печатного станка. Предприятия полиграфической промышленности появились в Дрессе, Пинеге, Усть-Цильме, Верхоленске, Середе, Баз-Карбулаке...

Так как полиграфические машины в стране не изготовлялись, а внешняя торговля была нарушена войной и блокадой, оборудовать новые типографии приходилось за счет предприятий центра. С. В. Арбузов, первый комиссар государственных типографий, вспоминал впоследствии, что за первые три-четыре месяца после Октября он отправил в провинцию свыше 30 типографий с полным оборудованием [32]. В 1918—1920 гг. из Москвы и Петрограда было

[29] ЦГАНХ, ф. 3429, оп. 112, д. 31, л. 132.

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 51, с. 208.

[31] См.: Атабаев Д. А. Становление и развитие книгоиздательского дела в Казахстане в 1917—1941 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 1979, л. 37.

[32] См.: Арбузов С. В. Положение русской полиграфической промышленности, с. 13.

вывезено 482 печатные машины, 14 наборных машин, 17 687 пудов шрифта и другого наборного материала[33].

Производственно-техническое обучение. Анализируя причины разрухи в полиграфии, Полиграфический отдел ВСНХ в одном из своих отчетов отмечал: «Причины бездействия такой массы машин кроются главным образом в изношенности типографского оборудования и в отсутствии достаточного количества рабочей силы. В настоящее время в полиграфической промышленности недостает до 50% рабочих, а в словолитном деле — до 80%»[34].

Вопрос о кадрах ставился в те годы особенно остро. Безработица 1917—1918 гг., война, нехватка продовольствия и топлива привели к тому, что многие рабочие оставили типографии. Передовые печатники сражались на фронтах гражданской войны. Некоторые вернулись в деревню, перешли работать в высокооплачиваемые отрасли промышленности. Ряды рабочих, оставшихся в типографиях, косили туберкулез, тиф, цинга. Резко возросла смертность печатников.

«...Неслыханные кризисы, закрытие фабрик,— говорил В. И. Ленин,— привели к тому, что от голода люди бежали, рабочие просто бросали фабрики, должны были устраиваться в деревне и переставали быть рабочими»[35].

В Москве в 1920—1921 гг. было около 10 тыс. рабочих полиграфического производства. По сравнению с довоенным временем число полиграфистов уменьшилось более чем вдвое. То же явление наблюдалось и в провинции. По данным на 1 января 1919 г., в Саратове было почти 1,5 тыс. печатников, к 1 сентября эта цифра упала до 1017 человек, к 1 марта 1920 г.— до 953 человек. 1 июля 1920 г. в Саратове насчитывалось всего 827 рабочих полиграфической промышленности[36].

От решения кадрового вопроса зависела судьба советского книжного дела. Чтобы исправить положение, Высший Совет Народного Хозяйства признал необходимым «устроить ряд школ печатного дела в наиболее крупных центрах, а прежде всего — в Москве»[37]. Выполняя это требование, Полиграфический отдел ВСНХ разрабатывает в 1919 г. Проект устройства и программу школы печатного дела в Москве. Проект был издан брошюрой и разослан типографиям для обсуждения. В предисловии к ней отмечалось, что «графическая промышленность... до сих пор в отношении профессионального образования занимала в России, может быть, са-

[33] См.: Высший Совет Народного Хозяйства. Полигр. отд.: Обзор деятельности за 1918—1920 гг., с. 15.
[34] Там же, с. 17.
[35] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 42.
[36] См.: Щелкунов М. И. Указ. соч., с. 397.
[37] Проект устройства и программа школы печатного дела в Москве. М., 1919. 48 с.

мое последнее место. Специальные школы отсутствовали почти совершенно, а обучение носило узкий, мелкоремесленный характер».

Одной из немногих дореволюционных школ было училище при типографии И. Д. Сытина в Москве. На его базе в 1919 г. открылось первое советское полиграфическое учебное заведение — Государственная мастерская печатного дела[38]. Руководил мастерской Сергей Васильевич Герасимов (1885—1964), впоследствии известный советский художник. Среди преподавателей были прославленный гравер Иван Николаевич Павлов (1872—1951), искусный график Матвей Алексеевич Добров (1877—1958).

В августе 1919 г. на Первой Всероссийской конференции по художественной промышленности С. В. Герасимов сделал доклад о работе мастерских. Присутствовавший на конференции А. В. Луначарский подчеркнул, что «художественная промышленность имеет большое значение особенно для поднятия народного вкуса»[39]. Именно в этом направлении и должна была развиваться деятельность Государственной мастерской печатного дела. «Мастерская ставит своей задачей,— говорил С. В. Герасимов,— создание мастеров-художников по всем отраслям и видам печатного дела. Только имея художественно воспитанных мастеров: граверов, литографов, типографов, наборщиков, переплетчиков и т. д. возможно достигнуть того, чтобы книга, выбрасываемая машиной, была художественна»[40].

К Первой конференции по художественной промышленности было приурочено издание сборника «Художественный труд», на страницах которого опубликованы материалы и о полиграфии, в частности об изобретателе способа однопрокатной многокрасочной печати Н. В. Туркине[41].

Государственная мастерская печатного дела сыграла немалую роль в повышении квалификации рабочих-полиграфистов, в воспитании у них любви к своему труду. А. В. Луначарский постоянно интересовался работой школы; как рассказывал впоследствии И. Н. Павлов, он «лично посетил ее и вынес самое лучшее впечатление».

Однако полностью решить проблему подготовки кадров для полиграфии мастерская, конечно, не могла. Положение дел улуч-

[38] См.: Сидоров А. А. Государственная художественно-производственная мастерская-школа печатного дела при 1 Образцовой типографии.— Полиграфия, 1921, № 1, с. 16—17; Павлов И. Н. Жизнь русского гравера. М., 1963, с. 226—228.

[39] Первая Всероссийская конференция по художественной промышленности: Август 1919 г. М., 1920, с. 63.

[40] Герасимов С. В. О мастерской печатного дела при типографии Сытина.— В кн.: Первая Всероссийская конференция по художественной промышленности, с. 31.

[41] См.: Профессор Н. В. Туркин и его изобретение.— Художественный труд. Пг., 1919, вып. 1, с. 84—92; Фрейденберг М. Ф. Обойно-печатное производство в России.— Там же, с. 65—67.

шилось позднее, когда в стране была создана система школ фабрично-заводского ученичества (ФЗУ). Такие школы стали возникать по инициативе комсомола, который в 1921 г. на IV съезде принял решение о производственно-техническом обучении рабочей молодежи.

Первая в полиграфии школа ФЗУ открылась в декабре 1921 г. при 2-й Государственной типографии в Петрограде. Она получила название Государственной учебно-практической школы-типографии имени тов. Алексеева[42]. Вслед за Петроградом школы ФЗУ полиграфической промышленности возникли в Москве, Екатеринославле, Харькове[43].

14 сентября 1918 г. за подписями А. В. Луначарского и В. Д. Бонч-Бруевича опубликован декрет «Об учреждении Высшего института фотографии и фототехники»[44]. Ему надлежало возможно быстрее поднять уровень профессионального образования «во всех областях оптического, фотографического, фототехнического и печатного дела».

В созданном в Петрограде институте вскоре возник инженерно-полиграфический факультет, деканом которого стал старейший специалист А. Г. Бремзен. Среди профессоров, читавших лекции на факультете, были известные ученые С. О. Максимович, А. А. Поповицкий, А. Е. Порай-Кошиц, Н. А. Рынин, В. И. Срезневский, В. А. Щавинский[45].

В числе первых выпускников факультета был А. К. Шульц, впоследствии плодотворно работавший в советском книжном деле. 16 января 1924 г. он успешно защитил диплом и ему было присвоено звание «инженер-полиграф»[46]. До этого русские инженеры-полиграфисты, которых было не так уж много, имели иностранные дипломы.

К сожалению, в том же 1924 г. Фототехнический институт был преобразован в фотокинотехникум. Инженерно-полиграфический факультет был закрыт. В течение нескольких лет в стране не было высших полиграфических учебных заведений.

[42] См.: Государственная учебно-практическая школа-типография имени Алексеева. Л., 1925. 32 с. [В. П. Алексеев (1896—1919) был первым председателем Социалистического союза молодежи Петрограда, основанного в 1917 г.]; Каплан Л., Юрьев С. 10 лет борьбы за фабзавуч полиграфической промышленности. М.; Л., 1933. 116 с.

[43] К 1925 г. в СССР было открыто 8 школ-типографий и 35 школ ФЗУ полиграфической промышленности в 33 городах. См.: Каплан Л., Юрьев С. Указ. соч., с. 64.

[44] См.: Собр. узаконений, 1918, № 66, ст. 724; Сборник декретов и постановлений Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию. М., 1918, вып. 1, с. 61.

[45] См.: Петроградский фототехнический институт.— В кн.: Типографский календарь на 1922 год. Пг., 1922, с. 216—220.

[46] Е. Я. Красный инженер-полиграф.— Печатник, 1924, № 3, с. 11.

Проблема полиграфических материалов. В годы гражданской войны особенно трудно было решать вопросы снабжения. Бумагоделательная промышленность была почти полностью разрушена. Одна из крупнейших словолитен — бывшая Бертгольда прекратила работу. Выработка другой — бывшей Лемана упала в пять раз. Заводы по изготовлению красок стояли. Необходимый в фоторепродуцировании цинк стал дефицитным материалом.

В 1914 г. в России было выработано около 23 млн. пудов бумаги. Около 10 млн. пудов ежегодно ввозилось из Финляндии[47]. Годовая потребность советской полиграфии на 1920 г. была определена всего в 3 млн. пудов. Между тем фабрики Главного управления предприятиями бумажной промышленности (Главбум) выработали немногим больше 2 млн. пудов — из них лишь 1,43 млн. пудов газетной и печатной бумаги. Около 400 тыс. пудов было завезено из Эстонии.

О том, в каких условиях приходилось работать полиграфистам, М. И. Щелкунов — один из старейших издательских работников, в первые годы Советской власти руководивший технической частью Литературно-издательского отдела Наркомпроса, вспоминал так: «В столицах часто бывали грозные моменты, когда для крупнейших газет запас бумаги оставался всего на день-два, и типографщикам... приходилось занимать друг у друга по нескольку рулонов бумаги. Не менее жестокий недостаток в наборщиках... Наконец, книга или — чаще — брошюра набрана, но с электрической станции сообщают, что завтра тока не будет до вечера. И летит директор типографии, а чаще — представитель издательства в электроцентр, чтобы умолять и доказывать. Наконец, напечатано,— не без трогательных, но мало реальных обещаний добыть для печатников по фунту черного хлеба,— но нет автомобиля или подводы, чтобы перевезти свежую брошюру или журнал куда нужно»[48].

Еще более тяжелое положение сложилось в провинции, где, по словам М. И. Щелкунова, печатались газеты «на листках акцизных бандеролей, на неразрезанных блоках конфетных оберток». Памятником этих дней осталась брошюра «Изобретение книгопечатания и начало его в России», которую ее автор, Николай Павлович Проскурнин, отпечатал в 1919 г. в Ростове-на-Дону на обороте листов старого табеля-календаря[49].

В эти трудные годы Совет Народных Комиссаров ищет пути преодоления бумажного кризиса.

[47] Статистические данные о бумажной промышленности в первые годы революции см.: Бельский Н. Русская бумажная промышленность. — Печать и революция, 1921, № 1, с. 18—25.
[48] Щелкунов М. И. Указ. соч., с. 399—400.
[49] См.: Немировский Е. Л. Книга, напечатанная на табеле-календаре. — Альманах библиофила, 1976, вып. 3, с. 223—225.

12 ноября 1918 г. по предложению Я. М. Свердлова была создана Комиссия по распределению бумаги. Вопрос «о распределении бумаги и сокращении выхода газет» рассматривался Совнаркомом 16 ноября 1918 г. Правительство поручило К. М. Шведчикову «лично провести в Питере план по распределению бумаги» [50].

Константин Матвеевич Шведчиков (1884—1952) — член партии с 1904 г. После Февральской революции 1917 г. — заведующий издательством газеты «Правда». С 1918 г. на ответственной работе в бумажной промышленности: чрезвычайный уполномоченный Совнаркома по делам бумажной промышленности и печати, председатель Главбума, председатель Центробумтреста. В 1924 г. назначен членом коллегии Наркомвнешторга и председателем акционерного общества «Совкино», впоследствии — заместитель председателя Союзкино.

19 ноября 1918 г. был принят декрет СНК о распределении бумаги, подписанный В. И. Лениным [51]. Декрет констатировал, что «производство газетной бумаги в Российской Социалистической Федеративной Республике далеко не покрывает спроса на эту бумагу» и что расширение этого производства «не может быть достигнуто в сколько-нибудь значительных размерах в ближайшем будущем». Правительство молодой Советской Республики подчеркнуло, что «настоящий политический момент повелительно требует сосредоточения главного внимания советской печати на политической агитации...». В связи с этим было решено передать все запасы рулонной бумаги, предназначенной для ротационных машин, газетным издательствам. Расход рулонной бумаги на месяц должен был составлять 120 тыс. пудов, в связи с чем пришлось ограничить и тиражи центральных газет («Известия ВЦИК» — 400 тыс. экз., «Деревенская беднота» и «Коммунар» — 300 тыс. экз., «Правда» — 150 тыс. экз.).

Совет Народных Комиссаров вернулся к вопросу о распределении бумаги 8 марта 1919 г. [52] Принятым в этот день постановлением число выходящих в Петрограде газет было сокращено до двух общим тиражом до 400 тыс. экз. в день и объемом по четыре полосы каждая.

30 апреля 1919 г. Совнарком реорганизовал Комиссию по распределению бумаги в Комиссию при СНК по усилению агитации в печати и улучшению техники и распределения периодической печати, введя в ее состав представителей Полиграфического отдела ВСНХ, Военного отдела ВЦИК, Всероссийского бюро военных комиссаров, Наркомата почт и телеграфов и Центропечати [53].

Преодолеть бумажный кризис можно было лишь путем строгой централизации всех запасов бумаги. Распределение ее следовало

[50] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 26.
[51] См.: Декреты Советской власти. М., 1968, т. 4, с. 555—557.
[52] Там же, с. 640—642.
[53] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 47—48, 194.

сосредоточить в одних руках. 27 мая 1919 г. Совет Народных Комиссаров принимает декрет о порядке распределения бумаги и картона. Правительство передало все запасы бумаги в ведение Главного управления государственными предприятиями бумажной промышленности (Главбума), и только Главбум имел право распоряжаться ею [54].

В дальнейшем, в соответствии с обязательным постановлением чрезвычайного уполномоченного Совнаркома по делам бумажной промышленности и печати К. М. Шведчикова от 25 ноября 1920 г., учет и распределение всей печатной бумаги были поручены Государственному издательству [55].

Были трудности и с другими полиграфическими материалами. Краску, например, приходилось изготовлять на керосине. Поиском технологии изготовления печатных красок без применения олифы занимались многие полиграфисты, и среди них такой выдающийся специалист, как профессор Н. В. Туркин (1861—1933).

В области репродукционных процессов годы гражданской войны были годами возврата к ручной технике. Преобладающими способами репродуцирования становятся ксилография и линогравюра. «На дешевой и порою действительно никуда не годной бумаге,— отмечал А. А. Сидоров,— ...автотипически изготовленное клише превращало рисунок в такое бесформенное пятно, что отказ от автотипии ради более простой линейной передачи был необходим» [56].

Цинк также стал дефицитным материалом. На первых порах цинковые клише были заменены кустарно изготовленными деревянными. Но и хорошее дерево для ксилографии достать было трудно. О трудностях тех, уже далеких от нас, лет свидетельствуют документы, сохранившиеся в архивах. Примером может служить докладная записка, поданная в 1920 г. в Технический отдел Госиздата сотрудником одного из областных отделений: «В самое последнее время чувствуется большой недостаток в чистой липе, березе и в хорошем клене, которые только годятся под клише. Линолеума совершенно нет...» [57]

Милитаризация полиграфической промышленности. Для прекращения разрухи в полиграфии нужно было принять энергичные и срочные меры: решить вопрос о кадрах, приостановить уход специалистов и квалифицированных рабочих в другие, более высокооплачиваемые отрасли и в деревню, наладить снабжение типографий оборудованием и материалами. В этих условиях возникла

[54] См.: Декреты Советской власти. М., 1971, т. 5, с. 243—244.
[55] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 87—88; См. также: Сообщение о постановлении Госиздата об урегулировании печатного дела от 16 марта 1921 г.— Там же, с. 95.
[56] Сидоров А. А. Русская графика за годы революции. М., 1923, с. 23.
[57] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 10, д. 117, л. 123.

мысль о милитаризации полиграфии — о том, чтобы объявить производство книг, газет и журналов военным заданием, организовав снабжение типографий по-военному.

13 июня 1919 г. была создана специальная комиссия во главе с В. В. Воровским, которой поручили подготовить проект милитаризации типографий. Проект был подготовлен 19 июня 1919 г.[58] Прошло, однако, немало времени, прежде чем он был принят правительством. Причина в том, что в условиях гражданской войны и империалистической блокады было совсем нелегко изыскать средства, которые можно было бы направить на улучшение снабжения типографий и материального положения полиграфистов.

28 февраля 1920 г. Совет Народных Комиссаров принимает «Декрет о милитаризации бумажных, картонажных, целлюлозных, древомассных заводов и фабрик, типографий и других предприятий полиграфического производства»[59]. Декрет подписал В. И. Ленин. 16 крупнейших типографий Москвы, Петрограда и Нижнего Новгорода были милитаризированы, снабжение их улучшено. Совнарком обязал Народный комиссариат продовольствия обеспечить повышенным пайком 11 тыс. типографских рабочих.

За проведением декрета в жизнь должен был следить чрезвычайный уполномоченный по делам бумажной промышленности и печати К. М. Шведчиков. СНК обязал всех должностных лиц отвечать на любые запросы уполномоченного в течение 24 часов.

Своевременность и правильность этих мероприятий была подтверждена IX съездом РКП(б), собравшимся в Москве 29 марта 1920 г. Съезд посчитал необходимым включить специальный пункт «Бумажное и типографское дело» в резолюцию «Об очередных задачах хозяйственного строительства».

Принимая во внимание,— говорилось в резолюции,— что первым условием успеха Советской Республики во всех областях, и в том числе в хозяйственной, является систематическая агитация, в которой пресса призвана играть руководящую роль, съезд обращает внимание Советской власти на совершенно недопустимое состояние нашей бумажной и типографской промышленности. Газета во все меньшем количестве доходит не только до крестьянина, но и до рабочего, а ужасающая типографская техника делает чтение газет все менее доступным для тружеников. Съезд настойчиво призывает ВСНХ, соответственные профессиональные союзы и другие заинтересованные учреждения приложить все усилия к тому, чтобы повысить количество производимой бумаги, улучшить ее качество, внести в типографское дело порядок и тем обеспечить рабоче-крестьянскую Россию социалистическим печатным словом»[60].

[58] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 53, л. 7—13.
[59] Декреты Советской власти. М., 1974, т. 7, с. 284—287.
[60] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 8-е изд., доп. и испр. М., 1970, т. 2, с. 164.

Во исполнение решений IX съезда РКП(б) были приняты меры по дальнейшей централизации книжного дела, по укреплению принципа единоначалия в управлении промышленностью, о котором неоднократно говорил В. И. Ленин.

Прежде всего необходимо было взять на учет все книжные запасы страны и добиться наилучшего их использования. 20 апреля 1920 г. В. И. Ленин подписал декрет о национализации запасов книг и иных произведений печати[61].

Нужно было внести ясность в отношения между Государственным издательством и Полиграфическим отделом ВСНХ, добиться, чтобы они работали дружно и слаженно. 23 июля 1920 г. чрезвычайный уполномоченный Совнаркома по делам бумажной промышленности и печати К. М. Шведчиков, председатель коллегии Полиграфического отдела Н. И. Дербышев и заместитель заведующего Государственным издательством Д. Л. Вейс подписывают «обязательное постановление», согласно которому «ни одна работа, исключая только типографские бланки и канцелярские формы, не может быть сдана в набор без разрешения на то Центрального управления Государственного издательства в Москве и его отделений в провинции». Постановление предусматривало, что вся печатная бумага, имеющаяся в типографиях, находится на учете в Государственном издательстве и его отделениях. Бумага эта могла расходоваться только с разрешения Государственного издательства.

Декрет Совнаркома о милитаризации был подкреплен постановлением Совета Труда и Обороны от 25 мая 1921 г., которое объявило мобилизацию всех граждан от 18 до 50 лет, работающих на полиграфических предприятиях или ранее владевших типографскими специальностями. Милитаризация типографий в тяжелых условиях иностранной интервенции и гражданской войны сыграла положительную роль. По окончании войны и с переходом к новой экономической политике решения о милитаризации были отменены.

Новые формы организации и оплаты труда. В условиях разрухи народного хозяйства необходим был жесткий режим экономии. Чтобы предотвратить утечку квалифицированных рабочих кадров и стимулировать повышение производительности труда, вводятся новые формы оплаты. 28 июня 1921 г. Совнарком создал комиссию, которая должна была изучить вопрос о коллективной оплате труда, подготовить инструкцию о порядке заключения договоров с предприятиями для коллективного снабжения рабочих. 8 июля 1921 г. доклад комиссии был заслушан на заседании СНК, проходившем под председательством В. И. Ленина.

Вскоре на коллективное снабжение были переведены крупнейшие московские типографии. Владимир Ильич постоянно интересовался тем, как повлияло введение новой формы оплаты на про-

[61] См.: Декреты Советской власти. М., 1976, т. 8, с. 58—60.

изводительность труда. 13 июля 1921 г. Ленин по настоянию врачей вынужден был уехать в Горки. Однако он поддерживал постоянную связь с Совнаркомом по телефону, диктовал деловые бумаги и письма. Среди ленинских поручений для нас представляет особый интерес распоряжение, данное им заместителю управляющего делами Совнаркома В. А. Смольянинову. Ленин поручил ему выяснить, как отразился переход на новую оплату труда на работе московских типографий. Особенно интересовала его типография № 2, в которой печатались «Правда» и «Известия».

В августе 1921 г. В. А. Смольянинов отправил заведующему Полиграфическим отделом Московского губсовнархоза и секретарю губернского отдела профсоюза печатников следующее письмо:

«По распоряжению Владимира Ильича прошу срочно прислать на мое имя в Управление делами Совнаркома короткий практический доклад о результатах проведения вами коллективного снабжения в 7-ми типографиях и, в частности, в типографии № 2 ВЦИК. Меня особенно интересует следующее:

а) заключены ли договора с рабочими?

б) сколько рабочих по сокращению штата уволены из типографии?

в) насколько поднялась производительность труда в типографии?

С 1-го сентября будут включены на коллективное снабжение только те типографии, которые поднимут свою производительность и сократят штаты ненужных рабочих. Владимир Ильич возлагает ответственность на проведение реальных мероприятий, вытекающих из коллективного договора, персонально на заведующего полиграфическим отделом. Прошу ставить меня в известность короткими еженедельными информационными сведениями о ходе работ в типографии и, в особенности, в типографии № 2» [62].

12 августа 1921 г. Полиграфический отдел сообщил в Совнарком, что договор о коллективном снабжении с 1 июля подписан с пятью московскими типографиями. «С 1-й и 2-й Образцовыми типографиями,— говорилось в письме,— коллективный договор подписан лишь с 1 августа, и цифр о повышении их производительности пока нет» [63].

Ответ этот, естественно, не мог удовлетворить В. И. Ленина. Он, по-видимому, лично продиктовал В. А. Смольянинову следующее письмо:

«В типографию ВЦИК № 2.
Заведующему типографией.
Председателю фабзавкома.
Копии — Заведующему Полиграфическим отделом
Московского Губсовнархоза.
Секретарю Губотдела Союза рабочих полиграфического производства.

Передаю Вам распоряжение Председателя Совнаркома тов. Ленина: „За постановку и улучшение производства на типографии в связи с переходом на коллективное снабжение и за повышение производительности труда отвечают персонально заведующий типографией и председатель фабзавкома. Предлагается вам принять все меры к улучшению работ на ти-

[62] Цит. по: Немировский Е. Л. Воплощая ленинские идеи.— Полиграфия, 1970, № 3, с. 12—14.

[63] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 977, л. 40.

пографии и к проведению всех мероприятий, которые вытекают из закона о коллективном снабжении. Надо поднять производительность на типографии во что бы то ни стало. О ваших практических мероприятиях сообщайте Управделами СТО — т. Смольянинову, которому я лично поручил вести особое наблюдение за работой типографии № 2“»[64].

В. А. Смольянинов в дальнейшем постоянно интересовался состоянием дел в типографии, печатавшей «Правду» и «Известия». Заведующий типографией обратился в Совнарком с просьбой помочь приобрести материалы для ремонта ротационных машин. 22 августа 1921 г. Смольянинов пишет об этом в Полиграфический отдел Мосгорсовнархоза: «Ввиду того, что на типографию № 2, как Вам известно, обращено особое внимание и, в частности, ее работой особенно заинтересован Владимир Ильич, я со своей стороны прошу Вас поставить дело ремонта типографии на практическую ногу, ускорив его осуществление»[65].

Месяц спустя, 24 сентября 1921 г., В. А. Смольянинов снова запрашивает Полиграфический отдел: «Прошу Вас сообщить нам, в каком положении находится ремонт 2-ой типографии. Будет ли он закончен к 1-му сентября, как Вы предполагали...»[66]

Отвечая В. А. Смольянинову, заместитель начальника Полиграфического отдела представил подробную сводку данных о штатах и производительности типографий, перешедших на новую форму оплаты труда. «Результаты введения коллективного снабжения,— подчеркивал он,— ярче всего сказались на 2-й типографии, где штат сократился с 644 чел. до 297, более чем на 50%, но техническая мощность типографии далеко еще не использована. Наборное отделение типографии уже имеет недостаток в работе и в состоянии выпускать печатающиеся здесь газеты „Правда“, „Известия“ и „Экономическая жизнь“ ежедневно в 4 полосы...»[67]

В наборном отделении типографии были капитально отремонтированы шесть линотипов, печатное отделение получило из Нижнего Новгорода две ротационные газетные машины. К концу 1921 г. коллектив типографии организовал выпуск четвертой газеты «Кооперативное дело».

В одном из писем В. А. Смольянинову Полиграфический отдел отмечал: «Самым верным путем к достижению полного расцвета

[64] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 977, л. 7. В деле № 977 сохранились две копии цитируемого письма, совершенно идентичные по тексту, но одна датирована 13 августа 1921 г. [л. 7], а вторая — 11 августа [л. 41]. Публикации: Немировский Е. Л. Воплощая ленинские идеи. — Полиграфия, 1970, № 3, с. 12—14; Его же. В. И. Ленин и становление материальной базы советской печати.— В кн.: Ленин, книга, библиотека. М., 1982, с. 123—124.

[65] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 977, л. 23.

[66] Там же, л. 17.

[67] Там же, л. 14 об.

наших производительных сил мы считаем полный переход на хозяйственные начала с введением прямой сдельной оплаты труда»[68].

Такой переход вскоре был осуществлен, а в январе 1922 г. в Москве был создан трест «Моспечать», в состав которого вошла и 2-я Образцовая газетная типография.

Несколько месяцев спустя, анализируя работу типографии в новых условиях, журнал «Московский печатник» писал: «Проведение в жизнь коллективного снабжения ...послужило началом роста производительности, оздоровлением производства. Дальнейшие же переходные формы в условиях новой экономической политики— перевод на хозяйственный расчет, и в частности, трестирование,— привели к более положительным результатам, а именно, приблизили к довоенным нормам выработки»[69]. Так жизнь еще раз подтвердила правильность ленинских предначертаний.

* * *

Организация материально-технической базы советского книгоиздания проходила в условиях тяжелой экономической разрухи, доставшейся в наследство молодой Советской Республике. Эта разруха была обострена империалистической интервенцией и гражданской войной. Энергичные мероприятия, проведенные Коммунистической партией и Советским правительством, предотвратили окончательный развал полиграфической промышленности и обеспечили выпуск необходимой литературы.

[68] ЦГАОР СССР, ф. 130, оп. 5, д. 977, л. 15.

[69] Д. Д. Работа 2-й Образцовой газетной типографии в прошлом и настоящем. — Моск. печатник, 1922, № 7, с. 9.

Искусство книги

Оформление массовых изданий художественной литературы.— Оформление общественно-политической книги.— Оформление детской книги.— Оформление журналов.— От традиции — к новаторству.— Искусство шрифта.— Искусствоведение книги.

К началу XX в. искусство книги было осознано как самостоятельная и важная область прикладного мастерства и как раздел теоретического искусствоведческого знания. Революционные годы, казалось бы, не оставляли места для оформительских поисков. Не было ни хорошей бумаги, ни красок, ни цинковых пластин для репродуцирования иллюстраций. Но было ощущение масштабности событий, коренного изменения привычного уклада жизни. Было чувство того, что «настала пора демократизации искусства», а потому «вопрос о создании подлинно прекрасной, подлинно художественной и, вместе с тем, общедоступной книги является вопросом первостепенной важности, делом государственного значения» [1].

«Типографская аккуратность и изящность издания очень важны» [2],— эти ленинские слова, написанные еще в 1898 г., в ту пору не были известны. Но работники книжного дела страны понимали, что для массового читателя книгу нужно делать так, чтобы она могла быть использована с максимальной эффективностью.

Оформление массовых изданий художественной литературы. Первые деятели советской книги прекрасно сознавали, что печатная книга, являясь мощным средством распространения идей и образов искусства, сама по себе является произведением искусства.

Формирование подобных взглядов произошло в недрах «Мира искусства» — группы художников и критиков, сыгравшей значительную эстетико-просветительную, теоретико-методическую и организаторскую роль в истории русской художественной культуры предреволюционной эпохи. В 1910 г. один из основателей и признанный глава группы Александр Николаевич Бенуа (1870—1960) на страницах журнала «Искусство и печатное дело» сформулировал задачи оформительского мастерства. Можно лишь поражаться, насколько его взгляды по этому вопросу созвучны современным. «Не надо забывать в украшении книги об ее архитектуре»,— призывал Бенуа. И утверждал, что «художник, занятый книгой», обя-

[1] Голлербах Э. История гравюры и литографии в России. М.; Пг., 1923, с. 105.

[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 55, с. 78. (Из письма М. Т. Елизарову от 18 февр. 1898 г., опубликованного впервые в 1929 г. в журн. «Пролетарская революция», № 4).

зан обращать внимание «на выработку формата, на качество, поверхность и цвет бумаги, на размещение текста на странице, на распределение и соотношение заполненных и пустых пространств, на шрифт, на пагинацию, на обрез, брошюровку и т. д.»[3]

Пожелания во многом остались декларативными. В лучших книгах самого А. Н. Бенуа и его друзей по «Миру искусства», созданных в предреволюционные годы, внимание главным образом уделялось иллюстрации. До создания же единой цельной архитектоники книги было еще далеко.

Кроме того, все эти книги — и «Пиковая дама» А. С. Пушкина с иллюстрациями А. Н. Бенуа (Спб.: Изд. т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1911), и «Хаджи-Мурат» Л. Н. Толстого с иллюстрациями Е. Е. Лансере (Пг.: Изд. т-ва Р. Голике и А. Вильборг, 1916), и лермонтовская «Казначейша» с нарядным титульным листом М. В. Добужинского (Пг.: Кружок любителей русских изящных изданий, 1913) — выпускались небольшими тиражами, были очень дорогими и предназначались для узкого круга любителей.

Массовая же книга, издававшаяся «для народа» миллионными тиражами И. Д. Сытиным, П. П. Сойкиным, грешила аляповатым непритязательным украшательством.

В послереволюционные годы художники «Мира искусства», активно сотрудничавшие с Советской властью, реализовали свои взгляды в массовой издательской продукции. А. Н. Бенуа уже в январе 1918 г. стал деятельным участником Комиссии по изданию классиков, работавшей в Наркомпросе под руководством А. В. Луначарского. Вслед за ним в Литературно-издательский отдел Наркомпроса пришли Б. М. Кустодиев и М. В. Добужинский, Д. И. Митрохин и С. В. Чехонин.

Руководство Наркомпроса придавало важное значение художественному оформлению книг. 31 января 1918 г. А. В. Луначарский созвал заседание Комиссии по изданию русских классиков, на котором обсуждался вопрос об иллюстрировании однотомника Н. А. Некрасова. Попутно были затронуты и многие общетеоретические проблемы. Народный комиссар просвещения говорил, что, по его мнению, можно выделить три «формы иллюстрирования». Он категорически осудил так называемую «субъективную форму», когда «писатель дается преломленным в духе художника»[4]. Более приемлемы, по мнению А. В. Луначарского, объективная форма иллюстрирования и форма, основанная, как он выразился, «на протокольном реализме». Он одобрил коллективный метод иллюстрирования, в котором увидел «осуществление особо желатель-

[3] Бенуа А. Н. Задачи графики.— Искусство и печ. дело, 1910, № 2—3, с. 44—45.

[4] Цит. по: Давыдова Т. Е. Литературно-издательский отдел Наркомпроса и его место в истории советской книги: Дис. Л., 1952, с. 142—147.

ного в жизни перехода от индивидуальной работы к сотрудничеству». Однако этот метод в советском искусстве книги широкого распространения не получил.

Целесообразно привести мысли А. В. Луначарского о различном подходе к творчеству «графиков» и «иллюстраторов». «Между графиком и иллюстратором глубокая разница,— говорил народный комиссар.— У второго к тому, что называется „мое художника", должно присоединиться вдумчивое отношение к поэту, чтобы в идеале получилось братство двух гениев. Можно быть чудесным графиком и беспомощным в подходе к поэту. Иллюстратор — творец, какими, например, были для стихов Гете и Гейне Шуберт и Шуман в музыке; нужно всегда ждать, и через сто лет после смерти поэта, проявления адекватного его истолкования»[5].

Конгениального Н. А. Некрасову художника комиссия отыскать не смогла, хотя на заседании и говорилось, что таковыми могут быть Б. М. Кустодиев и К. С. Петров-Водкин. А. В. Луначарский предложил обратиться сразу ко многим художникам, что позволило бы отобрать для издания лучшие работы. Остальные материалы могли составить альбом «Русские художники о Некрасове».

Такие планы в те трудные годы не всегда удавалось воплотить в жизнь. Так, однотомник произведений Н. А. Некрасова вышел в 1920 г. без иллюстраций. Его художественное убранство ограничивалось фронтисписом с портретом поэта и обложкой, нарисованной С. В. Чехониным. Однако в 1919 г. были выпущены с иллюстрациями два небольших сборника стихотворений Н. А. Некрасова, о которых будет сказано ниже.

Как уже отмечалось, на совещании 31 января 1918 г. речь шла о вопросах оформления массовых изданий только что созданного Литературно-издательского отдела Наркомпроса. С интересными предложениями выступили П. И. Лебедев-Полянский, А. Н. Бенуа, Н. И. Альтман. Характерно, что А. В. Луначарский пытался связать вопросы художественного оформления с экономикой книги. А. Н. Бенуа протестовал против набора поэтических произведений в две колонки: «Страница стихов в два столбца производит впечатление ночлежного дома со спящим на нарах его населением. Страница такая некрасива, книга вульгарна».

Возражая Бенуа, А. В. Луначарский говорил о том, что набор в один столбец удорожает книгу: однотомник Некрасова при наборе в один столбец будет стоить 18 руб., а при наборе в два столбца — всего 3 руб.

Тип дешевого, но художественно оформленного массового издания формировался в процессе создания популярной в те годы серии «Народная библиотека», выпуск которой в 1918 г. начал Литературно-издательский отдел, а с 1919 г. продолжило Государственное издательство. Широкий круг художников, привлеченных к

[5] Цит. по: Давыдова Т. Е. Указ. соч., с. 146.

работе над серией, включал имена первоклассных мастеров. Над отдельными книжками серии работали В. П. Белкин, А. Н. Бенуа, К. Л. Богуславская, П. Д. Бучкин, Г. С. Верейский, М. В. Добужинский, И. Г. Дроздов, В. Д. Замирайло, В. И. Конашевич, Н. Н. Купреянов, Б. М. Кустодиев, В. В. Лебедев, А. В. Маковский, Д. И. Митрохин, С. Б. Поляков, В. В. Сазонов, И. В. Симаков, С. В. Чехонин, П. А. Шиллинговский и др.

Надо сказать, что из-за разнообразия творческих индивидуальностей четкий художественный облик серии создан не был, да издательство, видимо, и не стремилось к этому. Как правило, книги — небольшого, удобного для чтения формата, примерно 8×15 см. Обложки чаще рисованные, но встречались среди них и наборные. Изготовлялись обложки как из сравнительно плотной, слабо тонированной бумаги, так и из бумаги, не отличавшейся от той, на которой печатался текст. В последнем случае книга нередко обходилась без титульного листа. Качество бумаги и печати были невысоки, что привело к быстрой изнашиваемости книг, в настоящее время они чрезвычайно редки. Но решить задачу — дать массовому читателю дешевое издание русской классики — серия помогла. В смысле оформления «Народная библиотека» была своеобразным предшественником современных «пейпербукс» — книг в бумажных обложках.

Сравнительно немногие выпуски «Народной библиотеки» иллюстрированы. Преимуществом пользовался рисунок пером, который воспроизводился штриховой цинкографией. Среди несомненных достижений — динамичные иллюстрации А. Н. Бенуа к «Капитанской дочке» (Пг., 1920), которые, однако, критиковал за «скупость» А. А. Сидоров[6], ставший в те годы одним из ведущих художественных критиков. В этом случае Бенуа, нарушая не раз высказывавшиеся им положения, выступил лишь как иллюстратор-график, оставив вне внимания общую композицию книги, чего нельзя сказать о работах Д. И. Митрохина, который, иллюстрируя очередные выпуски «Народной библиотеки», делал для них также обложки, заставки, концовки, учитывая набор полосы.

Дмитрий Исидорович Митрохин (1883—1973) — представитель так называемого второго поколения «Мира искусства» — был одним из наиболее активных оформителей книги в первые годы Советской власти. «Только для книги хотел бы всегда работать и хотел бы, чтобы мои рисунки рассматривались в папках, воспроизведенные хорошим типографским способом,— а не на стенах выставки»,— писал Д. И. Митрохин в 1920 г.[7] Далеко не полная библиография новейшего времени насчитывает 65 его работ, вы-

[6] См.: Сидоров А. А. Русская графика за годы революции. М., 1923, с. 44—45.
[7] Цит. по: Русаков Ю. А. Дмитрий Исидорович Митрохин. Л.; М., 1966, с. 59.

полненных в 1918—1921 гг. в области книжной и журнальной графики[8]. Приехав в Петербург в конце 1918 г., Митрохин сразу же активно поддержал начинания Литературно-издательского отдела Наркомпроса. Для «Народной библиотеки» он оформил «Новые русские сказки» А. Н. Афанасьева (Пг., 1919), «Кавказского пленника», «Бахчисарайский фонтан» и «Братьев-разбойников» А. С. Пушкина (Пг., 1919), «Бэлу», «Максима Максимыча», «Тамань», «Фаталиста», «Баллады» М. Ю. Лермонтова (Пг., 1919), два томика А. П. Чехова. Почти для каждой из этих небольших книжек Митрохин, кроме обложки, исполнил несколько заставок-заголовков. Во всех работах господствует изысканный графический язык «Мира искусства», отработанный в период сотрудничества Митрохина с московским издательством И. Н. Кнебеля. Пространство обложки, ограниченное четкой прямоугольной рамкой, перегружено текстовками и, как правило, имеет еще виньетку-иллюстрацию. Все это делалось в туши и воспроизводилось штриховой цинкографией.

Для первого сборника «Стихотворений» Н. А. Некрасова (Пг., 1919) Д. И. Митрохин исполнил шесть полосных иллюстраций. Следует заметить, что в них нет графической четкости, характеризующей лучшие работы художника.

С созданием Государственного издательства, к которому перешел портфель ЛИО Наркомпроса, Д. И. Митрохин в 1919—1920 гг. становится его активным сотрудником. Кроме произведений художественной литературы, он оформляет научные, научно-популярные и учебные издания. Среди них «Курс русской истории» В. О. Ключевского (Пг., 1920), «Человек и животные» Б. Е. Райкова (Пг., 1920), «Обучение неграмотных взрослых начальному счету» Н. Каменьщикова (Пг., 1920). Для серийных изданий Госиздата(«Историко-революционная библиотека», «Начатки знания», «Основы современной науки») художник делает проекты обложек; для издательства «Огни» — обложку серии «Круг знания». Уместно вспомнить, что Д. И. Митрохину принадлежит оформление и прославленной серии «Памятники мировой литературы», которую в первые послереволюционные годы выпускало издательство М. и С. Сабашниковых.

Активно работал для «Народной библиотеки» Борис Михайлович Кустодиев (1878—1927). Блестящий колорист, он оставил нам и прекрасные графические работы. Их непреходящее значение в истории русского книжного искусства очевидно. Первые опыты Кустодиева в книге относятся к 1901 г. Он занимался книжной графикой вплоть до 1910 г., а затем как будто охладел к ней. Его возвращение в искусство книги произошло лишь после Октября, но на значительно более высоком уровне. Права В. Н. Лебедева в своем утверждении, что «нельзя представить себе картину обще-

[8] Цит. по: Русаков Ю. А. Указ. соч., с. 182—183.

ственной жизни Советской России 20-х годов без ярких, веселых, изобретательных книг Кустодиева» [9].

Для «Народной библиотеки» Кустодиев стал работать в 1919 г.— позднее, чем А. Н. Бенуа и Д. И. Митрохин. Его книги выходили уже под маркой Государственного издательства. Первым автором, которого он иллюстрировал, стал А. С. Пушкин. В 1919 г. в «Народной библиотеке» вышел «Дубровский» с десятью небольшими повествовательными рисунками Б. М. Кустодиева. Выполненные пером, ясные по мысли и четкие по исполнению, они превосходно смотрелись в книге, предназначенной для массового читателя. В том же году художник сделал обложки, иллюстрации и небольшой портрет А. С. Пушкина для «Руслана и Людмилы» (Пг., 1921), а также для двух пушкинских сказок. Последние, к сожалению, остались неизданными.

В 1919 г. в «Народной библиотеке» появился рассказ Л. Н. Толстого «Свечка» с несколькими иллюстрациями Б. М. Кустодиева. Большим достижением художника стала серия иллюстраций к «Грозе» А. Н. Островского. Любимая им, хорошо знакомая тема купеческого быта по-новому заиграла в скупых рисунках пером.

Высшим достижением Б. М. Кустодиева в области оформления книги бесспорно являются «Шесть стихотворений Некрасова». Художник работал над циклом иллюстраций к этой книге в 1920 г. Но она вышла лишь в марте 1922 г. тиражом 1200 экз. (из них 60 именных). Печатные работы по заказу издательства «Аквилон» осуществила 15-я Государственная типография Петрограда под наблюдением крупнейшего знатока полиграфического производства В. И. Анисимова. Книга была новаторской. Текст ее отпечатан с наборной формы, а иллюстрации — приведенные непосредственно в тексте — литографским способом. «Книги с иллюстрациями, литографированными и не наклеенными или вставленными в текст, а напечатанными на той же странице с набором, мы просто не знали до сего времени»,— писал в те годы А. А. Сидоров [10]. Кустодиев разнообразен, он с одинаковым мастерством исполняет и пейзаж, и бытовые сцены, и аллегории. Литографии удивительно нежны. Кажется, что литографский карандаш художника чуть касался камня.

В том же 1921 г. Комитет популяризации художественных изданий выпустил в Петрограде альбом «16 литографий», в котором Кустодиев дал графические варианты некоторых из своих картин.

Мастером, активно работавшим для «Народной библиотеки» ЛИО Наркомпроса, а впоследствии — по заказам Государственного издательства, был Иван Васильевич Симаков (1877—1925). В 1918—1923 гг. он выполнил более 100 обложек. По мнению

[9] Лебедева В. Н. Борис Михайлович Кустодиев. М., 1966, с. 100.
[10] Сидоров А. А. Русская графика за годы революции, с. 35.

Э. Голлербаха, «Симаков — опытный способный иллюстратор, но не график в книжном смысле этого слова, оттого он и допускает непростительную ошибку — переносит свои иллюстрации на обложку, забывая, что обложка имеет свои законы...»[11].

Для «Народной библиотеки» И. В. Симаков талантливо оформил «Вия» Н. В. Гоголя (Пг., 1919) (обложка, заставка для начальной спусковой полосы и 11 иллюстраций). При воспроизведении методом цинкографии иллюстрации были сильно уменьшены, что отрицательно повлияло на их изобразительные качества.

В 1918—1919 гг., еще до создания Государственного издательства, И. В. Симаков сотрудничал в издательстве Петроградского Совета, по заказу которого сделал большую серию обложек массовых изданий произведений А. М. Горького («Васька Красный», «Двадцать шесть и одна», «На плотах» и др.).

Николай Николаевич Купреянов (1894—1933) оформил для ЛИО Наркомпроса всего лишь одну книгу — «Борис Годунов» А. С. Пушкина. Обложка была решена в духе растительной орнаментики, близкой сердцу мирискусников, господствовавших в ту пору в художественной редакции издательства. Средником служила традиционная круглая виньетка; на ней был изображен «убиенный» царевич Дмитрий, тело которого покоилось меж буйных трав. Самому художнику работа не нравилась. «„Борис Годунов“ — работа неинтересная, — писал он в июле 1919 г. — Впрочем, работать все-таки приятно. Вообще Лит[ературно]-изд[ательский] отд[ел] Н[ародного] К[омиссариата] по п[росвещению], издающий „Б[ориса] Г[одунова]“, по характеру работы (и по бесконечному ее количеству) похож на Центросоюз»[12]. (Для издательства Центросоюза Купреянов сделал гравированную на дереве «Азбуку», которая, к сожалению, издана не была.)

В 1923 г. Госиздат выпустил второе издание «Бориса Годунова», для которого художник дополнительно выполнил 25 заставок, 25 буквиц и концовку — по-настоящему интересных. Работал Н. Н. Купреянов и в частном издательстве «Алконост» (обложки для книг А. Блока «Ямбы» и А. Белого «Королевна и рыцари», 1919 г.), а также в петроградском издательстве «Эрато» (обложки и издательские марки для книг Е. Полонской «Знаменья» и Л. Бермана «Новая Троя», 1921 г.). Очень интересными обещали стать его гравюры и рисунки тушью для петроградского издательства «Странствующий энтузиаст». Н. Купреянов сделал гравированный титул и эскизы иллюстраций к «Действу о Егории Храбром» А. Ремизова, десять иллюстраций к «Николе Чудотворцу» А. Ремизова и эскизы обложки и фронтисписа к «Озарениям» А. Рембо. Издания эти, однако, не состоялись.

[11] Голлербах Э. Обложки ленинградского Госиздата.— Новая книга, 1924, № 1, с. 18.

[12] Николай Николаевич Купреянов: Лит.-худож. наследие. М., 1973, с. 121.

Завершая краткое рассмотрение художественного убранства «Народной библиотеки» — первой массовой советской издательской серии, заметим, что оно по сей день не нашло вдумчивого исследователя.

Массовыми изданиями в первые послереволюционные годы выходили в серии «Всемирная литература» произведения иностранных писателей. Это были книги небольшого размера; иллюстраций они, как правило, не имели. Серийную обложку для «Всемирной литературы» нарисовал петроградский график А. Н. Лео, о работах которого более подробно будет рассказано ниже.

А. Н. Лео обычно замыкал пространство обложки тяжелой прямоугольной рамкой, залитой внутри или заштрихованной. В серийной — основной — обложке для «Всемирной литературы» мы видим три прямоугольника — один большой, центральный, и два малых — сверху и снизу. В верхнем прямоугольнике помещено название издательства, в нижнем — сведения о месте и времени издания, в центральном — фамилия автора и наименование книги окружены орнаментом, двумя угольниками и виньеткой. Орнамент варьирует мотивы акантовой листвы.

Для «Всемирной литературы» А. Н. Лео в том же стиле оформил два превосходно изданных в большом формате (15×22 см) издательских каталога.

Оформление общественно-политической книги. Массовая политическая книга первых послереволюционных лет — это большей частью тонкая брошюра, отпечатанная на серой газетной бумаге. Обложка, нередко заменявшая титул, печаталась на той же бумаге, что и вся книга. Художественное убранство достигалось средствами набора. Часто применялись наборные рамки, составленные из элементов, использовавшихся в дореволюционную эпоху. Цветочный и геометрический орнамент популярного в первом десятилетии XX в. стиля модерн плохо гармонировал с новым содержанием книг.

Одним из первых художественно оформленных массовых политических изданий была «Конституция Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», выпущенная в 1918 г. Издательством ВЦИК. Отпечатанная в две краски обложка заключена в широкую рамку, по которой пущен акантовый вьюнок. Центральную часть обложки занимает сложная геральдическая композиция, варьирующая мотивы государственного герба РСФСР.

Работы В. И. Ленина, выпускавшиеся центральными и провинциальными издательствами Советской Республики, оформлены строго и лаконично. В 1917—1919 гг. они чаще выпускались в наборных обложках и по своему внешнему облику мало чем отличались от массовой политической брошюры тех лет. Рисованные обложки появились в 1920 г. Одной из лучших была обложка А. Н. Лео для книги «Детская болезнь „левизны“ в коммунизме». Наклонный рисованный шрифт хорошо гармонировал с широкой,

заштрихованной параллельными линиями рамкой. В качестве виньетки, отделявшей название книги от выходных сведений, художник использовал изображение молота, окруженного лентой с лозунгом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». А. Н. Лео делал обложку для Государственного издательства. Но это оформление в том же году было повторено издательством Коммунистического Интернационала и издательством «Спартак», которые выпустили работу В. И. Ленина на французском и латышском языках [13].

С большим вкусом оформлены издания произведений В. И. Ленина, выпущенные в 1920—1921 гг. в Саратове. Обложка книги «В. И. Ленин. Что сказал вождь мировой революции на 2-м конгрессе 3-го Коммунистического Интернационала» (Саратов, 1920) отпечатана в две краски. В. И. Ленин изображен на фоне земного шара, на котором изображение стран, охваченных революционным движением, залито красной краской. Другое саратовское издание — брошюра В. И. Ленина «Наше положение. Речь на Московской конференции РКП» (Саратов, 1920) — использует для оформления обложки известную фотографию вождя во время выступления на открытии памятника Степану Разину.

Эскиз оформления переплета для первого собрания Сочинений В. И. Ленина, начавшего выходить в 1920 г., сделал, по-видимому, Д. И. Митрохин [14]; удачей художника этот эскиз признать нельзя. В дальнейшем — после 1923 г.— оформление было изменено.

Александр Николаевич Лео (1868—1943) был чрезвычайно плодовитым графиком [15]. Он долгие годы работал в петербургской типографии Р. Голике и А. Вильборга, хорошо знал технологию полиграфического производства. По словам искусствоведа Э. Голлербаха, «А. Н. Лео — превосходный шрифтовик-каллиграф, несколько грузный и не очень изобретательный, но в своей области — испытанный мастер. В его обложках — математическая точность и глубокая тишина: ничего лишнего, растрепанного, тревожного; плоскость листа у него всегда в меру насыщена графическим содержанием» [16].

Работал А. Н. Лео в области оформления самых различных видов литературы, особенно общественно-политической и научной. В 1921 г. он создал обложку для сборника «Российская Коммуни-

[13] См.: Клепиков С. А. Оформление сочинений В. И. Ленина 1917—1924.— Искусство книги, 1962, вып. 3, с. 339—340.

[14] С. А. Клепиков указывает, что ранние тома (до начала 1923 г.) собрания сочинений В. И. Ленина «выходили в рисованной обложке неизвестного художника». Между тем «Список графических работ Д. И. Митрохина» (см.: Кузмин М., Воинов В. Д. И. Митрохин. М., 1922, с. 13) указывает под 1920 г.: «Н. Ленин. Собрание сочинений».

[15] А. Н. Лео: Сб. статей. Л., 1927. 38 с.

[16] Голлербах Э. Обложки ленинградского Госиздата. — Новая книга, 1924, № 1, с. 19.

стическая партия [большевиков] в постановлениях ее съездов 1903—1921 гг.» (Пг., 1921). Достаточно строго и графично решена обложка книги Б. Иванова «Яков Михайлович Свердлов. Его жизнь и деятельность» (Пг., 1921); в книге помещен воспроизведенный в красках портрет первого председателя ВЦИК. Диапазон изданий, оформленных художником, достаточно широк. Назовем, например, книги П. Бляхина «Как попы дурманят народ!» (Пг., 1920), К. Н. Берковой «Процесс Людовика XVI» (Пг., 1920), А. Немоевского «Люди революции» (Пг., 1919), А. Иерусалимского «Теория велосипеда» (Пг., 1921), О. А. Ривоша «Железобетонные конструкции и графики для расчета» (Пг., 1921). А. Н. Лео создал обложки для «Библиотеки трудового земледельца Северной России», «Сельскохозяйственной библиотеки» и других серийных изданий Петроградского отделения Госиздата.

Оформление детской книги. Лучшие детские книги предреволюционных лет созданы художниками круга «Мира искусства», такими как И. Я. Билибин, Г. И. Нарбут, Д. И. Митрохин. Именно тогда возник тип детской книжки, который бытует по сей день,— тонкая брошюра большого формата, насыщенная ярко расцвеченными иллюстрациями и заключенная в яркую обложку из плотной бумаги. Немало сделало в этой области издательство И. Н. Кнебеля (1854—1926) [17]. И все же на дореволюционном книжном рынке господствовали не нарядные детские издания с иллюстрациями мирискусников, В. М. Васнецова, Е. Д. Поленовой, М. В. Нестерова, а массовая продукция с немудреными сусальными картинками, которую многотысячными тиражами поставляли издательства И. Д. Сытина и А. Д. Ступина. Книги эти продолжали выходить и продавались и в 1917—1918 гг.

Стремлением противостоять этой, по словам К. И. Чуковского, «базарной дряни» было продиктовано решение А. М. Горького выпускать детские книги в руководимом им издательстве «Парус» [18]. Здесь в 1916 г. А. Н. Бенуа и К. И. Чуковский подготовили сборник рассказов и стихотворений для маленьких детей под названием «Радуга». Вышел он после Великой Октябрьской социалистической революции и назывался иначе — «Елка». На страницах сборника — блестящая россыпь имен не только писателей (А. М. Горький, А. Н. Толстой, К. И. Чуковский, В. Я. Брюсов), но и художников (И. Е. Репин, А. Н. Бенуа, Ю. П. Анненков, В. Д. Замирайло, М. В. Добужинский, А. А. Радаков и др.). Форзац для «Елки» нарисовал прославленный мастер этого жанра Д. И. Митрохин. И. Е. Репин сделал колоритный «портрет» героя русских народных сказок Иванушки-дурачка. Молодой В. В. Лебедев, с именем которого связан расцвет советской детской книги 20-х гг.,

[17] См.: Юниверг Л. И. Каталог выставки «Издание И. Кнебель». М., 1974. 70 с.

[18] См.: Чуковский К. И. Современники: Портреты и этюды. М., 1962, с. 369.

в сугубо реалистической манере изобразил улыбающегося трубочиста из стихотворения Саши Черного. На фронтисписе работы А. Н. Бенуа среди веток узорной елки резвились крылатые ангелочки-эльфы. В. М. Ходасевич демонстрировала мастерство кубистического толка. А рисунки Ю. П. Анненкова к сказке А. М. Горького «Самовар» могли испугать юного читателя. М. В. Добужинский нарисовал для «Елки» ребус, задуман он был для того, чтобы изобразить «сто рож» — сто карикатурных портретов известных в ту пору писателей и художников. Среди них А. М. Горький, А. Н. Толстой, А. Н. Бенуа, К. И. Чуковский. Адресован этот «ребус» был совсем не детскому читателю.

Оформление сборника получилось неровным и эклектичным, что, впрочем, относилось и к его содержанию. По словам Е. Я. Данько, он «механически соединил остатки прошлого детской книжки и начало пути ее будущего развития»[19]. Эту эклектичность почувствовал и А. Н. Бенуа, который просил издателя З. И. Гржебина снять его имя из числа редакторов[20]. И все же значение сборника в истории искусства советской детской книги достаточно велико. «Елка» привлекла внимание крупных мастеров к проблеме создания книги для детей. Многие из них продолжили работу в этой области и добились немалых успехов.

Развивая свои идеи, А. М. Горький в 1919—1920 гг. выпускал детский журнал «Северное сияние», в котором активно сотрудничали художники В. М. Конашевич, А. А. Радаков, В. С. Сварог, И. В. Симаков. «Красивости» мирискусников они противопоставили реалистическое изображение трудных, но героических будней революционной эпохи.

Приложением к «Северному сиянию» выходила «Библиотека детского журнала...», серийную обложку для которой сделал А. Н. Лео. Один из выпусков серии включал «Сказки» М. Горького (Пг., 1920) с иллюстрациями А. Маковского.

Имя Владимира Васильевича Лебедева (1891—1967), как мы уже говорили, связано прежде всего с замечательной детской книгой 20-х гг.[21] Первая из них — «Слоненок» Р. Киплинга вышла в свет в 1922 г. В первые послереволюционные годы Лебедева считали футуристом. В 1920—1921 гг. он подготовил для «Окон РОСТА» более 100 плакатов, в которых господствовали цветные плоскости. Для «Народной библиотеки» им были сделаны обложки и иллюстрации к «Носу» и «Коляске» Н. В. Гоголя (Пг., 1919), а также иллюстрации к «Новым русским сказкам», выпущенным в

[19] Данько Е. Я. Задачи художественного оформления детской книги.— В кн.: Детская литература: Крит. сб. М.; Л., 1931, с. 216.

[20] См. его письмо З. И. Гржебину от 4 февр. 1917 г. — В кн.: Александр Бенуа размышляет... М., 1968, с. 523—525.

[21] См.: Петров В. Н. Владимир Васильевич Лебедев. 1891—1967. Л., 1972. 303 с.

1919 г. Государственным издательством. Эти работы восходят к традициям «Мира искусства». Четкие силуэтные рисунки заставляют вспомнить иллюстрации Г. И. Нарбута.

И в этот период Лебедев трудится в детской книге, но с работами следующих лет его первые опыты не имеют ничего общего. О рисунке в «Елке» уже говорилось. В 1918 г. издательство «Огни» выпускает арабскую сказку «Лев и бык» в переработке С. С. Кондурушкина. В. В. Лебедев иллюстрировал ее многочисленными изображениями животных, которые свидетельствуют о его тщательных натурных штудиях. Эпизодом в творческой биографии художника было оформление «Айвенго» В. Скотта в издании «Паруса» (Пг., 1918).

Определенным этапом становления художественного облика детской книги стал «Крокодил» К. И. Чуковского, выпущенный в 1919 г. издательством Петроградского Совета с веселыми иллюстрациями художника дореволюционного юмористического журнала «Сатирикон» Н. В. Ремизова (он выступал под псевдонимом Ре-Ми). Книга неоднократно переиздавалась; нужно сказать, что отвлеченность ее содержания от действительности вызвала суровый отзыв Н. К. Крупской[22]. Аналогичными были рисунки Ю. П. Анненкова к «Мойдодыру» К. И. Чуковского, выпущенному в свет в 1923 г.

Говоря об искусстве детской книги первых послереволюционных лет, нельзя не упомянуть об опытных изданиях артели художников «Сегодня». Артель была создана в Петрограде Верой Михайловной Ермолаевой и работала около полутора лет. В ее состав входили Н. И. Альтман, Ю. П. Анненков, Н. Ф. Лапшин, Н. И. Любавина, Е. И. Турова. Молодые мастера стремились к достижению максимального единства текста и художественного убранства и, надо сказать, добились этого.

В годы гражданской войны издательские возможности были ограниченны. В писательских кругах книги изготовлялись самыми разными способами, но чаще переписывались от руки. Одну из таких форм испробовали и художники книги.

В этой связи и надо говорить о деятельности артели «Сегодня»[23]. Текст и иллюстрации выпускаемых ею книг (преимущественно стихотворных произведений для детей) воспроизводились методом линогравюры и раскрашивались вручную. Печатались они на грубой и плотной бумаге небольшим тиражом — до 150 экз. Своеобразный библиофильский привкус вносила, кроме ручной раскраски, и нумерация экземпляров.

[22] См.: Ганкина Э. З. Русские художники детской книги. М., 1969, с. 60, 218 (примеч. 6).

[23] См.: Ковтун Е. Артель художников «Сегодня».— Дет. лит., 1968, № 4, с. 44; Он же. Художница книги Вера Михайловна Ермолаева.— Искусство книги, 1975, вып. 8, с. 68—81.

Активным автором артели «Сегодня» был Н. Венгров, выпустивший здесь книжечки «Мышата», «Сегодня», «Хвои», «Самому себе». В. Ермолаева сделала по заказу артели оформление книги У. Уитмена «Пионеры» (Пг., 1918).

В апреле 1918 г. у Н. И. Любавиной побывал известный впоследствии график Н. Н. Купреянов и получил 10 изданных артелью книжек. Художнику обещали достать гравюрные доски. «[Я] захвачен Любавиной и всем, что с ней связано,— писал Купреянов жене.— Хотя Венгров доски не смог достать, но все же интересное дело и планы интересные и широкие... Они хотят издать „Экклезиаста“ с моими гравюрами» [24]. Артель «Сегодня» предполагала выпустить монографию «Как живет и работает Н. Н. Купреянов». Но эти издания не состоялись.

Оформление журналов. Периодическая печать — газеты и журналы — играли самую активную роль в бурной общественной жизни первых послереволюционных лет. Неудивительно, что периодика стала ареной творческих поисков в области оформления. А. А. Сидоров писал: «Самый тип журнала, конечно, не был *выдуман.* Жизнь захотела его, эту тонкую — для дешевизны — тетрадь, обильно иллюстрированную,— в чем мы должны отметить неизбежное доказательство потребности пролетариата в изобразительном начале» [25].

В Москве таким журналом стало «Творчество» — первый советский общественно-политический и литературно-художественный журнал. Он ежемесячно издавался Московским Советом рабочих и красноармейских депутатов (с 1919 г.— Отделом печати Моссовета) сначала под редакцией А. С. Серафимовича, В. М. Фриче и Н. Л. Мещерякова, а в дальнейшем под редакцией Н. С. Ангарского, И. С. Ежова и В. М. Фриче. В 1918 г. оформление журнала предельно просто: цинкографская, ремесленно выполненная обложка с изображением рабочего; большей частью документальные иллюстрации, воспроизведенные в технике автотипии. В 1919 г. Д. И. Мельников сделал для «Творчества» новую обложку с рамкой из цветочного орнамента и меняющимся из номера в номер «средником». В первых номерах это еще автотипия (репродукция скульптуры О. Родена), в последующих — гравюры на дереве или линолеуме, которые выполняли для журнала В. Д. Фалилеев, И. Н. Павлов, Н. В. Синезубов, И. А. Соколов, А. И. Усачев. Реже исполнялись цинкографии по оригинальным рисункам М. В. Добужинского (1919, № 12), И. И. Нивинского (1920, № 5—6) и др.

С 1919 г. на страницах «Творчества» появляются гравированные иллюстрации, цинкографские виньетки. Иллюстрации чаще всего не связаны с текстом и носят «станковый» характер. Тако-

[24] Николай Николаевич Купреянов: Лит.-худож. наследие. М., 1973, с. 115.

[25] Сидоров А. А. Русская графика за годы революции, с. 22.

вы, например, ксилографии П. Я. Павлинова «Каменотес» (1919, № 4—5) и «Столяр» (1919, № 6—7), пейзажные гравюры И. Н. Павлова, двухкрасочные цельностраничные линогравюры В. Д. Фалилеева и А. Г. Якимченко (1920, № 2—4).

Первоначально неумелый набор в одну колонку в дальнейшем становится более разнообразным. С точки зрения оформления интересны специальные номера журнала. Первый номер за 1920 г. был посвящен 50-летию со дня смерти А. И. Герцена. На его обложке — двухкрасочная ксилография И. Н. Павлова. Отпечатан номер на мелованной бумаге. В тексте, наряду с документальными автотипиями, использованы ксилографии И. Н. Павлова. Популярные в те годы виньетки сделали Д. И. Митрохин, И. И. Нивинский, Д. И. Мельников, далеко не всегда техничная А. С. Соборова.

Иной облик имел «тонкий» еженедельный журнал «Пламя», издававшийся в Петрограде в 1918—1920 гг. под редакцией А. В. Луначарского. Верстка его более свободна и разнообразна. В журнале много иллюстраций, в большинстве фотографий, воспроизведенных автотипией. Использовались и старые ксилографические доски. Однако в журнале немало и оригинальной графики. Это большие рисунки пером для первого титульного листа (обложки журнал не имел), но чаще — рисунки в тексте и виньетки. Особенно активно в издании сотрудничали С. И. Видберг, С. В. Чехонин, В. В. Лебедев. Карандашные рисунки В. В. Лебедева, чаще тематически не связанные с публикациями журнала, воспроизводились полутоновой автотипией. С. В. Чехонин сделал для «Пламени» немало виньеток, в которых господствуют обычные для этого художника мотивы — венки, букеты, дополненные атрибутами революционной символики. Виньетки для журнала делали также Л. А. Бруни, П. В. Митурич, Р. И. Лаппо-Данилевский. Своеобразный документ эпохи — цельностраничные композиции С. И. Видберга «После гудка» (1918, № 6), «Латышский стрелок» (1918, № 9), «Кузнец» (1918, № 12).

Юбилейный (27-й) номер «Пламени», посвященный годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, вышел в двухкрасочной обложке с рисунком И. И. Бродского. Превосходный рисованный титул с изображением пяти казненных декабристов выполнил в 1919 г. (№ 70) для «Пламени» П. А. Шиллинговский. С 1919 г. в журнале сотрудничал К. С. Петров-Водкин. Он целиком оформил первомайский номер 1919 г., исполнив для него в общей сложности десять рисунков и виньеток. № 58 за тот же год иллюстрирован рисунками Б. Д. Григорьева.

«Цинковый голод» — одно из последствий империалистической блокады — заставил полиграфистов забыть изобретения XIX столетия — фотомеханические способы репродуцирования. Перед журналом, а впоследствии и перед книгой встала дилемма — или совсем отказаться от иллюстраций, или вернуться к прадедовским

ручным методам. Периодика выступила в этом зачинателем, избрав второй путь.

Сначала гравюра была чисто репродукционной: граверы резали клише с фотографий. Затем воспользовались ксилографией для заставок, концовок, буквиц... Следующим этапом стало создание оригинальных композиций, призванных служить иллюстрациями журнала (мы видим это на примере «Творчества»), а затем и книги.

Ксилография и линогравюра господствуют и на страницах «тонкого» журнала «Москва», который за все время своего существования не поместил ни одной автотипии. Журнал, первый номер которого вышел в свет в конце 1918 г., был объявлен двухнедельным, но издавался нерегулярно; в 1918—1922 гг. вышло всего семь номеров.

Двухкрасочный заголовок-шапку для обложки Д. И. Митрохин исполнил в технике линогравюры. Шапка в дальнейшем стала постоянной, но гравюра под ней менялась. В первом номере — это ставшая широко известной ксилография Н. Н. Купреянова «Броневик». В дальнейшем гравюры для обложек исполняли А. П. Остроумова-Лебедева, В. Д. Фалилеев, И. И. Нивинский, В. А. Фаворский, А. И. Кравченко. Уже в первом номере журнала — россыпь имен крупнейших графиков. Здесь гравюры П. Я. Павлинова, В. Д. Фалилеева, В. А. Фаворского, виньетки Д. И. Митрохина, В. Д. Замирайло, И. И. Нивинского, С. В. Чехонина, клишированные заголовки Д. И. Митрохина. Позднее мы встретим среди оформителей журнала Н. П. Пискарева, В. И. Масютина, О. В. Розанову, Н. А. Ушакову, П. В. Митурича, В. И. Фидмана.

Гравюра на обложке как бы вводила читателя в мир художественных образов, разбросанных по страницам журнала. Несомненно удачны заголовки — среди них нет ни одного наборного. Рисованные шрифты поражают разнообразием и удачно соседствуют с изобразительными элементами заголовков, иногда перерастающими в иллюстрации. Специальных иллюстраций к тексту, как правило, нет. Исключение — сюита из восьми рисунков И. И. Нивинского к пьесе Андрея Глобы «Ножки императрицы Чай-Чай» (1920, № 5, с. 8—14). Разнообразны и виньетки — от традиционных для С. В. Чехонина цветочно-лиственных венков и ваз с цветами до экспрессионистических и беспредметных композиций В. Н. Масютина.

Изысканная декоративность стала своеобразным творческим кредо для Сергея Васильевича Чехонина (1878—1936), представителя второго поколения «Мира искусства». В предреволюционные годы он работал для «Аполлона» и «Альманаха муз», для «Общины св. Евгении» и «Шиповника». Венки с ангелочками и обнаженными женщинами, цветочные гирлянды здесь были более чем уместны. В первое время после Октября приемы остались почти прежними, но в цветочный орнамент Чехонин стал «вкрапливать»

революционные атрибуты. В те годы он очень активно работал в самых различных областях прикладного искусства. Современникам казалось, что именно его искусство являет наглядный пример тесной взаимосвязи с революционной эпохой. Один из первых исследователей его творчества Е. Данько утверждала, что именно «чехонинские розы, листья и травы неразрывно связаны в зрительном воспоминании с Петроградом первых послереволюционных лет». И поясняла: «Они завивались в венки вокруг портретов вождей времени, они украшали плавные буквы лозунгов, за которые боролся и страдал город» [26].

Розы эти поистине были универсальными. Мы находим их и в венке, обрамляющем обложку книги Н. Э. Радлова «Современная русская графика», и в виньетках на страницах журнала «Красный командир», и на тарелках Государственного фарфорового завода, художественную часть которого Чехонин возглавил в 1918 г.

С. В. Чехонин в те годы много работал в периодике. Его заставки в журнале «Красный командир» А. А. Сидоров называет «чудесными», а их автора считает мастером, «которому приходится отвести одно из первых мест среди всех русских графиков последнего десятилетия» [27]. Отметим, что военные журналы тех лет оформлялись мастерски. Кроме петроградского «Красного командира», необходимо назвать московский «Красноармеец», для которого работали Д. Когоут, И. Комаровский, В. Кринский, Д. С. Моор, В. Фидман.

Наиболее известная работа С. В. Чехонина в книге — оформление роскошного для своего времени издания драмы А. В. Луначарского «Фауст и город». В тяжелом 1918 г. Литературно-издательский отдел Наркомпроса выпустил книгу в большом формате. Знаменитая 15-я Государственная типография (бывшая Р. Голике и А. Вильборг, а ныне типография имени Ивана Федорова) напечатала ее на хорошей бумаге. С. В. Чехонин выполнил для издания рисунки обложки, титульного листа и шмуцтитула, сделал две иллюстрации и концовку. Все это почти не связано с текстом, но декоративно. Символика иллюстраций была довольно ясной. Впечатлял образ строителя нового мира, изображенного на фоне уходящей в небеса башни. Сочетая черный и красный цвета с белым фоном бумаги, художник добивался поистине впечатляющего эффекта.

От традиции — к новаторству. В 1918 г. в лучшем полиграфическом предприятии того времени — петербургской типографии Р. Голике и А. Вильборга тиражом 800 экз. была напечатана на французском языке «Книга маркизы» [28]. Отпечатана в двух вари-

[26] Данько Е. С. В. Чехонин.— В кн.: Мастера современной гравюры и графики. М.; Л., 1928, с. 63.
[27] Сидоров А. А. Русская графика за годы революции, с. 24.
[28] См.: Сомов К. А. Le livre de la Marquise. Spb., 1918. 194 s., 21 л. ил.

антах. Один из них — с особо фривольными иллюстрациями — предназначался немногим. Впрочем, достаточно фривольными были содержание и иллюстрации и основного тиража издания. Иллюстрации выполнил блестящий мастер Константин Андреевич Сомов (1869—1939). Несмотря на «французскую» тематику, «Книга маркизы» всецело восходила к немецкой библиофильской традиции. Показательно, что и издана она была в своем первом варианте в Германии в 1908 г. (Das Lesebuch der Marquise. München, 1908).

Ученик И. Е. Репина К. А. Сомов в этой своей работе, пожалуй, с наибольшей откровенностью предал забвению демократические заветы своего учителя.

Такие издания в ту пору не были редкостью. Д. И. Митрохин, активно сотрудничавший с Литературно-издательским отделом Наркомпроса и Государственным издательством, принимал заказы и от петроградского «Петрополиса». Для выпущенных этим частным издательством в 1921 г. «Семи портретов» — книги эротической лирики французского писателя Анри де Ренье (в переводе М. Кузмина) — он сделал обложку, фронтиспис, титульный лист, виньетки и выполненные тонким контурным рисунком достаточно откровенные иллюстрации. Книга была отпечатана в 327 экз. В 25 из них — «именных» — иллюстрации были раскрашены художником от руки [29].

Эротика К. А. Сомова и Д. И. Митрохина превращается в откровенную порнографию на страницах «Занавешенных картинок» М. А. Кузмина, иллюстрации-заставки к которым делал В. А. Милашевский (1893—1976), впоследствии активно работавший в советском книжном искусстве. Книга, напечатанная в Петрограде, в полном соответствии с традицией фривольных французских замаскированных изданий XVIII в. имела на титуле вымышленные данные: «Амстердам, 1921».

Книги, оформленные Д. И. Митрохиным в предреволюционные годы, славились декоративно-орнаментальным многокрасочным узором, заполнявшим обложки и форзацы. В условиях жесткой экономии Госиздата этот хорошо отработанный и впечатляющий прием не мог быть применен. Но он вновь возрождается в работах для частного петроградского издательства «Петрополис». Кроме уже упомянутых «Семи портретов» Анри де Ренье (Пг., 1921), назовем «Эписин» Бен-Джонсона (Пг., 1920) и «Книжные знаки русских художников» (Пг., 1922), обложка которых отпечатана в три цвета — здесь господствует буйное узорочье стилизованных цветов и листвы. На черно-белом, графически четком фронтисписе на фоне раскрытого окна изображен библиофил, погруженный в чтение. На полке с книгами — декоративная пестрота старых переплетов. Та же обложка в монохромном варианте была повторена

[29] См.: Русаков Ю. Дмитрий Исидорович Митрохин. Л.; М., 1966, с. 64—65, 171 (примеч. 11).

художником в изданной «Петрополисом» небольшой книжке В. В. Воинова «Книжные знаки Д. И. Митрохина» (Пг., 1921). Экслибрисом художник начал увлекаться еще в 1907 г. Логичен шаг художника от экслибриса к издательским маркам[30]. Среди них хорошо известные нам знаки, которые Митрохин сделал для ЛИО Наркомпроса и «Всемирной литературы».

Традиционные приемы «Мира искусства» в книжном оформлении первых послереволюционных лет развивал Мстислав Валерианович Добужинский (1875—1957)[31]. Представитель младшего поколения «Мира искусства», он стал известен благодаря своим работам в сатирической периодике Первой русской революции. Позднее он начал иллюстрировать произведения художественной литературы.

После Октября Добужинский сотрудничал главным образом в частных издательствах. В 1918 г. он оформил для издательства «Странствующий энтузиаст» небольшой, в 16-ю долю листа, томик М. Кузмина «Чудесная жизнь Иосифа Бальзамо, графа Калиостро»[32].

Книга обращена в прошлое, даже отпечатана по старой орфографии. Добужинский показал себя здесь блестящим мастером декоративных заставок и концовок, в сюжетах которых использовались преимущественно каббалистические мотивы. Был в книге и окруженный геральдическим обрамлением портрет Калиостро.

По заданию ЛИО Наркомпроса в 1919 г. М. В. Добужинский начинает работать над «Барышней-крестьянкой» А. С. Пушкина, предназначавшейся для «Народной библиотеки». В 1921 г. с оформления «Бедной Лизы» Н. М. Карамзина началось сотрудничество Добужинского в петроградском издательстве «Аквилон». Позднее, в 1922—1923 гг., художник сделал в этом издательстве иллюстрации для «Скупого рыцаря» А. С. Пушкина, «Тупейного художника» Н. С. Лескова и наиболее удачную и известную свою работу — «Белые ночи» Ф. М. Достоевского. В том же издательстве в 1923 г. появился и собственный альбом Добужинского «Воспоминания об Италии».

Необычными по форме, но традиционными для книжного искусства начала XX в. были работы Юрия Павловича Анненкова (1889—1974).

«Я не знаю другого поэта, который бы умел так властно захватывать наши сердца и думы, как умел захватить Блок. Наша

[30] Список экслибрисов и издательских марок см.: Кузмин М., Воинов В. Д. И. Митрохин. М., 1922, с. 131.

[31] См.: Маковский С. К. Графика М. В. Добужинского. Л., 1924. 74 с.; Голлербах Э. Ф. Рисунки М. Добужинского. М.; Пг., 1923. 104 с.

[32] На обложке книги и на издательской марке указан 1918 г., на титульном листе — 1919 г.

молодость вырастала под знаком Блока...»,— говорил Анненков[33]. Мы не ошибемся, если скажем, что его высшим достижением в искусстве книги были «Двенадцать» А. А. Блока в издании «Алконоста» (Пб., 1918)[34]. Для этого издания Ю. П. Анненков сделал обложку, авантитул, титульный лист, 14 цельнополосных иллюстраций и 9 малых рисунков, использовавшихся в качестве заставок и концовок. Рисованные шрифты для обложки и титула выполнил Н. Э. Радлов[35].

На рисунках Анненкова кажущаяся незыблемость и основательность старого мира канули в небытие. Многоэтажье домов перечеркнуто языками пламени и остриями штыков, купола церквей перекошены, и над всем этим «деформированным» городом крутит вьюга. Хорошо знакомые художнику образы старого мира—«Катька», «Интеллигент» убедительны и острохарактерны, чего нельзя сказать о представителях нового мира, красноармейцах. Они схематичны и чаще всего даны как бы с высоты птичьего полета. При всей своей отрешенности и обобщенности иллюстрации наполнены массой бытовых подробностей. Это и петербургские фонари, и ходики со свисающими гирями, и вывеска сапожника...

А. А. Блок активно участвовал во всех стадиях издательского процесса. Он настоял на большом формате книги: она отпечатана в большую «четверку». Сохранилось письмо Блока к Анненкову, написанное 12 августа 1918 г. Поэт признается, что рисунков к «Двенадцати» «страшно боялся». Но рисунки ему понравились. «Сейчас, насмотревшись на них,— пишет Блок,— хочу сказать Вам, что разные углы, части, художественные мысли — мне невыразимо близки и дороги, а общее — более чем приемлемо,— т. е. просто я ничего подобного не ждал, почти Вас не зная»[36].

Не случайна обмолвка об «углах». Активно используя поле рисунка, Анненков применял своеобразные «ремарки», комментировавшие изображение. Это и силуэт «долгополого» в рисунке «Бродяга», и очертания двуглавого орла — герба Российской империи — в «Буржуе на перекрестке»...

Блок сразу же одобрил два рисунка — «Убитую Катьку» и «Пса». «Эти оба,— писал он,— доставляют мне большую артистическую радость, и думаю, если бы мы, столь разные и разных поколений,— говорили с Вами сейчас,— мы многое сумели бы друг другу сказать полусловами». Но поэт забраковал два рисунка — «Катьку» и «Христа». В его письме — подробные советы, тщатель-

[33] Цит. по: Бабенчиков М. В. Ю. П. Анненков. — В кн.: Мастера современной гравюры и графики. М.; Л., 1928, с. 183.

[34] См.: Алянский С. М. Об иллюстрациях к поэме Блока «Двенадцать» (глава из воспоминаний). — В кн.: Блоковский сборник. Тарту, 1964, с. 437—445.

[35] См.: Иоффе М. Н. Э. Радлов. — Искусство книги, 1967, вып. 4, с. 110.

[36] Блок А. А. Собр. соч. М.; Л., 1963, т. 8, с. 513.

ная трактовка этих тем. «Катьку» Анненков переделал, следуя советам поэта.

Критика высоко оценила работы Ю. П. Анненкова. А. А. Сидоров посчитал ее «событием русской графики» и назвал иллюстрации конгениальными блоковской поэме[37].

Первое издание «Двенадцати» было выпущено «Алконостом» в библиофильском исполнении. В 1919 г. Петроградское отделение Госиздата по инициативе его руководителя И. И. Ионова собралось выпустить массовое издание тиражом 50 тыс. экз.[38] Однако издание не состоялось. Книга была еще раз переиздана «Алконостом» в 1921 г.

Совсем в ином стиле — тяжеловесными линогравюрами — проиллюстрирована Ю. П. Анненковым небольшая книжка его собственных стихов «1/4 девятого», выпущенная в 1919 г. в Петрограде артелью художников «Сегодня», о которой говорилось выше. Тираж книжки — 135 экз.; все они раскрашены художником от руки.

Своеобразную параллель библиофильским изданиям составляли малотиражные брошюры, облик которых был нарочито огрублен. Книги эти ныне причисляют к произведениям так называемого «русского авангарда». Под этим понятием современные зарубежные искусствоведы нередко объединяют разноплановые явления — от футуристических опытов 1912—1914 гг. Д. Д. Бурлюка, Н. С. Гончаровой и М. Ф. Ларионова до зрелого конструктивизма конца 20-х гг.

Конструктивизм как течение книжного искусства, окрепнув в Советской России, имел существенное международное влияние. В этой связи назовем имя Казимира Севериновича Малевича (1878—1935), который в 1918—1919 гг. был членом коллегии Отдела изобразительного искусства Наркомпроса, а впоследствии преподавателем Вхутемаса. В 1919 г. переехав в Витебск, он организовал здесь группу «Утвердители нового искусства» (УНОВИС), которая занималась и издательской деятельностью. Памятниками тех лет стали брошюры К. С. Малевича «О новых системах в искусстве» (Витебск, 1919), «От Сезанна до супрематизма» (М., 1920) и, особенно, «Супрематизм» (Витебск, 1920). Последняя книга, воспроизведенная литографским способом, включала четыре страницы написанного от руки текста и 34 рисунка, демонстрировавших приемы «супрематического постижения действительности».

Рисунки воспроизведены одной лишь черной краской. Многокрасочные композиции К. С. Малевича мы находим в приложении к «Первому циклу лекций, читанных на краткосрочных курсах для учителей рисования». Эта книга искусствоведа Н. Н. Пунина была выпущена в Петрограде в 1920 г. То же имя мы встречаем и на

[37] Сидоров А. А. Русская графика за годы революции, с. 38, 46.

[38] См.: записи в «Дневнике 1919 года» А. А. Блока.— Блок А. А. Собр. соч., М.—Л., 1963, т. 7, с. 351, 355.

обложке брошюры «Памятник III Интернационала», выпущенной Отделом изобразительного искусства Наркомпроса в 1920 г. и популяризировавшей известный проект В. Е. Татлина.

После Октябрьской революции немалую роль в книжном деле вообще и в искусстве книги в частности играли новые культурные центры провинции. Так называемая Витебская школа сложилась на основе мастерской талантливого педагога Ю. Пэна, которая в 1918 г. была преобразована в Народную художественную школу, а впоследствии — в Художественно-практический институт. Первым директором школы стал известный мастер книги М. В. Добужинский. В 1919 г. его место занял М. З. Шагал. В Народной школе работали и преподавали П. П. Кончаловский и Л. М. Лисицкий, Р. Р. Фальк и К. С. Малевич, С. Б. Юдовин и Н. Н. Пунин. О К. С. Малевиче и организованной им группе УНОВИС мы уже говорили. Группа начинала громким «Манифестом», в котором современный исследователь видит и определенные «позитивные моменты»[39]. Идеи супрематизма, пропагандировавшиеся К. Малевичем, перекладывал на язык графики Лазарь Маркович Лисицкий — Эль Лисицкий (1890—1941), роль которого в становлении современного искусства книги переоценить трудно[40]. Его первые оформительские опыты были весьма далеки от тех работ, с которыми обычно связывают имя родоначальника конструктивизма в искусстве книги (например, от знаменитого «Для голоса» В. В. Маяковского. Берлин, 1922). Лисицкий начинал с поэтизации характерного фольклора белорусских местечек. Среди нескольких книг, иллюстрированных им в 1917—1919 гг., любопытна «Пражская легенда» М. Бродерзона (Москва, 1917), отпечатанная литографским способом тиражом 110 экз. в виде свитка, заключенного в шестигранный деревянный ковчежец. 20 экз. Лисицкий раскрасил акварелью.

В 1920—1921 гг. в Витебске были изданы два сборника «УНОВИС», на графических листах которых господствовали строгие геометрические формы. Здесь Лисицкий впервые показывает себя великолепным мастером «типографики», умело компонуя шрифт с изобразительными элементами. В Витебске же в 1920 г. Лисицкий «построил» «Супрематический сказ про два квадрата». Репродуцированный в 1922 г. берлинским издательством «Скифы», «Сказ...» стал своеобразной программой нового направления в искусстве книги.

Мысли об активной роли шрифта в книге, о необходимости использовать изобразительные возможности шрифтового текста для воздействия на читателя Л. М. Лисицкий высказывал еще в 1919 г.

[39] См.: Шматаў В. Ф. Беларуская графіка 1917—1941 гг. Мінск, 1975, с. 20.

[40] См.: Lissitzky-Kuppers S. El Lissitzky. Maler, Architekt, Typograf, Fotograf. Dresden, 1967. 407 S., il.

«Я считаю, — писал он 12 сентября 1919 г. К. С. Малевичу,— что мысли, которые мы пьем из книги глазами, мы должны влить через все формы, глазами воспринимаемые. Буквы, знаки препинания, вносящие порядок в мысли, должны быть учтены, но кроме этого, бег строк сходится у каких-то сконденсированных мыслей, их и для глаза нужно сконденсировать» [41].

Искусство шрифта. В первые годы Советской власти типографский набор выполнялся шрифтами дореволюционных словолитен (главным образом, Лемана и Бертгольда). В рисованных шрифтах обложек и титульных листов чувствовались традиции «Мира искусства».

Говоря об ассортименте наборных шрифтов, созданных в России в конце XIX — начале XX в. и применявшихся при наборе изданий первых лет Советской власти, назовем шрифты словолитного заведения Лемана — Плотные гарнитуры № 2 и № 5, наиболее удобочитаемую Обыкновенную 6-ю гарнитуру, шрифты «Рената», «Медиаваль», «Книжный эльзевир» и созданные под влиянием художников «Мира искусства» — Елизаветинскую и Петровскую гарнитуры[42]. Из шрифтов словолитного заведения Бертгольда применялись Латинская, Академическая и Обыкновенная гарнитуры.

Для титульного набора использовались строгие по построению, крупные кегли некоторых из перечисленных выше текстовых гарнитур, а также многие модернистские образцы. Классическая схема построения этих шрифтов была нарушена, что не способствовало их удобочитаемости. В результате мы можем говорить о характерном для первых лет Советской власти противоречии между новым содержанием книги и прежним, восходящим к дореволюционной эпохе, оформлением изданий.

Для текстового набора широко применялись гарнитуры, приспособленные для работы на наборных машинах — линотипе и типографе. Среди них наиболее удобочитаемые — Латинская, «Рената», Обыкновенная 6-я.

Сравнительно редко, в основном в изданиях, требующих художественного оформления, использовался ручной набор, в этом случае применялись гарнитуры — Елизаветинская, Академическая, «Книжный эльзевир», «Медиаваль», «Коринна», «Пальмира», Петровская.

Особый интерес представляет техника набора произведений В. И. Ленина. Основатель Советского государства придавал большое значение шрифтовому оформлению своих изданий. Хорошо известны его указания о наборе книги «Развитие капитализма в

[41] Цит. по: Харджиев. Н. Эль Лисицкий — конструктор книги.— Искусство книги, 1962, вып. 3, с. 154.

[42] См.: Шицгал А. Г. Русский типографский шрифт (вопросы истории и практика применения). М., 1974, с. 118—144.

России»[43]. И в послереволюционный период, несмотря на занятость, В. И. Ленин находил время для чтения корректуры и заботился об улучшении набора и верстки. В мае 1918 г., просматривая корректуру брошюры «Главная задача наших дней», В. И. Ленин подчеркнул слово «социалистической» волнистой чертой и пометил на полях: «Наборщику: набрать курсивом»[44]. Указания для наборщика В. И. Ленин дал на полях рукописи брошюры «Великий почин»[45] и некоторых других своих работ.

В целях экономии бумаги большинство многотиражных советских изданий рассматриваемого периода, в том числе произведения В. И. Ленина, К. Маркса и Ф. Энгельса, набирались плотными шрифтами. Плотной гарнитурой № 2 был набран и такой важный документ, как «Конституция РСФСР», вышедшая в Издательстве ВЦИК в Москве в 1918 г.

В строгом и удобочитаемом наборном оформлении выходили собрания сочинений и научные издания. Исключением было Полное собрание сочинений Н. В. Гоголя, подготовленное Литературно-издательским отделом Наркомпроса (Пг., 1919), где использовалась Плотная гарнитура № 2. Среди научных изданий, набранных удобочитаемыми гарнитурами, отметим произведения К. А. Тимирязева «Наука и демократия» (М.: Госиздат, 1920), «Чарльз Дарвин и его учение» (М.: Госиздат, 1921), а также выпущенный в 1920 г. на тонкой бумаге «План электрификации РСФСР», набранный Латинской гарнитурой кеглем 10 на шпонах.

Вручную Елизаветинской гарнитурой набиралась сказка «Василиса Премудрая» (Пг., 1920). Академическая гарнитура встречается в наборе исторических произведений. Шрифт «Коринна» использован в выпущенных Госиздатом в 1920 г. в серии «Народная библиотека» произведениях А. С. Пушкина. «Книжный эльзевир» встречается в наборе ряда произведений Демьяна Бедного. Этой гарнитурой набрано также выпущенное Госиздатом в 1921 г. произведение В. Маяковского «150 000 000». Сравнительно часто встречалась гарнитура «Медиаваль», а иногда и модернистская «Пальмира»[46].

В рисованных обложках этого времени, как уже отмечалось, господствовала декоративная графика художников второго поколения «Мира искусства». Сохраняя в шрифте каркас классической схемы, эти художники вносили в него различные декоративные элементы. Шрифт в этом случае становился более броским, чему способствовали и своеобразные засечки.

[43] См.: Немировский Е. Л. В. И. Ленин и техника партийно-советской печати.— Полигр. пр-во, 1960, № 4, с. 3—6.
[44] Владимир Ильич Ленин: Биогр. хроника. М., 1974, т. 5, с. 440.
[45] Там же, 1976, т. 7, с. 337.
[46] См.: Анисимов В. И. Основы и рисование печатного шрифта. Пг., 1922. 69 с.

Оригинальное шрифтовое решение характеризует оформление С. В. Чехониным драматургического произведения А. В. Луначарского «Фауст и город». Книга вышла в большом формате, ее набрали Елизаветинской гарнитурой кеглем 12 на шпонах. С большой виртуозностью выполнены прямой и наклонный рисованные шрифты для внешнего оформления книги. Резко контрастный шрифт снабжен треугольниками, своеобразными засечками, элементами, изображающими «волнообразное пламя». Все это мастерски выполнено кистью и не нарушает каркаса самой буквы.

В своих шрифтовых работах С. В. Чехонин добивался полихромии различных оттенков коричневого и серого, при этом белый фон воспринимался как белый цвет.

Превосходным художником-каллиграфом был и Д. И. Митрохин. Особенно много шрифтовых работ он выполнил для обложек книг серии «Народная библиотека», вышедших в 1919—1920 гг. Типичный для художников круга «Мир искусства» почерк Митрохина характеризовался своеобразной «дрожащей» линией.

Строгость характеризует работы Г. И. Нарбута. Его рисованный алфавит, выпущенный в 1917 г. фирмой «Голике и Вильборг» под названием «Малороссийская азбука», решен в контрасте с оригинальными засечками. Этот шрифт — своеобразный шедевр графического искусства первых лет революции.

В стиле классицизма работал А. Н. Лео. Он часто использовал оригинальные оттеночные шрифты.

Своеобразие отличает шрифтовые надписи В. А. Фаворского. Одна из первых появилась на обложке журнала «Печать и революция» в 1921 г. Оригинальный шрифт Фаворского, выполненный по образцу шрифтов эпохи Возрождения, получил сравнительно широкое распространение, а в более поздний период — и теоретическое обоснование. Этот шрифт отличался разной шириной и своеобразной конфигурацией отдельных букв (например, К, Я, Ж), подчеркнутой динамичностью согласных букв.

Искусствоведение книги. Становление искусствоведческой мысли применительно к искусству книги по сей день не изучено. Сам термин бытовал в близких к прерафаэлитам кругах, где в 80—90-х гг. прошлого столетия впервые заговорили о возрождении оформительского мастерства. В 1899 г. во Франкфурте состоялась первая выставка искусства книги. В первом десятилетии XX в. появились первые монографические труды — «Развитие современного искусства книги в Германии» Отто Граутоффа (Лейпциг, 1907), «Искусство книги» Феликса Поппенберга (Берлин, 1908) [47]. В 1914 г. популярный лондонский журнал «Студио» выпустил специальный номер под названием «Искусство книги».

[47] См.: Grautoff O. Die Entwicklung der modernen Buchkunst in Deutschland. Leipzig, 1901. 219 S.; Poppenberg F. Buchkunst. Berlin, 1908. 152 S.

В России на искусствоведческие аспекты книги впервые обратили внимание теоретики «Мира искусства». В 1910 г. на страницах киевского журнала «Искусство и печатное дело» А. Н. Бенуа сформулировал задачи новой отрасли и наметил ее границы[48]. В дальнейшем вопрос о художественном облике книги был поднят П. П. Вейнером на съезде художников 1912 г., а вопрос о книжной графике — Н. Э. Радловым в 1913 г. на страницах журнала «Аполлон»[49].

Критический обзор предреволюционных публикаций — применительно к искусству графики вообще — сделал А. А. Сидоров[50]. Он подробно рассмотрел теоретические положения книги «Современная русская графика» (Пг., 1917), текст которой был написан Н. Э. Радловым, а предисловие С. К. Маковским. Книга вышла в свет до Октября и не может рассматриваться в рамках советского искусствоведения.

Выступления А. Н. Бенуа, П. П. Вейнера, Н. Э. Радлова, С. К. Маковского подготовили почву для обсуждения проблемы в первые послеоктябрьские годы. О вопросах иллюстрирования книги говорили на заседаниях Литературно-художественной комиссии ЛИО Наркомпроса, на страницах печати.

19 июня 1919 г. в еженедельном журнале «Пламя», выходившем в Петрограде под редакцией А. В. Луначарского, была опубликована небольшая статья Н. Э. Радлова, посвященная книжной графике. Свои теоретические положения автор построил, основываясь лишь на творчестве художников «Мира искусства». Значение этой статьи для становления советского искусствоведения книги преуменьшать нельзя: это первый отклик партийной, советской журналистики на проблему.

Н. Э. Радлов поставил перед собой задачу указать «основные принципы нового искусства книги»[51]. Становление нового искусства книги виделось ему как «возвращение к основным принципам книжного искусства старины. Возрождение прежнего отношения к работе над книгой и прежней любви к книге», и в этом сказалась его ограниченность. Однако основная теоретическая посылка «книга — такое же целое, как и здание» была справедливой. Следовал вывод о том, что «отдельные элементы ее (т. е. книги.— *Авт.*) должны быть подчинены одной общей идее и так же

[48] См.: Бенуа А. Задачи графики.— Искусство и печ. дело, 1910, № 2—3, с. 41—48.

[49] См.: Вейнер П. П. Художественный облик книги. Тр./Съезд художников, т. 3, 1912, с. 40—46; То же.— Искусство, живопись, графика и художественная печать, 1912, № 3—4, с. 121; Радлов Н. Э. Современная русская графика и рисунок.— Аполлон, 1913, № 6, с. 5—23; № 7, с. 5—19.

[50] См.: Сидоров А. А. Русская графика начала XX века. М., 1969, с. 19—26.

[51] Радлов Н. Э. Русская книжная графика.— Пламя, 1919, № 59, с. 7—9.

согласованы между собой, как части архитектурного целого». Н. Э. Радлов требовал от художника подчинить единому замыслу все основные элементы книги — «рисунок обложки, шрифт, иллюстрации, виньетки, заглавные буквы». Вторым требованием было соответствие техники рисунка плоскостному характеру страницы. В прошлом этому требованию, по мнению Н. Э. Радлова, лучше всего отвечала ксилография. Ныне принципы гравюры перенесены в «технику рисования для печати», что Н. Э. Радлов и называет «книжной графикой».

Отметим, что почти весь номер «Пламени», в котором опубликована статья Н. Э. Радлова, посвящен книжной графике. На титульном листе воспроизведен рисунок С. В. Чехонина, символизирующий крушение старого капиталистического мира. В журнале репродуцированы иллюстрации и виньетки И. Я. Билибина, А. Н. Бенуа, М. В. Добужинского, Е. Е. Лансере, А. П. Остроумовой-Лебедевой, К. А. Сомова.

В 1919 г. на страницах журнала «Москва» были опубликованы две гравюры из сюиты буквиц В. А. Фаворского к «Суждениям аббата Жерома Куаньяра» Анатоля Франса. Публикация дала повод искусствоведу П. П. Муратову для написания небольшого эссе «Об иллюстрации». Об инициалах Фаворского Муратов пишет: «Примененные как украшения книги, они все же являют нам облик вещей и людей, упоминаемых Франсом, и тем самым иллюстрируют его страницы». Далее следовал риторический вопрос: «Нуждаемся ли мы в такой иллюстрации?» Мнение искусствоведа было однозначно: «Иллюстратор, добросовестно и терпеливо наряжающий вымысел в уборы исторически и географически верного быта, оказывает читателю хорошей книги плохую услугу» [52].

Муратов радовался тому, что советская книга «не заражена» «манией иллюстративной». «Никому до сих пор не пришло в голову иллюстрировать Достоевского»,— пишет он (а несколько лет спустя появились превосходные иллюстрации М. В. Добужинского к «Белым ночам»).

По сообщению журнала «Москва», отдельное издание «Суждений аббата Жерома Куаньяра» с 14 буквицами В. А. Фаворского в 1919 г. готовилось в издательстве «Альциона». Издание это, однако, не вышло. Работа Фаворского увидела свет лишь много лет спустя.

Своеобразной приметой времени был расцвет ручных репродукционных процессов. На страницах журналов и книг ксилография и линогравюра почти полностью вытесняют автотипию и цинкографию. «Крайние трудности издательского дела, отсутствие цинка, затруднения репродукционной техники,— писали в 1920 г. Д. И. Мельников и А. А. Сидоров,— дали толчок к необычайному

[52] Муратов П. Об иллюстрации.— Москва, 1919, № 3, с. 12.

развитию гравюры на дереве и линолеуме,— расцвет которых, подготовленный, конечно, общим признанием за графикой права самостоятельного искусства, настолько важен и характерен, что о нем хотелось бы говорить особо и подробно» [53].

«Особо и подробно» о гравюре А. А. Сидорову удалось рассказать на страницах книги «Русская графика за годы революции», которая впервые была опубликована (в сокращенном виде) в юбилейной, посвященной пятилетию Великой Октябрьской социалистической революции, седьмой книге журнала «Печать и революция» за 1922 г. Год спустя работа вышла отдельным изданием.

В 1921 г. на страницах первых номеров журнала «Печать и революция» — главного проводника политики большевистской партии в области книжного дела — был опубликован труд А. А. Сидорова «Искусство книги» [54]. В 1922 г. он вышел отдельно в издании московского Дома печати.

В своей теме А. А. Сидоров выделил три основных аспекта: печать, внешность и иллюстрацию. Этим аспектам соответствовали одноименные разделы исследования. Первые два нуждаются в терминологическом пояснении. Под «печатью» А. А. Сидоров подразумевал искусство шрифта, набора и верстки, под «внешностью» — художественное убранство обложки и переплета.

Так осмысливался объем понятия «искусство книги». На первых порах оно было ограниченным. А. А. Сидоров утверждал, например, что «вопрос о бумаге находится за пределами вопроса об искусстве книги» [55]. В этом отношении он сделал шаг назад по сравнению с А. Н. Бенуа. Но в другом прогресс очевиден. То, что у теоретика «Мира искусства» только-только намечалось и декларировалось, А. А. Сидоров превратил в теоретическое знание, базирующееся на основательном практическом фундаменте.

В изданных в 1917—1918 гг. монографиях о Дюрере и Бердслее А. А. Сидоров говорил об иллюстрации как о самостоятельном произведении искусства, существующем как в книге, так и вне ее. Позднее он заявил, что «входя в область того чудесного печатного организма, который именуется книгой, изобразительное искусство, если оно хочет быть честным, должно подчинить себя логике книжной формы». И пояснил: «...если в книгу оказывается необходимым внести рисунок, то рисунок этот никоим образом не должен „убивать“ страницу каким-либо ухищрением» [56].

«Логика книжной формы» — в этом словосочетании некоторые критики впоследствии увидели элементы формализма. Многократ-

[53] Мельников Д. И., Сидоров А. А. Что делают русские художники.— Творчество, 1920, № 11—12, с. 45. Подписи: Д. И. М., А. А. С.

[54] См.: Сидоров А. А. Искусство книги.— Печать и революция, 1921, № 1, с. 42—50; № 2, с. 37—48; № 3, с. 58—69.

[55] Сидоров А. А. Искусство книги. М., 1922, с. 13.

[56] Там же, с. 88.

но цитировали они и данное мимоходом А. А. Сидоровым определение книги как комбинации покрытых печатными буквами бумажных страниц. Между тем автор меньше всего думал об определениях. Его значительно больше интересовали практические нужды молодого советского книжного дела. Недаром свое исследование, новаторский характер которого признавали и критики, он закончил словами: «Работа над повышением уровня книжного мастерства да будет признана одною из самых неотложных культурных задач текущего момента»[57].

Об «Искусстве книги» много спорили[58]. Появление этой работы на страницах «Печати и революции» было отмечено «Правдой». «Автор широко и глубоко ставит вопрос о значении внешности книги,— писала газета,— об искусстве ее производства, о той огромной роли, которую играют все технические создатели книги. На эту тему так мало было до сих пор написано, что статья, красочно и богато иллюстрированная образцами шрифтов и набора, приобретает особенное значение»[59].

Отдельное издание «Искусства книги» заинтересовало В. И. Ленина и было приобретено для его библиотеки[60].

Труд А. А. Сидорова, созданный в первые годы Советской власти, выдержал проверку временем и стал своего рода книговедческой классикой. В 1972 г. «Искусство книги» было переиздано[61].

Первые шаги советского искусствоведения книги отмечены и несколькими работами, посвященными отдельным периодам в истории отечественного оформительского искусства, крупнейшим его мастерам. Назовем статью П. М. Дульского «Книга и ее художественная внешность», появившуюся в 1921 г. на страницах журнала «Казанский библиофил», а затем выпущенную отдельным изданием[62]. Заголовок здесь не соответствует содержанию: статья посвящена истории книгопечатания в Казани и акцентирует оформительские аспекты. Теоретическое введение, занимающее всего две страницы, емко и лаконично: «Необходимость искусства книги мотивируется свойством печатного произведения „очаровывать нас своим художественным обликом“ и тем, что „опрятно изданная

[57] Сидоров А. А. Искусство книги. М., 1922, с. 101.

[58] См.: А. Э.— Вестн. искусств, 1922, № 5, с. 36—37; Фабрикант М.— Среди коллекционеров, 1922, № 10, с. 44—45; Книга и революция, 1923, № 1, с. 62—63; Брик О. М. Услужливый эстет.— ЛЕФ, 1923, № 2, с. 92—103.

[59] Правда, 1921, 15 сент.

[60] См.: Библиотека В. И. Ленина в Кремле: Каталог. М., 1961, с. 530.

[61] См.: Сидоров А. А. Книга и жизнь. М., 1972, с. 9—36; См. также миниатюрное издание: Сидоров А. А. Искусство книги. М., 1979, 216 с.

[62] См.: Дульский П. М. Книга и ее художественная внешность (в связи с казанским книгопечатанием).— Казан. библиофил, 1921, № 1, с. 28—44.

книга" всегда должна нам нравиться больше, нежели книга небрежно и неряшливо отпечатанная».

* * *

Что можно сказать об искусстве книги первых лет Советской власти, подводя первичные, самые общие итоги? Художественное убранство печатных изданий было достаточно пестрым. Здесь соседствовали традиционные приемы, культивировавшиеся художниками группы «Мир искусства», и новаторские поиски, которые во многих отношениях оставались сугубо формальными. Делали первые шаги художники, стремившиеся выявить средствами оформительского мастерства функциональные особенности книги. Из опытов К. С. Малевича и Л. М. Лисицкого впоследствии, уже во второй половине 20-х гг., сформируется конструктивистское направление в искусстве книги, получившее всемирную известность и оказавшее значительное воздействие на становление современного оформительского мастерства.

Значительны успехи молодого советского книжного дела в области создания хорошо оформленной массовой политической книги, народных изданий художественной литературы. Именно здесь были сделаны первые шаги к тому, чтобы искусство книги преодолело элитарную библиофильскую направленность и было поставлено на службу народу.

Становление советского книгораспространения

Муниципализация книжных запасов и национализация книжной торговли.— Книгораспространение до образования Центропечати.— Деятельность Центропечати и комиссий по распространению произведений печати.— Переход к бесплатному распространению произведений печати.— В. И. Ленин и вопросы книгораспространения в период перехода к нэпу.— Реорганизация Центропечати.— Начало внешней торговли произведениями печати.

В 1917 г. выпуск книг в России сократился по сравнению с 1913 г. почти в три раза. Запасы дореволюционной книжной продукции, которые можно было использовать, находились на складах частных книготорговых фирм и были недоступны массовому читателю. Цены на художественную литературу, на учебники поднялись в несколько раз, книги продавались из-под полы. Дезорганизация книжного рынка и спекуляция печатной продукцией побудили Советское государство приступить к национализации или частичной муниципализации книготорговых предприятий.

Муниципализация книжных запасов и национализация книжной торговли. Задача национализации книготоргового аппарата и организации системы распространения печати на принципиально новой социалистической основе встала сразу же после установления Советской власти.

Первым было национализировано контрагентство* крупнейшего книгоиздателя и книготорговца России А. С. Суворина, который, используя предоставленную ему монополию, владел широкой сетью книжно-газетных киосков на железных дорогах страны (около 1660 пунктов).

Вот как рассказывал об этом один из старейших работников книжной торговли, участник послереволюционной перестройки системы книгораспространения Э. Г. Голомб: «8 ноября отряд матросов явился в Петроградскую контору контрагентства Суворина, где после краткого митинга было объявлено о переходе контрагентства в подчинение Смольному. Через день был назначен правительственный комиссар, и бывшее контрагентство Суворина в Москве и Петрограде получило название „Контрагентство Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета“»[1].

На заседании Президиума ЦИК 23 января 1918 г. было принято постановление: «Все железнодорожные киоски контрагентства А. Суворина переходят в собственность ЦИК; ввиду имеющихся

* После смерти А. С. Суворина (1912) его контрагентство, преобразованное в акционерную компанию, во многих документах сохраняло прежнее название.

[1] Голомб Э. Г., Фингерит Е. М. Распространение печати в дореволюционной России и в Советском Союзе. М., 1967, с. 75.

сведений о расхищении книг в них ЦИК предлагает всем агентам оставаться на своих местах, ибо ответственность за сохранность имущества падает на них. Для заведывания всеми делами агентства учреждается особая комиссия из представителей ЦИК и ЦК железнодорожных союзов. Местным Советам предлагается образовать комиссии с участием представителей от местных железнодорожных комитетов для приема киосков и приведения в жизнь настоящего постановления [2].

Особенно активно перестройка книготоргового аппарата проходила в Москве.

23 октября 1918 г. Президиум Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов принял постановление «О муниципализации книжной торговли и книгоиздательства» [3]. В соответствии с ним все имеющиеся в Москве частные книгоиздательства, книжные склады, магазины, лавки и библиотеки общественного пользования объявлялись собственностью Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов.

После реализации этого постановления Моссовет получил свыше 10 млн. книг и брошюр. Народным достоянием стали текущие счета и банковские вклады издателей и книготорговцев, помещения книготорговых контор, складов и магазинов. Двадцать магазинов продолжали работать под контролем Моссовета. Семь из них распределяли литературу по организациям и учебным заведениям, а два продавали букинистическую книгу.

Так началась муниципализация — переход материальных средств книжной торговли в ведение местных органов власти [4].

Для борьбы со спекуляцией произведениями печати Моссовет установил предельные нормы цен. Цены на книги, изданные до 1916 г., могли быть увеличены не более чем на 100%; на книги, изданные в 1917 г.,— не более чем на 50%; на книги, изданные в 1918 г., повышать цены не разрешалось [5].

В условиях «книжного голода» муниципализация книжной торговли являлась вынужденной мерой. В процессе ее проведения не обошлось без перегибов: так, были закрыты небольшие антикварные магазины, опечатаны магазины и книжные склады частных издательств — контрагентов Наркомпроса, что отрицательно сказалось на выполнении ими обязательств перед Советским государством. Обеспокоенный этим, заместитель народного комиссара по просвещению М. Н. Покровский обратился в Совнарком с письмом, в котором сообщал, что в результате муниципализации «налаженная уже работа отделов комиссариата по снабжению школ

[2] Известия, 1918, 24 янв.

[3] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти. (1917—1922): Сб. док. и материалов. М., 1972, с. 158—159.

[4] См.: Говоров А. А. История книжной торговли в СССР. М., 1976, с. 247—248.

[5] Известия, 1918, 29 окт.

и библиотек книгами и учебными пособиями должна на неопределенное время приостановиться», и просил: «в срочном порядке» замедлить действие постановления Моссовета[6]. Известное недовольство муниципализацией высказывали и полиграфисты, опасавшиеся резкого сокращения загрузки типографий.

Декрет СНК от 26 ноября 1918 г. постановил, что реквизиция библиотек, книжных магазинов, книжных складов и книг вообще может производиться лишь под контролем органов просвещения[7]. На основе декрета реквизировались библиотеки помещиков и капиталистов, бывших царских ведомств и т. п. Книги поступали в рабочие клубы, красные уголки, избы-читальни.

Муниципализация книжной торговли проводилась и в Петрограде. 20 декабря 1919 г. Петроградский Совет рабочих и красноармейских депутатов вынес решение о муниципализации крупных книгохранилищ «в целях борьбы с усиливающейся спекуляцией в области продажи и вывоза книг и для урегулирования отпуска, распределения и правильного использования книг из книжных складов»[8]. Немедленной муниципализации подлежали книжные склады, магазины и все движимое и недвижимое имущество, принадлежавшее крупным издательским и книгопродавческим фирмам Маркса, Девриена, Брокгауза и Ефрона, Вольфа, Карбасникова, Панафидиной, Гольта, Риккера, Глазуновых, Башмакова, Цукермана, Базлова, Сытина.

В 1919 г. муниципализация и национализация книжной торговли проходили в провинции. К марту этот процесс был завершен в 18 губерниях[9].

Проводимые органами Советской власти мероприятия не смогли ликвидировать «книжный голод», спекуляцию на книжном рынке, которые особенно резко заявили о себе к концу 1919 г. В условиях дезорганизации книжной торговли единственным реальным выходом стала централизация распределения литературы, сосредоточение книжных запасов в руках государства.

29 января 1920 г. коллегия Наркомпроса постановила: «Принципиально признать необходимой национализацию всех торговокнижных складов, включая сюда и муниципализированные»[10].

На заседании Совнаркома 20 апреля 1920 г. были принят декрет, по которому все запасы книг и иных произведений печати, принадлежавшие частным лицам, кооперативным и другим организациям и учреждениям, а также муниципализированные Советами, объявлялись собственностью государства, т. е. национализировались. Действие декрета не распространялось на частные или

[6] Цит. по: Динерштейн Е. А. Положившие первый камень: Госиздат и его руководители. М., 1972, с. 11.
[7] См.: Декреты Советской власти. М., 1968, т. 4, с. 70—71.
[8] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 173.
[9] ЦГА РСФСР, ф. 557, оп. 1, д. 9, л. 84.
[10] Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 202.

кооперативные книгоиздательства, литературные и просветительные общества, запасы которых на общих основаниях поступали в Наркомпрос для распределения через его органы[11].

Мероприятия Советской власти лишили капиталистическую книжную торговлю необходимой почвы: склады и книжные магазины дореволюционных торговых фирм перешли в собственность государства, однако систему распространения книг Советская власть должна была полностью создавать заново, в соответствии с задачами социалистического преобразования общества.

Книгораспространение до образования Центропечати. Созданное в первые дни Октября на базе контрагентства Суворина контрагентство ВЦИК приняло на себя снабжение произведениями печати всех провинциальных Советов, культурно-просветительных отделов и рабочих клубов, профессиональных союзов и пр. Для того времени это был наиболее разветвленный аппарат распространения печати, но он продолжал действовать по-старому. Сказался и саботаж чиновничества: многие специалисты бежали за границу, другие вредили делу, не желая работать в новых условиях.

Требовалась коренная перестройка всего аппарата контрагентства. План такой перестройки контрагентство ВЦИК направило в июне 1918 г. Совету Народных Комиссаров, где он был детально обсужден и принят[12].

Железнодорожные киоски стали использоваться как пункты распространения печати в городах и других местностях, прилегающих к железным дорогам. Контрагентство ВЦИК приняло меры к увеличению числа киосков. Так, 7 февраля 1918 г. «Правда» сообщала: «В ближайшее время будут организованы на всех более или менее крупных станциях железных дорог новые киоски, и при Петроградском издательском отделе ВЦИК будут укомплектованы социалистические библиотеки и организовано через железнодорожные киоски планомерное, массовое снабжение провинции социалистической литературой»[13].

В начале июня 1918 г. Президиум Московского Совета рабочих и красноармейских депутатов признал желательным ликвидацию частных контрагентств, снабжающих литературой городские киоски и провинцию, и предложил контрагентству ВЦИК взять на себя проведение этого решения в жизнь[14]. С 26 июня в ведение контрагентства перешла торговля произведениями печати в Москве.

Из месяца в месяц контрагентство расширяло масштабы распространения периодики. Если с 26 января по 1 марта 1918 г.

[11] Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 72—73.
[12] См.: Голомб Э. Г., Фингерит Е. М. Указ. соч., с. 76.
[13] К переходу железнодорожных киосков в собственность ЦИК.— Правда, 1918, 7 февр.
[14] См.: Правда, 1918, 6 июня.

было распространено более 700 тыс. газет и журналов, то в августе того же года — уже около 8 млн. До национализации агентство А. С. Суворина продавало до 400—500 экз. книг и до 10 тыс. экз. газет в день. К сентябрю 1918 г. контрагентство ВЦИК ежедневно распространяло книг и брошюр до 200—220 тыс. экз., газет — до 560 тыс. экз. [15]

Для широкого распространения произведений печати с осени 1918 г. на местах создаются специальные органы контрагентства ВЦИК. Разработанная совместно Народным комиссариатом внутренних дел и контрагентством инструкция предусматривала создание губернских экспедиций, через которые должны были проходить все заказы «на газеты, литературу и учебники». Существующие экспедиции произведений печати, газетно-книжные киоски, артели продавцов-газетчиков, конторы по приему подписки, объявлений и заказов на внешнюю рекламу переходили в ведение губагентств. Губагентства должны были также принимать подписку на все выходящие в России издания и выполнять заказы местных учреждений и органов распространения печати, устанавливать потребность населения в книге, контролировать открывающиеся пункты продажи советской периодики в почтово-телеграфных учреждениях и работу железнодорожных киосков, организовывать продажу книг. Предписывалось совместно с отделом исполкома немедленно приступить к созданию подобных отделений при уездных исполкомах. В документе регламентировались техническое устройство губагентства, порядок работы, взаимоотношения с местными организациями, учреждениями и т. п. [16] Инструкция легла в основу работы местных органов по распространению печати.

В телеграмме-инструкции НКВД Советам депутатов от 1 октября 1918 г. указывалось, что на открытие губернских отделений контрагентств им переводится по 50 тыс. руб. [17] Предполагалось открыть отделения в 25 городах Европейской России [18].

Наряду с губернскими контрагентствами предполагалось создать на местах уездные и волостные агентства. Их деятельность регламентировалась разосланной 5 ноября 1918 г. Инструкцией о задачах уездных и волостных агентов, в которой предлагалось наладить систематическое платное распространение периодики и книг, а также расклейку плакатов, воззваний, приказов и т. п.; повсеместно открыть подписку на газеты, журналы и различные издания, «причем усиленно рекламировать самую идею распространения революционной литературы среди широких трудовых масс путем лекций, организации культпросветов, кружков и клубов»; оборудовать уездный книжный склад; «следить за книжным

[15] ЦГА РСФСР, ф. 557, оп. 1, д. 1, л. 1—2.
[16] См.: Голомб Э. Г., Фингерит Е. М. Указ. соч., с. 80—81.
[17] ЦГА РСФСР, ф. 557, оп. 3, д. 12, л. 122.
[18] Там же, л. 142.

рынком в данном уезде и наблюдать за появлением нелегальной контрреволюционной литературы; руководить работой волостных агентств»[19].

Таким образом, уже с момента образования государственного аппарата распространения произведений печати на местах его функции предполагали не столько механическое экспедирование литературы, сколько большую работу по пропаганде политики Советской власти в массах.

В течение 1918 г., наряду с контрагентством ВЦИК, действовали и другие организации распространения печати, в частности, соответствующие отделы первых советских издательств. Наиболее широко развернул работу отдел распространения Издательства ВЦИК. Возглавлявший Издательство ВЦИК К. С. Еремеев придавал большое значение пропаганде печатного слова.

Общее направление этой деятельности намечено в Схеме организации распространения произведений печати по всей России, составленной летом 1918 г.[20] Основная задача виделась в создании на всей территории РСФСР губернских, уездных и волостных агентур для организации с их помощью «повсеместной продажи изданий путем устройства книжных магазинов, постоянных и передвижных киосков...».

В июле — августе 1918 г. отдел распространения Издательства ВЦИК интенсивно создавал в провинции свою агентуру. Об этом, в частности, говорят данные отчета от 12 сентября 1918 г., где указывается, что «из 26 губерний 225 уездов, в которых возможна работа, в 18 губернских и 33 уездных городах уже имеется агентура, а с 6 губерниями и 27 уездами установлена связь и подыскиваются агенты».

В отчете отмечалось, что за 2,5 месяца отдел распространил через агентуру и при помощи различных организаций и учреждений около 3 тыс. листовок и воззваний и роздал для расклейки в селах и деревнях еще 235 тыс. Кроме того, через специальных распространителей по предприятиям Москвы и Московской губернии было разослано около 400 тыс. листовок и воззваний. Были приняты заказы на литературу на сумму около 4 млн. руб. Агенты продавали литературу на всех митингах и собраниях Москвы. Для систематического распространения листовок и воззваний отдел заключил соглашения с рядом организаций (Военно-продовольственным бюро Московского Совета профсоюзов, Военно-продовольственным бюро Комиссариата продовольствия, Советом санитаров)[21].

[19] См.: Подмазова Т. А. К истории книгораспространения в первые годы Советской власти: По материалам архива Центропечати.— Кн. торговля: Исслед. и материалы, 1975, сб. 2, с. 141—142.

[20] ЦГА РСФСР, ф. 557, оп. 1, д. 18а, л. 26, 38.

[21] Там же, оп. 2, д. 4, л. 90—92.

К декабрю 1918 г. отдел распространения располагал разветвленной сетью губернских и уездных агентств (в 29 губерниях и 165 уездах), являвшихся своеобразными посредниками между провинцией и центром[22].

Чтобы ускорить и улучшить продвижение книг, газет и журналов в массы трудящихся, Советское правительство решило привлечь к распространению печати аппарат почты. В августе 1918 г. при Народном комиссариате почт и телеграфов был образован отдел по распространению советской литературы[23]. 22 сентября 1918 г. «Правда» поместила объявление о продаже газет и журналов во всех почтово-телеграфных учреждениях[24]. С октября 1918 г. контрагентство ВЦИК начало регулярно посылать им газеты и журналы.

«Известия ВЦИК» сообщали 15 ноября 1918 г. об открытии в 4 тыс. почтовых контор розничной продажи центральных газет[25]. Эта работа была закреплена за почтово-телеграфным ведомством декретом Совета Народных Комиссаров от 21 ноября 1918 г., подписанным В. И. Лениным. Декрет, в частности, гласил: «1. С 1 декабря 1918 года во всех учреждениях почтово-телеграфного ведомства открыть розничную продажу газет, журналов, брошюр и книг, издаваемых органами Советской власти или коммунистическими организациями»[26].

В статье народного комиссара почт и телеграфов В. Н. Подбельского, опубликованной в «Правде» в феврале 1919 г., приведены сведения о значительном увеличении розничной продажи изданий при почтово-телеграфных учреждениях в первые месяцы введения декрета[27].

Вместе с тем использование аппарата почты не смогло заметно улучшить снабжение страны произведениями печати. Решить этот важный вопрос была призвана специальная организация, созданная в конце 1918 г.

Деятельность Центропечати и комиссий по распространению произведений печати. К концу 1918 г. стало очевидно, что одновременное существование различных каналов снабжения населения и армии литературой тормозит налаживание четкой системы распространения печати. Встал вопрос о централизации распространения печати в стране.

В двадцатых числах октября 1918 г. в Москве состоялось межведомственное совещание, созванное Президиумом ВЦИК. На нем

[22] См.: Уманцев Я. Красная книга и газета и их распространение.— Вестн. жизни, 1919, № 3—4, с. 126—130.
[23] См.: Известия, 1918, 31 авг.
[24] См.: Продажа газет и журналов. — Правда, 1918, 22 сент.
[25] См.: Распространение советской печати.— Известия, 1918, 15 нояб.
[26] Декреты Советской власти. М., 1968, т. 4, с. 48—49.
[27] См.: Подбельский В. Продажа произведений рабочей печати.— Правда, 1919, 6 февр.

присутствовали представители ЦК РКП(б), контрагентства ВЦИК, Издательства ВЦИК, Наркомата почт и телеграфов, Наркомата внутренних дел и др. Совещание постановило «в ближайшее же время все учреждения, ведающие распространением литературы на местах, объединить в одно центральное учреждение, наименовав его Комиссариатом печати»[28].

Вопрос о создании Комиссариата печати рассматривался 28 октября 1918 г. Президиумом ВЦИК, который предполагал направить этот проект в Комиссию по печати, образованную при Народном комиссариате внутренних дел. Одновременно в Наркомпросе возникла идея организации Всероссийского центра в области печати, поэтому дело могло затянуться. Не желая терять времени, Президиум ВЦИК декретом от 23 ноября 1918 г. учредил на базе двух подведомственных ему аппаратов (контрагентства ВЦИК и отдела распространения при Издательстве ВЦИК) Центральное агентство ВЦИК по снабжению и распространению произведений печати — Центропечать.

В соответствии с декретом, Центропечать должна была стать государственным органом распространения и экспедирования всех выходящих в России изданий. Предполагалось, что новая организация будет снабжать произведениями печати Красную Армию, культурно-просветительные и почтово-телеграфные учреждения, ведать всеми газетно-журнальными киосками на железнодорожных станциях, открывать книжные магазины, организовывать подвижные вагоны-лавки, артели газетчиков и т. п. Для успешного выполнения этих сложных задач нужно было создать разветвленный аппарат на местах.

Как орган просветительного характера Центропечать была организационно отнесена к Народному комиссариату просвещения. В то же время в декрете отмечался межведомственный характер ее деятельности. Центропечати поручалось в тесном сотрудничестве с ПУР распространять произведения печати в Красной Армии. Аналогично предусматривались ее связи с Главполитпутем и Центрагитом. Новая организация должна была распространять по стране издания комиссариатов.

Политический контроль за деятельностью Центропечати осуществлял ЦК РКП(б)[29].

Постановлением Президиума ВЦИК общим руководителем Центропечати был назначен Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич (1873—1955), заведующим — член ВЦИК Борис Федорович Малкин (1891—1938).

Б. Ф. Малкин был одним из организаторов партии левых эсеров и членом ее ЦК. После Октябрьской революции стал членом Президиума ВЦИК II и VI созывов; руководил Петроградским телеграфным агентст-

[28] Цит. по: Динерштейн Е. А. Положившие первый камень, с. 9.
[29] См.: Декреты Советской власти. М., 1968, т. 4, с. 52—53.

вом, был одним из редакторов газеты «Известия». Весной 1918 г. вступил в большевистскую партию. В 1919—1921 гг. руководил Центропечатью. В дальнейшем работал директором Изогиза [30].

Единый государственный аппарат распространения советской печати приходилось строить в труднейших условиях интервенции и гражданской войны. Партия объявила Республику военным лагерем и перестраивала всю жизнь и работу на военный лад. Неизмеримо возросло значение большевистской печати. Фронт требовал не только боеприпасов, но и агитационной литературы, газет, которые подчас оказывались сильнее артиллерии.

Нужны были быстрые и решительные действия вновь созданного органа распространения печати. 1—4 декабря 1918 г., через две недели после опубликования декрета о Центропечати, в Москве прошел I Всероссийский организационный съезд местных работников Центропечати. На нем шла речь о необходимости централизации издательского дела, что обеспечило бы регулярное снабжение литературой. Делегаты выдвинули в качестве первостепенной задачи «истинную национализацию книжной торговли с коммунистическим учетом и распределением». На съезде был выработан ряд практических мер по расширению административных функций местной агентуры Центропечати, улучшению экспедирования литературы, прежде всего в прифронтовой зоне [31].

В телеграмме, посланной съездом В. И. Ленину, отмечалось, что I съезд работников Центропечати, «собравшись для практического разрешения вопроса и наилучшей постановки дела распространения литературы в Советской России, заявляет, что он приложит все силы к тому, чтобы в самый кратчайший срок растянуть во все концы нашей социалистической родины густую сеть распространения краснопечатного слова и выудить контрреволюционную клевету и ложь, до сих пор запутывающие неосведомленные широкие массы» [32].

И в дальнейшем ВЦИК стремился к объединению в Центропечати всего распространения и экспедирования произведений печати, устранению параллелизма. Этому в значительной степени способствовало постановление ВЦИК от 12 мая 1919 г., по решению которого с 1 июня 1919 г. экспедиция Военного отдела Издательства ВЦИК перешла в ведение Центропечати [33].

Для регулирования заказов военных организаций и сношения с ними при иногороднем отделе Центропечати был организован подотдел военных заказов, подчиненный политотделу Реввоенсовета Республики. Он должен был, в частности, выработать нормы

[30] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 527; т. 52, с. 489.
[31] См.: Уманцев Я. Красная книга и газета и их распространение.— Вестн. жизни, 1919, № 3—4, с. 126—128.
[32] Телеграмма товарищу Ленину/Публ. Е. Л. Немировского.— Кн. торговля: Исслед. и материалы, 1975, сб. 2, с. 219—220.
[33] См.: Декреты Советской власти. М., 1971, т. 5, с. 173—174.

распределения произведений печати среди красноармейских частей, а также среди населения прифронтовой полосы.

Как в центре, так и на местах все военные экспедиции агитпросветов, обслуживающие красноармейские части периодической печатью, сливались с местными экспедициями Центропечати[34].

Аппарат Центропечати в Москве состоял из 22 отделов с общим штатом до 3 тыс. человек. Среди основных подразделений были: управление делами (заведующий Э. Г. Голомб), центральная экспедиция, иногородный (организационно-инструкторский) отдел, так называемая «команда агентов», отдел учета и распределения, железнодорожный, лекционно-концертный, афишно-плакатный отделы, отдел «Советская пластинка», библиографический[35].

Организацией, осуществлявшей экспедирование в рамках Центропечати, стала центральная экспедиция, руководившая деятельностью экспедиционных служб в типографиях и на вокзалах во всех районах Москвы. Для упрощения экспедирования был установлен порядок, при котором газеты направлялись непосредственно из типографий в вагоны-теплушки, минуя экспедицию, и в почтовые вагоны, минуя почтамт. Для экспедирования произведений печати в отдаленные районы страны, с которыми не было железнодорожного сообщения, использовали гужевой транспорт[36].

Важную роль в улучшении распространения литературы в районе боевых действий Красной Армии сыграл приказ председателя Реввоенсовета Республики от 21 июня 1919 г., который предписывал всем представителям военного ведомства оказывать на железных дорогах всемерное содействие срочному распространению советской печати[37].

Деятельность Центропечати отличалась известной гибкостью, соответствовала требованиям текущего момента. Так, в связи с наступлением войск Деникина на Южном фронте и объявлением военного положения в ряде губерний в мае 1919 г. ВЦИК потребовал от Центропечати усилить агитационную работу в Московской, Рязанской, Тульской, Орловской, Калужской, Воронежской губерниях. Особое внимание обращалось на широкое распространение агитационной литературы по деревням и среди красноармейцев[38].

В поисках агитсредств массового характера Центропечать обратилась к использованию грамзаписи. Был организован отдел граммофонной пропаганды и производства грампластинок «Советская пластинка». В. И. Ленин придавал большое значение пропаганде с использованием записей. В помещении Центропечати

[34] ЦГА РСФСР, ф. 557, оп. 1, д. 4, л. 2—2 об.
[35] Там же, д. 127, л. 1—2.
[36] См.: Голомб Э. Г., Фингерит Е. М. Указ. соч., с. 94—95.
[37] Бюл. Центропечати, 1920, № 1, с. 9.
[38] ЦГА РСФСР, ф. 557, оп. 1, д. 9, л. 53.

был оборудован кабинет звукозаписи. В. И. Ленин составил список руководящих советских и партийных работников, которые должны были выступить с речами.

В течение 1919—1921 гг. работники Центропечати записали 13 речей В. И. Ленина и среди них «Что такое Советская власть?», «Обращение к Красной Армии», «О крестьянах-середняках», «О продовольственном налоге или продналоге», «О потребительской и промысловой кооперации». Пластинки с речами В. И. Ленина выпускались десятками тысяч. Ими в первую очередь снабжались Красная Армия, агитпункты и деревня[39]. Кроме речей В. И. Ленина, были записаны 40 речей ответственных работников по важнейшим вопросам партийной и советской жизни. За два года работы отдел выпустил свыше полумиллиона пластинок.

Большую помощь Центропечати оказывали агитпоезда и агитпароходы.

Первый военно-подвижной фронтовой литературный поезд имени В. И. Ленина отправился из Москвы по направлению к Казани в августе 1918 г.

Президиум ВЦИК на заседании 11 января 1919 г. рассмотрел Положение о литературно-инструкторских поездах ВЦИК, в котором говорилось, что такие поезда организуются для агитации, пропаганды, снабжения литературой и инструктирования. Так, агитпоезд «Октябрьская революция», который возглавил М. И. Калинин, побывал в городах и селах 15 губерний. В его составе был специальный вагон-магазин Центропечати, работники которого раздавали, расклеивали, продавали газеты, плакаты, книги[40].

Центропечать проводила огромную работу по организации на местах сети агентств — губернских, уездных, районных и волостных. К маю 1919 г. было создано 32 губернских и 284 уездных отделения Центропечати с общим числом служащих 1500 чел.[41] Немногим более года спустя, 1 апреля 1920 г., работало уже 44 губернских агентства, около 350 уездных и около 1200 районных и волостных агентств. В стране действовало 258 железнодорожных и 60 пароходных киосков, а также 9 вагонов-киосков[42]. К 1 января 1921 г. число местных агентств увеличилось до 58 губернских и 451 уездных[43].

Структура губернских агентств была типовой: в каждом из них имелись контора (которая вела делопроизводство и счетоводство, организовывала связь с уездами), а также книжный магазин,

[39] См.: Фингерит Е. М. В. И. Ленин и Центропечать.— Вестн. Моск. ун-та: Журналистика, 1969, № 6, с. 89.

[40] См.: Максакова Л. В. Агитпоезд «Октябрьская революция» (1919—1920). М., 1956, с. 9—10.

[41] ЦГА РСФСР, ф. 557, оп. 1, д. 9, л. 136.

[42] См.: Деятельность Центропечати.— Бюл. Центропечати, 1920, № 1, с. 2.

[43] См.: Бюл. Центропечати, 1921, № 4, с. 7.

книжный склад, сеть киосков. Штат губернского агентства — в среднем 16 человек.

Уездное агентство было меньше, но с аналогичной структурой. Уездные агентства создавали волостные агентуры и руководили ими. В волостях сотрудники работали на комиссионных началах, получая вознаграждение в виде скидки со стоимости отпускаемой литературы (15%).

Налаживание работы местного аппарата распространения печати было делом трудным и сложным. Центропечать оказывала провинции большую помощь, посылая туда инструкторов, назначая опытных сотрудников из центра. Так, например, в мае — октябре 1919 г. инструкторский подотдел обследовал деятельность 27 губернских и 60 уездных агентств, организовал ряд агитпунктов на местах, провел 10 губернских съездов книгораспространителей [44].

Работая в сложных условиях военного времени, сотрудники Центропечати проявляли глубокое понимание задач, стоящих перед ними как бойцами культурно-просветительного фронта. Об этом свидетельствуют, в частности, документы губернских съездов агентств. Так, в резолюции съезда Нижегородского губагентства говорилось о необходимости «использовать возможно шире печатное слово и другие средства в целях политического просвещения, агитации, информации и пропаганды идей и лозунгов момента, выдвинутых центром и местными революционными органами» [45].

Работники Центропечати видели прямую связь между распространением литературы и упрочением Советской власти на местах. Письмо Уральского областного агентства с просьбой о высылке литературы заканчивалось следующими словами: «Затраты дадут самые благоприятные результаты в смысле укрепления в области Советской власти и развития идей социализма. Чем больше мы распространим литературы среди населения, тем больше симпатии Советской России от казачества» [46].

Печатное слово в деревне губернские агентства распространяли через сеть районных и волостных агентур, которые хорошо знали нужды деревни. Агенты Центропечати разъезжали на специальных «Красных повозках» по селам, проводили громкие читки, снабжали книгами и газетами избы-читальни.

В 1919 г. среди организаций и учреждений было распространено около 36 млн. экз. книг и брошюр [47].

Через отделения Центропечати прошло около 60% всей литературы, которая поступала в основном в провинцию и в Красную Армию.

[44] ЦГА РСФСР, ф. 557, оп. 3, д. 88, л. 21.
[45] Там же, оп. 1, д. 9, л. 1.
[46] Там же, оп. 3, д. 57, л. 53.
[47] См.: Агеев М. О нашем производстве.— Всерос. печатник, 1921, № 10, с. 4.

В 1919 г. Центропечать распространила более 1200 млн. экз. газет, в том числе в Москве — 500 млн., в Петрограде — 150 млн., в провинциях — 500 млн. [48]

Около 40% тиража газет шло на снабжение Красной Армии [49].

Распространяемая в значительном количестве литература не удовлетворяла существующий спрос, в стране все больше и больше ощущался «книжный голод». Центропечать выполняла заказы с мест лишь на 10—20%. Так, в августе 1919 г. провинция потребовала литературы на 2 млн. руб., а выслано ее было на 530 тыс. руб., в сентябре было заказано книг и брошюр более чем на 7 млн. руб., в октябре — почти на 7 млн. руб., а выслано соответственно лишь на 458 и 870 тыс. руб. [50]

Важным событием стал 2-й Всероссийский съезд Центропечати, который состоялся 17—22 мая 1920 г.[51] Съезд собрался в условиях, когда Центропечать переходила от платного распространения к бесплатному распределению литературы. Это ставило перед аппаратом новые задачи, прежде всего по совершенствованию его организационной структуры. Особое внимание было уделено улучшению снабжения Красной Армии произведениями печати, стоял вопрос о более планомерном снабжении литературой деревни, об установлении тесной связи органов Центропечати с местными партийными организациями.

Второй съезд Центропечати сыграл большую мобилизующую роль в решении задач по распространению печати.

Кризис издательского дела в стране поставил на очередь вопрос о введении планового начала в распространение произведений печати (прежде всего, книг).

В конце 1919 г. функции распределения литературы фактически стали переходить к Госиздату, в составе которого была образована Центральная учетно-распределительная комиссия (ЦУРК). В комиссию вошли представители ЦК РКП(б), Просветительного отдела Политуправления Реввоенсовета, Внешкольного отдела и Отдела единой трудовой школы Наркомпроса, ВЦСПС, Центросоюза, Госиздата, Центропечати.

На первом заседании ЦУРК 2 декабря 1919 г. присутствовали К. Т. Новгородцева (ЦК РКП(б)), В. В. Воровский (Госиздат), Б. Ф. Малкин и Д. С. Пигит (Центропечать), М. А. Смушкова (Библиотечный подотдел Внешкольного отдела Наркомпроса).

Комиссия наметила основные направления деятельности. Она предложила Библиотечному подотделу Внешкольного отдела пред-

[48] См.: 2-й Всероссийский съезд Центропечати.— Бюл. Центропечати, 1920, № 2, с. 36.

[49] См.: Деятельность Центропечати в цифрах. — Бюл. Центропечати, 1920, № 1, с. 4.

[50] См.: Спрос на литературу.— Внешкол. образование, 1919, № 1, с. 89.

[51] См.: 2-й Всероссийский съезд Центропечати.— Бюл. Центропечати, 1920, № 2, с. 2—56.

ставить к следующему заседанию схему библиотечной сети, сведения об избах-читальнях и их потребности в литературе. Аналогичные сведения о библиотеках, находящихся в их ведении, должны были дать Политуправление Реввоенсовета и ВЦСПС[52].

Комиссия составила и разослала на места Положение о местных учетно-распределительных комиссиях[53].

В улучшении распространения литературы в стране известную роль сыграл декрет Совнаркома о национализации книжных запасов, утвержденный 20 апреля 1920 г. Совет Народных Комиссаров поручил Наркомпросу «принять все меры к тому, чтобы фактически объединить все дело распространения книг в одном государственном органе»[54].

Было утверждено постановление о создании при Наркомпросе Центральной распределительной комиссии (ЦРК)[55]. Отныне ни одно ведомство или учреждение не имело права самостоятельно распределять литературу, за исключением служебно-инструктивных изданий. Литература, издаваемая ведомствами, распределялась ЦРК при участии представителя данного ведомства.

В состав ЦРК были введены представители Госиздата, Внешкольного отдела, Школьного сектора, Научного сектора Наркомпроса, Политуправления РККА, ВЦИК, ВЦСПС. Первоочередной задачей комиссии стала разработка единого плана учета и распределения произведений печати.

Центральная распределительная комиссия приступила к работе 5 мая 1920 г. На первом заседании было организовано бюро в составе представителей Госиздата, Внешкольного отдела Наркомпроса и Политуправления. Бюро собиралось два раза в неделю и готовило материалы для рассмотрения комиссией. Заседания комиссии созывались еженедельно[56].

ЦРК разработала Положение о снабжении, на основе которого был определен порядок снабжения литературой библиотек, учреждений и организаций[57].

В апреле — августе 1920 г. комиссия разрабатывала нормы снабжения книгами библиотек и ведомств. С августа 1920 г. ЦРК начинает непосредственно распределять литературу и контролировать ее распределение. По планам, утвержденным ЦРК, были учреждены секции для распределения специальной литературы. К 1921 г. работали сельскохозяйственная, профессионально-техническая, научная и учебно-педагогическая секции. Вся литература по мере выхода в свет распределялась президиумом ЦРК или пе-

[52] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 7, л. 5.
[53] См.: 2-й Всероссийский съезд Центропечати.— Бюл. Центропечати, 1920, № 2, с. 23.
[54] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 71.
[55] См.: Бюл. Центропечати, 1920, № 1, с. 10.
[56] ЦГАОР СССР, ф. 395, оп. 1, д. 7, л. 6—7.
[57] Там же, л. 10—10 об.

редавалась в секции. Каждая книга, вновь выходящая или из старых запасов, просматривалась в президиуме ЦРК, где определялось, для какой категории библиотек и групп читателей она предназначена. Особенно тщательно проводилась эта работа со старой литературой, в большом количестве поступавшей с различных частных складов. Представление об объеме распределения старой и новой литературы могут дать следующие цифры [58].

	Старая литература		Новая литература	
	Число названий	Кол-во экз.	Число названий	Кол-во экз.
Октябрь 1920 г.	164	438 797	78	2 430 290
Февраль 1921 г.	203	287 478	45	1 425 815

За один год работы комиссия распределила 25 млн. экз. книг (3 тыс. названий) [59]. Кроме того, через секции прошло около 10 млн. экз. книг.

Наиболее жизнеспособными были секции, имевшие в своем распоряжении налаженный аппарат. Это давало им возможность точно придерживаться выработанных норм, не полагаясь на Центропечать. Так, профессионально-техническая секция пользовалась аппаратом Главпрофобра, сельскохозяйственная — была прикреплена к складу и издательству Наркомзема. В составе комиссии была создана секция периодической печати, которая выработала твердые нормы распределения газет и журналов.

С созданием Центральной распределительной комиссии роль Центропечати как универсального органа распространения печати снизилась, она превратилась в центральную экспедицию, работающую по заданиям ЦРК.

Иное положение было в провинции, так как местные учетно-распределительные комиссии (УРК) находились в распоряжении агентов Центропечати. На местах УРК создавались из представителей отдела народного образования, комитета РКП(б), военных комитетов, Центропечати, профсоюзов и кооперативных организаций. Все книжные запасы, имеющиеся в районе и получаемые из центра, поступали на учет УРК, и никто не имел права снабжать кого бы то ни было произведениями печати вне плана комиссии.

Учетно-распределительные комиссии распределяли литературу по библиотечной сети и между различными учреждениями и организациями своего района [60].

[58] См.: Смушков В. Распределение произведений печати.— Печать и революция, 1921, кн. 1, с. 38—39.
[59] Там же, с. 39.
[60] См.: Положение о местных учетно-распределительных комиссиях.— Бюл. Центропечати, 1920, № 1, с. 10.

В 1920 г. в 30 губернских и областных отделений Центропечати поступило около 20 млн. экз. произведений печати[61].

Распределяя литературу по уездам, обращали внимание на численность населения, его профессиональный состав, уровень грамотности, а также степень интенсивности работы уездного агентства. Сохранившиеся в архиве Центропечати статистические материалы содержат сведения о распределении литературы на местах. Как правило, 45—50% изданий, имеющихся в распоряжении губернского агентства, поступало в уезды, 15% — на книжный склад, 35—40% — в губернские учреждения. Между губернскими учреждениями запасы литературы распределялись следующим образом: партийные, военные, культурно-просветительные учреждения получали примерно по 20% изданий, комсомольские и профсоюзные организации — по 15%, кооперативные организации — по 10%[62].

Партийные секции при агентствах, созданные на основе распоряжения Центропечати от 7 октября 1920 г.[63], снабжали местные партийные организации партийной и общественно-политической литературой, а также литературой по вопросам советского строительства, оказывали содействие парткомам в организации партийных библиотек и читален. Все это способствовало укреплению связи отделений Центропечати с местным партийным аппаратом.

Переход к бесплатному распространению произведений печати. В годы военного коммунизма возникла необходимость временной замены торговли книгами их бесплатным распространением. Когда вследствие блокады и разрухи резко сократился выпуск книг, а покупательная способность населения была низкой, бесплатное государственное книгораспределение с обеспечением в первую очередь библиотек было единственным выходом. «Надо добиваться и добиваться того,— писал В. И. Ленин,— чтобы газеты и книги, по правилу, распределялись даром *только* по библиотекам и читальням, по *сети* их, правильно обслуживающей всю страну, всю массу рабочих, солдат, крестьян»[64].

Хотя до весны 1921 г. бесплатное распределение книг и периодической печати не было подкреплено специальными законоположениями, постепенно, в связи с ликвидацией частной торговли, оно становилось как бы само собой разумеющимся. Некоторое оживление книготорговли в результате открытия государственных книжных магазинов после муниципализации книжного дела в Москве и Петрограде было временным. Запасы книг быстро исчерпались, и магазины один за другим закрылись.Торговля в нескольких лавках, принадлежавших творческим организациям, а также продажа по ордерам со складов Госиздата не могли изменить общего положения.

[61] ЦГА РСФСР, ф. 557, оп. 1, д. 486, л. 38.
[62] Там же, оп. 3, д. 102, л. 11.
[63] См.: Бюл. Центропечати, 1920, № 3, с. 8.
[64] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 330.

Когда в октябре 1920 г. Совнарком принял постановление об отмене некоторых денежных расчетов, Центропечать запросила Народный комиссариат финансов о возможности включения в разрабатываемый по этому вопросу законопроект решения о бесплатном снабжении произведениями печати Красной Армии, партийных и профсоюзных организаций, советских учреждений. После одобрения Наркомфином соответствующий проект постановления был внесен в Малый Совнарком и должен был рассматриваться на заседании 23 марта 1921 г. Так как в это время начала работать Комиссия ЦК РКП(б) по улучшению издательского и печатного дела, слушание вопроса отложили. Малый Совнарком вернулся к нему лишь 5 мая 1921 г. Протокол заседания подписал В. И. Ленин. Постановление СНК об отмене денежных расчетов за произведения печати по существу регламентировало уже сложившуюся практику [65]. На его основе с 1 января 1921 г. отменялись денежные расчеты за произведения печати — книги, брошюры, газеты, журналы и т. д. и по всей территории РСФСР вводилось бесплатное снабжение печатной продукцией всех учреждений и организаций через Центропечать. Предназначенные для распространения произведения печати должны были бесплатно отпускаться Центропечати советскими издательствами [66].

В развитие декрета Наркомпрос разработал Инструкцию по проведению бесплатного снабжения произведениями печати для отделений Центропечати в центре и на местах. Здесь указывалось, что «бесплатный отпуск произведений печати должен быть построен по принципу установления твердых списков основных организаций, учреждений и библиотек, подлежащих постоянному бесплатному снабжению, с тем, чтобы эти списки составлялись в порядке отчетности снабжения в отношении потребителей для каждого рода литературы в отдельности» [67].

Программным документом, указавшим основное направление работы в области распространения печати, явилось письмо ЦК РКП(б) партийным организациям, разосланное в апреле 1921 г.

Центральный Комитет предлагал изыскать такие приемы распространения, «благодаря которым каждую книгу, брошюру или газету могло бы прочесть возможно большее число читателей» [68].

ЦК РКП(б) предложил местным партийным и профсоюзным организациям всемерно помогать органам Центропечати и поддерживать авторитетом партийных организаций их целесообразные начинания. Четко проводилась мысль о том, что произведения печати (книга, брошюра, газета) не могут в условиях острой их не-

[65] См.: Динерштейн Е. А. Реформа издательского дела 1921 года. — Книга. Исслед. и материалы, 1970, сб. 20, с. 75—76.
[66] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 98.
[67] См.: Нар. просвещение, 1921, № 83, с. 12—13.
[68] См.: Правда, 1921, 22 апр.

хватки быть предметом индивидуальной собственности и потому должны поступать в общественное пользование.

В. И. Ленин и вопросы книгораспространения в период перехода к нэпу. Выступая на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г., В. И. Ленин говорил: «Нам нужно громадное повышение культуры. Надо, чтобы человек на деле пользовался умением читать и писать, чтобы он имел что читать, чтобы он имел газеты и пропагандистские брошюры, чтобы они правильно распределялись и доходили до народа, чтобы они не пропадали в пути, так что их читают не больше половины и употребляют на что-то в канцеляриях, а до народа, возможно, и одна четверть не доходит. Нужно научиться пользоваться тем скудным, что у нас есть» [69].

Особенно большое внимание В. И. Ленин уделил вопросам распространения печати в начале 1921 г. во время работы над проектом реорганизации Народного комиссариата по просвещению. «Кроме подробнейших устных докладов о положении дел в Центропечати,— вспоминал Б. Ф. Малкин,— Владимир Ильич потребовал ряд низовых сводок — сырых материалов, статистических выкладок по распределению произведений периодической печати, литературы, состоянию библиотечной сети в стране и пр. Вся работа Владимира Ильича дышала страстной борьбой с теми преградами, которые мешали газете и книге найти доступ к рабочей и крестьянской массе» [70].

9 февраля 1921 г. в «Правде» была опубликована статья В. И. Ленина «О работе Наркомпроса» [71], где были проанализированы условия распределения печати и даны практические указания по их улучшению.

В пору работы над статьей В. И. Ленина интересовал план Б. Ф. Малкина о реорганизации Центропечати. 6 февраля 1921 г. Владимир Ильич поручил секретарю: «Созвонитесь с Малкиным... чтобы он повторил мне свои практические предложения об организации Центропечати в такой форме (кратко), чтобы я мог переслать их прямо на заключение НКпроса» [72].

7 февраля В. И. Ленин получил предложения от Б. Ф. Малкина, который считал целесообразным сделать Центропечать самостоятельным отделом Наркомпроса и централизовать книжные запасы РСФСР [73]. Ответ Б. Ф. Малкина В. И. Ленин переслал М. Н. Покровскому: «Посылаю на Ваше заключение полученные мною от т. Малкина предложения по вопросу об организации Центропечати. Прошу прислать мне Ваш отзыв и сообщить Ваши

[69] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 170.
[70] Малкин Б. Об Ильиче. Воспоминания.— Красная нива, 1929, № 4, с. 20.
[71] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 332.
[72] Там же, т. 52, с. 68.
[73] Там же, с. 365.

соображения о такой организации Центропечати, которая была бы наиболее целесообразной (при обслуживании всех наркоматов)»[74]. В соответствии с указаниями В. И. Ленина в апреле 1921 г. была проведена реорганизация Центропечати.

Среди задач Центропечати В. И. Ленин особенно важным считал распространение материалов X съезда партии. Б. Ф. Малкин вспоминал: «На X партсъезде Владимир Ильич подошел ко мне и... предложил через два дня сделать ему специальный доклад об аппарате Центропечати... На докладе Владимир Ильич долго расспрашивал, главным образом, о постановке распространения газет и литературы в деревне. „У вас самая мощная связь со страной, имейте в виду, что немедленно после принятия ВЦИКом декрета о продналоге нам придется через Центропечать бросить в деревню все, что мы сумеем издать. Используйте все ваши губернские, уездные и, главным образом, волостные отделения, используйте все ваши агитпункты, железнодорожные киоски и тысячи почтово-телеграфных отделений. О наших новых решениях должны знать миллионы, и масштаб работы нужно во много раз увеличить. Объявите всем вашим работникам, что мы возлагаем на них очень большую ответственность“»[75].

Заботой о правильном распределении произведений печати продиктовано распоряжение В. И. Ленина от 17 мая 1921 г. об установлении в Центропечати «точной административной ответственности» за поступление книг в библиотеки[76].

О внимании В. И. Ленина к доставке решений Советского правительства на места можно судить по рассылке «Наказа СНК и СТО местным советским учреждениям», излагающего программу деятельности местных органов в условиях новой экономической политики. 21 июля 1921 г. В. И. Ленин обратился в Центропечать с просьбой сообщить, какие приняты меры «для правильной и быстрой рассылки этого постановления во все местные учреждения» и «в какие сроки доставка этого постановления губернским, уездным и волостным органам будет закончена»[77]. 15 октября 1921 г. Управление делами СНК и СТО попросило Центропечать «срочно прислать отчет о распространении наказа СТО, в особенности относительно доставки волостям»[78].

28 октября 1921 г. В. А. Смольянинов докладывал В. И. Ленину: «От многих губэкосо и др. местных органов у меня имеются жалобы на неполучение изданий центра включительно до „Экономической жизни“. Тут несомненная вина Центропечати и ее местных

[74] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 68.
[75] Малкин Б. Ф. Как мы записывали голос Ленина.— В кн.: Ленин в зарисовках и воспоминаниях художников. М., 1928, с. 181—182.
[76] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 195—196.
[77] Там же, т. 53, с. 52—53.
[78] По следам поручений В. И. Ленина.— История СССР, 1970, № 2, с. 98.

органов. Я прошу Вас разрешить собрать комиссию: Центропечать, издательские отделы ВСНХ, НКЗ, НКПС, НКпрода для выработки конкретных предложений и внесения в СТО»[79].

В. И. Ленин пристально следил за тем, что практически делалось для улучшения распространения печати. 8 ноября 1921 г. в записке, адресованной в Центропечать, Издательский отдел ВСНХ, Наркомзем, НКПС, Наркомпрос, Наркомпрод, он предложил собрать комиссию и поручить ей внести в СТО предложения по упорядочению доставки изданий на места[80]. Введение платности произведений печати, восстановление свободной книжной торговли привели к коренной реорганизации системы книгораспространения.

Реорганизация Центропечати. В апреле 1921 г. Центропечать была преобразована в Управление учета, распределения и распространения произведений печати в составе Организационного центра Народного комиссариата по просвещению. В Положении об Управлении учета, распределения и распространения произведений печати[81], принятом коллегией Наркомпроса 21 апреля 1921 г., перед ним ставились следующие задачи: а) планомерный и систематический учет книжных запасов Республики; б) целесообразное распределение как имеющихся книжных запасов, так и вновь выпускаемых периодических и непериодических изданий, а также книг, поступающих из-за границы, между учреждениями и организациями, а также учет потребности в произведениях печати; в) распространение и экспедирование произведений печати по всей территории Республики и за границу; г) контроль за правильностью учета, распределения, хранения и распространения произведений печати.

В процессе реорганизации органов Центропечати на местах были созданы в составе Организационного управления губернских отделов народного образования части учета, распределения и распространения произведений печати. Сокращенно эти подразделения именовали губпечатью. Их функции были закреплены в Положении о губпечати[82], утвержденном 8 сентября 1921 г.

Перестройка аппарата Центропечати проходила в тот период, когда уже стоял вопрос о проведении новой экономической политики. И все же до осени 1921 г. книги и другие произведения печати распространялись бесплатно через Центропечать и ее органы. Одним из первых мероприятий, отражающих новую экономическую политику, явилось постановление Президиума Московского Совета

[79] По следам поручений В. И. Ленина.— История СССР, 1970, № 2, с. 98.

[80] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 7; См. также: Подмазова Т. А. В. И. Ленин и некоторые вопросы книгораспространения в первые годы Советской власти.— Кн. торговля: Опыт, пробл., исслед., 1983, вып. 12, с. 132—149.

[81] См.: Бюл. офиц. распоряжений и сообщений Наркомпроса, 1921, № 18, с. 4.

[82] Нар. просвещение, 1921, № 87—88, с. 29.

от 18 августа 1921 г. Им отменялись прежние постановления от 25 октября 1918 г. и от 18 ноября 1919 г. о контроле над частными, кооперативными и другими издательствами, и издательствам разрешалось «свободно продавать по рыночным ценам те книги, которые они издавали без субсидий от государства»[83]. Спустя немногим более двух недель вопрос о свободной продаже книг в столице обсуждался в ЦК РКП(б). Поскольку в свободную продажу поступали не только новые, но и старые книги, в свое время муниципализированные и извлекаемые теперь из разных складов Центропечати, этот вопрос приобретал политическое значение. ЦК РКП(б) добивался установления такого порядка, который исключал бы возможность использования книжной торговли во вред Советскому государству[84].

Московскому Совету и Главполитпросвету постановлением Политбюро ЦК РКП(б) от 13 сентября 1921 г., проект которого подписал В. И. Ленин, предлагалось ввести строгий учет книг, не допускать в продажу порнографические издания, а также книги религиозного содержания; такие книги предлагалось сдавать Главбуму для переработки на бумагу[85].

Опыт Московского и других местных Советов по восстановлению свободной торговли книгами был положен в основу проекта правительственного декрета, имеющего целью обобщить и развить этот опыт и распространить его в общегосударственном масштабе. Проект был разработан Наркомпросом, 27 октября принят его коллегией и внесен на рассмотрение Совета Народных Комиссаров[86]. 28 ноября 1921 г. В. И. Ленин подписал декрет о платности произведений непериодической печати, в котором устанавливался порядок отпуска литературы за твердую цену, обязательный для всех государственных учреждений, общественных организаций и частных лиц[87].

Введение платности произведений печати привело к перестройке всей системы книгораспространения на коммерческих началах. В новых исторических условиях Центропечать и ее местный аппарат, порождение эпохи военного коммунизма, прекратили свое существование.

В постановлении комиссии ВЦИК по пересмотру учреждений РСФСР от 8 ноября 1921 г. указывалось: упразднить Центропе-

[83] Печать и революция, 1921, кн. 2, с. 235; См. также настоящий том, с. 114—115.
[84] См.: Назаров А. И. Октябрь и книга. Создание советских издательств и формирование массового читателя. М., 1968, с. 234; См. также: Поливановский С. Е. Ленинский декрет о платности произведений непериодической печати.— В кн.: Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. М., 1983, вып. 2, с. 6—13.
[85] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 119.
[86] См.: Назаров А. И. Указ. соч., с. 235.
[87] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 109—110.

чать, заменив ее: 1) экспедицией при отделе снабжения Народного комиссариата просвещения для обеспечения учебными пособиями и другими произведениями печати школ, учебных заведений, библиотек и т. п.; 2) экспедицией при Главполитпросвете для транспортирования периодической печати и книг, необходимых в пропагандистской и агитационной работе. Далее отмечалось: «На местах производится такое же преобразование органов распределения печати с упразднением губпечатей и с организацией экспедиций...» [88].

Так создавалась новая система органов распространения и торговли произведениями печати.

Центропечать была крупнейшим агитационно-техническим аппаратом первых лет Советской власти. В течение четырех лет в ее руках было сосредоточено снабжение, экспедирование и распространение всех издававшихся в стране произведений печати.

Центропечать представляла собой первый опыт концентрации экспедирования в крупных масштабах. В 1921 г. она распространяла ежедневно до 3 млн. экз. газет и 180 тыс. книг и брошюр, обслуживая все народные комиссариаты, ВЦСПС, Коминтерн, организации РКП(б), всю Красную Армию, флоты, провинцию через свои губернские, уездные и волостные аппараты. «Центропечать выполняла свою задачу, когда при отсутствии сети просветительных учреждений нужно было снабжать провинцию литературой»,— отмечалось в одной из статей того времени [89]. К моменту перехода к новой экономической политике местные отделения Центропечати обладали большими запасами произведений печати, которые и составили фонд местных книготорговых предприятий. «От эпохи военного коммунизма наша книготорговля получила готовые аппараты накопления книги»,— писал один из современников [90]. Практика Центропечати, сочетавшая продвижение произведений печати в массы с культурными и политико-просветительными мероприятиями, получила в дальнейшем широкое распространение и развитие. Наконец, Центропечать создала целую армию распространителей книги: около 3 тыс. человек работали в ее центральном управлении и около 15 тыс.— в провинциальных отделениях [91].

Начало внешней торговли произведениями печати. В октябре 1920 г. заведующий архивно-библиотечным отделом исполкома Коминтерна А. И. Тененбаум направил В. И. Ленину докладную записку, в которой говорилось о недостатках в получении литературы из-за рубежа и подчеркивалась необходимость создания при

[88] ЦГА РСФСР, ф. 557, оп. 7, д. 3, л. 1.
[89] Смушков В. Распределение произведений печати.— Печать и революция, 1921, кн. 1, с. 39.
[90] Узин В. К истории советской книготорговли.— Изд. дело, 1927, № 11, с. 28.
[91] См.: Малкин Б. Из недавнего прошлого: Воспоминания о работе Центропечати.— Изд. дело, 1927, № 11, с. 33.

Президиуме Коминтерна органа «снабжающего главные центры Республики зарубежной литературой и периодическими изданиями по всем отраслям знания»[92]. В мае 1921 г. А. И. Тененбаум снова привлек внимание В. И. Ленина к этому вопросу, направив ему проект соответствующего декрета и организационный план междуведомственной комиссии[93]. Ознакомившись с этими материалами, Владимир Ильич поручил управляющему делами Совета Народных Комиссаров Н. П. Горбунову изучить вопрос и представить свои соображения. 21 мая 1921 г. Н. П. Горбунов писал в Наркомпрос: «Председатель Совета Народных Комиссаров предлагает вам внести в заседание Совета Народных Комиссаров 24 мая вопрос о национализации закупки политических, научных и технических книг за границей». Далее Н. П. Горбунов излагал мысли В. И. Ленина о новом учреждении, о стоящих перед ним задачах и направлениях работы, цель которой виделась в том, чтобы в библиотеках страны в нескольких экземплярах «были все важнейшие для России книги и журналы за последние 7—8 лет, которые обнимали бы всю жизнь и завоевания науки и техники как в Европе, так и во внеевропейских передовых странах»[94].

Предложения В. И. Ленина легли в основу декрета СНК о порядке приобретения и распределения заграничной литературы, принятого 14 июня 1921 г. Декретом учреждалась Центральная междуведомственная комиссия по закупке и распределению заграничной литературы (Коминолит) при Наркомпросе в составе представителей Совета Народных Комиссаров, Народного комиссариата просвещения, Народного комиссариата внешней торговли, Народного комиссариата иностранных дел, Высшего Совета Народного Хозяйства и Всероссийской Чрезвычайной Комиссии[95].

Коминолит должен был получать из-за границы литературу по всем отраслям знаний, в первую очередь вышедшую со второй половины 1914 г., и сосредоточивать ее в соответствующих научных учреждениях и библиотеках.

Постановлением Совнаркома от 5 августа 1921 г. председателем Коминолита был назначен О. Ю. Шмидт[96].

Деятельность Коминолита положила начало планомерному, централизованному снабжению организаций и учреждений страны необходимой для их деятельности иностранной литературой. На первом этапе предстояла большая организационная работа. Необходимо было установить четкие взаимоотношения с заинтересованными ведомствами, разработать инструктивно-нормативную документацию. Уже на первом заседании Коминолита 7 июля 1921 г.

[92] По следам поручений В. И. Ленина. В. И. Ленин и Коминолит.— История СССР, 1970, № 1, с. 72.
[93] Там же, с. 72—75.
[94] Ленин и библиотечное дело: Сб. док. М., 1969, с. 336—337.
[95] Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 100—101.
[96] См.: Сов. педагогика, 1966, № 11, с. 93.

было определено, что «Коминолит имеет дело только с ведомствами (комиссариатами) и рассматривает строго плановые заявки»[97]. 2 августа 1921 г. было принято постановление о мерах по проведению в жизнь декрета СНК от 14 июня 1921 г., которое регламентировало кредиты на закупку книг и журналов, заявки на литературу, а также ее получение и распределение[98]. Коминолит предложил всем организациям и ведомствам «сдать... отчеты о своей деятельности по приобретению иностранной литературы за все время своей работы в данном направлении», а также подать заявки на необходимые книги и журналы[99]. В постановлении Коминолита от 12 августа 1921 г. указывалось, что его «единственным закупочным аппаратом... в Германии является Бюро иностранной науки и техники (БИНТ)»[100].

На первых порах Коминолит приобретал лишь по три экземпляра произведений печати, из которых два оставались в Москве, а один отправлялся в Петроград. Книги распределялись следующим образом: научно-техническая литература, книги по прикладным и точным наукам поступали в Научно-технический отдел ВСНХ, медицинская литература — в распоряжение Наркомздрава, вся прочая — в Румянцевский музей или Московский университет. Литература по общественным вопросам распределялась между Коминтерном, Социалистической академией и Румянцевским музеем. В Петрограде книги и журналы поступали в Академию наук, Публичную библиотеку и Петроградский университет[101].

На заседании 27 сентября 1921 г. обсуждался вопрос об организации международного книгообмена. Было решено «образовать Комиссию для выработки мер по обмену правительственных изданий на заграничные». Академии наук поручалось «в качестве представителя Коминтерна вести всю операцию обмена научными изданиями с заграницей»[102].

В. И. Ленин постоянно интересовался деятельностью Коминолита. Уже 9 сентября 1921 г. Н. П. Горбунов пишет Е. А. Литкенсу: «Во исполнение предписания председателя Совета Народных Комиссаров предлагаю Вам представить в Управление делами Совнаркома отчет о работе Коминолита со времени его утверждения...»[103]

Первый отчет, присланный осенью 1921 г., не удовлетворил В. И. Ленина. В своих замечаниях Владимир Ильич четко определил цели организации: «Главная задача, которую должен себе поставить Коминолит, это добиться того, чтобы в Москве, Петро-

[97] ЦГА РСФСР, ф. 557, оп. 1, д. 87, л. 1.
[98] Там же, л. 5.
[99] Там же, д. 86, л. 8.
[100] Там же, л. 3.
[101] Там же, д. 87, л. 12, 16.
[102] Там же, л. 21.
[103] По следам поручений В. И. Ленина. В. И. Ленин и Коминолит.— История СССР, 1970, № 1, с. 76.

граде и крупных городах республики было сосредоточено в специальных библиотеках по 1 экземпляру всех заграничных новейших технических и научных (химия, физика, электротехника, медицина, статистика, экономика и пр.) журналов и книг 1914—1921 гг. и было бы налажено регулярное получение всех периодических изданий». «Всю работу Коминолита,— писал Владимир Ильич,— я буду оценивать в первую очередь с точки зрения реального выполнения этого задания» [104].

Вскоре О. Ю. Шмидт, руководивший Коминолитом и Госиздатом, сообщил Владимиру Ильичу, что приобретенные за границей книги распределяются соответственно его указаниям и что уже разослано около 25 тыс. томов научной литературы [105].

В связи с реорганизацией книжного дела на основе новой экономической политики был изменен порядок приобретения иностранной литературы государственными учреждениями. Декрет Совнаркома от 2 февраля 1922 г. ликвидировал Коминолит; ведомства получили право закупки за границей книг и журналов в пределах предоставленных им кредитов и под контролем Народного комиссариата внешней торговли. Научным учреждениям, институтам, библиотекам предоставлялось право обмена русских книг на иностранные [106].

* * *

В сложных условиях гражданской войны и интервенции осуществлялось доведение печатного слова до широких масс трудящихся. Советское правительство во главе с В. И. Лениным провело целый комплекс мер по организации книжной торговли, книгораспространения на новых, социалистических основах. Сюда входило и создание материально-технической базы советской книжной торговли в результате национализации средств производства, и образование системы органов по распространению печати (Контрагентство ВЦИК, Центропечать, ЦРК), и введение принципов централизации и планомерности в распределение литературы, наконец, обоснование принципа бесплатного распределения изданий в эпоху военного коммунизма. Именно в этот период утвердилась роль книжной торговли как важного участка идеологической работы в борьбе за привлечение трудящихся масс к социалистическому строительству.

Значение первого исторического периода советского книгораспространения состояло в том, что именно тогда были заложены идейные и организационные основы всей будущей советской социалистической книжной торговли как одного из важнейших орудий строительства коммунистического общества.

[104] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 53, с. 228—229.
[105] См.: Динерштейн Е. А. В. И. Ленин и вопросы международного книгообмена.— Изд. дело. Книговедение, 1972, № 2, с. 33.
[106] См.: Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 116—117.

Библиотечное дело в первые годы Советской власти

В. И. Ленин и библиотечное дело.— Ленинские декреты о реорганизации библиотечного дела.— Государственное управление библиотечным делом.— Совещания по библиотечному делу.— Национализация и охрана книжных богатств. — Реорганизация библиотечной сети.— Пропаганда книги и работа с читателями.— Рост библиотечной сети.— Преобразование научных и специальных библиотек. — Подготовка библиотечных кадров.— Становление советского библиотековедения.

Великая Октябрьская социалистическая революция внесла коренные изменения в организацию библиотечного обслуживания трудящихся масс страны. В дореволюционной России царизм и господствующие классы умышленно ограничивали общественное пользование книгами, препятствовали свободному доступу в библиотеки громадному большинству населения. В России, писал В. И. Ленин, «книжки читать могут только очень и очень немногие рабочие из массы задавленных капиталом миллионов трудящегося народа» [1].

В начале 1914 г. в царской России было 76 тыс. библиотек разных типов с фондом около 46 млн. экз. В структуре преобладали библиотеки ограниченного пользования, училищные и гимназические — 59 тыс. (78%), технические и специальные — 3 тыс. (4%). Общедоступных библиотек было только 14 тыс. (18%) с книжным фондом 9 млн. экз., в том числе в городах — немногим более 2,5 тыс. библиотек с фондом около 5 млн. экз. и в сельской местности — 11,3 тыс. с фондом около 4,5 млн. экз. [2]

Земские статистические обзоры и сводки по более чем 6,1 тыс. народных библиотек дореволюционной России свидетельствуют, что в 5,1 тыс. из них в 1914 г. было 637 456 читателей (в среднем на одну библиотеку — 124 читателя). В 4533 библиотеках, представивших соответствующие сведения, в 1914 г. было выдано 4 702 990 книг — в среднем 8,5 книги на одного читателя. Ни по числу книг, ни по составу книжных фондов, ни по уровню обслуживания читателей бесплатные народные библиотеки не отвечали размерам и потенциальным возможностям такой страны, как Россия. Иначе и не могло быть при государственном строе, угнетавшем народные массы и подавлявшем их стремление к культуре и просвещению.

Лишь после победы Великой Октябрьской социалистической революции были созданы необходимые предпосылки для подъема общекультурного уровня трудящихся и организации библиотечного обслуживания населения в масштабе всей страны. Перестройка

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 278.
[2] См.: Народное образование, наука и культура в СССР: Стат. сб. М., 1971, с. 283, 286, 287.

книжного дела на социалистических началах в первые годы Советской власти проводилась под непосредственным руководством В. И. Ленина, под руководством Коммунистической партии.

В. И. Ленин и библиотечное дело. В. И. Ленин предложил развернутую программу строительства советской системы библиотечного обслуживания, сформулировал принципы классового, партийного характера библиотечного дела, общедоступности и максимальной демократизации библиотек, планомерной организации их сети в общегосударственном масштабе, принципы государственной системы библиографии и централизации комплектования книжных фондов, широкого привлечения трудящихся масс к библиотечному строительству [3].

Основополагающее значение для организации библиотечного дела имели ленинские указания о партийном характере культуры и народного просвещения, о подчинении деятельности культурно-просветительных учреждений политике Коммунистической партии и Советского государства. Ленинский принцип партийности неразрывно связал библиотечное дело, как основной канал продвижения новой советской книги в массы трудящихся, с борьбой народа за великие социалистические преобразования, определил место библиотечных работников в рядах пропагандистов политики партии и правительства. По мысли В. И. Ленина, учреждения культуры и просвещения должны были стать «проводником принципов коммунизма», вся деятельность которых в Советском государстве служит развитию самой широкой «пропаганды коммунистических идей» [4].

В. И. Ленин подчеркивал необходимость усиления связи работы советских библиотек с планами социалистического преобразования экономики страны. Составляя в ноябре 1920 г. «Тезисы о производственной пропаганде», Владимир Ильич требует, чтобы просветительные учреждения активно помогали строительству социализма, указывает, что «более правильное распределение газеты, а равно производственных брошюр и листовок по **всем** библиотекам РСФСР должно составить предмет особого внимания» [5].

Чтобы библиотеки успешно помогали вовлечению трудящихся в хозяйственное строительство, В. И. Ленин считал необходимым комплектовать их отчетами, докладами и другими материалами, освещающими передовой производственный опыт; он говорил, что нужно организовать самую широкую пропаганду этих материалов, предоставляя через библиотеки возможность «пользования ими всему населению» [6]. В. И. Ленин писал, что «без приучения все большего количества населения пользоваться в библиотеках подобными отчетами ни о каком действительном превращении полу-

[3] См.: В. И. Ленин и библиотечное дело. М., 1977. 417 с.
[4] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 95—96.
[5] Там же, т. 42, с. 16.
[6] Там же, т. 43, с. 265.

азиатской страны в культурную и социалистическую не может быть и речи»[7].

В докладе «Новая экономическая политика и задачи политпросветов» В. И. Ленин показал, что деятельность учреждений культуры должна содействовать воспитанию рабочих и крестьян в духе коммунизма, повышению их культурно-технического уровня, что поможет строительству фундамента социалистической экономики[8].

В основу основ советского библиотечного дела с первых же лет Советской власти была положена ленинская мысль об организации массового чтения трудящихся.

Эта идея определила качественно новое направление деятельности библиотек в нашем обществе — приобщение к чтению книг, журналов и газет самых широких кругов населения, в первую очередь трудящихся масс, привитие им навыков пользования книгами как орудиями борьбы за революционное преобразование общества. Требование В. И. Ленина проявлять постоянную заботу «о росте распространения книг в населении»[9], о привлечении в библиотеки «новых слоев читателей, женщин, детей, нерусских и т. п.»[10] становится кардинальной задачей советского библиотечного дела. Это требование было органически связано с поставленной Коммунистической партией задачей создания фундамента социализма, с привлечением масс к сознательному и творческому участию в социалистическом строительстве.

Новый подход к библиотечному делу получил отражение в ленинских трудах «Странички из дневника» и «О кооперации», опубликованных в 1923 г. В. И. Ленин подчеркнул тесную взаимосвязь и взаимообусловленность задач экономической перестройки народного хозяйства страны и культурного подъема всей массы населения, охарактеризованных им как культурная революция[11].

Приобщение населения к книжным богатствам, хранящимся в библиотеках, активное содействие тому, чтобы среди рабочих и крестьян было возможно большее число людей, способных и любящих читать книги,— эти идеи В. И. Ленина стали центральными в библиотечном деле с первых дней Советской власти[12]. В отличие от старых, буржуазных взглядов, Коммунистическая партия во главе с В. И. Лениным стала рассматривать работу с читателями как процесс, помогающий формированию новых убеждений, подъему политического и культурно-технического уровня трудящихся. Активная помощь читателю в его работе над книгой, всемерное содействие приобретению знаний, необходимых для строительства нового общества, целенаправленное влияние на содержание чте-

[7] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 155.
[8] Там же, т. 44, с. 171, 175.
[9] Там же, т. 37, с. 470.
[10] Там же, с. 477.
[11] Там же, т. 45, с. 365.
[12] Там же, с. 372.

ния составили основу советской методики работы с читателями и руководства их чтением.

Важнейшее значение В. И. Ленин придавал вопросам планомерной организации библиотечного дела, наметив конкретный план социалистических преобразований в этой области. Он предусматривал коренную реорганизацию распределения и потребления книжных богатств, планомерную перестройку системы библиотечно-библиографического обслуживания народа в интересах приобщения трудящихся к величайшим завоеваниям науки и культуры. Хорошо зная библиотечное дело России и зарубежных стран, анализируя тенденции его развития, В. И. Ленин сформулировал принципы единой централизованной системы библиотечного обслуживания населения в Советской Республике.

В первой же беседе с только что назначенным наркомом просвещения А. В. Луначарским В. И. Ленин говорил о необходимости перестройки библиотечного дела и подсказал, какими путями следует решать эту задачу в условиях победившей диктатуры пролетариата. Владимир Ильич,— вспоминал А. В. Луначарский,— просил «обратить в первую голову внимание на библиотеки», «сделать книгу доступной массе», постараться бросить книгу «в возможно большем количестве и во все концы России» [13]. Для этого, подчеркивал он, потребуется «обеспечить читателя и большими читальными залами, и подвижностью книги, которая должна сама доходить до читателя», «использовать для этого почту, устроить всякого рода формы передвижек», «сделать книгу летучей» и «увеличить во много раз ее обращение» [14].

Исключительно важное значение для раскрытия ленинского плана реорганизации библиотечного дела имеет приветственная речь В. И. Ленина на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию 6 мая 1919 г. Владимир Ильич обратил внимание делегатов на недостатки, унаследованные от старого строя, в частности на отсутствие планомерности и организованности в развитии библиотечного дела. В. И. Ленин говорил о необходимости решительно бороться с элементами дезорганизации, «с хаосом, со смешными ведомственными спорами» в библиотечном строительстве; он поставил задачу «соединить библиотеки России воедино» [15], призвал рационально использовать имеющиеся у нас книжные богатства, построить систему библиотек, которая помогла бы народу использовать каждую книгу, «не создавать параллельных организаций, а создать единую планомерную организацию». «В этом малом деле,— продолжал Ленин,— отражается основная задача нашей революции» [16].

[13] Цит. по: В. И. Ленин и библиотечное дело, с. 317.
[14] Там же, с. 319.
[15] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 332.
[16] Там же.

Ленинские декреты о реорганизации библиотечного дела. По инициативе В. И. Ленина, идя навстречу народному стремлению к книге и чтению, Советское правительство приняло ряд декретов, направленных на коренную реорганизацию библиотечного дела на новых, социалистических началах. Первым из них было постановление Совнаркома от 7 июня 1918 г. о постановке библиотечного дела. В проекте постановления, написанном В. И. Лениным, Наркомпросу предлагалось немедленно принять самые энергичные меры «во-1-х, для централизации библиотечного дела в России, во-2-х, для введения швейцарско-американской системы» [17]. Под швейцарско-американской системой В. И. Ленин понимал комплекс мероприятий, направленных на улучшение библиотечного обслуживания. В их числе открытый доступ к книжным полкам, создание межбиблиотечного абонемента, наличие сводных каталогов и др. [18]

Ленинское требование централизации и создания в стране единой системы библиотечного обслуживания населения означало сознательное и целенаправленное управление общественным пользованием книгами на основе научно разработанного и единого государственного плана. Только рациональное распределение и использование книжных ресурсов в общегосударственном масштабе могло обеспечить быстрое решение грандиозной задачи приобщения трудящихся к книге. План централизации библиотечного дела был принципиально новым явлением в мировой практике, в основе которого лежали социалистические принципы планирования народного хозяйства и культуры.

Положения о реорганизации библиотечного дела были законодательно закреплены декретом «О централизации библиотечного дела в РСФСР» [19]. Первоначально проект этого декрета рассматривался Малым Совнаркомом 22 июля 1920 г. Однако этот проект не был подписан Владимиром Ильичем. Н. К. Крупская переработала проект. В октябре 1920 г. Владимир Ильич познакомился с ним и сделал ряд поправок и дополнений [20]. На заседании Совнаркома 3 ноября 1920 г. декрет был утвержден и подписан Лениным.

В соответствии с декретом в стране создавалась единая сеть библиотек, находившаяся под руководством Центральной междуведомственной библиотечной комиссии при Главполитпросвете. Декрет положил начало сети централизованных и местных библиотечных коллекторов для централизованного комплектования.

Ленинский декрет о централизации — важнейший законодательный акт Советского правительства, определивший основные направления библиотечного строительства. Он устанавливал общедоступность всех без исключения книгохранилищ, ликвидацию их разобщенности, вводил строжайший государственный порядок пла-

[17] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 422.
[18] См.: В. И. Ленин и библиотечное дело, с. 130, примеч. 2.
[19] Там же, с. 272—274.
[20] Там же, с. 112—115.

нирования и размещения библиотек по территории страны... Ленинский декрет представлял собой, по сути дела, государственный план организации библиотечного дела в условиях социалистического общества. Он оказал серьезное влияние на дальнейшие судьбы интересующей нас отрасли как в СССР, так и за рубежом.

Ленинский подход к библиотечному делу как общественному явлению и выдвинутые им социалистические принципы централизации и планомерной организации библиотечной системы составили методологическую основу социалистического библиотековедения.

Государственное управление библиотечным делом. Реализуя ленинские установки, Советское государство с первых дней революции уделяло большое внимание вопросам библиотечного дела. В ноябре 1917 г. в составе Народного комиссариата просвещения были созданы государственные органы управления библиотеками.

9(22) ноября 1917 г. был образован Внешкольный отдел, который руководил культурно-просветительными учреждениями. Постановлением Совнаркома от 2(15) января 1918 г. правительственным комиссаром по внешкольному образованию была назначена Надежда Константиновна Крупская (1869—1939). Убежденный коммунист, друг и соратник В. И. Ленина, Н. К. Крупская в 1918—1939 гг. руководила библиотечным делом страны. Она активно пропагандировала взгляды В. И. Ленина на библиотечное дело, была одним из основоположников советского библиотековедения.

В структуре Внешкольного отдела с самого начала предусматривался Библиотечный подотдел, который должен был содействовать развитию сети массовых библиотек и читален. На первых порах его функции выполняли сначала библиотечная группа, а затем библиотечная секция Внешкольного отдела. Как самостоятельное подразделение Библиотечный подотдел оформился с 1 октября 1918 г. Его заведующим была назначена Ольга Ивановна Чачина (умерла в 1919 г.) — видный деятель большевистской партии[21].

В социал-демократическом движении она принимала участие с конца 90-х гг. В 1905 г. она участвовала в Декабрьском вооруженном восстании в Сормове. Уже в эти годы Чачина начинает интересоваться книжным делом. В 1909 г. мы встречаем ее на посту заведующей библиотекой имени Н. В. Гоголя в Москве; библиотека была местом явок и конспиративных встреч. В 1913 г. О. И. Чачина принимала участие в работе Третьего женского клуба в Москве, библиотека которого также использовалась для революционной марксистской пропаганды.

В 1918 г. О. И. Чачина — секретарь коллегии Московского отдела народного образования, а с октября 1918 г. — заведующая библиотечным подотделом Наркомпроса при Внешкольном отделе. На этом посту она провела большую организаторскую работу по перестройке сети массовых библиотек. Большинство ее работ по библиотечному делу по сей день не опубликовано.

[21] См.: Горш Е. А. О. И. Чачина — один из первых организаторов библиотечного дела в СССР.— Тр./Ленингр. гос. ин-т культуры им. Н. К. Крупской, 1968, т. 19, с. 162—168.

Под руководством Н. К. Крупской Внешкольный отдел разработал программные документы, положенные в основу советской системы библиотечного обслуживания населения. В июне 1918 г. в еженедельнике «Народное просвещение» была опубликована статья Н. К. Крупской «О плане работы по библиотечному делу Внешкольного отдела Наркомпроса»[22]. В ней раскрывались основные задачи Наркомпроса по организации сети массовых библиотек, планомерного комплектования фондов общественно-политической литературой и периодическими изданиями, превращения библиотек в очаги коммунистического воспитания масс. Предусматривалось также изучить положение библиотечного дела в стране, организовать учет библиотек и составить на этой основе план реорганизации библиотечной сети[23].

Н. К. Крупская неоднократно говорила о необходимости научного подхода к проблемам общественного пользования книгами, четкого выполнения ленинских указаний о создании единой системы библиотечного обслуживания. Чтобы устранить дублирование и параллелизм, она предложила составлять в каждой губернии, уезде и городе «план библиотечной сети с центральной библиотекой или библиотеками и с рядом пунктов, которые должны обслуживаться библиотеками подвижными...»[24].

Предложения Библиотечного подотдела о реорганизации библиотечной сети были утверждены Всероссийским совещанием заведующих внешкольными и финансовыми подотделами губернских отделов народного образования, которое состоялось в ноябре 1918 г. Оно ввело следующие принципы организации библиотечного дела Советской России: общедоступность библиотек, «активность самой библиотеки» в приближении книги к населению, составление рекомендательных списков, издание плакатов, устройство выставок и т. п., участие в управлении библиотеками населения, сотрудничество с партийными и общественными организациями, пропаганда идей коммунизма среди рабочих и крестьян[25].

При организации сети на местах рекомендовалось учитывать численный и национальный состав населения, размер территории, число населенных пунктов, всевозможные местные особенности. Все библиотеки, указывалось в резолюции совещания, должны были представлять «единый общенародный фонд, объединенный общей организацией, так, чтобы каждый читатель в любом месте мог получить нужную ему книгу»[26]. Функции объединенного организующего центра должны были выполнять центральные книгохранилища региона.

[22] См.: Крупская Н. К. О библиотечном деле. М., 1982, т. 1, с. 16—19.
[23] Там же, с. 19.
[24] Там же, с. 27.
[25] См.: Внешкол. образование, 1919, № 1, с. 101.
[26] Там же.

Библиотечный подотдел проводил большую инструктивно-методическую работу, составлял и рассылал методические пособия. В помощь комплектованию составлялись рекомендательные списки литературы, типовые каталоги. Подотдел вел статистический учет, обобщал и пропагандировал передовой опыт.

Руководил Наркомпрос и научными библиотеками. Руководство на первых порах осуществлял Петроградский библиотечный отдел, организованный в феврале 1918 г. После переезда правительства в Москву в июле 1918 г. был создан Московский библиотечный отдел.

Координация работы Московского и Петроградского отделов была возложена на Центральный комитет государственных библиотек, просуществовавший до февраля 1919 г. 23 июня 1919 г. Московский библиотечный отдел был реорганизован в Отдел научных библиотек Наркомпроса и стал руководить научными библиотеками всей страны.

С 5 июля 1918 г. до декабря 1919 г. Московским библиотечным отделом, а затем Отделом научных библиотек Наркомпроса заведовал Валерий Яковлевич Брюсов (1873—1924) [27].

Под руководством В. Я. Брюсова в Москве был предпринят комплекс мероприятий по охране, учету и распределению книжных богатств. Валерий Яковлевич подготовил проекты декретов «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще» (1918), «Об отмене права частной собственности на архивы умерших русских писателей, композиторов, художников и ученых, хранящиеся в библиотеках и музеях» (1919). Он предложил организовать единое государственное управление библиотеками в стране в системе Наркомпроса. Популяризируя мероприятия Советской власти в области библиотечного дела, Брюсов подготовил обзор о состоянии библиотечного дела Советской России, предназначенный для зарубежных читателей. Он высоко ценил свою работу в библиотечном отделе, «с которой сроднился и которую полюбил», как он писал М. Н. Покровскому в декабре 1919 г. [28]

Отдел научных библиотек способствовал перестройке научных библиотек на демократических началах, активно боролся с академической замкнутостью старых книгохранилищ, содействовал их превращению в центры распространения науки и культуры среди трудящихся. В его задачи входила организация мероприятий по охране и национализации книжных богатств. Специальный штат эмиссаров отдела обследовал и регистрировал библиотеки, собирал сведения о частных книжных коллекциях и осуществлял их передачу в государственные хранилища. Деятельность эмиссаров

[27] См.: Абрамов К. И. В. Я. Брюсов — руководитель Библиотечного отделения Наркомпроса.— Б-ки СССР, 1969, вып. 41, с. 93—104.

[28] Там же, с. 104.

регламентировалась разработанной В. Я. Брюсовым и утвержденной Наркомпросом инструкцией[29].

Отдел научных библиотек активно сотрудничал с Внешкольным отделом. Совместно, например, велась разработка проектов организации библиотечной сети. Как уже говорилось выше, В. Я. Брюсов составил проект централизации библиотечного дела, предусматривавший функционирование центральных губернских библиотек в качестве головных учреждений. С целью улучшить деятельность библиотечных отделов Наркомпроса он предлагал подчинить их специально созданному библиотечному управлению. Заботясь о пополнении фондов рабочих и крестьянских библиотек, отдел составлял комплекты литературы и рассылал их по стране.

Для руководства научными библиотеками на местах Наркомпрос организовал губернские, областные и районные библиотечные комитеты. В течение 1918—1920 гг. было создано свыше 20 таких комитетов или комиссий в Вятке, Казани, Саратове, Твери, Ярославле и других городах.

Социалистической перестройке библиотечного дела активно служили первые общегосударственные совещания. Они способствовали привлечению старых специалистов к строительству новой системы библиотечного обслуживания.

Совещания по библиотечному делу. Первое государственное совещание по библиотечному делу состоялось в Москве в июле 1918 г. по инициативе В. И. Ленина, который 27 июня 1918 г. подписал правительственную телеграмму о вызове в столицу петроградских специалистов[30]. В программу были включены вопросы централизации сети, создания сводного систематического каталога крупнейших хранилищ, организации книгообмена[31].

Для координации и кооперации библиотечного дела было признано необходимым учредить Центральный комитет государственных библиотек. Шла на совещании речь о создании сводного каталога. В первую очередь решили подготовить каталоги периодических изданий на иностранных языках, русской библиографической литературы, периодических изданий на русском языке и новых поступлений иностранной литературы.

Совещание утвердило проект декрета о библиотечном справочном бюро, включавшем Положение об обмене книгами и Положение о справочном бюро. Предлагалось ввести обмен между научными книгохранилищами Москвы и Петрограда и учредить справочные бюро при Публичной библиотеке в Петрограде и Румянцевском музее в Москве.

[29] См.: Инструкция эмиссарам Московского библиотечного отдела. М., 1919, с. 16.
[30] См.: Декреты Советской власти. М., 1959, т. 2, с. 624.
[31] См.: Абрамов К. И. Первое государственное совещание по вопросам реорганизации библиотечного дела (июль 1918 г.).— Б-ки СССР, 1965, вып. 28, с. 54—70.

Решения совещания об обмене книгами, об организации справочных бюро, о начале работы над сводным каталогом, а также о создании Центрального комитета государственных библиотек были важными шагами на пути совершенствования деятельности советских научных библиотек. Совещание показало, какое значение партия и правительство придавали реформе библиотечного дела, содействовало переходу большинства старых работников на позиции активного сотрудничества с Советской властью. Результаты совещания обсуждались Совнаркомом, который 17 июля 1918 г. принял декрет «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР», а 30 июля — постановление о проекте декрета о библиотечном справочном бюро[32].

В январе — феврале 1919 г. состоялась 1-я библиотечная сессия Наркомпроса, в которой участвовали и работники массовых библиотек. Обсуждались проблемы реорганизации сети массовых библиотек. Сессия утвердила проект «Общих положений о постановке библиотечного дела в РСФСР...», в котором предлагались следующие меры:

1. Все массовые и научные библиотеки объявлялись общедоступными.
2. Все библиотеки связывались в единую для всей страны систему путем обмена книгами, координации комплектования фондов и работы по обслуживанию читателей.
3. Устанавливались основные ячейки сети — центральные губернские, уездные и городские библиотеки, филиальные отделения или районные библиотеки, пункты выдачи, передвижки, библиотечные станции в мелких населенных пунктах[33].

Чтобы библиотеки стали «живыми центрами широкой и активной культурной и социальной работы, очагами социалистической культуры», рекомендовалось целенаправленно комплектовать их фонды, активно пропагандировать книгу, оказывать помощь читателям в выборе книг, руководить чтением и самообразованием.

Решения сессии обсуждал Совнарком, который 30 января 1919 г. принял соответствующее постановление[34]. Эти решения существенно повлияли на перестройку библиотечной сети Советской Республики, явились важным этапом в подготовке декрета о централизации библиотечного дела.

Организация Советским правительством государственных органов руководства библиотечным делом создала необходимые условия для быстрого развития сети массовых и научных библиотек, для образования общедоступной системы библиотечного обслуживания.

[32] См.: В. И. Ленин и библиотечное дело, с. 254, с. 256—257.
[33] См.: История библиотечного дела в СССР: Док и материалы. 1918—1920. М., 1975, с. 59—60.
[34] См. В. И. Ленин и библиотечное дело, с. 260.

Национализация и охрана книжных богатств. Важной предпосылкой революционных преобразований в библиотечном обслуживании после Октябрьской революции явилась национализация книжных богатств. В руки народа были переданы собрания бывших царских сановников, дворянские и помещичьи коллекции, библиотеки капиталистов, буржуазных учреждений и обществ и т. п. Историческую закономерность этих мероприятий Советского государства обосновал В. И. Ленин, призвавший рабочих и крестьян заботливо относиться к культурному наследию прошлого, широко использовать демократические традиции для строительства социалистической культуры. Национализация книжных богатств имела большое политическое значение, она ликвидировала монополию господствующих классов на знание и просвещение.

Представители свергнутых революцией эксплуататорских классов прятали культурные ценности, тайно вывозили их за границу, иногда уничтожали. Немало книг оказались брошенными на произвол судьбы их бежавшими владельцами. Бывало, что ценные собрания расхищались и гибли во время стихийных разгромов крестьянами помещичьих имений.

По инициативе В. И. Ленина в общегосударственном масштабе была организована охрана книжных и архивных ценностей. 17 июля 1918 г. Советское правительство опубликовало декрет «Об охране библиотек и книгохранилищ РСФСР»[35], объявивший национализированные собрания состоящими под охраной и на учете Наркомпроса. Библиотечному отделу предоставлялось право распределять эти книжные собрания, пополнять ими старые и открывать новые библиотеки. Все учреждения, имевшие книжные собрания, должны были зарегистрировать их в Библиотечном отделе — неисполнение этого требования рассматривалось как нарушение революционных законов.

В развитие декрета Наркомпрос издал постановление, разъясняющее порядок реквизиции книжных собраний и контроля за ней[36].

Благодаря ленинскому декрету «Об охране библиотек и книгохранилищ в РСФСР» сотни тысяч книг, которые ранее принадлежали привилегированным классам, стали достоянием трудящегося народа. В охране книгохранилищ — бесценных сокровищниц культуры — проявилась созидательная роль Советского государства, использовавшего культурное наследие для построения нового общества.

Национализируя частные собрания, Советское правительство принимало меры к охране книжных коллекций выдающихся деятелей науки, культуры и искусства. Библиотеки эти оставлялись в личном пользовании владельцев, которым выдавались правитель-

[35] См.: В. И. Ленин и библиотечное дело, с. 254.
[36] См.: История библиотечного дела: Док. и материалы. 1918—1920, с. 99—100.

ственные охранные грамоты. Комнаты, в которых находились книги, не подлежали реквизиции в качестве излишка жилой площади. Охранные грамоты выдавались и на библиотеки, имевшие историко-культурное значение [37].

В. И. Ленин не раз интересовался, как осуществляется охрана книжных богатств; он внимательно рассматривал поступавшие к нему жалобы на нарушение порядка реквизиции, требовал от центральных и местных органов власти принятия действенных мер по охране собраний. Известны случаи, когда Владимир Ильич непосредственно вмешивался в дело национализации и охраны библиотек, что свидетельствует о том, какое важное значение он придавал этим государственным мероприятиям [38].

Охрана и национализация книжных богатств осуществлялась в сложных условиях гражданской войны и военной интервенции. Реквизиция книг нередко проводилась стихийно разными учреждениями и организациями, что приводило к распылению коллекций, представлявших большую научную и культурную ценность. В конце 1918 г. Всеросийская Чрезвычайная Комиссия опубликовала циркуляр, разъяснявший важность охраны «принадлежащих народу ценностей» культуры и библиотек с обязательной передачей их органам Наркомпроса [39].

Строгий государственный порядок в важное дело национализации книжных богатств внес декрет Совнаркома «О порядке реквизиции библиотек, книжных складов и книг вообще», принятый 26 ноября 1918 г. [40] Он устанавливал, что реквизиция библиотек может проводиться только с ведома и согласия Наркомпроса. Национализированные книги должны передаваться органам народного образования на местах. Наркомпросу поручалось издать инструкцию в развитие этого декрета.

О масштабах работы по охране библиотек свидетельствуют данные Московского библиотечного отдела, который к августу 1919 г., т. е. за первый год своей деятельности, выдал 555 охранных грамот на библиотеки и зарегистрировал 1100 книжных собраний [41].

Советское правительство проявило большую заботу о рациональном использовании книжных богатств национализированных коллекций и приняло меры к их перераспределению по территории страны. Так было ликвидировано сложившееся в царской России неравномерное размещение библиотек, значительная часть которых находилась в Петербурге, Москве и других крупных городах.

[37] См. настоящий том, с. 271—275.
[38] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 50, с. 243; т. 51, с. 149.
[39] Инструкция эмиссарам Московского библиотечного отдела, с. 9.
[40] См.: Декреты Советской власти. М., 1968, т. 4, с. 70—71; В. И. Ленин и библиотечное дело, с. 257—258.
[41] См.: Абрамов К. И. Библиотечное издательство в первые годы Советской власти: 1917—1920. М., 1974, с. 577.

Распределением национализированных книг занимались Отдел научных библиотек Наркомпроса, губернские библиотечные комитеты, отделы народного образования. При библиотечных отделах в Москве и Петрограде еще в 1918 г. были созданы государственные книжные фонды, в которые поступали наиболее крупные и ценные книжные коллекции. В губерниях организуются местные книжные фонды при комитетах научных библиотек или центральных губернских библиотеках.

Наиболее ценные книги из государственных фондов передавались Петроградской Публичной библиотеке и Румянцевскому музею в Москве. Это служило важному делу создания максимально полного национального фонда печатной продукции. Большая часть книг поступала в научные и специальные библиотеки, а также во вновь открывавшиеся университетские и вузовские библиотеки. Часть книг направлялась в массовые и профсоюзные книгохранилища. Частные коллекции составили основу фонда многих советских научных и губернских библиотек, таких как библиотека Социалистической академии, ВСНХ, как Тульская центральная библиотека имени В. И. Ленина или Вологодская губернская советская библиотека.

Мероприятия по национализации и охране библиотек дали плоды в основном к началу 1920 г. Сохранение и перераспределение книг между библиотеками — важный шаг на пути реализации ленинской программы приобщения трудящихся к ценностям науки, культуры и искусства.

Реорганизация библиотечной сети. Проводя реформу библиотечного дела, Коммунистическая партия и Советское правительство главное внимание обратили на укрепление сети библиотек и читален для народа как опорных баз партийных организаций в развертывании массово-политической и культурно-воспитательной работы.

Принятая VIII съездом РКП(б) в марте 1919 г. Программа партии выдвинула ответственные задачи в области массовой политико-просветительной работы и организации сети библиотек для обслуживания книгой трудящихся[42]. Следуя указаниям партии, Советы депутатов стали создавать развитую сеть читален в городах и сельских населенных пунктах. Вопросы библиотечного дела периодически обсуждались на партийных конференциях и пленумах губернских и уездных Советов, на съездах и совещаниях по народному и внешкольному образованию. Основными центрами библиотечного строительства в городах и селах стали отделы народного образования местных Советов, при которых работали внешкольные подотделы с библиотечными секциями. Под их руководством в большинстве губерний уже в 1918—1919 гг. стали проводиться в жизнь планы организации библиотечной сети.

[42] См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 432—433.

Большую работу провела библиотечная секция Петроградского губернского отдела народного образования, составившая план организации сети библиотек Северной области, в которую входили Петроградская, Новгородская, Псковская и другие губернии. В каждой из них создавались губернские центральные библиотеки, уездные, районные, сельские и передвижные. Городская библиотечная сеть состояла из городской центральной, районных и подрайонных библиотек с библиотечными пунктами. Так, в Петрограде к апрелю 1920 г. работали: центральная городская, 7 районных, 49 подрайонных библиотек и 10 библиотечных пунктов [43]. Большое внимание в Петрограде уделялось организации передвижных библиотек, к концу 1920 г. их уже было открыто 188 с общим числом книг 8,5 тыс.

Библиотечная секция Московской губернии организовала 31 мая 1918 г. губернское совещание по библиотечному делу, рассмотревшее проект организации губернской библиотечной сети. К концу 1918 г. в губернии уже было открыто 220 районных, 212 сельских библиотек и 111 изб-читален. С начала 1919 г. в Москве открылась центральная губернская библиотека, одновременно — центральная городская, а в уездах стали образовываться центральные уездные библиотеки. На 1 июля 1919 г. в Московской губернии по данным Внешкольного отдела Наркомпроса числилось 18 центральных, 80 районных, 9 волостных, 273 сельских библиотек и 46 изб-читален. Кроме того открывались передвижные библиотеки и коллективные абонементы. В 1920 г. в Москве имелось 76 передвижек и 386 коллективных абонементов, организуемых преимущественно библиотекой фонда передвижных библиотек [44].

Центральная губернская и центральные уездные библиотеки открывались по плану организации библиотечной сети в Рязанской губернии. Кроме того предусматривалась организация районных, в некоторых уездах — волостных и сельских библиотек и изб-читален. В середине 1919 г. в губернии уже имелось 10 центральных, 61 районная, 28 волостных и 249 сельских библиотек и 197 изб-читален. Передвижная библиотечная сеть в уездах Рязанской губернии была развита очень слабо [45].

Библиотечная секция Смоленской губернии открыла в Смоленске Центральную губернскую библиотеку имени В. И. Ленина и четыре ее отделения в различных районах города. Был разработан и составлен каталог книг для летучих передвижных библиотек. План библиотечной сети в уездах предусматривал открытие в каждой из 480 волостей не менее трех библиотек и трех передвижек, а также районных и уездных библиотек. Всего же в 1919 г.

[43] Дела и дни, 1920, кн. 1, с. 552.
[44] ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 15, д. 43, л. 20; Вестн. просвещения, 1922, № 9, с. 286.
[45] Там же, д. 337, л. 4—14.

в губернии действовало 12 центральных, 192 районных, 15 волостных и 242 сельских библиотеки и 1268 изб-читален [46].

В Тверской губернии на губернском внешкольном съезде было принято решение при устройстве сети библиотек разбивать уезды на районы по 2—5 волостей, в городах иметь центральные библиотеки-читальни с передвижными комплектами книг для районных и волостных библиотек. Районная библиотека в свою очередь должна была организовать передвижки для деревенских культурно-просветительных кружков, не имеющих стационарной сельской библиотеки. К концу 1919 г. в губернии насчитывалось свыше 500 библиотек, из них 7 центральных, 46 районных, 29 волостных и 188 сельских [47].

Изучение и обобщение опыта организации библиотечного дела в губерниях и уездах позволило выявить общие принципы планирования и строительства библиотечной сети на местах. В подавляющем большинстве губерний и уездов РСФСР и других союзных республик система государственных массовых библиотек состояла из следующих звеньев:

1. Центральная губернская библиотека — центральное книгохранилище административно-территориального района, формирующее книжный фонд в соответствии с политическими, хозяйственными, экономическими и культурно-просветительными задачами, национальным составом его населения. Губернская библиотека обслуживала не только массового читателя, но и ученых, инженеров и других специалистов народного хозяйства. В ее задачи входили кооперация и координация работы библиотек губернии, организация межбиблиотечного абонемента, оказание методической и библиографической помощи читателям и библиотечным работникам.

2. Уездная центральная библиотека с аналогичными направлениями работы в пределах уезда.

3. Районная библиотека как центральная библиотека региона, образуемого из нескольких волостей или радиусом в несколько верст и предназначаемая для обслуживания определенного количества населения.

4. Волостная библиотека, ставшая вскоре основным звеном сельской библиотечной сети.

5. Сельская библиотека, функции которой часто выполняла изба-читальня — комплексное культурно-просветительное и библиотечное учреждение.

Сеть стационарных книгохранилищ дополнялась всевозможными передвижками, пунктами выдачи, коллективными абонементами, книгоношеством и т. п. [48]

[46] ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 15, д. 43, л. 20.
[47] Там же.
[48] См.: Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти, с. 68—80.

В крупных городах создавались центральные библиотеки, руководившие деятельностью городских районных библиотек. Детские библиотеки в эти годы встречались еще редко. Их функции выполняли детские отделения уездных, центральных городских и иногда волостных библиотек.

Сеть государственных массовых библиотек создавалась в соответствии с административно-территориальным делением; исключение составляли лишь районные библиотеки. Всего к июлю 1919 г. только в РСФСР было создано 23 867 библиотек, из них 285 центральных, 2411 районных, 1124 волостных, 6915 сельских, 10 848 изб-читален и др. [49]

Значительный вклад в создание системы общественного пользования книгой внесли профсоюзы. Во исполнение решений II Всероссийского съезда профсоюзов (февраль 1919 г.) при ВЦСПС был организован культурно-просветительный отдел, среди задач которого была и «организация книжного дела и снабжения союзов литературой». Книжная комиссия отдела заботилась о снабжении профсоюзных библиотек книгами, разрабатывала для них примерные списки литературы, вела статистический учет. По данным культотдела ВЦСПС, в 1920 г. профсоюзы железнодорожников открыли 230 библиотек, текстильщиков — 266, стекольно-фарфорового производства — 150, водного транспорта — 116, общественных и торговых учреждений и предприятий — 81, бумажной промышленности — 43, кожевенно-промышленного производства — 44 [50].

Широкая сеть массовых библиотек была развита в частях и соединениях Красной Армии [51].

Особое внимание Советское правительство уделило библиотечному строительству в *национальных республиках.*

Вопросы расширения сети национальных библиотек, культурно-просветительных учреждений, организации их работы по коммунистическому воспитанию трудящихся систематически рассматривались и решались ЦК РКП(б), ВЦИК, Совнаркомом РСФСР. Так, в письме ЦК РКП(б) от 21 февраля 1920 г. всем партийным комитетам и политотделам о работе среди народов Востока обращалось внимание на ликвидацию культурной отсталости национальностей, на открытие для них сети «школ, клубов, читален» [52].

X съезд РКП(б), состоявшийся в марте 1921 г., принял специальную резолюцию «Об очередных задачах партии и национальном

[49] ЦГА РСФСР, ф. 2306, оп. 5, д. 97, л. 1. Сведения представлены по 302 уездам 38 губерний.

[50] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 3, д. 438, л. 26 об.; оп. 4, д. 329, л. 1, 2, 18, 23, 25, 27, 28, 44.

[51] Подробнее см.: Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти, с. 142—159; См. также настоящий том, с. 21—23.

[52] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1970, т. 2, с. 147.

вопросе». В ней была поставлена задача помочь национальностям догнать ушедшую вперед Центральную Россию, «развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов», «развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке»[53].

В составе Советского правительства с первых дней Октября был образован Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), одной из задач которого являлось содействие духовному развитию всех наций и народностей. Национальные комиссариаты Наркомнаца содействовали открытию библиотек, клубов и других учреждений культуры. 26 апреля 1918 г. коллегия Наркомнаца рассмотрела вопрос о расширении работы в области просвещения национальностей и организации внешкольного образования. Главной задачей всех комиссариатов и отделов объявлялось «учреждение клубов трудящихся, где рабочие и крестьяне становились бы политически грамотными, издание газет, устройство библиотек и проч.»[54]. В мае 1918 г. в Наркомнаце выделяется особая культурно-просветительная комиссия для координации и улучшения всей работы в области развития национальных культур, открытия библиотек, читален для национальных меньшинств.

Большую работу проводил Латышский комиссариат Наркомнаца, библиотечная секция которого открыла библиотеку национальной литературы при комиссариате, ее сотрудники оказывали методическую помощь библиотекам латышских рабочих поселков и частей Красной Армии, снабжали их новой партийной и советской литературой. Эмиссары секции занимались организацией библиотечной сети в районах с латышским населением и в воинских частях.

Культурно-просветительный отдел Литовского комиссариата формировал небольшие библиотечки для отправки в Литву; в них включались агитационные и политические издания, русские и литовские газеты и журналы, пропагандистские листовки и плакаты. Мусульманский комиссариат открывал библиотеки в губерниях РСФСР, имеющих районы с мусульманским населением, а также в союзных республиках. Аналогичную работу проводили Армянский, Белорусский, Киргизский, Украинский, Эстонский и другие нацкомиссариаты, при которых были организованы библиотечные секции или культурно-просветительные отделы.

Активную пропагандистскую работу среди населения национальных республик вели сотрудники агитпоездов «Красный Вос-

53 КПСС в резолюциях..., т. 2, с. 252.

54 См.: Песикина Е. И. Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917—1918 гг. М., 1950, с. 65—67.

ток», «Советский Кавказ», «Красный казак» и др., организуемые ВЦИК. В братские республики посылались также библиотеки-вагоны, снабжавшиеся литературой для раздачи населению и для комплектования библиотек в национальных районах. Так, в начале 1919 г. литературно-инструкторский поезд имени В. И. Ленина курсировал в Литве и Латвии; его работники раздавали книги, брошюры и плакаты, библиотечки для клубов, школ, изб-читален и других учреждений. Этот поезд направлялся также в Белоруссию и на Украину, где распространил большое число партийных и советских изданий, газет и журналов[55]. Поезд «Красный Восток» только в августе — октябре 1920 г. в Туркестанской Советской Республике рóздал в городах и сельских населенных пунктах 325 библиотек и 31,2 тыс. книг[56].

Отдел просвещения национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР содействовал развертыванию библиотечной и культурно-просветительной работы в автономных республиках Российской Федерации, направляя ее «в интернационально-коммунистическое русло». О темпах библиотечного строительства в республиках и районах с национальным составом населения можно судить по следующим данным: в Сибири к началу 1920 г. для татарского населения было открыто 25 библиотек и изб-читален, для украинцев — 36, для эстонцев — 27, для латышей — 19 и для других народностей — еще 20 библиотек. В Татарской АССР в 1920 г. было создано 17 центральных, 234 районных, 375 сельских библиотек и 758 изб-читален, а всего 864 библиотеки. В Чувашской и Башкирской автономных областях к началу 1921 г. было открыто соответственно 378 библиотек и 223 избы-читальни и 276 библиотек и 206 изб-читален[57].

Развитие библиотечного дела в союзных и автономных республиках проводилось в тесной взаимосвязи с библиотечным строительством РСФСР. Опираясь на опыт Российской Федерации, в национальных республиках разрабатывали планы развития библиотечной сети, в которые вносились изменения, применительно к особенностям той или иной республики. По мере укрепления государственного аппарата и освобождения территорий в республиках организовывались собственные органы государственного руководства библиотечным делом, занимавшиеся реорганизацией библиотечного дела.

[55] Куличенко М. И. Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918—1920 годах. Харьков, 1963, с. 370—371.

[56] См.: Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти, с. 127.

[57] Данные приведены по сб.: Народное образование по основному обследованию 1920 года... М., 1922, вып. 1, с. 104, 105, 132.

Пропаганда книги и работа с читателями. Реорганизуя библиотечную сеть, партийные и советские органы стремились одновременно коренным образом перестроить методику работы с читателями. Массовая и индивидуальная пропаганда книги среди рабочих и крестьян в старой библиотеке проводилась от случая к случаю; продвижение книги в массы тормозилось реакционной политикой царизма. Формы обслуживания книгой трудящихся не отвечали их интересам.

Инициаторами новой методики обслуживания читателей и пропаганды книги выступили коммунисты — работники профсоюзных и красноармейских библиотек, среди читателей которых было много рабочих и крестьян. Эти читатели глубоко интересовались политическими событиями, искали в книге и газете ответы на актуальные вопросы и, естественно, нуждались в новых формах и методах библиотечного обслуживания.

В эти годы много делалось для пропаганды библиотек среди населения, для продвижения книги в массы. На улицах вывешивались объявления, приглашавшие жителей посетить библиотеку, прочитать новые газеты и журналы, познакомиться с новинками литературы. В газетах помещались объявления о вечерах книги, об устройстве книжно-иллюстративных выставок. На фабриках и заводах устраивались летучки, где рассказывалось о библиотеках и о том, какую литературу могут найти в них читатели. В окнах читален устраивались красочные витрины, вывешивались плакаты с такими, например, текстами: «Грамота — путь к коммунизму», «Знание разорвет цепи рабства», «Бери книгу, она твой друг и помощник», «Любите книгу — источник знания»...

Нередко устраивались дни библиотеки, дни книги, недели книги, активное участие в которых принимали сами читатели. Во время таких кампаний проводился сбор книг, читки газет, беседы о прочитанных книгах, литературные вечера и т. п.

Перестройка пропаганды книги проходила в трудных условиях. Не было квалифицированных кадров, способных в новых условиях организовать активное продвижение книги к рабочим и крестьянам. Библиотекари все еще находились под влиянием устаревших методических пособий буржуазных книговедов, проповедовавших объективистские взгляды на методику обслуживания читателей.

Основные положения советской методики пропаганды книги в библиотеках, принципы нового подхода к работе с читателями были сформулированы в трудах Н. К. Крупской. Надежда Константиновна требовала подчинить всю работу с читателями задачам воспитания трудящихся в коммунистическом духе. В противовес буржуазным библиотековедам она считала, что работа библиотекаря с читателем не сводится к простому удовлетворению спроса на книги, но должна способствовать подъему общекультурного уровня рабочих и крестьян, содействовать формированию

коммунистических убеждений. Считая руководство чтением важной задачей советской библиотеки, Н. К. Крупская подчеркивала, что эта работа требует «подготовленных библиотекарей, хорошо знающих книгу, хорошо знающих потребности читателя, знающих его психологию, умеющих подойти к нему»[58].

Старым концепциям, тормозившим перестройку работы с читателями, был дан отпор на I Всероссийском съезде по внешкольному образованию (май 1919 г.). 6 мая В. И. Ленин приветствовал съезд, а 19 мая выступил с докладом «Об обмане народа лозунгами свободы и равенства». В резолюции «О социальной работе библиотек» съезд указал, что библиотекари должны вести работу «...социально-политическую и социально-экономическую. Для постановки политической работы библиотеки необходимо, учитывая текущий политический момент, вести пропаганду коммунистических идей»[59]. Организуя социально-экономическую работу, библиотека поможет населению лучше использовать книгу в общественной и производственной деятельности.

Опираясь на ленинские указания, на решения I Всероссийского съезда по внешкольному образованию, передовые библиотекари обращали внимание на пропаганду политики партии и правительства, участвовали в политических и хозяйственных кампаниях, пропагандировали книги, выпущенные к годовщинам Октябрьской революции, ко Дню Красной Армии, Международному женскому дню, Дню Парижской коммуны... Интересные массовые мероприятия провела в 1919 г. Вологодская советская библиотека, которая в связи с Днем советской пропаганды устроила выставку о революционном движении в России, организовала день книги под лозунгом «Книга — фронту», устроила книжную выставку «Два года пролетарской диктатуры», которую посетили свыше тысячи человек[60]. Пропаганда в пользу укрепления Советской власти широко проводилась в 1919 г. библиотеками Воронежской губернии, работникам которых специальной инструкцией вменялось в обязанность устройство чтения книг и газет и распространение партийных и советских изданий. Материал для чтений подбирался по темам: «Речь Ленина о середняках», «Заключение мира с Германией», «Борьба с Деникиным», «Мировое значение Октябрьской революции», «Что такое социализм?», «Что нужно знать каждому крестьянину?» и др.[61]

Рост библиотечной сети. Благодаря политике Коммунистической партии и Советского правительства в первые же послереволюци-

[58] Крупская Н. К. О библиотечном деле, т. 1, с. 40.
[59] Там же, с. 76.
[60] Вологодская публичная советская библиотека: Год работы. Вологда, 1920, с. 9, 12.
[61] См.: Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти, с. 91; См. также настоящее издание, т. 3, гл. «Советский читатель 1917—1921 гг.».

онные годы число библиотек в РСФСР, несмотря на трудные военные условия, возросло (см. табл.):

Годы	Число библиотек	Число книг, тыс.	Среднее число книг на библиотеку	Среднее число читателей на библиотеку
1914	9342	6700	720	124
1920	19597	26700	1794	220

Количество библиотек в 1920 г. по сравнению с 1914 г. увеличилось на 10 255, а число книг в них — на 20 млн. экз. В два с лишним раза возросло среднее число книг в одной библиотеке, количество абонентов, приходящихся на одну библиотеку, возросло почти в два раза.

Перепись 1920 г. по народному образованию зарегистрировала 16 171 сельскую библиотеку и 3426 городских. Число абонентов в представивших соответствующие сведения 13 576 библиотеках составило 2 983 116 человек (в 2589 городских библиотеках — 1 549 784 абонента и в 10 987 сельских — 1 433 332 абонента). В среднем на одну библиотеку в РСФСР приходилось 220 читателей (в городах — 599 и в селах — 130) [62].

Рост библиотек происходил в основном за счет села. Однако фонды сельских библиотек увеличивались медленнее, чем фонды городских. Общее количество книг в городских библиотеках возросло с 3,6 млн. экз. в начале 1914 г. до 17,6 млн. экз. в 1920 г., т. е. почти в 5 раз, а в сельских — с 3,1 млн. экз. до 9 млн. экз., т. е. только в 3 раза. Таким образом, на первом этапе библиотечного строительства не произошло существенных улучшений в обеспечении сельского населения книгами.

Несмотря на быстрый рост числа книгохранилищ, общее состояние библиотечного дела отставало от возрастающих изо дня в день потребностей народа. В фондах многих библиотек хранились устаревшие издания, в том числе реакционные. Ввиду сложности военной обстановки и недостаточно развитой полиграфической базы снабжение библиотек новой и актуальной литературой проходило неудовлетворительно. Состав фондов библиотек различных ведомств и организаций координировался плохо, что приводило к распылению книжных запасов. Эти недостатки предстояло ликвидировать на последующих этапах библиотечного строительства.

Преобразование научных и специальных библиотек. После победы Великой Октябрьской социалистической революции в организации работы научных и специальных библиотек произошли

[62] Данные приведены по сб.: Народное образование по основному обследованию 1920 года (1920/21 учебный год). Вып. 1. М., 1922. 146 с.

серьезные изменения. Ленинская программа демократизации науки и мобилизации ученых на службу социалистическому строительству определила новое содержание деятельности научных книгохранилищ. Перед ними ставится задача приобщить трудящихся к достижениям науки и техники, вести работу в соответствии с народнохозяйственными задачами. Проблема коренной перестройки научных библиотек намечалась в ленинских заметках «О задачах Публичной библиотеки в Петрограде» (ноябрь 1917 г.). Шла речь о необходимости немедленно ввести бесплатный обмен книгами со всеми русскими и зарубежными библиотеками, продлить часы работы читального зала, открывать его в праздники и другие нерабочие дни, увеличить число служащих библиотеки. Все эти меры осуществлялись для того, чтобы трудящиеся могли «разумно, осмысленно, успешно участвовать в революции» [63].

Требования В. И. Ленина о демократизации научных библиотек определили качественно новое содержание их деятельности в советском обществе. Превратить науку и знание в общенародное достояние, добиться, чтобы «наука действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом»,— таков наказ В. И. Ленина работникам научных библиотек [64].

Реорганизация научных книгохранилищ проходила в обстановке, когда часть ученых и библиотекарей еще не осознала смысла революционных изменений в политической и культурной жизни общества. Некоторые из них саботировали перестройку библиотек. Петроградская Публичная библиотека, например, в первые дни Советской власти прекратила обслуживать читателей. 29 января 1918 г. за подписью В. И. Ленина было издано распоряжение о смещении ее директора и назначении правительственного комиссара [65].

Советское правительство пересмотрело и заменило старые положения и условия пользования научными библиотеками. Наркомпрос утвердил новый устав Публичной библиотеки в Петрограде. В октябре 1919 г. Наркомпрос предписал «открыть для всех во все время» доступ в читальные залы университетских библиотек и выдавать из них книги на дом [66]. Были продлены часы обслуживания читателей.

В интересах развития науки, культуры и просвещения была пересмотрена структура отделов, расширены штаты и приняты меры к привлечению населения к участию в управлении библио-

[63] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 132.
[64] Там же, т. 45, с. 391.
[65] Газета Временного Рабочего и Крестьянского правительства, 1918, 31 янв.
[66] См.: Сборник постановлений и декретов Рабочего и Крестьянского правительства по народному образованию. М., 1921, вып. 2, с. 163.

теками. В советы библиотек стали вводить представителей читательских кругов.

О необходимости реформы академических и университетских книгохранилищ говорилось еще в июле 1918 г. на первом государственном совещании по библиотечному делу. В сентябре 1919 г. был проведен съезд академических библиотек, обсудивший вопросы реорганизации и улучшения их деятельности. Съезд одобрил новый устав и правила пользования вузовскими библиотеками, введенные Наркомпросом в апреле 1920 г. Все вузовские книгохранилища были включены в систему межбиблиотечного абонемента.

В интересах повышения эффективности научных библиотек в обслуживании науки и производства правительство провело реформу их книгоснабжения. В связи с изданием декрета Совнаркома «О передаче библиографического дела в РСФСР Народному комиссариату просвещения» (июнь 1920 г.) в стране была создана Центральная книжная палата, одной из задач которой явилось распределение обязательных экземпляров литературы между крупнейшими книгохранилищами[67]. 25 обязательных экземпляров распределялись по библиотекам Москвы, Петрограда, Баку, Киева, Харькова, Ташкента и других городов. Так были заложены основы общегосударственной системы централизованного комплектования научных библиотек новейшей литературой, выходившей на территории Советской Республики.

Большое количество книг было передано в научные библиотеки при национализации и реквизиции частных собраний. По постановлению правительства (сентябрь 1919 г.) книги из реквизированных собраний, «представляющие большой исторический, ученый и литературный интерес»[68], передавались в Румянцевский и Исторический музеи, в другие крупные книгохранилища. Научные библиотеки широко использовали реквизированные книги в интересах советской науки, техники и культуры.

Проявляя заботу о развитии науки, Советское правительство содействовало улучшению материального положения научных библиотек. В декабре 1918 г. В. И. Ленин подписал постановление о выделении средств для общей библиотеки ВСНХ. В ноябре 1919 г., когда решался вопрос о закрытии в связи с топливным кризисом учреждений, «не являющихся абсолютно необходимыми», Совнарком издал постановление об обеспечении топливом Румянцевского музея. В 1920 г. В. И. Ленин неоднократно подписывал правительственные постановления о библиотеках — об отпуске картона для переплетных целей Румянцевской и Публичной библиотекам (май 1920 г.), о заготовке дров для Румянцевского музея (май 1920 г.), о расширении штата работников Румянцевского и Исторического музеев (декабрь 1920 г.) и др.

[67] См. настоящий том, с. 253—256.
[68] См.: В. И. Ленин и библиотечное дело, с. 263.

В первые годы Советской власти в научных библиотеках появились новые формы обслуживания читателей. На основе Положения об обмене книгами (июль 1918 г.) крупные книгохранилища Москвы, Петрограда и некоторых других городов ввели межбиблиотечный абонемент. Масштабы обмена книгами были невелики и затруднялись военными действиями и разрухой на транспорте.

В конце 1918 г. в Петроградской Публичной библиотеке и в Румянцевском музее в Москве открылись справочные бюро.

На первых порах они ограничивались розыском книг, заказанных по межбиблиотечному абонементу, в дальнейшем — стали удовлетворять просьбы организаций, учреждений и отдельных читателей о подборе литературы по тематическим запросам. Со временем встал вопрос о необходимости преобразования этих бюро в справочно-библиографические отделы.

Новой в научных библиотеках была и выставочная работа. В Петроградской Публичной библиотеке, в Румянцевском музее в Москве, в библиотеке Томского университета были организованы выставки, приуроченные к революционным годовщинам и юбилейным датам писателей и ученых, к событиям из истории революционного движения.

Содействуя расширению научно-исследовательских учреждений, партия и правительство принимали меры к основанию новых специальных библиотек. При этом учитывались интересы отраслей науки и техники, начавших развиваться после революции. Принималась во внимание и необходимость ликвидации сложившейся в дореволюционной России концентрации научных библиотек в центре страны. Научные и специальные библиотеки в эти годы открываются на территории национальных районов.

В августе 1918 г. в связи с организацией Социалистической академии общественных наук была основана библиотека, стремившаяся собрать и организовать широкое использование марксистско-ленинской литературы, книг по истории Октябрьской революции, по экономике, философии и политике. Библиотека Социалистической академии, фонды которой ныне вошли в состав Института научной информации по общественным наукам Академии наук СССР, с первых лет существования превратилась в крупнейшее книгохранилище общегосударственного значения.

Советская власть положила начало формированию крупных универсальных и отраслевых научно-технических библиотек. Развитию их сети способствовало учреждение Высшего Совета Народного Хозяйства (ВСНХ), при Научно-техническом отделе которого возникает несколько книгохранилищ[69]. В августе 1918 г. открывается общая библиотека при Президиуме ВСНХ, а в октябре 1918 г.— Государственная научно-техническая и экономическая

[69] См.: Каратыгина Т. Ф. Осуществление ленинских указаний в практике библиотек ВСНХ (1917—1927). — Б-ки СССР, 1970, вып. 45, с. 66—75.

библиотека (ГНТЭБ) при Научно-техническом отделе ВСНХ. В 1920 г. в системе ВСНХ организуется читальный зал иностранной литературы. Позднее все эти библиотеки были преобразованы в Государственную научную библиотеку ВСНХ.

Центральные научно-технические и специальные библиотеки возникают в эти годы при Народном комиссариате путей сообщения (ныне — ЦНТБ Министерства путей сообщения), при Народном комиссариате здравоохранения (ныне — Государственная центральная научная медицинская библиотека), при многих научно-исследовательских учреждениях, на фабриках и заводах.

Расширилась сеть университетских и других вузовских библиотек. Новые библиотеки в 1918 г. были созданы при Воронежском, Днепропетровском, Иркутском и Нижегородском университетах, в 1919 г. — при Азербайджанском и Костромском, в 1920 г.— при Ереванском, Туркестанском и Уральском университетах. Общее число университетских библиотек в первые годы Советской власти увеличилось более чем вдвое.

Реорганизация деятельности научных книгохранилищ проходила более медленными темпами, чем перестройка общедоступных библиотек. Сказывалась унаследованная от старой России изолированность этих книгохранилищ от общей библиотечной сети. Окончательное преодоление академической замкнутости, превращение научных библиотек в центры, активно содействующие развитию науки, техники и производства и несущие научные знания трудящимся, произошло несколько позднее.

Подготовка библиотечных кадров. В первые годы Советской власти остро ощущался недостаток кадров, способных по-новому поставить работу библиотек, связать ее с задачами построения социалистического общества, привлечь к пропаганде книги массы трудящихся.

Программа РКП(б) обратила серьезное внимание на подготовку работников просвещения. Ее положения, применительно к характеру и специфике библиотечного образования, конкретизировала Н. К. Крупская. Она подчеркивала, что советский библиотекарь не может ограничиваться только узкоспециальными знаниями, он должен обладать широким общественно-политическим кругозором, уметь работать с массами. Библиотекарь, как любой другой культпросветработник, писала она, должен быть пропагандистом, ему «надо знать не только американскую систему... уметь читателю дать разъяснения верные, целесообразные. Ему нужно быть сознательным марксистом, хорошим революционером. Тогда он принесет не вред, а пользу»[70].

Развивая мысли о принципиальных основах подготовки кадров, Н. К. Крупская указывала, что в библиотечных учебных заведениях и на курсах необходимо изучать общественные науки и обще-

[70] Крупская Н. К. О библиотечном деле, т. 1, с. 54.

образовательные дисциплины. Она предлагала «на первый план поставить общую социалистическую выучку, на которой будет уже базироваться изучение специальности»[71]. Это требование определило принципиально новый подход к подготовке библиотечных работников.

По инициативе Н. К. Крупской в конце 1918 г. было организовано первое советское библиотечное учебное заведение — Библиотечная семинария Наркомпроса. Семинария, просуществовавшая два года, предусматривала теоретическое и практическое обучение слушателей, а также их большую самостоятельную работу. Параллельно с изучением специальных дисциплин учащиеся посещали пролетарский университет, дававший им подготовку в области общественных наук. Н. К. Крупская подчеркивала, что характерной особенностью семинарии «должен быть пролетарский ее состав»[72].

В декабре 1918 г. в Петрограде открылся Институт внешкольного образования (ныне — Ленинградский государственный институт культуры имени Н. К. Крупской)[73]. С самого начала в нем была создана так называемая книжно-библиотечная группа, которая в 1919 г. была преобразована в книжно-библиотечный факультет. Здесь готовили заведующих библиотеками, организаторов и инструкторов библиотечного дела. Срок обучения в институте первоначально был шесть месяцев, а в 1919 г. был увеличен до двух лет. В Иваново-Вознесенске, Костроме и некоторых других городах в эти годы были открыты институты внешкольного образования. Библиотечные отделения открывались и при отдельных педагогических институтах.

И все же сеть вузов, готовящих кадры библиотечных работников, была недостаточной, количество обучавшихся в них студентов — невелико. Между тем в переподготовке и систематическом обучении, повышении квалификации нуждались и библиотечные работники, имеющие практический стаж. Для этого повсеместно создавались библиотечные курсы — при библиотечных секциях губернских и уездных отделов народного образования, в крупных библиотеках, в вузах. По содержанию, продолжительности обучения они сильно отличались друг от друга. Преобладали краткосрочные 2—3-х недельные курсы. Значительная часть курсов обучала только технике библиотечного дела и библиографии (курсы при Народном университете имени А. Л. Шанявского в Москве, петроградские и московские курсы научных библиотек и др.).

В ином плане строилась работа курсов, соединявших общеобразовательную и специальную подготовку. Такие курсы отвечали духу времени, были вызваны к жизни передовой практикой рабо-

[71] Крупская Н. К. О библиотечном деле, т. 1, с. 79.
[72] Там же, с. 40.
[73] См.: Оленева З. П. Становление и развитие высшего библиотечного образования в СССР (1917—1929 гг.). — Тр./Ленингр. гос. библ. ин-т, 1961, т. 8, с. 215—234.

ты советских книгохранилищ. На них, по примеру библиотечной семинарии, серьезное внимание обращалось на общественно-политическую подготовку библиотекарей, на привлечение к этой работе рабочих и крестьян (Вятские шестимесячные рабоче-крестьянские библиотечные курсы, Московские уездные библиотечные курсы «Трудовая школа библиотековедения» и др.).

В первые годы Советской власти было положено начало формированию государственной системы учебных заведений, готовящих библиотечных работников. Сформулированные в этот период принципы постановки библиотечного образования действуют и сегодня. И все же в полной мере планы развития библиотечного образования в те годы осуществить не удалось: сказывались недостатки, типичные для всей системы образования,— слабая организация преподавания общественных наук, недостаток квалифицированных педагогов, неразработанность, с учетом новых требований, программ, учебников и учебных пособий.

Становление советского библиотековедения. Развернувшаяся после Октября революционная перестройка библиотечного дела требовала теоретического обобщения и осмысления передового опыта, критического пересмотра сложившихся в условиях дореволюционной России старых взглядов на библиотеку, на ее задачи и роль в общественно-политической и культурной жизни страны. Важнейшее значение для разработки библиотековедения как общественной науки имели ленинские указания о социальных функциях библиотек в советском обществе, об их задачах и назначении. Указания В. И. Ленина содержали партийную оценку буржуазного библиотековедения, рекомендации об использовании его демократических достижений. В то же время В. И. Ленин призывал искать новые формы и пути работы по продвижению книги в массы, присущие социалистическому государству. Марксистско-ленинское определение социальных функций библиотек помогало правильно понять задачи библиотечной работы, сформулировать теоретические основы комплектования книжных фондов, организации обслуживания читателей и руководства их чтением.

Центральным вопросом теории и практики библиотечного дела в эти годы стал вопрос о партийности библиотек, о тесной связи их работы с политикой партии и правительства. Вокруг этого вопроса, имевшего первостепенное идеологическое значение, развернулась борьба между новым и старым.

Принцип партийности библиотечного дела оказал серьезное влияние на теоретическую разработку проблемы обслуживания читателей, на выработку новой методики руководства их чтением и изучения читательских интересов. В исследование этих проблем большой вклад внесла Н. К. Крупская, предложившая коренным образом пересмотреть старую методику, рассчитанную на обслуживание культурных одиночек, и разработать формы и методы обслуживания, учитывающие потребности всего населения.

Н. К. Крупская доказала, что деятельность библиотек не может сводиться к беспристрастному удовлетворению читательских запросов, а должна содействовать формированию читательских интересов, помогать развитию культурно-технического уровня трудящихся. Она учила творчески подходить к работе, содействовать формированию новых убеждений у читателей и помогать им овладевать теорией коммунизма.

Критикуя старые теории изучения читательских интересов, Н. К. Крупская уже в эти годы предлагала отказаться от изучения читателей «вообще» или только «с психологических оснований». «Знать читателя,— писала она,— значит знать ту среду, к которой принадлежит он, знать вопросы этой среды; знать читателя — значит понимать его индивидуальность, его метод подхода к вопросам»[74]. Эти взгляды разделялись передовыми библиотекарями, творчески применявшими новую методику изучения читателей.

В первые годы Советской власти активно работали библиотековеды, взгляды которых сформировались в дореволюционный период. Приветствуя победу народа, активно сотрудничая с новой властью в деле переустройства библиотечной системы, они вместе с тем далеко не сразу освободились от распространенной в ту пору теории «надклассовости» и «беспартийности» библиотек. Однако их практическая деятельность — особенно в свете появления сотен и тысяч новых читален, остро нуждавшихся в методическом руководстве,— объективно способствовала становлению новой библиотечной системы.

В этой связи должны быть названы имена двух библиотековедов — Александра Александровича Покровского (1879—1942)[75] и Любови Борисовны Хавкиной (1871—1949)[76]. Составленные ими практические пособия сыграли большую роль в приобщении к специальным знаниям сотен и тысяч молодых людей, которые в те годы решили посвятить себя благородному делу культурно-просветительной работы. Таковы небольшие по объему, но емкие по обилию содержащихся в них практических сведений брошюры А. А. Покровского «О выборе книг для общедоступной библиотеки» (М., 1917; 2-е изд. М., 1918), «Библиотека и работа с книгой» (М., 1918), «Как устроить библиотеку» (Сергиев Посад, 1918; Смоленск, 1919). Брошюра А. А. Покровского «Как в библиотеке распределяются книги по отделам», напечатанная впервые в 1918 г. Московским Советом рабочих депутатов, в 1919—1921 гг. была перепечатана во многих других городах.

Широкое распространение имело в те годы «Руководство для небольших библиотек» Л. Б. Хавкиной, вышедшее впервые в 1911 г., а затем в 1917 и 1918 гг. переизданное. Одним из основ-

[74] Крупская Н. К. О библиотечном деле, т. 1, с. 44.
[75] См.: Григорьев Ю. В. А. А. Покровский. М., 1965. 141 с.
[76] См.: Григорьев Ю. В. Л. Б. Хавкина. М., 1973. 126 с.

ных пособий по организации фондов являлась ее книга «Авторские таблицы Кеттера в переработке для русских библиотек».

Справедливости ради надо сказать, что пособия А. А. Покровского и Л. Б. Хавкиной в ту пору не были единственными. Такие пособия в 1918—1920 гг. выходили неоднократно в самых различных городах. В Харькове была издана книга Б. О. Боровича «Организация и ведение небольших библиотек» (1918), в Петрозаводске — брошюра Т. В. Леонтьева «Как устроить передвижную библиотеку и открыть избу-читальню» (1918), в Твери издали пособие Н. Н. Райковской — «Небольшая библиотека и ее повседневная работа» (1919). В 1920 г. в Москве было выпущено пособие А. И. Цикуленко «Руководство для библиотекарей Красной Армии». Список этот может быть продолжен [77].

Взгляды А. А. Покровского и Л. Б. Хавкиной, основывавшиеся на объективистских принципах и не отвечавшие новым задачам, критиковались Н. К. Крупской [78]. Н. К. Крупская много сделала для становления советской теории комплектования. Она показала, что коренное изменение содержания библиотечной работы требует нового подхода к вопросам формирования книжных фондов. Основополагающим стал принцип партийности, в разработке которого, применительно к проблемам комплектования, большую роль сыграли ленинские указания о целенаправленном подборе книжных фондов.

Советское библиотековедение положительно оценило опыт составления типовых каталогов в помощь комплектованию массовых библиотек и положило начало разработке новой методики их составления. При их разработке рекомендовалось использовать специалистов разных отраслей знаний, учитывать растущий культурно-технический уровень трудящихся.

Менее значительным был вклад в теорию каталогов. На Государственном совещании по библиотечному делу (июль 1918 г.) принимается решение разработать детальную инструкцию по книгоописанию. В связи с переводом книжного фонда библиотек на десятичную классификацию разрабатывается вариант распределения книг «по десятичной классификации с терминологией, соответствующей новым условиям жизни в РСФСР» [79].

Крупнейшим достижением библиотековедения тех лет явилось теоретическое обоснование проблем организации единой общегосударственной системы библиотечного обслуживания населения. На

[77] Библиотечное дело в первые годы Советской власти. 1917—1920: Библиография/Сост. Дергачева Л. Д., Зимина В. А, Тютяева Т. Г. М., 1973. 226 с.

[78] См. рец. Н. К. Крупской на книги А. А. Покровского и Л. Б. Хавкиной в кн.: Крупская Н. К. О библиотечном деле, т. 1, с. 29—33.

[79] См.: Цикуленко А. И. Руководство для библиотекарей Красной Армии. М., 1920, с. 9—14; См. также с. 267—268 настоящего тома.

базе указаний В. И. Ленина были по-новому определены роль и назначение центральных библиотек в библиотечной сети. Важные теоретические положения содержались в статье Н. К. Крупской «Централизация библиотечного дела»[80], на основе которой позднее разрабатывался правительственный декрет. Значителен вклад в разработку проблем централизации библиотечного дела таких библиотековедов, как В. Я. Брюсов, М. А. Смушкова и О. И. Чачина[81].

В вопросе разработки проблем организации библиотечной сети советское библиотековедение освободилось от влияния буржуазных теорий и значительно ушло вперед, выдвинув впервые в мире идею единой общегосударственной системы библиотечного обслуживания народа.

Разработка теоретических основ советского библиотековедения проходила в обстановке острой классовой борьбы на идеологическом фронте. Часть специалистов, воспитанная на буржуазных теориях, механически перенесла в практику работы советских библиотек старые взгляды, допускала путаницу и противоречия в обосновании отдельных теоретических положений. Лозунги «аполитичности» и «надклассовости» библиотек использовались врагами Советской власти, стремившимися под видом «автономии» книгохранилищ освободить их от влияния большевистской партии. Советское государство помогло ученым старой школы освободиться от груза старых взглядов, привлекло их к разработке теоретических и практических вопросов библиотечного дела. В то же время давался решительный отпор всем теоретическим и практическим положениям буржуазного библиотековедения, противоречившим ленинскому принципу партийности библиотек.

* * *

Октябрьская революция открыла новый, ленинский этап в развитии теории и практики библиотечного дела в России и во всем мире. Она внесла плановое, организующее начало в становление и размещение сети библиотек, в развитие библиотековедения как общественной науки. Важным вкладом в мировую теорию и практику библиотечного строительства явилась ленинская идея централизации библиотечного дела, создания в нашей стране единой общегосударственной системы библиотечного обслуживания народа. Вместе с тем, несмотря на быстрый рост числа библиотек, общее состояние библиотечного дела еще отставало от огромных потребностей трудящихся в книге и знаниях. Ввиду сложности военной обстановки и недостаточно развитой полиграфической базы было неудовлетворительным снабжение библиотек новой литературой. Все эти недостатки предстояло ликвидировать в последующие годы.

[80] См.: Крупская Н. К. О библиотечном деле, т. 1, с. 115—119.
[81] См., напр.: Смушкова М. А. Очередные задачи: Централизация библиотечного дела. М., 1920. 4 с.

Становление советской библиографии

В. И. Ленин и библиография. — Начало государственной библиографии.— Российская центральная книжная палата. — Республиканские и местные книжные палаты.— Рекомендательная и издательская библиография.— Критико-библиографические журналы.— Научно-вспомогательная библиография.— Краеведческая библиография.— Преподавание библиографии.— Работа в области библиотечно-библиографической классификации.

Трудно переоценить значение библиографической информации в жизни современного общества. Истоки библиографии уходят в глубокую древность. И все же мы можем утверждать, что ее становление в качестве разветвленной и базирующейся на строго научной основе отрасли культуры связано с революционными изменениями во всех областях знания, вызванными возникновением первого в мире социалистического государства.

В. И. Ленин и библиография. Первые шаги советского библиографического дела были сделаны в ту пору, когда решительно вся политическая, социально-экономическая и культурная жизнь общества испытывала воздействие могучего интеллекта великого вождя революции. Интерес В. И. Ленина к вопросам создания и распространения библиографической информации, сформировавшийся в то время, когда Владимир Ильич только начинал свою политическую и научную деятельность, был постоянным на протяжении всей жизни. Многоаспектная тема «В. И. Ленин и библиография» достаточно хорошо изучена советскими учеными[1]. Особенно велик вклад Г. П. Фонотова, многолетние и систематические изыскания которого дали ценные научные результаты[2].

В. И. Ленин обосновал идеологическую сущность библиографии, ее классовый, партийный характер. В этой связи обычно называют рецензию В. И. Ленина на указатель Н. А. Рубакина «Среди книг» (т. 2. М., 1913); рецензия была опубликована в большевистском журнале «Просвещение». Оценив работу Н. А. Рубакина

[1] См.: Берков П. Н. Ленин, Маркс и Энгельс как библиографы-рецензенты.— В кн.: Фомин А. Г. Путеводитель по библиографии Маркса, Энгельса и Ленина. Л., 1934, с. 93—122; Зимовский Ф. Я. «Библиография марксизма» В. И. Ленина и наша библиографическая практика.— Книга и пролетар. революция, 1935, № 6, с. 17—34; Здобнов Н. В. Об отношении Ленина к библиографии.— Сов. библиогр., 1958, вып. 49, с. 18—31; Эйхенгольц А. Д. В. И. Ленин и библиография.— В кн.: Советская библиография: Сб. статей. М., 1960, с. 13—38.

[2] См.: Фонотов Г. П. В. И. Ленин о библиографии. М., 1962. 56 с., 1 л. портр.; Он же. Важная составная часть творческой деятельности В. И. Ленина.— Сов. библиогр., 1970, № 1, с. 13—34; Он же. Библиотечно-библиографическая информация в жизни и деятельности В. И. Ленина. М., 1978. 152 с.

как «громадный труд» и «чрезвычайно ценное предприятие», В. И. Ленин вместе с тем критиковал известного просветителя и библиографа за эклектизм. Он указал, что этот недостаток проистекает из курьезного предубеждения автора против «полемики». Вскрывая несостоятельность библиографического объективизма Н. А. Рубакина, его мнимую «надпартийность», В. И. Ленин указал, что «дать разумный „обзор русских книжных богатств" и „справочное пособие" для самообразования и библиотек нельзя иначе, как в связи с историей идей»; «..а история идей есть история смены и, следовательно, борьбы идей»[3].

Так был сформулирован принцип партийности библиографии, блестящим примером реализации которого на практике стал составленный В. И. Лениным обзор марксистской литературы, завершавший его статью «Карл Маркс» в 28-м томе «Энциклопедического словаря Русского библиографического института Гранат»[4].

В первые годы Советской власти принцип партийности библиографии был положен в основу перестройки библиографического дела страны. Направления этой перестройки определял комплекс решений партийных и государственных органов, которые достойно завершил подписанный В. И. Лениным декрет о передаче библиографического дела в РСФСР Народному комиссариату просвещения.

Начало государственной библиографии. От прежнего строя Советское государство унаследовало лишь одно библиографическое учреждение — Российскую книжную палату, осуществлявшую функции государственной библиографической регистрации произведений печати[5]. Российская книжная палата была создана по инициативе научной и библиографической общественности 27 апреля (10 мая) 1917 г. после ликвидации Главного управления по делам печати[6]. На это научное учреждение и было возложено собирание, регистрация, описание и систематизация всех выходящих в России произведений печати, а также снабжение государственных книгохранилищ издающимися в России книгами, газетами и журналами.

К Книжной палате перешло издание органа государственной библиографии — «Книжной летописи», выходившей с 1907 г. под руководством видного русского библиографа А. Д. Торопова (1851—1927).

Со своими задачами Книжная палата, несмотря на энергию ее директора, известного историка литературы и библиографа С. А. Венгерова, не справлялась.

[3] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 25, с. 111—112.
[4] Там же, т. 26, с. 82—93.
[5] В Москве после Октябрьской революции был учрежден Комиссариат по регистрации произведений печати, позднее преобразованный в Московскую книжную палату.
[6] См.: Собрание узаконений и распоряжений правительства, 1917, № 109, отд. 1, ст. 548.

После Великой Октябрьской социалистической революции регистрация произведений печати временно была приостановлена. Последний номер «Книжной летописи» вышел 18 ноября 1917 г.

Некоторые сотрудники Книжной палаты враждебно отнеслись к Советской власти. На общих собраниях служащих, состоявшихся 27 октября, 14 и 20 ноября 1917 г., раздавались призывы к саботажу решений Рабоче-Крестьянского правительства. На заседаниях Совета палаты 22 ноября и 3 декабря 1917 г. она была провозглашена автономным по отношению к правительству учреждением [7]. Народный комиссар просвещения А. В. Луначарский проявил максимум терпения и такта, чтобы убедить сотрудников Книжной палаты и ее директора в необходимости сотрудничества с Рабоче-Крестьянским правительством. Он добился, что палату перевели из ведомства Наркомвнудела в Наркомпрос. 28 ноября 1917 г. он обратился к С. А. Венгерову с письмом, в котором, в частности, говорилось: «Мне прекрасно известно то настроение, которое царит в Книжной палате, и та классовая враждебность, с которой ее члены относятся к рабочему и крестьянскому правительству. Однако, стараясь совершенно отвлечься от политического ее направления, считаясь с ее культурной и научной ценностью, я решаюсь открыть вновь Книжную палату как учреждение автономное.

О всех вопросах, решение которых так или иначе затрагивает правительство, прошу Вас, уважаемый гражданин, сноситься со мной» [8].

Первый директор первого государственного библиографического учреждения Семен Афанасьевич Венгеров (1855—1920) — известный историк литературы и общественной мысли, к 1917 г. имел богатый опыт библиографической работы. С. А. Венгерову принадлежит ряд капитальных био-библиографических трудов, которые ввиду грандиозности замысла остались незавершенными: «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых» (т. 1—6, 1889—1904), «Предварительный список русских писателей и ученых и первые о них справки» (2-е изд., т. 1—2, 1915—1918), «Источники словаря русских писателей» (т. 1—4, 1900—1917) и многие другие. Библиографические труды С. А. Венгерова сохраняют до настоящего времени важное справочное значение.

18(31) декабря 1917 г. С. А. Венгеров, уже в качестве директора советского библиографического учреждения, подписал «Обращение Книжной палаты о возобновлении ее нормальной деятельности», в котором разъяснял задачи петроградской Книжной палаты и убедительно просил типографии и прочие заведения печатного дела доставлять узаконенные восемь экземпляров всех произведений печати, выпущенных после 25 октября. Наркомпрос в поддержку палате опубликовал 24 февраля 1918 г. декрет об обязательном экземпляре, которым на полиграфические учрежде-

[7] Здесь и далее использованы материалы публикации И. Ф. Мартынова «Книжная палата в первые годы Советской власти: 1917—1920 гг.».— Сов. библиогр., 1967, № 3, с. 211—243.

[8] Сов. библиогр., 1967, № 3, с. 212.

ния возлагалась обязанность его доставлять, а также провозглашалась ответственность перед законом за невыполнение данного распоряжения [9].

Положение улучшилось. Отныне петроградская Книжная палата с помощью своих представителей проверяла полноту доставки книг. Когда стало известно, что в поезде председателя ВЦИК М. И. Калинина издается газета, С. А. Венгеров 30 июня 1919 г. обратился с письмом во ВЦИК, настаивая на присылке экземпляров газеты и на получении сведений о типографии [10]. В письме обращалось внимание на научное и историческое значение выполнения этого требования.

И все-таки в тяжелых условиях гражданской войны, когда значительная часть территории Советской России была оккупирована, Книжной палате было трудно организовать сбор обязательных экземпляров, хотя она имела отделения в Москве, а к началу 1920 г.— еще в 25 городах страны. Как ни странно, наличие представительств в других городах не всегда способствовало присылке книг в Петроград, так как книжные палаты на местах снабжали обязательным экземпляром «свои» библиотеки, а Книжную палату в Петрограде считали областным учреждением. Поэтому С. А. Венгеров добивался переименования петроградской Книжной палаты в Российскую книжную палату [11].

В первые годы Советской власти «Книжная летопись» издавалась нерегулярно. Номера «Летописи» за ноябрь — декабрь 1917 г. вышли лишь в середине 1918 г. Первые номера за 1918 г. начали печататься только в октябре 1918 г. В 1919 г. «Книжная летопись» выходила более или менее регулярно, но в 1920 г. издание ее прекратилось. Лишь в 1922 г. Петроградский институт книговедения выпустил отдельной книжкой 32 номера «Книжной летописи» за 1920 г.

Известно, что В. И. Ленин с большим интересом просмотрел «Книжную летопись» за 1917—1919 гг., оставив на ее полях свои пометки. Как рассказывал В. Д. Бонч-Бруевич, Владимир Ильич был удивлен, что, несмотря на разруху, в стране было издано так много разнообразных и хороших книг [12].

Библиографы той поры критиковали «Книжную летопись» за многое, в частности за небрежность и неточность записей, за алфавитное, а не систематическое расположение их. Российская книжная палата стремилась реорганизовать «Книжную летопись». Предусматривалось, в частности, создание раздела, в котором должны были помещаться обзоры и рецензии на книги и журналы,

[9] См.: Известия, 1918, 24 февр.; Издательское дело в первые годы Советской власти: Сб. док. и материалов. М., 1972, с. 19.
[10] См.: Сов. библиогр., 1967, № 3, с. 221.
[11] Там же, с. 220—221.
[12] См.: Бонч-Бруевич В. Д. Пометки Ленина на «Книжной летописи». — Сов. библиогр., 1940, № 1, с. 339—348.

статьи по теоретическим вопросам книговедения[13]. Но С. А. Венгерову не удалось осуществить этот проект, как и многое другое. Одно бесспорно. Отношение его к Советской власти значительно изменилось. Об этом свидетельствует статья «Наши задачи», написанная им в начале 1920 г., в которой, в частности, говорилось: «...мы видим, как организации библиографического дела придается все большее и большее значение. Предоставленная прежде кустарным заботам отдельных самоотверженных деятелей, библиография становится теперь предметом государственной и даже международной заботы...»[14]

Задачи и функции палаты в то время были очень широки, так как в ее состав вошли Литературно-библиографический институт, созданный для хранения и собирания архива С. А. Венгерова, Бюро международной библиографии по естествознанию и математике Академии наук, комиссия «Наука в России». Палате было поручено составление общего репертуара русской книги, создание государственного книжного фонда. Палата помогала созданию краеведческих библиографических указателей[15].

Положение Российской книжной палаты осложнилось в связи с переездом правительства весной 1918 г. в Москву. Переехал и Наркомпрос, в ведении которого находилась палата. С. А. Венгеров всеми силами пытался удержать палату в Петрограде, добивался регулярного и полного снабжения ее обязательным экземпляром. Обращаясь 23 декабря 1919 г. с письмом к управляющему делами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевичу, он, в частности, писал: «Пожалуйста, ускорьте распубликование декрета. Помните, что книга, не попадающая в Книжную палату, не попадет ни в Публичную библиотеку, ни в Румянцевский музей, ни в Академию наук, т. е. пропадет для истории. А сама память о книге исчезнет, если она не зарегистрирована в „Книжной летописи", которою руководствуются все историки, библиографы и исследователи»[16].

Таким образом, к 1920 г. в ряду различных задач хозяйственной и культурной жизни страны встала проблема реорганизации библиографического дела. «Когда вопрос о декрете подошел вплотную,— вспоминал В. Д. Бонч-Бруевич,— то сейчас же всплыл вопрос, где быть Книжной палате — в Москве или в Петрограде. Всегда особо интересовавшийся вопросами, связанными с нашей культурой, Владимир Ильич, узнав о тяжелом положении Книжной

[13] См.: Сов. библиогр., 1967, № 3, с. 223—224.

[14] Венгеров С. А. Наши задачи.— В кн.: Sertum bibliologicum в честь... проф. А. И. Малеина. Пг., 1922, с. 2.

[15] См.: Отчет академика Н. К. Никольского о деятельности Рос. книжной палаты с 27 апреля 1917 г. по 1 декабря 1920 г.— Сов. библиогр., 1967, № 3, с. 226—234.

[16] Цит. по: Бонч-Бруевич В. Д. К истории организации Российской Центральной книжной палаты в Москве.— Сов. библиогр., 1940, № 1, с. 151—152.

палаты, потребовал скорейшего рассмотрения вопроса об организации библиографического дела в целом»[17].

30 июня 1920 г. В. И. Ленин подписал постановление Совнаркома «О передаче библиографического дела в РСФСР Народному комиссариату просвещения», коренным образом реорганизующее библиографическое дело в стране[18]. Этим декретом устанавливалась обязательность государственной регистрации произведений печати, которая не могла быть обеспечена Книжной палатой, находившейся в Петрограде; обосновывалась необходимость создания библиографической службы, организации библиографического образования и библиографической печати.

Постановление Совнаркома широко комментировалось и было одобрено общественностью. Известный историк русской литературы, цензуры и революционного движения М. К. Лемке так выразил общее настроение: «Постановление народных комиссаров... [говорит] об особом внимании к библиографическому делу, ставит новую веху в жизни науки вообще, и в этом отношении шаг правительства надо приветствовать как большую культурную меру, которая только по плечу народной власти, так склонной дорожить всем нашим культурным достижением»[19].

Российская центральная книжная палата. Один из пунктов декрета Совнаркома от 30 июня 1920 г. возлагал на Народный комиссариат просвещения регистрацию «всех печатных произведений, выходящих в РСФСР, и опубликование списков этих произведений». Постановлением Наркомпроса от 3 августа 1920 г. в Москве при Государственном издательстве, подчинявшемся в ту пору Наркомпросу, была создана Российская центральная книжная палата[20], переименованная в 1925 г. в Государственную центральную книжную палату РСФСР. Палате было поручено издание «Книжной летописи».

Первым директором Российской центральной книжной палаты стал Богдан Степанович Боднарский (1874—1968). Этот выдающийся библиограф в 1909—1920 гг. был секретарем, а в 1920—1930 гг.— председателем Русского библиографического общества, основателем и бессменным редактором журнала «Библиографические известия» (1913—1929). Он был также одним из энтузиастов русской библиографии второй степени, активным пропагандистом десятичной классификации[21]. Профессор Б. С. Боднарский, доктор педагогических наук (1943), заслуженный деятель науки РСФСР (1945), вел большую педагогическую работу: читал курсы библиографии и библиотековедения в вузах Москвы и Ленинграда.

К руководству отделами Российской центральной книжной палаты были привлечены видные книговеды, библиографы и литера-

[17] Бонч-Бруевич В. Д. К истории организации..., с. 152.
[18] См.: В. И. Ленин и библиотечное дело. М., 1977, с. 270—271.
[19] Лемке М. К. На правильном пути.— Книга и революция, 1920, кн. 2, с. 7.— Подпись: М. Глотов.
[20] См.: Известия, 1920, 19 авг.; Издательское дело в первые годы Советской власти, с. 77—78, 79—80.
[21] См.: Заслуженный деятель науки Б. С. Боднарский. М., 1963. 52 с.

туроведы — У. Г. Иваск, В. А. Крандиевский, М. Я. Цявловский, М. И. Щелкунов и др.

Вторую половину 1920 г. и весь 1921 г. в жизни Книжной палаты следует рассматривать как организационный период.

Большое число принятых к разработке тем и многообразие задач мешали палате выполнять ее основные функции. Состояние библиографической регистрации продолжало оставаться неудовлетворительным. Поступление обязательного экземпляра контролировалось плохо. «Книжная летопись» продолжала запаздывать и страдала неполнотой учета печатной продукции. Назрел вопрос о коренной реорганизации палаты.

Постановлением Наркомпроса от 3 августа 1920 г. Книжная палата стала подчиняться Государственному издательству. Не имея своего аппарата на местах, Книжная палата опиралась на отделения издательства для сбора обязательного экземпляра[22].

В архиве Всесоюзной книжной палаты сохранились документы, отразившие попытку палаты перейти в ведомство Академического центра Наркомпроса. Первоначально вопрос был поставлен на коллегии палаты 11 июня 1921 г.

8 июля 1921 г. Редакционная коллегия Госиздата одобрила перевод палаты в ведение Академического центра[23]. 21 октября 1921 г. палата обратилась с соответствующим письмом к заведующему научными учреждениями Академического центра.

По решению Академического центра Наркомпроса от 1 ноября 1921 г. последовала перестройка работы палаты, которая была оставлена в ведении Госиздата, однако с передачей научных функций организуемому Российскому библиографическому институту при Академическом центре Наркомпроса. Директором института стал профессор Б. С. Боднарский.

Новый директор палаты, возглавлявший ее в течение 10 лет (а в 1925—1926 гг. одновременно являвшийся заместителем В. И. Невского в дирекции Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина), Николай Федорович Яницкий (1891—1979) активно содействовал улучшению работы палаты; позднее — видный ученый-экономгеограф, доктор географических наук.

Н. Ф. Яницкому (родственнику О. Ю. Шмидта, возглавлявшего тогда Госиздат) удалось, в отличие от Б. С. Боднарского, эффективнее использовать ведомственную опеку Книжной палаты со стороны Госиздата. Российская центральная книжная палата получала дотацию из бюджета ГИЗ, была обеспечена необходимой полиграфической базой, активно участвовала в целом ряде меро-

[22] Сбор обязательных экземпляров постановлением Наркомпроса от 3 августа 1920 г. был возложен на местные отделения ГИЗа.

[23] Выписка из протокола № 19/82 заседания Центральной Редакционной коллегии Государственного издательства от 8 июля 1921 г.— Научный архив Всесоюзной книжной палаты. Фонд И. Н. Кобленца.

приятий, устраиваемых Госиздатом (например, в международных книжных выставках). В то же время статистическая и библиографическая информация Книжной палаты использовалась в издательской практике ГИЗ.

Основные задачи Книжной палаты по организации сбора и регистрации всех произведений печати, выходящих в РСФСР, снабжению крупнейших книгохранилищ страны обязательным экземпляром отражены в Положении о Российской центральной книжной палате, утвержденном Правлением ГИЗ 15 февраля 1922 г.

Перед вновь созданным Российским библиографическим институтом была поставлена задача разработки общей теории библиографии, составления репертуара отечественной книжной продукции, организации высшего библиографического образования. В состав Совета института вошли известные ученые и библиографы — академик Д. Н. Анучин, профессор Н. К. Пиксанов, В. А. Крандиевский. Ученым секретарем стал профессор Б. М. Городецкий. По инициативе Б. С. Боднарского и М. И. Щелкунова была начата организация при институте Музея книги, который вскоре был передан Румянцевскому музею. Многим планам, однако, не суждено было осуществиться, ибо Российский библиографический институт действовал недолго, около года[24].

После организации Российской центральной книжной палаты в Москве произошло разграничение ее функций с петроградской палатой. Последняя со временем была преобразована в Научно-исследовательский институт книговедения, который занимался разработкой теории, истории и методики библиографии, вел работу по библиографированию книг и периодических изданий 1917 — 1920 гг. Просуществовал институт до 1935 г.[25]

В. И. Ленин постоянно интересовался работой Книжной палаты. 28 апреля 1921 г. он предложил поручить палате сделать вырезки за май 1921 г. из важнейших газет — «Известий ВЦИК», «Правды», «Экономической жизни», «Петроградской правды» и центральных областных газет — «материалов, касающихся экономических, хозяйственных и производственных вопросов, включая также все отчеты» и статистику, систематизировать их и «составить подробнейший систематический и алфавитный указатель»[26]. За успешное выполнение этой работы Владимир Ильич предложил премировать ее участников.

[24] См.: Боднарский Б. С. Российский библиографический институт.— Библиогр. изв., 1922, № 1—4, с. 7—9.

[25] См.: Ловягин А. М. Институт книговедения.— Библиогр. изв., 1926, № 1—4, с. 24—31; Булгакова Л. В. Институт книговедения.— В кн.: Книга о книге. Л., 1927, т. 1, с. 1—44. Сиротова А. В. Обзор материалов архива Научно-исследовательского института книговедения.— Книга. Исслед. и материалы. М., 1968, сб. 16, с. 157—179.

[26] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 319—320.

Осуществляя поручение В. И. Ленина, Книжная палата составила под руководством А. А. Боровского указатель содержания четырех газет, который был сдан в Управление делами Совнаркома в конце ноября 1921 г. Копия его хранится в архиве Всесоюзной книжной палаты. В дальнейшем палата приступила к выпуску «Систематического указателя к газетам», первый номер которого был 13 марта 1922 г. направлен В. И. Ленину управляющим делами Совнаркома Н. П. Горбуновым [27].

Республиканские и местные книжные палаты. В процессе становления советской государственной библиографии учитывался многонациональный характер нашего государства. Поэтому одновременно с организацией Российской книжной палаты были приняты меры к созданию органов государственной библиографической регистрации на территории будущих союзных и автономных республик.

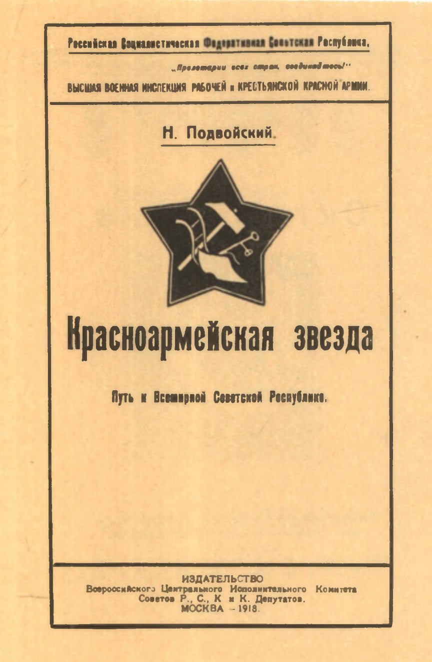
В 1919 г. была создана Главная книжная палата в Киеве с отделениями в Виннице и Каменце-Подольском. Заведующим палатой стал в дальнейшем известный советский библиограф Ю. А. Меженко (1892 — 1969). В основу регистрации произведений печати Украины был положен государственно-территориальный принцип: учитывались книги, опубликованные на всех языках на территории Республики, а также книги, изданные на украинском языке за пределами Украины.

Работе палаты помешала деникинская оккупация Украины. Советское правительство Украины переехало в Харьков. В 1921 г. был организован Центральный библиографический отдел Всеукраинского государственного издательства. Идея его создания принадлежала Михаилу Абрамовичу Годкевичу (1896 — 1941) — впоследствии директору Украинской книжной палаты, а с 1933 г.— заместителю директора Всесоюзной книжной палаты. По инициативе М. А. Годкевича Центральный библиографический отдел стал центром республиканской библиографической регистрации. Создание отдела позволило сохранить аппарат бывшей Главной книжной палаты в Киеве.

Ни Главная книжная палата в Киеве, ни библиографический отдел в 1918 — 1921 гг. текущей библиографической регистрации книг не вели, лишь собирали обязательный экземпляр. В 1919 г. экземпляры за 1917 — 1919 гг. были отосланы в Российскую книжную палату и зарегистрированы в специальном, строенном номере «Книжной летописи» за 1919 г. (№ 28—30).

Осенью 1920 г. была организована Книжная палата Туркестанской АССР в Ташкенте. Она возникла при Библиографическом отделе Туркестанского государственного издательства на основе постановления СНК республики за № 141 «О передаче

[27] См.: В. И. Ленин и библиотечное дело. М., 1977, с. 193.

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика.
„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“
ВЫСШАЯ ВОЕННАЯ ИНСПЕКЦИЯ РАБОЧЕЙ и КРЕСТЬЯНСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ.
Н. Подвойский.
Красноармейская звезда
Путь к Всемирной Советской Республике.
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета
Советов Р., С., К. и К. Депутатов.
МОСКВА — 1918.

1

БИБЛИОТЕКА ВСЕОБУЧ.
№ 1
ПЕСНИ
КРАСНЫХ ВОИНОВ
ИЗДАНИЕ
ЦЕНТР. УПРАВЛ. ВСЕОБЩ.
ВОЕН. ОБУЧ.
МОСКВА, 1919.

2

БУРЖУЙ
Б б
Буржуй меча сдержать не мог.
Теперь ползет у наших ног!
Б б

3

МАНИФЕСТ
БАРОНА ФОН-ВРАНГЕЛЯ
ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ.

4

5

6

ЮНЫЙ КОММУНИСТ

№ 6

ОРГАН ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО СОЮЗА МОЛОДЕЖИ

7

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЮНЫЙ АЛТАЕЦ

№ 1.

РЕДАКЦИЯ г. Барнаул, Берская № 56.

ТЕЛЕФОН № 86.

№ 1. Барнаул, 5 сентября 1920 г. № 1.

СОДЕРЖАНИЕ:

1) Международный день молодежи 2) К С'езду 3) Фабрично заводские К-ты и молодежь 4) Страничка юношеской поэзии. 5) О 3-ем Всероссийском с'езде, 6) Что надо немедленно провести 7) 16-летние в ряды 8) Хроника 9) Оффициальный отдел.

ОТ РЕДАКЦИИ.

Приобщить **всю** рабочую, крестьянскую и инородческую молодежь Красного Алтая к международному юношескому движению.

Осветить ей это движение.

Направить ее на путь **активного участия** в нем.

Сделать из нее—**борцов-разрушителей**, старого, капиталистического,—и **каменьщиков**, кладущих каждый свой кирпич.— нового коммунистического здания.

Разяснить ей все окружающее и ее жизнь.—

А для всего этого направить и руководить работой организаций Российского Коммунистического Союза Молодежи в ставшем снова Красном Алтае.

Вот задача нашего журнала.

Редакция.

8

ГОРН
КНИГА ПЕРВАЯ
МОСКОВСКИЙ
ПРОЛЕТ-КУЛЬТ
1918.

9

БИБЛИОТЕКА ПРОЛЕТКУЛЬТА
А. ПОМОРСКИЙ.
Цветы восстания.
ИЗДАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.
ПЕТЕРБУРГ.
1919.

10

Серія III
ДЛЯ КООПЕРАТИВНОЙ ПРОПАГАНДЫ
подъ редакціей Е. Ленской.
№ 1.
КАКЪ ВСѢ
У МУЖИКА
ВЪ ДОЛГУ
ОСТАЛИСЬ.
Потребитель!
Разъединенный
Ты—ничто!
Объединенный
Ты—все!
7-ое ИЗДАНІЕ
МОСКОВСКАГО СОЮЗА ПОТРЕБИТЕЛЬНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ.
1917.

11

Р · С · Ф · С · Р
БЮРО ИНОСТРАННОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ · БЕРЛИН
НОВОСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ
1-ый ВЫПУСК
СОДЕРЖАНИЕ:
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ОТДЕЛ
В · С · Н · Х

12

1 год изд.
1921
Выпуск 1
УСПЕХИ ПРОМЫШЛЕННОЙ ТЕХНИКИ
ЕЖЕМЕСЯЧНИК
ИЗДАВАЕМЫЙ ПРИ УЧАСТИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОТДЕЛА В·С·Н·Х
БЮРО ИНОСТРАННОЙ НАУКИ И ТЕХНИКИ В БЕРЛИНЕ
AUSLANDVERLAG · G·M·B·H
BERLIN SW 19

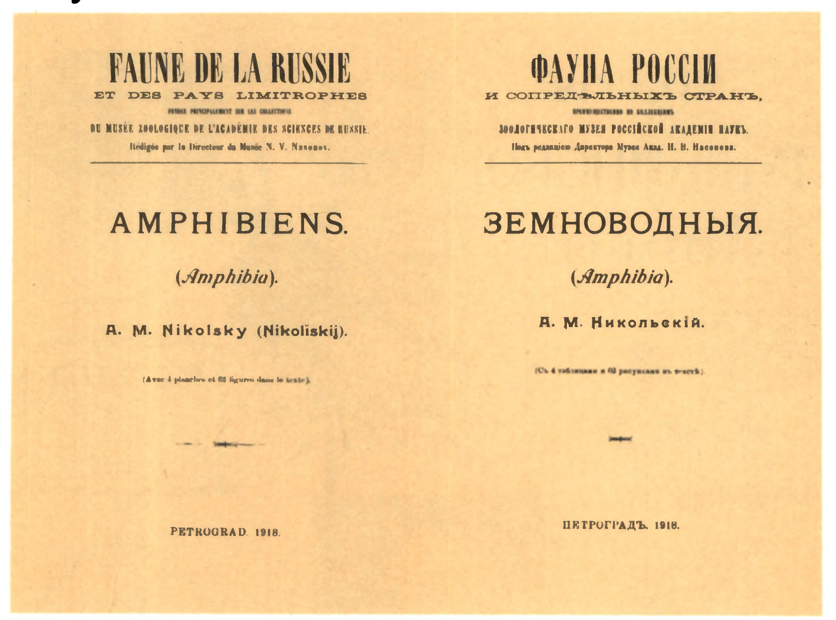
13

Р·С·Ф·С·Р
Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
Н. А. Семашко.
ОСНОВЫ СОВЕТСКОЙ МЕДИЦИНЫ.
МОСКВА. 1919.
ИЗДАНИЕ НАРОДНОГО КОМИССАРИАТА ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

14

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ
ЖУРНАЛ для ДЕТЕЙ
(9 – 12 лет)
ИЗДАНИЕ КОМИССАРИАТА ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ
КОМИСС. СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
1919.

15

FAUNE DE LA RUSSIE
ET DES PAYS LIMITROPHES
FONDÉE PRINCIPALEMENT SUR LES COLLECTIONS
DU MUSÉE ZOOLOGIQUE DE L'ACADÉMIE DES SCIENCES DE RUSSIE.
Rédigée par le Directeur du Musée N. V. Nasonov.

AMPHIBIENS.

(*Amphibia*).

A. M. Nikolsky (Nikolĭskij).

(Avec 4 planches et 62 figures dans le texte).

PETROGRAD. 1918.

ФАУНА РОССІИ
И СОПРЕДѢЛЬНЫХЪ СТРАНЪ,
ПРЕИМУЩЕСТВЕННО ПО КОЛЛЕКЦІЯМЪ
ЗООЛОГИЧЕСКАГО МУЗЕЯ РОССІЙСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Подъ редакціею Директора Музея Акад. Н. В. Насонова.

ЗЕМНОВОДНЫЯ.

(*Amphibia*).

А. М. Никольскій.

(Съ 4 таблицами и 62 рисунками въ текстѣ).

ПЕТРОГРАДЪ. 1918.

16—17

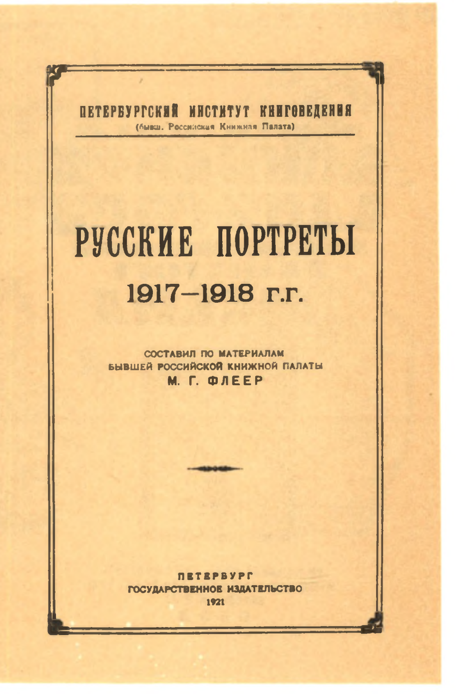

ПРИРОДА

ГОД ИЗДАНИЯ
ДЕВЯТЫЙ и ДЕСЯТЫЙ. 1921 № 1—3.

Изд. Комиссии по изуч. Естеств. Производ. Сил России при Академии Наук - Петроград

18

ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ КНИГОВЕДЕНИЯ
(бывш. Российская Книжная Палата)

РУССКИЕ ПОРТРЕТЫ
1917–1918 г.г.

СОСТАВИЛ ПО МАТЕРИАЛАМ
БЫВШЕЙ РОССИЙСКОЙ КНИЖНОЙ ПАЛАТЫ
М. Г. ФЛЕЕР

ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

19

ПОЭТЫ
ПУШКИНСКОЙ
ПОРЫ
ПУШКИНСКАЯ
БИБЛIОТЕКА

20

НАРОДНО-ШКОЛЬНАЯ БИБЛIОТЕКА
Т-во „КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
ВЪ МОСКВѢ"
В. Вересаевъ
ПОРЫВЪ
РАЗСКАЗЫ
МОСКВА — 1918 г.

21

Я·ТУГЕНДХОЛЬДЪ
ВИНЦЕНТЪ
ВАНЪ-ГОГЪ
В·ВАНЪ·ГОГЪ
ПИСЬМА
ИЗДАНИЕ ИЗДАТЕЛЬСКАГО
Т-ВА·Д·Я·МАКОВСКIЙ И СЫНЪ
МОСКВА
1919

22

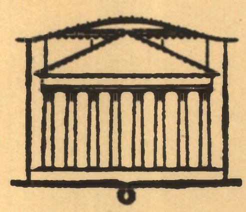

М. ГОРЬКIЙ.
ВЪ ЛЮДЯХЪ.
Изд. „ПАРУСЪ", Птг.
1918.

23

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"КНИГА"

ПУТЬ К ЗНАНИЮ
Книгоиздательство
"ПУТЬ К ЗНАНИЮ"

КН/ТВО
К·И·Т·

ТВОРЧЕСТВО

МОСКВА.
ИЗДАНІЕ
А.С. ПАНАФИДИНОЙ

EST
SCIENTIA
POTENTIA
Кн- -во
Пролегомены

ДЕННИЦ
ВО

ИЗДАНІЕ ЮНОЙ РОССІИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СВЕТЛЯЧОК

25

26

27

В. И. АНИСИМОВ
КРАТКИЙ КОНСПЕКТ
ПО ПЕЧАТАНИЮ
С ПЛОСКИХ
СТЕРЕОТИПОВ
ПЕТРОГРАД
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

28

В. И. АНИСИМОВ
КНИЖНЫЙ
ПЕРЕПЛЕТ
КРАТКИЙ КОН
СПЕКТ по ИСТО
РИИ и ТЕХНИКЕ
ПЕРЕПЛЕТНОГО
ДЕЛА
ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

29

Н. ЛЕНИН
ДЕТСКАЯ БОЛЕЗНЬ «ЛЕВИЗНЫ» В КОММУ-НИЗМЕ
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ
1·9·2·0

30

КОНСТИТУЦИЯ
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!
РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ФЕДЕРАТИВНОЙ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
1 9 1 8

31

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ
ФАУСТ И ГОРОД
ДРАМА ДЛЯ ЧТЕНИЯ
1918.

32

НАРОДНАЯ БИБЛИОТЕКА
М.Ю. ЛЕРМОНТОВ
БАЛЛАДЫ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТЕРБУРГ • 1920

33

№ 1
Красный Балтиец
Пролетарии всех стран соединяйтесь!
Политотдел Балтфлота
1920
34

ТВОРЧЕСТВО
- ЛИТЕРАТУРА -
ИСКУССТВО · НАУКА · ЖИЗНЬ
МАЙ
1918
ГОДЪ
МОСКВА
№ 1
ИЗДАНІЕ „ИЗВѢСТІЙ"
МОСКОВСКАГО · СОВѢТА · РАБОЧИХЪ
И · КРЕСТЬЯНСКИХЪ · ДЕПУТАТОВЪ
35

М. ГОРЬКІЙ.
ДѢДЪ АРХИПЪ
и
ЛЕНЬКА.
36

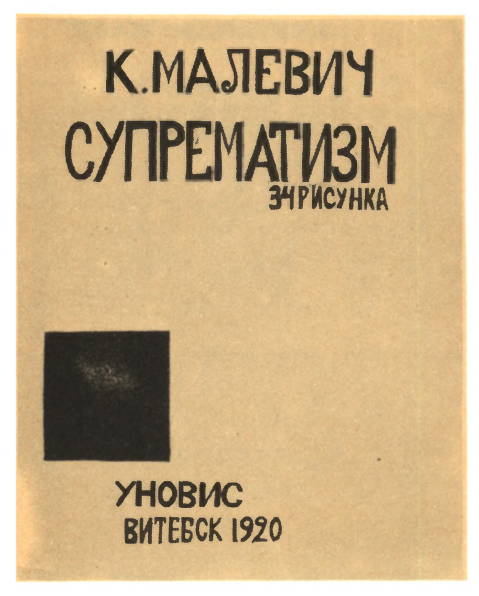

АЛЕКСАНДР БЛОК
ЯМБЫ
„АЛКОНОСТ"
ПЕТЕРБУРГ.
1919
37

Анна Ахматова

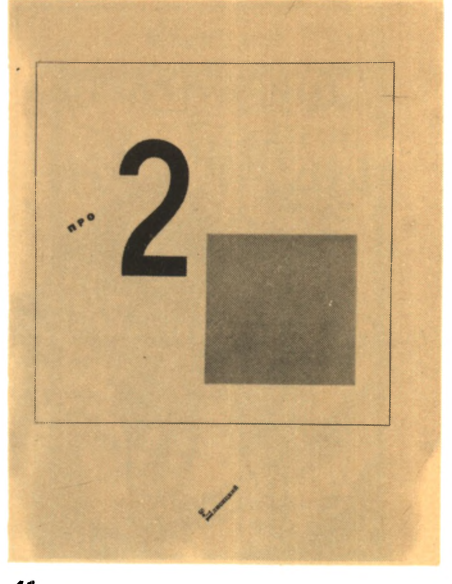
ПОДОРОЖНИК

ПЕТРОГРАД
1921

38—39

40

41

42

43

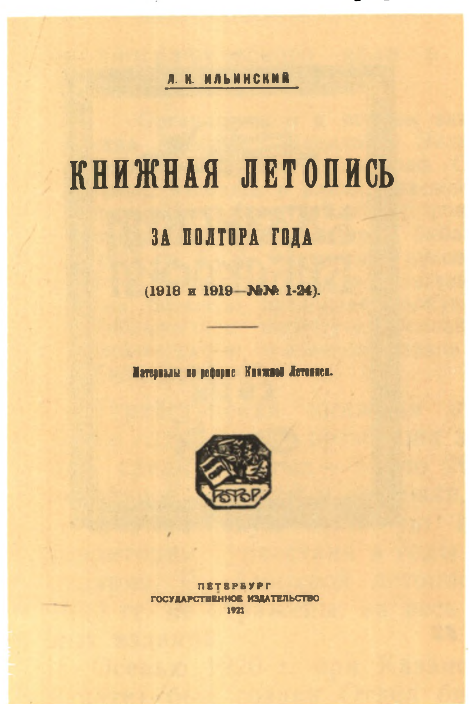
44

45

Становление советского библиотечного дела

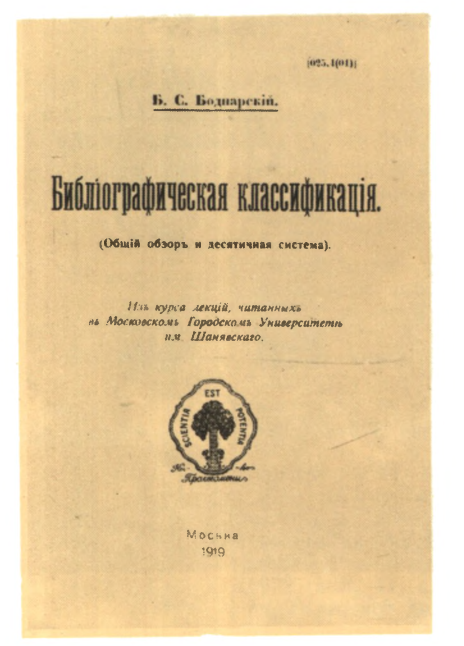
46

Л. К. ИЛЬИНСКИЙ
КНИЖНАЯ ЛЕТОПИСЬ
ЗА ПОЛТОРА ГОДА
(1918 и 1919—№№ 1-24).
Материалы по реформе Книжной Летописи.
ПЕТЕРБУРГ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1921

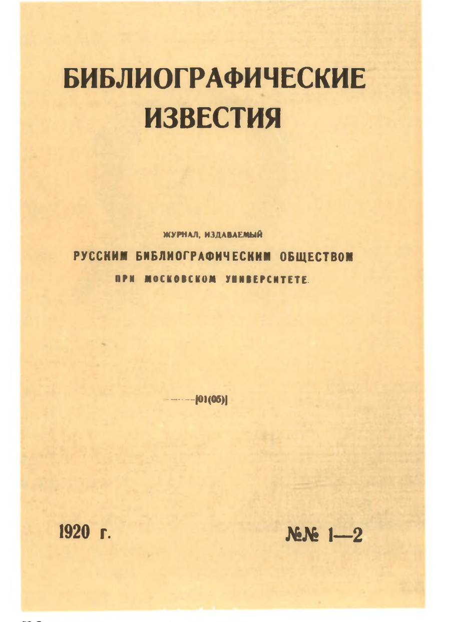
47

ПЕЧАТЬ И РЕВОЛЮЦИЯ
ЖУРНАЛ
ЛИТЕРАТУРЫ
ИСКУССТВА
КРИТИКИ
И БИБЛИОГРАФИИ
1921
КНИГА ВТОРАЯ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

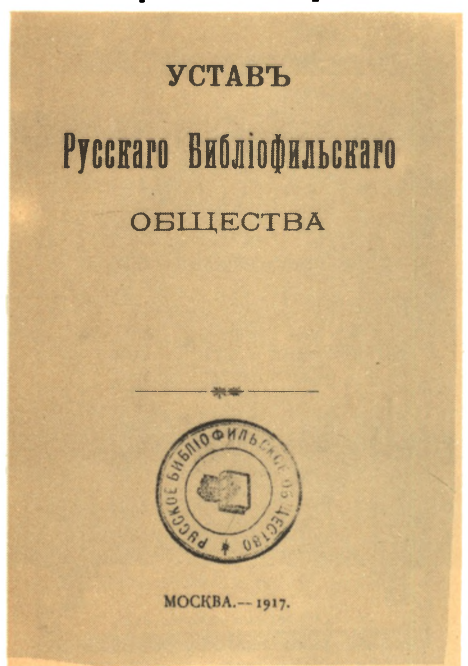
48

[025.1(01)]
Б. С. Боднарскій.
Библіографическая классификація.
(Общій обзоръ и десятичная система).
Изъ курса лекцій, читанныхъ
въ Московскомъ Городскомъ Университетѣ
им. Шанявскаго.
EST
SCIENTIA
POTENTIA
Москва
1919

49

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ
ИЗВЕСТИЯ
ЖУРНАЛ, ИЗДАВАЕМЫЙ
РУССКИМ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИМ ОБЩЕСТВОМ
ПРИ МОСКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
[01(05)]
1920 г.
№№ 1—2

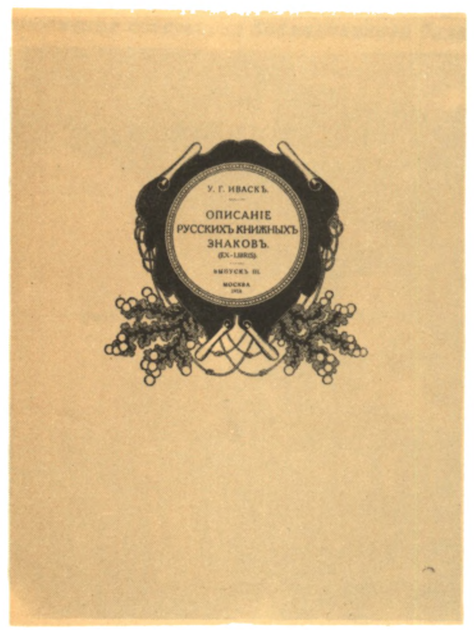
50

УСТАВЪ
Русскаго Библіофильскаго
ОБЩЕСТВА
РУССКОЕ БИБЛІОФИЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО
МОСКВА.—1917.

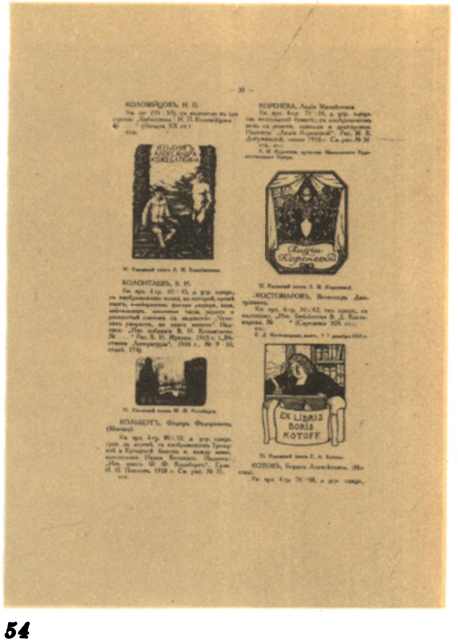
51

КАЗАНСКИЙ
БИБЛИОФИЛ
1921
КАЗАНЬ

52

У. Г. ИВАСКЪ.
ОПИСАНІЕ
РУССКИХЪ КНИЖНЫХЪ
ЗНАКОВЪ.
(EX-LIBRIS).
ВЫПУСКЪ III.
МОСКВА

53

EX LIBRIS
BORIS
KOTOFF

54

библиографического дела в Туркреспублике Государственному издательству»[28].

Организатором и первым заведующим Туркестанской книжной палаты стал Александр Давидович Эйхенгольц (1897—1970), впоследствии выдающийся советский библиограф. С 1919 г. до начала 1922 г. А. Д. Эйхенгольц, находясь в рядах Красной Армии, работал в Политуправлении Туркестанского фронта инструктором библиотечного дела и явился одним из организаторов и лекторов библиотечных курсов в Ташкенте. В 1927—1937 гг. А. Д. Эйхенгольц руководил библиографическим отделом библиотеки Института Маркса — Энгельса — Ленина. С 1937 г. до конца жизни вел большую преподавательскую работу в Московском государственном библиотечном институте. Основные труды А. Д. Эйхенгольца посвящены библиографии основоположников марксизма-ленинизма, истории и теории библиографии[29].

Туркестанская книжная палата просуществовала немногим более года. За это время она зарегистрировала 346 печатных единиц, среди которых — около 20 книг, несколько журналов, а все остальное — газеты и листовки.

В Российскую книжную палату обязательный экземпляр с территории Туркестана в годы гражданской войны поступал нерегулярно. В «Книжной летописи» туркестанские издания 1917—1920 гг. не отражены: за весь 1921 г. описано несколько случайных изданий.

Осенью 1920 г. при Казанском отделении Госиздата (Татгосиздате) был создан Отдел библиографии, или Книжная палата Татарской АССР, которой заведовал Е. И. Шамурин[30].

Местные книжные палаты создавались во многих городах страны: в Самаре (1918), в Омске (1918) с отделениями в Томске, Иркутске и Владивостоке[31]. Существовала Книжная палата Дальневосточной республики в Чите[32].

При петроградской Книжной палате в 1918 г. был создан специальный отдел, который оказывал методическую помощь библиографическим учреждениям других городов.

Следует отметить, что создание в городах Советской России отделений и представительств Книжной палаты способствовало

[28] См.: Язбердиев А. Из истории библиографирования национальной печати народов Средней Азии второй половины XIX и первой четверти XX века. Ашхабад, 1974, с. 109—110.

[29] См.: Иоффе А. М. Александр Давидович Эйхенгольц (1897—1970). — Книга. Исслед. и материалы, 1977, сб. 34, с. 136—148.

[30] См.: Дунаева Т. Г. Возникновение и развитие государственной библиографии в автономных республиках РСФСР. — Сов. библиогр., 1972, № 5, с. 13—29.

[31] Бредихина Н. А. Из истории Сибирской книжной палаты 1918—1932.— Науч. б-ки Сибири и Дальнего Востока, 1970, вып. 3, с. 133—146.

[32] Фокеев В. А., Садохина Т. И. Из истории Дальневосточной книжной палаты.— Науч. б-ки Сибири и Дальнего Востока, 1972, вып. 11, с. 75—91; См. также настоящее издание, т. 3, гл. «Книжное дело в Сибири и на Дальнем Востоке».

выявлению и сплочению местных библиографов, ученых, писателей. Представителем Книжной палаты в Чернигове был известный впоследствии библиограф Н. И. Мацуев, в Самаре — С. Д. Балухатый, в Саратове — Н. К. Пиксанов.

Рекомендательная и издательская библиография. В первые же годы Советской власти Коммунистическая партия и Советское правительство проявили большую заботу о развитии рекомендательной библиографии. Из всех видов библиографии она в первую очередь способствовала ликвидации неграмотности и малограмотности, приобщению трудящихся масс к культуре, пробуждению их активности в строительстве социализма и защите завоеваний народа на фронтах гражданской войны.

Одним из оптимальных путей к этому была внешкольная работа, активное самообразование, самостоятельное чтение.

Выдающуюся роль в выработке основных направлений рекомендательной библиографии в первые годы Советской власти сыграла Н. К. Крупская, бессменно руководившая культурно-просветительным делом в стране.

Коммунистическая партия и Советское правительство в этот период обращали внимание на политическую направленность работы библиотек; то же требование предъявлялось к библиографии.

В этот период шли поиски оптимальных форм рекомендательных библиографических пособий. Большое значение придавалось примерным каталогам. На I Всероссийском съезде по народному образованию в 1918 г. в резолюции по докладу Н. К. Крупской «Внешкольное образование в новом строе» отмечалось, что «центр тяжести библиотечной работы лежит в выборе книг, создание примерного каталога значительно облегчит работу библиотекаря по выбору книг, введение подвижных библиотек облегчит доступ книг к читателям» [33].

Над типовым каталогом работала особая комиссия специалистов Внешкольного отдела Наркомпроса, но дело шло медленно. Библиотечный подотдел регулярно составлял примерные списки в помощь комплектованию изб-читален, сельских и рабочих библиотек.

При непосредственном участии Н. К. Крупской была составлена программа занятий в школах безграмотных и малограмотных, получившая название «Грамота гражданина». Особое внимание было обращено на подбор литературы для преподавателей и для учащихся.

В 1919 г. В. А. Невский опубликовал в Костроме пособие «Что и как читать молодым коммунистам», к которому Н. К. Крупская привлекла внимание в рецензии, помещенной на страницах жур-

[33] Изв. бюро Всерос. съезда по внешкол. образованию, 1918, № 1, с. 8—9; См. также настоящий том, с. 236, 237.

нала «Народное просвещение»[34]. И. В. Владиславлев выпустил 4-е издание популярного пособия по художественной литературе, критике и истории литературы[35].

В Красной Армии родилась новая форма рекомендательных библиографических пособий — плакаты, предназначенные для расклейки на стенах. На первых порах их делали от руки, а в 1920 г. на Западном и Туркестанском фронтах, в Петрограде и Баку начали печатать типографским способом. Их тематика связана с вопросами текущего момента: «Прошлое и настоящее Интернационала», «Правда и ложь про коммунистов», «За что мы воевали прежде и за что воюем сейчас», «Кем был солдат в царской армии и кем он стал в Красной Армии», «Орудие борьбы с голодом в наших руках».

Значительную роль в пропаганде марксистско-ленинской литературы сыграл «Систематический указатель для составления социалистических библиотек», подготовленный В. М. Бонч-Бруевич (В. Величкиной) и выпущенный издательством «Коммунист» в серии «Дешевая библиотека» (М., 1918).

С окончанием гражданской войны все формы и средства агитации и пропаганды ставились на службу социалистическому строительству, и, конечно, активная роль в деле распространения знаний в народе принадлежала библиографии. Всю политико-просветительную работу в стране теперь направлял Главный политико-просветительный комитет (Главполитпросвет), учрежденный в ноябре 1920 г. при Наркомпросе.

При Главполитпросвете в начале 1921 г. был создан Программно-библиографический отдел, в задачу библиографического подотдела которого вошло составление списков и программ по различным предметам преподавания в совпартшколах, а также для самообразования. К агитационным кампаниям регулярно готовились аннотированные списки новых книг и тематические указатели литературы. Один из первых указателей, составленный Н. К. Крупской, был посвящен вопросам экономического строительства и издан в ноябре 1920 г. для делегатов Всероссийского совещания политпросветов.

В 1917 — 1918 гг. в помощь самообразованию начинают выпускаться библиографические журналы рекомендательного характера. Назовем, например, «Библиографический ежемесячник. В помощь читателю и библиотекарю», выходивший под редакцией И. В. Владиславлева в издательстве «Наука». Под редакцией известного русского библиографа Н. А. Ульянова в 1917 — 1918 гг. в издательстве «Земля и воля» выходил журнал «Читатель», посвященный вопросам самообразования, библиотечного дела и библиографии.

[34] См.: Нар. просвещение, 1920, № 18, с. 79.
[35] См.: Владиславлев И. В. Что читать? Указ. сист. домаш. чтения. 4-е изд. Вып. 2. Пг., 1919. 171 с.

Первые советские издательства развернули активную пропаганду своих изданий. Списки новых книг регулярно с 1918 г. печатали «Бюллетень Центрального агентства при ВЦИК», «Народное просвещение», «Педагогическая мысль», а несколько позднее — журналы «Книга и революция» и «Печать и революция».

В 1918 г. вышел в свет «Каталог изданий № 1 Литературно-издательского отдела Народного комиссариата по просвещению».

Важными начинаниями отмечена библиографическая деятельность основанного А. М. Горьким издательства «Всемирная литература». Уже в начале 1919 г. вышел в свет предварительный «Список предложенных к изданию авторов шведской литературы». Впоследствии появился превосходно изданный «Каталог издательства „Всемирная литература“ при Народном комиссариате по просвещению» (Пг., 1919), вступительную статью к которому написал А. М. Горький[36].

Свои издательские каталоги выпустили Военный отдел ВЦИК, издательство Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов. Научное химико-техническое издательство ВСНХ и некоторые другие издательства. В 1918—1919 гг. вышли в свет несколько каталогов изданий Петроградского Пролеткульта.

Регулярно выпускало каталоги Государственное издательство, основанное в мае 1919 г.

Издательская и книготорговая библиография первых лет Советской власти по своим задачам смыкалась с рекомендательной библиографией. Она была адресована рабочим, крестьянам и трудовой интеллигенции. Широко использовали ее агитаторы и пропагандисты.

Критико-библиографические журналы. В первые годы Советской власти в центре внимания научной общественности стояли вопросы критико-библиографической работы[37]. Одним из первых опытов в этой области можно считать создание по инициативе ученого секретаря Книжной палаты А. Г. Фомина газеты с библиографическим уклоном под названием «Ирида». Единственный номер вышел 3 июня 1918 г.

Так и не осуществилась попытка создания в «Книжной летописи» отдела с обзорами и рецензиями на книги.

Сравнительно регулярно критико-библиографическую работу вели в ту пору государственные и кооперативные издательства. Лектор Кооперативного института М. М. Брендстед, пытаясь

[36] См. настоящее издание, т. 1, с. 211—213; См. также: Поливановский С. Е. Ленинский декрет о платности непериодической печати. — В кн.: Современные проблемы книговедения, книжной торговли и пропаганды книги. Вып. 2. М., 1983, с. 6—13.

[37] См.: Водка Г. Н. Состояние и основные направления развития библиографической периодики в первые годы Советской власти (1917—1924). — Сб. асп. работ/Ленингр. гос. ин-т культуры, 1972, вып. 2, ч. 1, с. 3—34.

обобщить накопленный в этой области опыт, писал в 1920 г.: «Есть одна область общественно-образовательной деятельности, где библиография, как описательная наука, приобретает значение и характер нормативной теории, активной и живой по своим заданиям. Область эта — издательская деятельность. Именно для издательской деятельности и в результате ее появляется та часть библиографии, которая выражается в рецензиях, отзывах и критических обзорах о книгах. Эта „публицистическая“ библиография служит для оценки результатов издательской деятельности, оценки, производимой по качеству всего изданного литературного богатства»[38].

Как в центре, при Государственном издательстве, так и на местах возникают информационно-библиографические журналы и бюллетени издательств.

В Москве выходил «Бюллетень Государственного издательства» (1919—1923), «Бюллетень Центропечати» (1920—1921). При Всероссийском центральном союзе потребительских обществ (ВЦСПО) в 1918 г. было организовано Бюро по рекомендации книг. Оно выпускало известия Центрального книжного склада под названием «Книжник». Товарищество «Кооперативное издательство» в 1918 г. издавало ежемесячный журнал «Книга», посвященный вопросам практического книговедения и книжной торговли.

Военную книгу рецензировал и рекламировал в 1918 г. журнал «Библиографический вестник», продолжавший дореволюционный журнал В. А. Березовского «Вестовой».

На протяжении четырех лет — с 1918 г. по 1922 г.— выходил библиографический журнал частного петроградского издательства «Очарованный странник» — «Книжный угол. Критика. Библиография. Хроника». Некоторые другие частные издательства и книжные магазины также издавали свои бюллетени.

На Украине большую роль в становлении и развитии библиографии сыграл критико-библиографический журнал «Книгар. Літопис українського письменства», выходивший в Киеве с 1917 по 1921 г. Из крупных статей, помещенных в нем, отметим работы Ю. Ковалевского «Бібліографія та Український бібліографічний інститут», А. Л. Бема «З теоретичних питань бібліографії», С. Г. Кондра «Завдання української журнальної бібліографії»[39].

Всенародная библиотека при Всеукраинской академии в Киеве в 1919 г. подготовила два номера «Книжного вістника».

В 1920 г. Енисейское губагентство Центропечати выпустило

[38] Брендстед М. М. Издательская деятельность и библиография. — Библиогр. изв., 1920, № 3—4, с. 35.
[39] См.: Книгар, 1918, ч. 15, стб. 877—879; 1919, ч. 22, стб. 1433—1442; ч. 25/26, стб. 1661—1666; ч. 27, стб. 1815—1819; ч. 28, стб. 1889—1894.

один номер литературного листка «К свету!». По одному номеру своих «Бюллетеней» издали в 1921 г. Казанское отделение Государственного издательства и Сибирское областное отделение Госиздата в Омске.

С 1 июля 1920 г. Петроградское отделение Госиздата начинает издавать ежемесячный журнал «Книга и революция»[40]. Журнал печатался в течение трех с половиной лет. В его редколлегию входили: видный партийный литератор В. А. Быстрянский, заведующий Петроградским отделением Госиздата И. И. Ионов, известный историк М. К. Лемке, а также молодой К. А. Федин.

Журнал печатал статьи по вопросам текущей политики, философии, истории, литературы, искусства, помещал обзоры и рецензии новых книг. Мы находим здесь списки литературы по актуальным политическим вопросам, а также по новым проблемам науки. Редакция журнала собирала сведения о книгах за 1917—1920 гг., что весьма интересно, ибо «Книжная летопись» за этот период имеет существенные пробелы.

В 1921 г. в Москве начал выходить журнал критики и библиографии «Печать и революция».

Научно-вспомогательная библиография. В 1918—1920 гг. выходят капитальные библиографические указатели, подготовленные еще в предреволюционные годы. Так, появился 5-й выпуск грандиозного по замыслу, но не завершенного труда С. А. Венгерова «Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Предварительный список» (Пг., 1918). Вышел в свет очередной том «Русского биографического словаря» под редакцией Б. Л. Модзалевского (Пг., 1918). Академия наук, Российская Публичная библиотека в Петрограде, Румянцевский музей в Москве, продолжая раскрывать свои богатейшие собрания, печатали каталоги отдельных коллекций. Среди них следует выделить каталог «Вольная русская печать в Российской Публичной библиотеке», изданный под редакцией В. М. Андерсона в 1920 г. В 1917—1921 гг., как и до революции, продолжал вести свою «летопись» библиографических пособий на страницах «Библиографических известий» Б. С. Боднарский. Его «Библиография русской библиографии» содержит исключительно ценные материалы по истории не только интересующей нас отрасли книжного дела, но и других отраслей, ибо здесь описаны труды по общей теории книговедения, по истории книги, по издательскому и библиотечному делу, полиграфии[41].

[40] См.: Водка Г. Н. «Книга и революция» — первый советский критико-библиографический журнал. — Сов. библиогр., 1972, № 4, с. 49—58; Она же. Критико-библиографический журнал «Книга и революция» (1920—1923 гг.) и его роль в становлении советской библиографии: Автореф. дис. Л., 1972, 25 с.

[41] См.: Боднарский Б. С. Библиография русской библиографии: Библиогр. лит. с 1918 по 1922 гг. вкл. Т. 2. М., 1923. 52 с.

Важной задачей библиографов стала регистрация печатных документов революционной эпохи. Отметим в этой связи работу «Митинги, собрания, лекции в 1917—18 гг. (Материалы для библиографии летучих изданий)», выпущенную Российской книжной палатой в Петрограде в 1920 г. Политико-просветительное управление Петроградского военного округа подготовило указатель «Литература о Красной Армии 1918—21 гг.» (Пг., 1921). Был издан составленный В. А. Златолинским «Библиографический указатель по вопросам строительства вооруженных сил по милиционной системе» (Пг., 1921). В 1921 г. Петроградский институт книговедения выпустил указатель М. Г. Флеера «Русские портреты 1917—18 гг.». В Твери в 1918 г. был издан «Библиографический очерк литературной деятельности Карла Маркса».

По инициативе Н. К. Пиксанова в 1921 г. вышел в свет указатель известного впоследствии советского библиографа Р. С. Мандельштам «Художественная литература в оценке русской марксистской критики». При всех своих методологических недостатках эта работа оказалась очень нужной и до 1928 г. выдержала четыре издания.

Еще шла гражданская война, а VIII съезд РКП(б) в принятой им в 1919 г. Программе партии отметил необходимость создания «наиболее благоприятных условий научной работы в ее связи с поднятием производительных сил страны». Перестройка научной работы коснулась и Академии наук. Создавались новые научные центры. Научно-вспомогательная библиография приходит на помощь науке и производству. По инициативе В. И. Ленина в 1921 г. создается Бюро иностранной науки и техники (БИНТ) и Центральная междуведомственная комиссия по закупке и распределению заграничной литературы; выпускаются «Ведомости книг и брошюр, поступавших из-за границы» и «Реферативный указатель технической литературы» — первые в нашей стране научно-информационные издания такого рода.

Краеведческая библиография. Еще в дореволюционный период определились основные жанры краеведческой библиографии, включавшие, например, библиографию местной печати и биобиблиографические словари местных деятелей. Возник интерес к составлению указателей литературы, посвященной Сибири, Дальнему Востоку, Средней Азии. Развивалась краеведческая библиография центральных губерний России, связанная с оживлением научной и научно-просветительной деятельности, с развитием печати в ряде городов.

После Великой Октябрьской социалистической революции интерес к краеведческой библиографии повысился в связи с особым вниманием к истории страны в целом, конкретных районов в частности.

Значительную работу в этой области проводили ячейки, бюро, кружки и общества, возникшие во многих районах страны. При

краеведческих обществах возникали библиографические комиссии. В 1921 г. в соответствии с решением I Всероссийской конференции обществ по изучению местного края был создан руководящий орган — Центральное бюро краеведения с библиографическим бюро.

В первые годы Советской власти большое внимание было уделено библиографии в Сибири, в частности созданию указателей местной печати. Комиссия сибирской библиографии, состоявшая при Русском библиографическом обществе, в 1917 г. прекратила свою деятельность. Ее функции перешли к учреждениям, созданным за Уральским хребтом. В этой связи необходимо вспомнить о съезде, созванном в 1919 г. в Томске и решившем вопрос о создании Института исследования Сибири. На съезде выступили известные русские библиографы: М. К. Азадовский прочитал доклад «Задачи сибирской библиографии»[42], М. К. Косованов посвятил свой доклад организации Сибирского библиографического института[43]. Съездом было основано Библиографическое бюро Института исследования Сибири, которое возглавил М. К. Азадовский. Так как институт в целом создан не был, то Библиографическое бюро вело свою работу при Томском университете.

В 1921 г. на съезде, посвященном исследованию Сибири, с докладом об учреждении Сибирского библиографического института выступил Н. В. Здобнов.

В 1920 г. при музее Приенисейского края в Красноярске было основано Библиографическое бюро Приенисейского края. В Омске в 1921 г. начал действовать Кружок любителей библиографии, а в Иркутске была организована библиографическая секция при Восточно-Сибирском научном комитете исследования Сибири.

К 1920 г. библиографических указателей по Сибири было уже достаточно, и М. К. Азадовский составил и опубликовал свой «Обзор библиографии Сибири», в котором он учел 133 работы. В предисловии к обзору он писал: «Обычно господствует мнение, что вся сибирская библиография исчерпывается трудом Межова. Это неверно и верно. Это неверно, поскольку наряду с трудом Межова имеются и другие работы. И вместе с тем это верно, так как бóльшая часть этих работ так схоронена в различных малоизвестных или малодоступных, ставших библиографической редкостью изданиях, что совершенно ускользает из поля зрения работников в той или иной области сибиреведения»[44].

Краеведческая библиография рассматриваемого периода, конечно же, не ограничивалась пределами Сибири. Немало трудов

[42] См.: Тр./Съезд по организации Ин-та исследования Сибири. Томск, 1919, с. 67—68.

[43] Там же, с. 68—71.

[44] Азадовский М. К. Обзор библиографии Сибири. Томск, 1920, с. 1; См. также рец. с доп. Н. В. Здобнова: Печать и революция, 1923, кн. 3, с. 227—230.

было посвящено и другим регионам. Назовем, например, «Указатель статей по Северному краю за 1919 и 1920 гг.» А. А. Веселовского, опубликованный в «Материалах по изучению и использованию производительных сил Северного края» (Вологда, 1920—1921).

В тех же «Материалах» был помещен «Библиографический указатель некоторых книг и статей о Тотемском крае» Н. Ильинского. В 1919 г. в «Трудах Костромского научного общества по изучению местного края» начали печататься материалы по библиографии региона[45].

В 1921 г. Вологодское общество изучения Северного края опубликовало труд П. А. Дилакторского «Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 по 1904 г.», остававшийся в рукописи с 1904 г.

Значительное внимание было уделено Кубанскому краю. В 1917 г. в Екатеринодаре (ныне Краснодар) была образована библиографическая секция Совета обследования и изучения Кубанского края. Секция просуществовала до 1923 г., подготовив под редакцией Б. М. Городецкого «Библиографию Кубанского края» за 1918 и 1919 гг.

Преподавание библиографии. В России интерес к библиотечно-библиографическому образованию появился после революции 1905 г. Но все, что делалось в дореволюционной России, не выходило за пределы эпизодических лекций и курсов. На I Всероссийском библиотечном съезде в июле 1911 г. по докладам А. И. Калишевского и С. Д. Масловского была принята резолюция, признающая необходимым учреждение «специальных курсов библиотековедения и библиографии для теоретической и практической подготовки библиотекарей». С этого времени вопрос о плановом библиографическом образовании становится одной из главных забот прогрессивных русских библиографов. Однако из-за равнодушного отношения к этой идее со стороны правительства дело мало подвигалось вперед.

Крупнейшим событием в истории российского библиографического образования явилось официальное разрешение на чтение лекций по курсу книговедения в Петербургском университете, полученное Н. М. Лисовским в марте 1913 г. Первая лекция состоялась 28 сентября 1913 г. Курс был рассчитан на три академических года. В течение 1915—1916 гг. Н. М. Лисовский читал лекции по книговедению сначала на курсах при Народном университете имени А. Н. Шанявского, а затем в Московском университете.

После Октябрьской революции в деле библиографического образования в РСФСР начинается новая эра.

[45] См.: Смирнов В. И., Умнов Н. И. Материалы по библиографии Костромского края. Вып. 1. Общие справочные издания. Кострома, 1919. 56 с.

Придание ей государственного значения, тенденция к централизации и упорядочению библиографической деятельности вызвали необходимость систематической подготовки библиографических кадров.

28 ноября 1918 г. по решению СНК Союза коммун Северной области приказом наркома просвещения А. В. Луначарского на базе курсов внешкольного образования, созданных в сентябре 1918 г., был открыт Институт внешкольного образования. Его целью стала подготовка культпросветработников, библиотекарей, учителей школ для взрослых и подростков, преподавателей физкультуры. Принятые 265 человек разделились по нескольким основным специальностям, в том числе 96 человек стали заниматься «книжно-библиотечным» делом. Курс обучения слушателей в зависимости от специальности в первые годы устанавливался от 3 до 6 месяцев и скорее был рассчитан на переподготовку, чем на подготовку специалистов. Комплектовался институт главным образом за счет лиц, командируемых городскими, волостными и районными советскими организациями.

При институте работали краткосрочные курсы, которые за 1918—1921 гг. окончили 3 тыс. человек.

Первые учебные планы института отражали нечеткое представление о политпросветработе как области пропаганды, общественные науки изучались поверхностно, мало внимания уделялось формированию мировоззрения будущих специалистов [46].

Главной причиной отмеченных недостатков являлась бытовавшая среди значительной части преподавателей и студентов теория аполитичности и нейтральности внешкольного образования. Однако уже в те годы в институте работали и представители передовой интеллигенции. Многое сделали для укрепления книжно-библиотечного факультета А. Г. Фомин и О. Э. Вольценбург.

Помимо Института внешкольного образования (будущего Ленинградского государственного института культуры имени Н. К. Крупской) в первые послереволюционные годы возникло довольно много специальных курсов, циклов лекций, семинаров, посвященных библиографии и библиотечному делу.

Курсы при Народном университете имени А. Н. Шанявского были преобразованы в шестимесячные курсы для подготовки библиотекарей. Их программа значительно расширилась и углубилась. Занятия начались в декабре 1919 г. Заведующим курсами был избран А. И. Калишевский.

С осени 1919 г. курс библиографии, читаемый А. Г. Фоминым, был введен в Педагогической академии в Петрограде. В том же году в Петрограде Комитетом государственных библиотек совместно с Обществом библиотековедения учреждены библиотечные

[46] См.: Зеленко В. Книжно-библиотечный факультет Института внешкольного образования.— Библ. обозрение, 1920, № 2, с. 268—278.

курсы, преобразованные в дальнейшем в Высшие курсы библиотековедения при Публичной библиотеке. Программа включала общее и частное библиотековедение, библиографию.

В мае 1920 г. при Российской центральной книжной палате в Петрограде открылись краткосрочные курсы книговедения, организованные Книжной палатой совместно с Русским библиологическим обществом.

Преподавание библиографии и книговедения в качестве эпизодических курсов проводилось в период 1918—1921 гг. во многих высших учебных заведениях РСФСР как в центре, так и на местах: на Высших курсах археологии, истории и этнографии при Самарском университете (1919), в Петроградском педагогическом институте (1920—1923), в Петроградском археологическом институте (1921—1922), в Петроградском и Московском университетах (1918—1925), в Московском археологическом институте (1921), на библиографических курсах, организованных Н. К. Пиксановым при Саратовском институте внешкольного образования (1920—1921), в Томском (1921—1922), Иркутском (1921) университетах.

Все эти курсы были краткосрочными. Поэтому вопрос о введении библиографии в программу всех высших учебных заведений РСФСР не мог считаться решенным. Еще не были четко отработаны учебные планы, возникали организационные трудности. Однако все более отчетливым становилось стремление реализовать мечту лучших русских библиографов о создании специальных библиографических учебных заведений.

Работа в области библиотечно-библиографической классификации. После Октябрьской социалистической революции в связи с ростом числа массовых библиотек, с необходимостью систематизировать литературу в библиографических пособиях остро встал вопрос о разработке и внедрении единой схемы классификации наук.

В начале XX в. широкое распространение в мире получила десятичная классификация, впервые разработанная американцем М. Дьюи в 1873 г. и в значительной степени доработанная Международным библиографическим институтом в Брюсселе. В России пропагандистом универсальной десятичной схемы классификации явился профессор Б. С. Боднарский. Он использовал ее для составления своей «Библиографии русской библиографии» и читал о ней лекции. По желанию слушателей Народного университета имени А. Н. Шанявского он в 1919 г. опубликовал свои лекции, а по просьбе Библиотечной части Агитпропа ПУР переиздал их в 1923 г. В целях пропаганды десятичной схемы Б. С. Боднарский напечатал сравнительные обзоры различных схем классификации[47].

[47] См.: Боднарский Б. С. Библиографическая классификация. М., 1919. 48 с.; М., 1923, 74 с.

На местах также разрабатывали десятичную схему классификации. Е. К. Бетгер совместно с другими сотрудниками Туркестанской публичной библиотеки пропагандировал ее в Ташкенте, Н. Н. Аблов — в Иваново-Вознесенске, Х. Горфункель — в Гомеле.

В связи с подготовкой Наркомпросом Украины в 1919 г. двухмесячных курсов библиотечных работников, полугодового семинара и цикла занятий по теории и практике библиографии Ю. А. Меженко, заведовавший Главной книжной палатой в Киеве, издал сокращенные таблицы десятичной классификации с пояснительным текстом [48]. С теоретическими основами десятичной классификации выступил в украинской печати Ю. Ковалевский [49].

Вопрос об универсальной классификации стоял перед Российской книжной палатой в Петрограде. Об этом свидетельствует высказывание директора палаты С. А. Венгерова, который, отлично понимая недостатки десятичной схемы классификации, вынужден был признать необходимость ее использования за неимением лучшей. В связи с планами реорганизации «Книжной летописи» он писал следующее: «...при многих достоинствах, десятичная система имеет столько недостатков и, главное, вносит столько субъективности, требует часто такой энциклопедичности образования библиотекаря, что на практике получаются и грубейшие ошибки и произвол. Книжная палата с самого начала своей деятельности наткнулась на противоречия десятичной системы и выработала себе свое собственное, так сказать, библиографическое миросозерцание» [50].

В 1921 г. Главполитпросвет принял Постановление об обязательном применении в библиотеках универсальной десятичной классификации. В связи с этим таблицы печатались и в центре, и на местах: в Томске, Омске, Тифлисе, Саратове, Одессе, Орле и др.

В 1921 г. литературы по десятичной классификации в стране вышло так много, что был составлен ее указатель [51].

* * *

Подводя итоги развития библиографии в первые годы Советской власти, отметим, что именно тогда библиография начала формироваться как система взаимосвязанных ее видов.

[48] Меженко Ю. Міжнародна децімальна бібліографічна клясифікація: Скорочен таблиці з додатковим покажчикомі пояснюючий текст. Київ, 1919. 92 с.

[49] Ковалевськiй Ю. Теоретичнi підстави бібліографічної клясифікації та їснуючі клясифікації і схеми впорівнянні з міжнародньою децімальною системою.— Голос друку, 1921, кн. 1, с. 76—101.

[50] См.: Венгеров С. А. Наши задачи.— В кн.: Sertum bibliologicum в честь... проф. А. И. Малеина. Пг., 1922, с. 37.

[51] Бахтин Н. Литература о международной десятичной классификации.— Пед. мысль, 1921, № 5—8, с. 33—52.

Несмотря на огромные трудности этого периода, вызванные жестокой классовой битвой, разрухой в экономике, партия и правительство уделяли большое внимание формированию библиографического дела. Об этом говорит ряд правительственных документов, в первую очередь, постановление Совнаркома от 30 июня 1920 г. о передаче библиографического дела в РСФСР Народному комиссариату просвещения.

В руководстве библиографическим делом принимал участие В. И. Ленин, а также видные деятели партии — Н. К. Крупская, А. В. Луначарский и др.

Одновременно принимались меры для привлечения к сотрудничеству с Советской властью представителей старой интеллигенции.

К 1921 г. получили развитие основные виды библиографии. На помощь Советской власти в деле ликвидации неграмотности, политического воспитания трудящихся масс, в мобилизации внутренних ресурсов пришла рекомендательная библиография. Появились новые ее формы.

Проблемы государственной библиографии решались с учетом ее общекультурного значения, а также ленинской национальной политики. Книжные палаты и другие библиографические учреждения создавались на территории национальных окраин бывшей Российской империи (Туркестан, Татария, Украина и др.) с учетом их значения для развития и отражения культуры народов Советской России.

Развитие научно-вспомогательной библиографии также шло в соответствии с требованиями науки и культуры страны. Шли поиски решения многих организационных и методических проблем библиографии.

Частные собрания и библиофильство

Изменение социального состава книголюбов.— Мероприятия Советской власти по охране частных библиотек. — Новые формы и предметы собирательства.— Библиофильские выставки и издания.— Библиофильские общества.— Интерес к книжному знаку.— Провинциальные центры библиофильства.

Общая картина истоков книжного дела в СССР будет неполной без учета специфических процессов, которые происходили тогда в сфере книголюбительства и по-своему отражали тенденции времени. Было бы наивно полагать, что столкновение социальных сил могло миновать книгособирательство: наравне с другими отраслями книжного дела библиофильство оказалось втянутым в круговорот новой действительности. Являясь частным, но необходимым элементом культурной революции, оно внесло свой вклад в духовную жизнь тех лет.

Период с октября 1917 г. по 1921 г. П. Н. Берков справедливо именует предысторией советского библиофильства [1].

Деятельная история советского библиофильства начинается с 20-х гг., с момента возникновения научно-библиофильских объединений, оставивших после себя яркий след,— московского Русского общества друзей книги (РОДК) и Ленинградского общества библиофилов (ЛОБ).

Изменение социального состава книголюбов. Уже в первые месяцы существования Советской власти отмечается изменение социального состава книголюбителей. Из их рядов выбывают представители бывших господствующих классов — буржуазии, дворянства, высокопоставленного чиновничества. Некоторые из них, покинув страну, продолжают библиофильскую деятельность за рубежом. Так, основатель петербургского Кружка любителей русских изящных изданий В. А. Верещагин поселился во Франции, где позднее возглавил Общество друзей русской книги. Ю. С. Вейцман стал владельцем берлинского антиквариата «Россика» и выпустил 23 содержательных в библиографическом отношении каталога. Однако каких бы успехов на ниве собирательства ни добивались библиофилы-эмигранты, за границей они представляли собою маленький, изолированный мирок и постоянно испытывали острое чувство оторванности от Родины, от своих корней.

Библиофилам старого типа, которые оставались в России, было порой мучительно трудно вживаться в новую обстановку. Трагическим аккордом, завершающим предшествующий этап отечест-

[1] См.: Берков П. Н. История советского библиофильства (1917—1967). М., 1983, с. 45—76.

венного книголюбия, явилась смерть в феврале 1918 г. Д. В. Ульянинского, по праву считавшегося самой значительной фигурой предреволюционного библиофильства. 1 июня 1918 г. состоялось чрезвычайное собрание Русского библиографического общества при Московском университете, посвященное памяти Д. В. Ульянинского. В организации этого представительного заседания принимали участие Русское библиофильское общество и Русское общество библиотечного, книжного дела и типолитографов. Все присутствовавшие были единодушны в высокой оценке заслуг покойного как библиофила и библиографа. В выступлениях прозвучала забота о том, чтобы новое поколение книголюбов восприняло лучшие заветы Д. В. Ульянинского, такие как увлеченность избранной темой собирательства, основательность познаний в своем предмете, стремление соединить любительство с научным подходом, систематичность в работе по каталогизации коллекции. Судьба выдающейся по своим качествам библиотеки Д. В. Ульянинского после его смерти сложилась благополучно. За рубежом поторопились объявить ее погибшей от пожара[2]. На самом деле переданная на хранение в Румянцевский музей (в 28 больших ящиках) она затем обогатила фонды этого крупнейшего государственного хранилища[3].

После того как «дворянские гнезда» канули в лету, а Советская власть приняла решительные меры для пресечения расхищения художественных ценностей из помещичьих имений, книголюбительство сосредоточилось исключительно в больших городах, прежде всего в Москве и Петрограде. Традиции библиофильства поддерживались преимущественно в среде гуманитарной интеллигенции, проявлявшей лояльность по отношению к диктатуре пролетариата или открыто перешедшей на сторону трудового народа. Суровое время отразилось на психологии, методике и практике книгособирательства. Сам новый тип советского библиофила еще не успел выкристаллизоваться (как не успели возникнуть и новые примечательные библиотеки), но тенденция к преодолению устоявшихся представлений о книголюбах и книголюбительстве была очевидна.

Мероприятия Советской власти по охране частных библиотек. Октябрь 1917 г. в корне изменил взаимоотношения между государством и частным книговладением. Советская Республика, озабо-

[2] См.: Минцлов С. Р. Синодик. — Временник О-ва друзей рус. книги (Париж), 1925, [кн. 1], с. 50.

[3] См.: Государственный Румянцевский музей. Путеводитель. 1. Библиотека. М.; Пг., 1923, с. 120. О Д. В. Ульянинском см. также: Памяти Д. В. Ульянинского. Доклады Р. Ф. Брандта, Б. С. Боднарского, Н. М. Лисовского и У. Г. Иваска на заседании 1 июня 1918/Рус. библиогр. о-во при Моск. ун-те. М., 1923. 32 с.; Дмитрий Васильевич Ульянинский: Сб. статей С. П. Виноградова, Н. Н. Орлова и Н. Ю. Ульянинского/С предисл. Б. С. Боднарского. М., 1927. 68 с.

ченная тем, чтобы обеспечить народные массы, потянувшиеся к знаниям, печатной продукцией в достаточном объеме, вынуждена была пойти на частичную национализацию личных библиотек, предоставляя их в публичное пользование. Эта крайняя мера объяснялась наступившим в условиях недавней мировой войны и революционных потрясений 1917 г. исключительным книжным голодом. Декретом Совнаркома от 26 ноября 1918 г. объявлялось о порядке реквизиции не только книжных магазинов и складов, но и библиотек, в том числе частных. Реквизиция могла производиться лишь с ведома и согласия Народного комиссариата просвещения.

Опубликованные материалы по истории библиотечного дела в СССР[4] содержат интереснейшие данные о деятельности московского Библиотечного отдела Наркомпроса, интенсивно занимавшегося охраной и национализацией книжных богатств. Возглавлял этот отдел писатель В. Я. Брюсов, один из представителей передовой интеллигенции, безоговорочно принявший Советскую власть, сам большой книжник.

Архивные документы, в частности, опровергают раздававшиеся в белоэмигрантской прессе злопыхательские возгласы о повсеместной гибели в Советской России частных коллекций, имеющих историческую или художественную ценность, о стихии хаоса и вандализма, якобы царившей в области книгособирательства. Конечно, избежать случаев бессмысленного уничтожения отдельных библиотек не удалось, но это нельзя рассматривать иначе, как издержки революционного времени. Политика же партии, правительственных органов, личное активное участие в данном вопросе В. И. Ленина были нацелены как раз на то, чтобы как можно полнее сберечь книжный фонд страны, который рассматривался как общенародное, социалистическое достояние.

Инструкции московского Библиотечного отдела Наркомпроса и отчеты его эмиссаров об осмотре конкретных личных собраний красноречиво свидетельствуют, что государство в трудных условиях военного коммунизма взяло на себя труд по защите библиотек от расхищения и самовольной конфискации.

Национализируя для нужд трудящихся собрания, оставшиеся безнадзорными в покинутых хозяевами помещичьих имениях и буржуазных особняках, Советская власть вместе с тем с пониманием отнеслась к интеллигенции, особенно академической и творческой, для которой книги были рабочим инструментом в профессиональных занятиях. Революционное законодательство считало справедливым в особых случаях оставлять в личном владении и такие библиотеки, которые представляли собой «научную или

[4] См.: История библиотечного дела в СССР: Док. и материалы. 1918—1920. М., 1975. 278 с.; Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти. 1917—1920. М., 1974. 264 с.

вообще библиографическую ценность, по систематичности своего подбора, по редкости или ценности имеющихся в ней сочинений и т. п.» (из доклада В. Я. Брюсова от 14 октября 1918 г.) [5]. На такие собрания выдавались специальные «охранные грамоты», которые гарантировали сохранность не только библиотеки, но и занятого ею помещения.

Стремление обеспечить целостность, нерасторжимость наиболее примечательных личных собраний говорит об осознании молодой советской администрацией того огромного общекультурного значения, которое имели тщательно подобранные в течение десятилетий библиофильские коллекции. Например, московский Библиотечный отдел выдал «охранную грамоту» на собрание Л. Э. Бухгейма, известное своими редкостями из области русской истории и литературы. Хотя формально оно находилось в распоряжении Наркомпроса, фактически же оставалось в квартире владельца (он теперь считался заведующим открытой для общественного пользования библиотекой). «Охранную грамоту» получил также преподаватель университета И. Н. Розанов. Таким образом была спасена находившаяся под угрозой распыления знаменитая коллекция изданий русской поэзии, которая стала позднее гордостью советского библиофильства. Истинная логика развития книголюбия при социализме в том и состоит, что собрание, сбереженное когда-то государством, через много лет возвращается к нему значительно приумноженным. Вдова профессора И. Н. Розанова, К. А. Марцишевская, исполняя волю покойного библиофила, в 1965 г. безвозмездно пожертвовала коллекцию московскому Музею А. С. Пушкина [6].

В Петрограде охранные свидетельства получили библиотеки А. А. Блока, В. Э. Мейерхольда, В. Н. Всеволодского-Гернгросса, А. М. Ремизова. Особой заботой было окружено выдающееся по своему библиографическому значению книжное собрание профессора С. А. Венгерова.

Охрана крупных частных собраний книг (свыше 2 тыс. томов) сочеталась с большой работой по выявлению и учету личных библиотек. Впервые в истории отечественного книголюбия в общегосударственном масштабе проводилась регистрация частных библиотек, составлялись сводные цифровые таблицы, подводились итоги предшествующего периода книговладельчества. Эта работа позволила В. Я. Брюсову выступить (в рамках ведомственных докладов) с интересными соображениями, мимо которых нельзя пройти историку книголюбительства, тем более что теоретическими вопросами, смежными с библиофилией, тогда никто не занимался.

[5] История библиотечного дела в СССР, с. 103.

[6] См.: Библиотека русской поэзии И. Н. Розанова: Библиогр. описание/Сост.: В. В. Гольдберг, М. И. Кострова, К. А. Марцишевская и др. М., 1975. 480 с.

Во взглядах В. Я. Брюсова преломились веяния времени со свойственным ему крайним максимализмом суждений. Брюсову казалось, например, что даже охраняемые законом библиотеки остаются в частном распоряжении только временно, «до полного осуществления идеала социализации всех областей жизни»[7]. Когда это произойдет, представлялось В. Я. Брюсову, все личные библиотеки будут заменены публичными. Реальность быстро показала, насколько наивными и скоропалительными были первоначальные представления об отмирании частного книговладения.

Интересны попытки В. Я. Брюсова обосновать средний объем и характер личных собраний разного типа. Используя стекавшиеся в Библиотечный отдел статистические сведения, сообразуясь с собственным опытом, он приходит к выводу, что библиотека специалиста содержит, как правило, до 2 тыс. томов, а библиотека работника высшей школы и «литератора в широком смысле слова» — до 6 тыс. томов. Этими цифрами В. Я. Брюсов и его сотрудники руководствовались при выдаче «охранных грамот».

В. Я. Брюсов решительно отстаивал право работников умственного труда иметь большую собственную библиотеку. Подписанные им «охранные грамоты» (к августу 1919 г., т. е. за первый год своей деятельности, московский Библиотечный отдел (Отдел научных библиотек) Наркомпроса выдал 555 таких грамот)[8] сберегли от гибели сотни частных книжных собраний, которые и стали базой для возродившегося вскоре к активной жизни библиофильства. Определенный толчок развитию книгособирательства был дан и ориентацией В. Я. Брюсова на составление и централизацию подробных описей, каталогов личных библиотек.

Следует иметь в виду, что судьбами частных книжных собраний распоряжался в известной степени и Театральный отдел Наркомпроса. Среди относящихся к его деятельности документов есть один, для нас весьма важный. Это постановление бюро историко-театральной и репертуарной секций от 30 августа 1918 г., где особо подчеркивалось: «Ввиду того, что содержание объединенной определенным замыслом библиотеки не есть механическое присоединение одной материальной ценности к другой, но создание единого, живого и стройного организма, над которым трудятся зачастую люди, мало обеспеченные и отдающие на это дело всю свободную часть своего заработка, как литераторы, ученые и художники, которых нецелесообразно было бы лишать их духовной пищи, признать реквизицию книг нежелательной, ибо частная

[7] Записка заведующего Отделом научных библиотек Наркомпроса В. Я. Брюсова о реквизиции частных библиотек. [От 19 сентября 1919 г.]. — В кн.: История библиотечного дела в СССР, с. 135.

[8] См.: Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти, с. 57; См. также настоящий том, с. 228—230.

инициатива заслуживает в этой области всемерного поощрения...»[9]. В данном решении ответственного советского органа проявляется полное понимание смысла и задач подлинного книгособирательства и книголюбительства. Можно согласиться с К. И. Абрамовым, который считает, что в цитированном выше постановлении получила отражение характерная для Рабоче-Крестьянского правительства позиция[10]. Особую заботу проявило пролетарское государство о книжных собраниях писателей, ученых, деятелей искусства.

В 1918—1919 гг. в широких масштабах происходит перераспределение общенационального книжного фонда. За счет личных коллекций значительно обогатились редкими, ценными изданиями и рукописями государственные хранилища (особенно Румянцевский музей и библиотека Исторического музея в Москве, Публичная библиотека в Петрограде). Интенсивное движение книг наблюдается и внутри частновладельческого сектора[11]. Национализация многих личных собраний, разумеется, заметно обескровила библиофильский рынок, но не смогла лишить его жизнедеятельности. Накопленные любителями запасы произведений печати были еще достаточно велики. От излишка книг приходилось срочно избавляться: на это толкало не только опасение возможной реквизиции (для библиотеки свыше 2 тыс. томов и не имеющей «охранной грамоты»), но и чрезвычайно стесненные в столицах жилищно-бытовые условия. На рынок была выброшена масса старых изданий, которая послужила основой для составления новых личных библиотек.

Поскольку сеть антикварно-букинистической торговли в значительной мере оказалась парализованной, особую популярность приобрели организуемые самими библиофилами аукционы (тематические или смешанные). Такая форма распродажи печатной продукции выполняла одновременно и функцию борьбы со спекуляцией, принимавшей в антикварном мире угрожающие размеры. Далекие от настоящего библиофильства торговцы, воспользовавшись ситуацией, не только взвинчивали цены на уникальные экземпляры, рукописи, но и пытались сбывать их за границу. Аукционы проводились в узком кругу любительскими обществами Москвы и Петрограда. Отмечается небывало активная миграция книг, которые, прежде чем обрести постоянное место в собрании, меняли в короткий срок несколько владельцев.

[9] Цит. по: Мартынов И. Ф. Книга и революция. — Б-ки СССР: Опыт работы, 1967, вып. 34, с. 53.

[10] См.: Абрамов К. И. Библиотечное строительство в первые годы Советской власти, с. 230.

[11] См.: Друганов И. А. Библиотеки ведомственные, общественные и частные и судьба их в советскую эпоху. — Сов. библиогр., 1933, сб. 1—3, с. 185—214; 1934, сб. 2, с. 43—78; 1934, сб. 3—4, с. 127—167.

Новые формы и предметы собирательства. Библиофильская жизнь в 1918—1921 гг., отражая общую картину эпохи, отличалась не только противоречивостью тенденций, но и возникновением новых, прежде неведомых феноменов. К таковым относится, в частности, появление необычного предмета собирательства — авторукописных и литографированных книжек. В статье М. А. Осоргина «Рукописные издания», написанной по горячим следам событий, подробно рассказывается о причинах, породивших это явление.

Трудности с публикацией творческих рукописей, вызванные типографским кризисом, отсутствием бумаги, заставили литераторов пойти на исключительный шаг — легальное распространение своих произведений в автографическом виде. «Почин „рукописного издательства“ в Москве,— сообщает М. А. Осоргин,— сделала Книжная лавка писателей в октябре 1920 г. Первые экземпляры автографов, несмотря на сравнительно высокую по тому времени цену (до 5000 руб. за 6—8 страниц в простенькой самодельной обложке), разошлись немедленно...»[12] К апрелю 1921 г. было зарегистрировано около 220 выпущенных автографов московских писателей (некоторые «вышли» тиражом от 3 до 7 экз.).

В. Г. Лидин, сам принимавший участие в создании подобных книжек, вспоминает о существовании исключительных по внешнему виду рукописных «изданий», предназначенных, бесспорно, для удовлетворения библиофильской страсти покупателей. Такова «Похвала березовым дровам» М. А. Осоргина, написанная на бересте, книжки с аппликациями и загадочными картинками, поделки А. Ремизова с его необычным почерком, стилизованным под рукописную русскую старину[13].

Примеру московских писателей последовали и в Петрограде. Уже весной 1921 г. рукописные «издания» в одном экземпляре продавались там в книжном кооперативе «Петрополис» самими авторами — М. А. Кузминым, Ф. Сологубом, О. Э. Мандельштамом и др. Иногда небольшие брошюры печатались на пишущей машинке в десятках экземпляров. Часто книжечки украшались рисунками, акварелями, гравюрами. Сейчас отдельные, чудом сбереженные экземпляры-уники представляют большой научный, историко-бытовой, художественный и библиофильский интерес[14]. Они разыскиваются государственными книго- и архивохранилищами, высоко котируются в среде любителей.

[12] Осоргин М. А. Рукописные издания. — Среди коллекционеров, 1921, № 3, с. 29.

[13] См.: Лидин В. Г. Друзья мои — книги: Рассказы книголюба. М., 1976, с. 8.

[14] См.: Рудницкий К. Что таят литературные коллекции...— Вопр. лит., 1977, № 4, с. 313—315.

Библиофилы первых советских лет проявляли особый интерес к изданиям, снабженным авторской подписью. Для этого увлечения тогда складывались благоприятные условия. Нередко лишенные возможности распространять свои произведения через торговую сеть, литераторы сами становились продавцами. В московской Книжной лавке поэтов на Арбате можно было получить автограф С. А. Есенина и его товарищей по имажинистскому лагерю. Писателей можно было увидеть не только за прилавком, но и в кафе, на митингах, вечерах. В «Кафе поэтов», разместившемся в конце 1917 — начале 1918 г. в Москве на Тверской улице, продавал свои сборники В. В. Маяковский. Он успешно справлялся с этим делом, украшая экземпляры придуманными тут же остроумными автографами.

Вообще следует сказать, что в 1917—1921 гг. усиливается наметившийся еще в предреволюционное десятилетие библиофильский интерес к новейшей поэзии. Отчасти он подогревался экстравагантностью многих стихотворных сборников, особенно футуристического направления. Рассчитанные на скандал в публике, эти издания выделялись не только соответствующим содержанием, но и внешним оформлением. Эффектная игра шрифтами, фигурно выполненная полоса набора, броские иллюстрации, нарочитое использование вместо бумаги непригодных для данной цели материалов — все это не могло не привлекать к себе внимания.

Библиофильские выставки и издания. Интерес к новейшей поэзии органически переплетался с интересом к современной иллюстрированной книге, которая сразу стала предметом собирательства, к изданиям по искусству и «изящным изданиям» вообще (последние особенно высоко расценивались на аукционах). Коллекционеров классической школы, составлявших библиотеку патентованных редкостей, как отмечалось в тогдашней библиофильской хронике, становилось все меньше. Зато заметно усиливалась тяга к художественно оформленным книгам.

В мае 1918 г. московским отделом Союза деятелей прикладного искусства и художественной промышленности была устроена небольшая выставка «Красивая книга в прошлом». На ней экспонировались старинные иллюстрированные издания XVII — XIX столетий [15]. Расположенная в одном из залов частной гимназии Адольфа, она, несмотря на свой камерный характер, получила неожиданно широкий резонанс. Один из ее учредителей А. А. Сидоров, в то время приват-доцент Московского университета, назвал эту выставку «по существу первой попыткой нашего нового практического книголюбия» [16]. Влечение к «нарядной» книге, к «искус-

[15] См.: Глаголь С. Красивая книга.— Заря России, 1918, 14 мая; Книга, 1918, № 3—5, стб. 82.

[16] Сидоров А. А. Люди и книги 20-х годов.— Кн. обозрение, 1976, 11 июня.

ству книги», к творчеству художников-графиков становится характерной приметой времени.

Уже тогда, невзирая на тяжелое положение в печатном деле, налаживается издание первоклассно иллюстрированных книг, заведомо рассчитанных на библиофильский вкус и спрос. Укрепляется традиция выпуска особых разновидностей экземпляров внутри общего тиража. Так, в конце 1918 г. появилось художественное издание революционной поэмы А. А. Блока «Двенадцать» с рисунками Ю. Анненкова (Пг.: Алконост, 1918). Как вспоминает С. М. Алянский, основатель издательства «Алконост», первый тираж книги, отпечатанный в бывшей типографии Голике и Вильборг, вышел по подписке в количестве 300 нумерованных экземпляров[17]. Из них 25 были раскрашены художником от руки.

Из библиофильских изданий той поры, представляющих собой образцы графического и типографского мастерства, можно назвать также «Бедную Лизу» Н. М. Карамзина с рисунками М. В. Добужинского (Пб.: Аквилон, 1921) и «Семь портретов» Анри де Ренье в переводе М. А. Кузмина и с рисунками Д. И. Митрохина (Пб.: Петрополис, 1921). Первая из них отпечатана тиражом 1000 экз., из них 50 именных и 50 раскрашенных от руки (№ I—L), остальные нумерованы от 1 до 900. Вторая — тиражом 327 экз., из них 25 именных, раскрашенных от руки, 27 — именных, нумерованных от I до XXVII, остальные нумерованы от 1 до 275. Эти и подобные им издания лишний раз свидетельствуют о том, что, невзирая на все трудности переживаемого времени, библиофильство не заглохло. Более того, оно стимулировало обращение к услугам мастеров графики не только частных и кооперативных, но также государственных издательств. Один из главных итогов библиофильства 1920-х гг. А. А. Сидоров справедливо видит в том, что люди, бескорыстно служившие книге, сумели подружить с нею и художников.

Библиофильские общества. Отличительной чертой библиофильства первых советских лет является стремление к организационному сплочению. Владельцы библиотек предшествующего времени были разобщены, лишь узкий круг собирателей встречался друг с другом, как правило, в домашней обстановке. А потребность в общении, во взаимных контактах, искони свойственная книголюбам, росла. Революционные веяния 1917 г. ускорили этот процесс. Рухнули не только социальные перегородки, разделявшие общество в целом. Было покончено с гнетущей психологической атмосферой замкнутости, кастовости, разделявшей людей. Это коснулось и библиофилов.

Первое в Москве содружество книголюбов — Русское библиофильское общество (РБО) возникло по инициативе книговеда Н. М. Лисовского и при активном участии его ближайших помощ-

[17] См.: Алянский С. М. Встречи с Александром Блоком. М., 1972, с. 87.

ников У. Г. Иваска, Л. Э. Бухгейма, Б. С. Боднарского. Осенью 1917 г. был принят и отпечатан устав, в первом параграфе которого задачи общества определялись так: «...культивировать истинную любовь и уважение к книге и содействовать объединению лиц, преданных библиофилии» [18]. Судя по уставу, общество было задумано широко и перспективно. Предполагалось устраивать публичные и частные совещания, чтения, лекции, беседы, съезды, выставки, книжные аукционы, школы и пр., выпускать соответствующие издания и объявлять конкурсы на сочинения по библиофилии с выдачей наград и премий.

Большей части этих замыслов не удалось осуществиться. Обстоятельства времени сковали инициативу учредителей общества. Негде было даже проводить заседания, пришлось перенести их на квартиру Л. Э. Бухгейма. Среди членов РБО мы видим артиста И. Г. Вишневского (он был секретарем общества), издателя А. М. Кожебаткина, художника А. В. Парусинова, юриста С. З. Рохлина, библиофила Г. В. Эпштейна и др. На «товарища председателя» У. Г. Иваска (председателем РБО стал Н. М. Лисовский) одновременно возложили обязанности руководителя издательской комиссии общества и редактора его периодического органа. Но никаких изданий, кроме вышеупомянутого устава, общество не выпустило.

О деятельности РБО сохранилось, к сожалению, мало сведений. Однако это обстоятельство не дает оснований для вывода, сделанного С. П. Фортинским, о том, что Русское библиофильское общество прекратило свое существование «в том же 1917 г.» [19]. Дело в том, что начало деятельности РБО относится к 1918 г. (предшествующие месяцы были заняты решением организационных проблем). В автобиографии У. Г. Иваска [20], отличавшегося скрупулезностью своих записей, даже названа точная дата — 11 (24) марта 1918 г. По-видимому, именно тогда состоялось первое общее собрание РБО. Через две недели, 25 марта (7 апреля), на очередном заседании заслушали доклад Б. С. Боднарского «Библиофилия в ряду библиографических дисциплин», поставивший важную теоретическую проблему [21].

Заседания РБО продолжались и позднее, несмотря на невероятную загруженность основных членов-учредителей. Во второй половине 1918 — начале 1919 г. деятельность РБО прекратилась.

Отсутствие в Москве дееспособной библиофильской организации в определенной степени возмещалось функционированием

[18] Устав Русского библиофильского общества. М., 1917, с. 3.

[19] Фортинский С. П. Московские библиофильские организации 1920—1930 гг.— В кн.: Альманах библиофила. М., 1973, [вып. 1], с. 132.

[20] Хранится в архиве дочери У. Г. Иваска — Е. У. Кульпа (г. Тарту Эстонской ССР).

[21] Подробный анализ доклада Б. С. Боднарского см. в кн.: Берков П. Н. История советского библиофильства, с. 67—68.

Общества любителей старины, которое возникло в 1914 г. и первоначально объединяло в своих рядах лишь коллекционеров художественных ценностей. В 1919—1920 гг., когда в состав общества и его руководящего органа вошли такие крупные деятели книги, как В. Я. Адарюков, Д. С. Айзенштадт, А. А. Сидоров, П. Д. Эттингер и др., круг деятельности общества заметно расширился. Большое внимание уделяется вопросам собирания и изучения редких и ценных изданий. Среди докладов, посвященных библиофилии, следует выделить: «Собирательство в наши дни» И. И. Лазаревского, «Из области коллекционерства» В. К. Трутовского, «Искусство иллюстрации», «Искусство книжного переплета» А. А. Сидорова и др.

С марта 1921 г. начал выходить тесно связанный с жизнью общества ежемесячный журнал «Среди коллекционеров» (первый номер—на пишущей машинке, следующие—литографским способом, и только с № 6—7 журнал стал печататься в типографии). С первого же номера появился в нем раздел «Среди книг», где помещались статьи о библиотеках прошлого и настоящего, летопись повседневной жизни книголюбительских организаций Москвы и Петрограда[22]. Сама история создания и издания журнала «Среди коллекционеров» (1921—1924)—его редактором был И. И. Лазаревский—заслуживает самостоятельного исследования.

Работа Русского библиофильского общества и Московского общества любителей книжных знаков, а также Общества любителей старины, безусловно, подготовила почву для возникновения в столице осенью 1920 г. Русского общества друзей книги (РОДК). Трудно согласиться с утверждением С. П. Фортинского, что РОДК «возникло на пустом месте»[23]. Впрочем, деятельность Русского общества друзей книги в целом относится уже к следующему этапу истории библиофильства в СССР.

Для Петрограда 1917—1921 гг. характерна несколько иная картина библиофильской жизни. Учрежденный еще в 1903 г. Кружок любителей русских изящных изданий с его эстетским уклоном и аристократическим составом членов в условиях революционных событий начала 1917 г., естественно, распался. Необходимость создания иного, покоящегося на демократических принципах библиофильского объединения, осознавалась остро. Уже в 1918 г. по инициативе В. Я. Адарюкова было основано Общество друзей книги (ОДК), которое ставило своей задачей «изучение истории внешности книги и заботы к поднятию ее художественности»[24].

[22] Библиофильской хронике той поры охотно предоставлял свои страницы и журнал «Библиографические известия».

[23] Фортинский С. П. Московские библиофильские организации 1920—1930 гг.— В кн.: Альманах библиофила. М., 1973, вып. 1, с. 132.

[24] Библиогр. изв., 1918, № 1—2, с. 61.

Общество оказалось недолговечным, к тому же его деятельность не соответствовала печатной декларации. Круг проблем, поставленных в докладах членов общества, ограничился преимущественно экслибрисистскими темами. Помимо В. Я. Адарюкова, среди активных членов ОДК следует назвать В. С. Савонько, Ю. Л. Нелидова, С. Н. Тройницкого и др.

Значительной акцией петроградского Общества друзей книги была организация аукциона, проведенного 14—15 мая 1918 г. в помещении Общества поощрения художеств. Памятником этого события осталась брошюра «Роспись книгам и книжным знакам, назначенным в аукционный торг...», в которой зарегистрировано 400 названий. На аукционе продавалось несколько небольших коллекций русских книжных знаков.

Интерес к книжному знаку. Экслибрисистский профиль первой советской библиофильской организации в Петрограде нельзя считать случайным. Напротив, здесь выразилась одна из типичных примет данного периода. В 1917—1921 гг. отмечается резкий взлет интереса к вопросам коллекционирования и научного изучения книжных знаков.

Первые свои шаги отечественная экслибрисистика сделала в самом начале века, когда У. Г. Иваск, пионер в собирании и исследовании книжных знаков в России, создал ряд серьезных трудов в этой области[25] и вместе с единомышленниками основал Московское общество любителей книжных знаков (1905—1907). Увлечение, сблизившее поначалу нескольких энтузиастов, быстро нашло сторонников среди книголюбов обеих столиц.

В связи с появлением на книжном рынке целого ряда книг из частных библиотек, в обращении оказалось множество трудно находимых ранее книжных знаков. Это стимулировало создание новых коллекций и активизировало экслибрисистское движение. Возросший спрос на книжные знаки не замедлил сказаться на букинистическом рынке: петроградские антиквары, например, взвинтили цены на знаки до 10 руб. за штуку.

Экслибрисистика представляла собою в ту пору особую отрасль библиофильства. Одни и те же лица участвовали в работе как собственно библиофильских, так и экслибрисистских организаций. При изучении экслибрисов на первый план выдвигалась историко-книговедческая задача.

Признанным главой в мире исследователей книжных знаков продолжал оставаться У. Г. Иваск. Ему удается напечатать третий выпуск своего фундаментального труда «Описание русских книжных знаков» (М., 1918) в издании антикварного книжного магазина «Библиофил», владелец которого — И. П. Сотников — был сам завзятым собирателем экслибрисов. Любопытно, что,

[25] См.: Удо Георгиевич Иваск (1878—1922): Указ. лит./Сост. Е. У. Кульпа-Иваск; Под ред. О. Г. Ласунского. Воронеж, 1973.

аннотируя те или иные книжные знаки, автор приводит новейшие (вплоть до апреля — мая 1918 г.) сведения о судьбах библиотек. Таким образом труд У. Г. Иваска приобретает значение своеобразного источника по предыстории советского книголюбительства.

Весной 1919 г. У. Г. Иваск предпринял попытку создать заново Московское общество любителей книжных знаков (МОЛКЗ). Об этом в исследовательской литературе говорится неточно или вообще умалчивается.

Несмотря на то, что пост председателя общества занял В. К. Трутовский, фактическим его организатором и душой был У. Г. Иваск. С его отъездом в сентябре 1920 г. в Эстонию жизнь в обществе замерла. Возродилась она только в начале 1921 г., когда в состав Московского общества любителей книжных знаков вошли такие инициативные люди, как В. Я. Адарюков, А. А. Сидоров и др. Собрания проходили в том же помещении (бывший Английский клуб), где заседали члены Русского общества друзей книги. Многие лица состояли одновременно участниками обоих содружеств, и потому нет ничего удивительного в том, что с 1925 г. Московское общество любителей книжных знаков было реорганизовано в Секцию по изучению книжного знака при РОДК и в качестве таковой просуществовало до 1929 г.

Провинциальные центры библиофильства. В первые советские годы наряду с давно сформировавшимися столичными очагами библиофильства появляются и провинциальные центры книголюбительства. Наиболее интересным оказалось казанское «библиофильское гнездо», центральной фигурой которого был искусствовед П. М. Дульский. Необычайно энергичный и многогранный в своих занятиях, он сумел, вместе со своим учеником П. Е. Корниловым, организовать всю художественно-библиофильскую жизнь Казани. Он участвовал в становлении местного музейного и издательского дела, выпустил серию брошюр, посвященных книжно-журнальной графике. В его деятельности нашла отражение тенденция сближения книговедения и искусствознания [26].

П. М. Дульский входил в редакционную коллегию журнала «Казанский библиофил» (в 1921 — 1923 гг. вышло четыре номера). Несмотря на свое название, журнал ориентировался в большей степени на библиографию, чем на библиофилию. Объясняется это тем, что издателем был Казанский библиографический кружок друзей книги, учрежденный в октябре 1920 г. при Казанском отделении Госиздата, а затем и сам Госиздат Татарской АССР (Татгосиздат). И все же в летописях советской библиофилии казанскому журналу принадлежит почетное место: на его страницах было напечатано немало ценных, примечательных материалов, среди авторов которых мы видим П. М. Дульского, П. Е. Корни-

[26] См.: Петр Максимилианович Дульский. Заслуженный деятель искусств ТАССР. 75 лет со дня рождения. [Каталог выставки].— Казань, 1954. 12 с., ил.

лова, В. Я. Адарюкова и др. Обращает на себя внимание своей лирической проникновенностью этюд М. И. Лопаткина «Старая книга. (Штрихи из истории книги)»[27]. «Казанский библиофил» остался единственным в своем роде памятником периферийной периодики[28].

* * *

1917—1921 гг.— истоки того исключительно яркого культурно-общественного явления, которое мы именуем советским библиофильством. Оно прошло большой, сложный и в целом плодотворный путь. Чтобы оценить в должной мере достижения и неудачи библиофильства, необходимо с пристальным вниманием отнестись к первым, стартовым годам нашего книголюбительства. Уже тогда закладывались основы советского библиофильства, зарождались такие его принципиально новаторские черты, как коллективизм, внимание к современности, тяготение к науке о книге.

Совершившаяся в октябре 1917 г. пролетарская революция предоставила народу не только материальные, но и духовные богатства. Проводником социалистической идеологии и морали стала книга, новая по содержанию и, отчасти, по своей внешней форме. Увлечение этой книгой породило особый, советский тип библиофила, который наиболее полно разовьется в 1920-е гг. и далее, уже в наше время. Книголюбительство стало неотъемлемой частью общего строительства социалистической культуры.

[27] См.: Казан. библиофил, 1921, № 2, с. 18—24.

[28] О «Казанском библиофиле» см.: Аристов В., Ермолаева Н. Все началось с путеводителя... Поиски литературные и исторические. Казань, 1975, с. 161—172.

Список иллюстраций

Искусство книги

Становление советского книгораспространения

Становление советского библиотечного дела

Становление советской библиографии

Частные собрания и библиофильство

Оглавление

ИСТОРИЯ КНИГИ В СССР
1917—1921

Том 2

Зав. редакцией *Е. В. Иванова*
Редакторы *О. В. Сергеева, И. А. Бахметьева*
Художник *Н. Я. Назарова*
Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*
Технический редактор *З. С. Мочалина*
Корректор *Т. Я. Воронкова*

ИБ № 1337. Сдано в набор 31.10.84 г. Подписано к печати 11.05.85 г. А07610. Формат 60×90/16. Бум. тип. № 1 70 г. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18,0+1,0. Усл. кр.-отт. 20,5. Уч.-изд. л. 20,40+1,13. Тираж 12 000 экз. Изд. № 2997. Заказ 2276. Цена 1 р. 70 к.

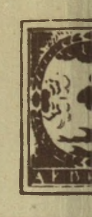
Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50.

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
129243, Москва, ул. Мало-Московская, 21.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАДСКОГО
СОВДЕПА

КУЛЬТУРНО ПРОСВЕТИТЕЛЬНОЕ КООПЕРАТИВНОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
«НАЧАТКИ ЗНАНИЙ»
ПЕТРОГРАД

ЦЕНТРОПЕЧАТИ

ОТДЕЛ
ПЕЧАТИ И ИНФОРМАЦИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВДЕПА

К.С.С.Р.
Р.Ф.
ЗНА-НИЕ СИЛА
ГОСИЗДАТ

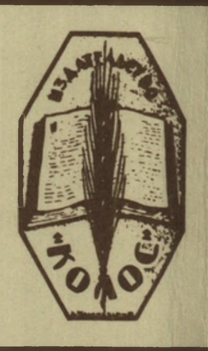

ИЗД
ПРОЛЕТКУЛЬТА

БЫЛОЕ

Р. и К. Д.

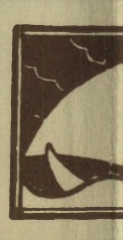

ОТДЕЛ ОХРАНЫ МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА
НАРКОМЗДРАВООХРАНЕНИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
КОЛОС

ЗНАНИЕ СИЛА
Р.С.Ф.С.Р.
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВСЕУКРАИНСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

ЗАДРУГА

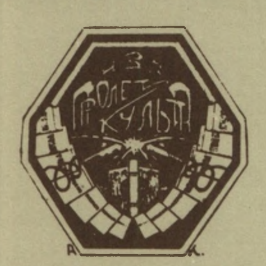
ПЕТЕРБУРГЪ.
1917.

ЛИТЕРАТУРНО-ИЗДАТЕЛЬСКИЙ
ОТДЕЛ
ПОЛИТОТДЕЛА · ЗАПАДНОГО ·
ФРОНТА

ИЗДАНИЕ
РЕДИЗДАТА
УКРАУРА
1921 : :

